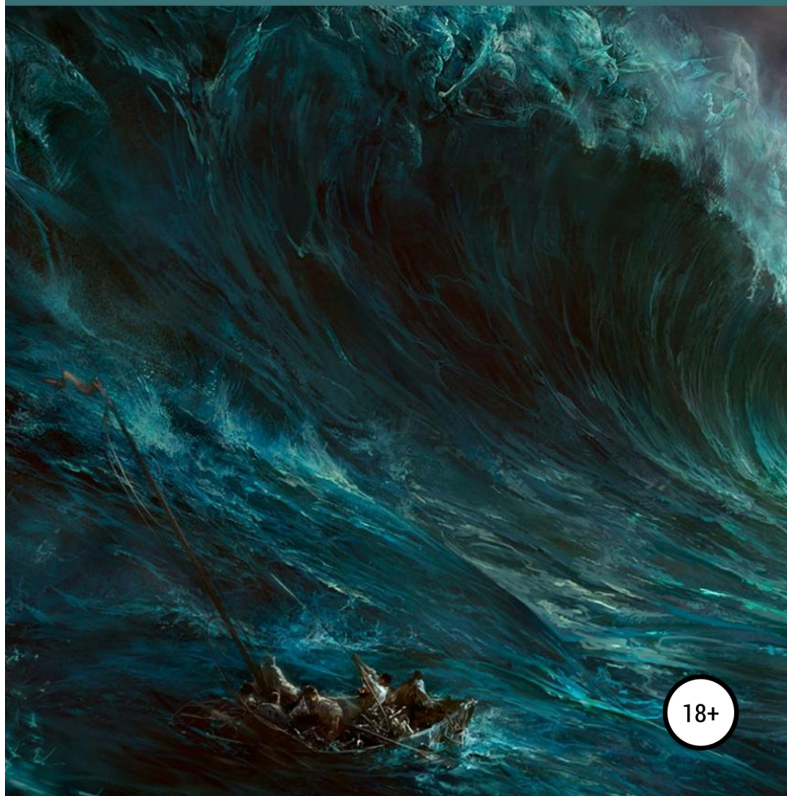

Олег Фурашов

Разбегающиеся миры

(или Вселенская толкотня локтями)

18+

Олег Владимирович Фурашов

Разбегающиеся миры, или Вселенская толкотня локтями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64862097

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга могла бы называться "Тридцать лет спустя", ибо в ней повествуется о том, какой станет Россия и человечество в относительно недалёком будущем. В техническом плане прогресс разителен... В нравственном – проблемы видоизменились, но стоят ещё более остро. Нарастает противостояние общества, власти, криминалитета. Однако добро обязано победить. Ценой немалых жертв. Ведь само по себе оно не существует. Его носителями всегда являются конкретные люди. Они – герои этой книги.

Содержание

Олег Фурашов

Разбегающиеся

миры, или Вселенская

ТОЛКОТНЯ ЛОКТЯМИ

Все события в романе выдуманы,
все совпадения случайны.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БУДЕТ ТАК, КАК Я ХОЧУ!

Глава первая

1

Ранним июньским утром (для гуманитариев студенческое утро начинается часиков, эдак, с десяти) первокурсник юридического факультета Московского государственного университета Тихон Заковыкин отправился в отдел книгопользования Российской публичной библиотеки, по давней традиции, именуемой в просторечии «Ленинкой». В принципе, для студента образца середины двадцать первого века при-

бегать к книжной помощи было делом, мягко говоря, старомодным и затратным по времени. Куда как проще было «скачать» искомую информацию, например, из интернета, как из традиционного, но устаревшего и не всегда надёжного глобального электронного ресурса. Да вот незадача, Тихон был образчиком дотошного и ответственного ученика, который вознамерился писать в реферате по римскому праву о племени этрусков.

Между тем, пресловутые этруски на правах аборигенов обитали в окрестностях будущего Рима аж на заре первого тысячелетия до нашей эры. И в этой ситуации полагаться на «всемирную компьютерную паутину», которая была слишком далека от первоисточников, Заковыкин не счёл возможным. Вот таким образом «несчастный вагант» сам себя обрек на прозябание в библиотеке.

Вагантом Заковыкин звал себя потому, что он не принадлежал к избранному сословию коренных москвичей. Тихон родом был из Перми, а в МГУ поступил учиться в прошлом году благодаря победе на всероссийской олимпиаде. Это про таких как он «постоянные» (со времён не столь отдалённых) столичные жители недовольно шипели: «Понаехали тут!»

«По уши» обложившись в читальном зале допотопными монографиями, «студиоз» силой разума пронзал «глубь веков». Он уже почти вжился в образ исчезнувших этрусков, однако его из этого состояния произвольно вывел свёрнутый вчетверо листок бумаги, забытый кем-то между книж-

ных страниц. Тихон машинально развернул его и обнаружил, что к нему попала записка.

«Милая-милая Диана! – прочёл он про себя. – Пишет тебе Милена. Из-за стечения невысказанных жутких обстоятельств я не могу ни позвонить тебе, ни встретиться с тобой... Мы с Гошей влипли в дрянную историю!...»

Студент приостановил чтение, испуганно перевернул записку тыльной стороной вверх и воровато оглянулся по сторонам: не обратил ли на него внимание кто-либо из читателей? Нет, всё было спокойно. С минуту поколебавшись по поводу того, допустимо ли знакомство с посланием, адресованным вовсе не ему, Тихон уступил презренному любопытству и продолжил сомнительное занятие.

«...Каждый наш шаг под контролем..., – писала неведомая Милена. – Возможно, нас вывезут за кордон! Всё из-за какого-то Гошиного изобретения – быть может, связанного с сюрмом... Или из-за атона... Всё бы ничего, если бы не маленький Кешенька у меня в животике. Никого так не люблю и ни за кого так не переживаю, как за него! Лишь бы не родить преждевременно... Но если что, живой этим бандюгам я не дамся – ты меня знаешь!... Что с нами троими дальше будет, и сколько нам злой рок намерял испытаний – даже не знаю. Обращаюсь к тебе в надежде...»

Записка, как и предписывают законы детективно-эпистолярного жанра, обрывалась на наиболее интригующем месте.

Пермяк перечитал странное послание вторично, определяясь с тем, как быть дальше. Не следует забывать, что Заковыкин учился на юриста. Потому Тихон аккуратно, не пятная бумагу отпечатками собственных пальцев, тщательно, и сперва визуально, исследовал записку. Почерк действительно принадлежал молодой женщине: нервный, порывистый, дёрганный, но женский – с теми красивыми плавными округлостями и переходами, что так пленяют мужской глаз. А импульсивность и категоричность письма выдавали юную натуру и остроту ситуации, в которой послание сочинялось. Да и стилистика текста – тоже. И романтично настроенный Заковыкин даже подумал, что если девушка наяву столь же хороша и чиста, сколь преданной женской чести и женской доле она предстаёт заочно, то он за одно это, пожалуй, влюбился бы в неё. Незнакомая Милена, видимо, отнюдь не принадлежала к тому племени легкомысленных вертихвосток и самовлюблённых трещоток, в коих превратилось большинство современных представительниц слабого пола.

Поверхность листка отдавала непорочной белизной, была свежа, почти нетронута (если отвлечься от текста), и студент пришёл к выводу, что запись сделана не далее как вчера, а то и непосредственно перед его приходом. Приняв во внимание данную версию, Тихон явно затянул с уходом из читального зала, наивно рассчитывая, что загадочная незнакомка спохватится и вот-вот вернётся за пропажей.

Потому он без суеты осмотрел монографию про этрусков.

Том научной литературы, в отличие от записки, был изрядно потрёпан. На внутренней стороне его обложки имелся кармашек с карточкой пользования книгой. Достав оттуда карточку и пробежав глазами отметки, сделанные библиотекарями, следопыт установил последнюю из них, датированную аж 16 декабря 1999 года. Выходило, что книгу не брали в руки пятьдесят четыре года – явная неувязка, ведь записку-то в неё вложили совсем недавно! Или, быть может, автор послания неведомой Диане просто-напросто работал в «Ленинке» и имел доступ к анналам в любое удобное время и без оформления документации?

Поскольку предположение новоиспеченного детектива на скорое возвращение за листком таинственной фемины не оправдалось, Заковыкин заспешил: ведь риск несчастья с девушкой и ещё неродившимся Кешкой, как следовало из записки, ежесекундно возрастал в геометрической прогрессии. Студент поместил записку в полиэтиленовую обёртку, засунув пакетик в нагрудный карман рубашки. Затем он сгрудил книги и понёс их к стойке выдачи.

Стопку исторической литературы Тихон сдавал пожилой сотруднице «Ленинки», у которой на груди был приколот бейджик с надписью: «Старший библиотекарь Кукушкина Анна Ивановна».

– Анна Ивановна, – тактически грамотно обратился он к ней, – извините, а не могли бы вы позвать Милену?

– Милену? – переспросила та.

– Именно.

– А-а... В нашем отделе никакая Милена не работает.

– Да-а... А в другой смене?

– Кгм... И в другой смене – тоже. А в чём, собственно, дело?

– Да понимаете, – исхитрился с выходом из щепетильной ситуации пермяк, – мне порекомендовали обратиться к Милене как к знатоку этрусской культуры. Кое-что я подобрал по каталогу, да всё не то. Старьё. Вот эту монографию последний раз вообще читали в 1999 году, представляете?! – раскрыл он книжку, в которой нашёл записку, и ткнул пальцем в кармашек с карточкой.

– Дата на карточке, молодой человек, ещё ни о чём не говорит, – ворчливо возразила ему Кукушкина. – Мы уже давным-давно такие отметки не проставляем. И потом, о-хо-хо, о ценности книги, как и о человеке, судят отнюдь не по возрасту, – со вздохом добавила она.

Должно быть, библиотекарь под безымянным недооценённым человеком имела в виду себя. Впрочем, Заковыкин не обратил никакого внимания на её сентенцию. Его огорчило то, что идентификация личности неведомой Милены становилась крайне проблематичной.

– То есть, вы хотите сказать, что монографией могли пользоваться и сегодня, и вчера? – методично устранял Тихон неясности.

– ...И позавчера, и позапозавчера, – в тон ему ответила

Анна Ивановна.

– Жаль, – понурился юный читатель. – Очень жаль. Всего доброго.

И он направился к выходу, не зная, что ему дальше делать.

Но

предпринять нечто экстраординарное было необходимо.

2

И пока Заковыкин выходил из библиотеки, а затем рассеянно плёлся по улице, подвернулся момент рассказать о нём поподробнее. У Тихона имелся замечательный друг – дедушка Егор. Правда, старшие сёстры Тихона, пока младший брат жил с ними, на сей счёт придерживались иного мнения. По причине крайней отсталости некоторых жизненных взглядов деда они иногда желчно обзывали предка и кладбищем окаменевших идей, и старорежимным мракобесом, и осколком прошлого, и кое-как ещё.

Так вот, дед Егор, этот самый «осколок прошлого», обо-жал поговорку про то, что «кошка шкребёт на свой хребёт». Изрекал он её в тех случаях, когда кто-то настырно и по глупости искал приключений на «щекотливые места свои» или неугомонно «напрашивался на комплимент» в виде солёного мужского словца. И так уж получалось, что чаще всего старик подобным образом предостерегал внука. Причём предостерегал не зря, ибо не столько бедовый, сколько непутёвый

Тихон подчас совершал опрометчивые поступки и вёл себя подобно той пресловутой кошке...

Так, однажды семилетнего Заковыкина-младшего родители отправили в питомник по разведению кошек, расположенный неподалёку от их дома. Тихон, стремившийся утвердить свою самостоятельность, сам на том настоял. В питомнике ему предстояло купить уже отобранного породистого персидского котёнка за оговорённую с заводчиком Васькиным солидную сумму. Причём, расчёт стороны сделки договорились совершить допотопным наличным способом (налогообложение, знаете ли).

Скорее всего, миссия Тихона завершилась бы успешно, если бы он пошёл кружной дорогой – улицей Куйбышева. Однако мальчуган решил сократить путь, и двинулся через большой пустырь, поросший деревьями и кустарником.

Минуя глухой угол пустыря, Заковыкин-младший натолкнулся на дяденек, сидевших на корточках вокруг занимавшегося костра, над которым висел котелок с водой. Один из дяденек точил на оселке нож. Подле мужиков жалобно скулил и потягивал пушистый щенок, привязанный верёвкой к осине.

– А что собачка плачет? – остановившись, с сочувствием осведомился Тишка. – Заболела, да?

– Смертушку близкую чувствует, вот и воет, – лениво откликнулся на вопрос дяденька, руки и плечи которого были сплошь разукрашены непонятными тёмно-синими рисунка-

ми.

– Умирает? – дрогнул голосок у мальчугана.

– Хым, чуть-чуть уже осталось, – хмыкнул его собеседник под хихиканье наперсников. – Ща суп из неё сварганим, вот она и отмучается.

– Из собачки су-уп? – переспросил Заковыкин-младший, полагая, что ослышался, настолько кощунственно прозвучала фраза. – Из собачки суп не варят!

– Ещё как варят, мой юный друг Пак Ван Шмяк! – заверил его противный дядька уже под гогот сброда. – Ты вот, пацанчик, пока айда, поиграй в песочнице, а опосля к нам подваливай: такой ништяковый супец похлебаешь – геморрой и туберкулёз, как рукой снимет. Га-га-га!

– Из собачки суп не варят! – надув пухлые губы, запальчиво выкрикнул «пацанчик»...

В общем, вместо запланированной четверти часа, Тишка отсутствовал дома почти час. Да и возвратился он не только без перса-аристократа, но и без денег. Легко себе вообразить беспредельное изумление части его домашних, больше смахивавшее на семейную истерию, когда вместо роскошного котёнка-сибарита он любовно втащил в квартиру беспородного щенка-дворянгу, выкупленного у странных дяденек с разрисованными как у индейцев телами. «Это наш Дружок!» – любовно представил он нового члена семьи.

Разузнав обстоятельства непредвиденной покупки, рассерженные сёстры и разъярённый отец, готовый пустить в

ход ремень, поносили Тишку почём зря, и только дед, мама и потягивающий Дружок решительно встали на сторону мальчугана. Если бы не их заступничество, то порка оказалась бы неминуемой.

Или достаточно вспомнить казус из менее давнего прошлого,

когда Тишка, будучи уже второклассником, вступился за новенькую ученицу Леночку Пушкикову перед Стёпкой Колупаевым, который пошёл в школу, будучи годом старше. Верзила Колупаев тогда ему основательно «наколупал», но и поборник справедливости мало в чём грубияну уступил, также наподдавав ему. Буянов сумела разнять лишь учительница Лариса Михайловна. Она, разобравшись в причине драки, Стёпку отругала, а заступника слабых, в награду за разбитый нос, посадила за одну парту с красавицей Пушкиковой.

Наведя порядок, Лариса Михайловна объявила классу:

– Ребята! Тема нашего сегодняшнего занятия – Урок Мужества! Я долго думала, с чего мне начать нашу беседу, а само собой получилось, что пример нам всем подал Тихон, не давший в обиду девочку...

До середины занятия Заковыкин довольно сопел саднящим носом, пока не ощутил нестерпимые позывы в туалет. Тишка так и не осмелился отпроситься у Ларисы Михайловны, чтобы сходить «по маленькому». Ему было совестно перед ней, а равным образом одолевал стыд перед Леночкой и остальными: ведь только что он почти победил Стёпку, и

вдруг – пописать. Не героически как-то. В результате Тихон, к вящему ужасу Леночки и к своему собственному сраму, на Уроке Мужества «сделал лужу». Благо, что сидел «герой» у стены, и никто не увидел его «мокрый подвиг», а соседка по парте с женской целомудренностью сдержала рвущиеся наружу эмоции. Однако, позор жёг душу Тихона за ту оплошность по сей день.

И вот нынче, много лет спустя, уж который раз произошло так, что изрядно повзрослевший внук деда Егора вновь взялся за старое – опять принялся «скрести на свой сколиоз». Он однозначно втягивался в какую-то тёмную историю.

3

Тихон недолго пребывал в состоянии умозрительного ступора. Уже на подходе к станции метро «Арбатская» он сделал вывод, что надо обращаться в полицию. Увы, сначала в близлежащем транспортном отделении внутренних дел, а затем в территориальном отделе, куда он последовательно направлял свои стопы, его поднимали на смех. Стражей порядка вовсе не пугала перспектива, обрисованная мифической Миленой в послании Диане.

В итоге, в поисках истины парнишка добрался аж до Петровки, 38. И уже при подходе к комплексу зданий легендарного московского уголовного розыска его вера в светлые идеалы была несколько поколеблена, ибо он стал свидетелем то-

го, как пара патрульных полицейских тащила по тротуару пьяного мужика, которому они на ходу выкручивали руки.

– Вы ч-чѐ, волки! – изворачиваясь ужом, ругался тот. – Руки же ломит!

– Ломит? Должно быть к непогоде! К дождю! Старые раны ноют!... – наперебой придумывая отговорки, хохотали конвоиры.

В уголовном розыске, куда настырный Тихон сумел пробиться, к его корреспонденции также отнеслись с аналогичной несерьёзностью.

– Вот когда твою Милену... Как там, в письмишке-то накарябано?... «Вывезут за кордон»? – сидя за канцелярским столом, ёрничал разбитного вида капитан средних лет, у которого морщин на лбу, свидетельствующих о мыслительной деятельности, было меньше, нежели у иного компьютерщика на ягодицах. – Вот когда её вывезут, тогда и приходи – в Интерпол, в Брюссель.

– Ты, парень, в натуре приволок совсем чѐрт те чѐ, а у нас до бандюг ручоночки не доходят!

Это уже вторил капитану, развалившись в кресле, его сослуживец в штатской одежде, у которого верхние конечности и в самом деле едва-едва достигали паха. Потому пермяк про себя и окрестил его Короткоруким.

На стене за спиной у Короткорукого красовался плакат с многообещающим афоризмом: «То, что вы на свободе – не ваша заслуга, а наша недоработка». Сия лаконичная надпись

весьма ощутимо остудила пыл юного посетителя, готового вынести полицейским чинушам суровую хулу типа: «Мусорги вы бесчувственные!» И потому у него лишь произвольно вырвалось сетование на невезение:

– Да что за чёрная полоса?!

– Ага, а дальше полоса белая, а сразу за ней – уже зона. Тоже полосатая. Режимная! – съязвил капитан.

Раздражённый бесполезной многочасовой беготнёй по бюрократическим инстанциям, выведенный из себя тупостью чиновничьей, Заковыкин с жалостью исполина, взирающего на пигмея, посмотрел на малахольное человеческое убожество, рассевшееся перед ним, и, не стерпев, вскипел:

– Головастики вы с пониженной активностью! Обратни вы ленивые! Зомби вы недоделанные!

Ан завопил Тихон не во всю мочь. Сдерживаясь. Скорее, даже негромко. Точнее, почти тихо. Можно даже сказать, про себя. Короче, так, что никто и не услышал. В общем, как выразился один мудрый человек: мысли про себя – совсем не то, что мысли вслух. Зато кабинет правдоискатель покинул эффектно, протестуяще хлопнув дверью.

– Да пош-шёл ты! – выкрикнул вслед ему субъект с малокалиберными ручонками.

И студент усвоил, что в его положении воистину благоразумнее последовать совету Короткорукого. И он пошёл. Пошёл «вдоль по Питерской», то бишь – вдоль по Петровке. При этом Тихон вовсе не превратился в праздношатающе-

гося, ибо душа его настырно и неустанно искала выход из тупика. Тогда он прибег к крайнему средству: по мобильнику связался с дедом Егором. Ведь до выхода на пенсию тот работал заместителем прокурора Пермского края. И пусть с той поры минуло немало зим и вёсен, старые связи у предка должны были сохраниться.

«Резерв верховного главнокомандующего» сработал: всего через полчаса после разговора с дедом, Заковыкина посредством всё той же сотовой телефонной связи пригласили на беседу. И пригласили не куда-нибудь, а в Технический переулок – в Следственный комитет России.

На проходной органа федерального значения о неугомном паренёке уже были осведомлены. Там ему по студенческому билету выписали пропуск, а дежурный препроводил его до самого кабинета, на дверях которого висела табличка с надписью «Следователь Затыкин Г.Г.». Хотя фамилия следователя не дарила радужных перспектив, а инициалы и во все звучали не благозвучно, студент после вмешательства деда, пробившего брешь в сплочённых рядах бюрократов, был настроен вполне мажорно и плохого про «Гэ-Гэ» не думал.

Затыкин оказался молодым мужчиной лет двадцати пяти, степенно отрекомендовавшийся Геннадием Геннадьевичем. И пусть минула, вероятно, всего-то пара годков, как Затыкин закончил юридический факультет, но держался он не без апломба: беспрестанно тёр ладонью лоб, устало шу-

рил глаза, разминал пальцами затёкшую шею и всем своим видом демонстрировал нечеловеческую утомлённость и занятость. Однако посетителя сотрудник комитета выслушал «от» и «до», не перебивая, внешне внимательно и лояльно – должно быть следовал установке, полученной свыше.

– Таким образом, – азартно сверкая глазами, завершал изложение перспективной версии Заковыкин, вдохновлённый внешне выраженным интересом собеседника, – налицо, как минимум, незаконное лишение свободы этой самой Милены и её будущего ребёнка, а как максимум – реальная опасность для их жизни. И в том, и в другом случае надо срочно возбуждать уголовное дело и хватать пока неизвестных злоумышленников. Промедление – смерти подобно! – в завершение блеснул он разом и юридической и исторической эрудицией.

– Ну, так уж сразу и хватать? – корректно выразил сомнение следователь, когда Тихон умолк. – Даже оставляя в стороне отсутствие как заявления от Милены, так и самой Милены, – невольно чуть-чуть копировал «Гэ-Гэ» стиль аргументации юного оппонента, – нельзя игнорировать то, что отсутствуют факты совершения самого деяния. Где оно, деяние? Не исключено, что писулька, всего-навсего, плод чьего-то воспалённого воображения. Или результат обчитавшегося книгочоя. Или вымысел какого-то графомана... Где само противоправное деяние, если Милена свободно разгуливает по библиотекам и черкает писульки? Ну, не бандюганы

же, коих она поминает, подкинули записку в книжку!?

– Э-э-эх-ма..., – несколько растерянно промямлил правдоискатель.

Дальше, – выдержав торжествующую паузу, с измождённым видом помял пальцами затёкшую шею чиновник. – На лицо логическое противоречие: то автор текста утверждает, что каждый шаг под контролем, то угрожает самоубийством. И потом, вы обратили внимание на тон записки? На эту картинную аффектацию экзальтированной девицы? Чуть ли не через каждое слово – многоточие, восклицательные знаки. Лирика. Перед самоубийством так не... Так не изъясняются.

– А-а... А вот и изъясняются! – обретая себя, не без экспансивности продолжил наседавать на Гэ-Гэ самозванный детектив. – Вспомните Есенина. Он же аккурат перед смертью написал одно из лучших своих стихотворений – «До свиданья, друг мой, до свиданья!»

– Так то – Есенин, – умудрённо усмехнулся Геннадий Геннадьевич. – Склоняюсь к тому, что ваша Милена, если она вообще-то не фантом, благополучно будет здравствовать ещё сто лет, по причине выдуманности вами конфликта. Трагедией... Да что там трагедией – даже драмой здесь не пахнет...

– Пахнет, ещё как пахнет! – с патетикой, достойной разве что экзальтированной девицы, перебил его Тихон. – Вообразите, что завтра тело Милены обнаружится где-нибудь в Москве-реке, в Склифе, или в каком-нибудь морге... А я

ведь вас предупреждал!

– Да бросьте вы пугать стреляного воробья, – свысока отмахнулся Затыкин. – И потом...И потом, – казалось, колебался он, – ну, предположим на минутку, что поддался я вам и возбудил дело...Что дальше? Каким образом сыскать вашу...кхе-кхе...потерпевшую в двадцатимиллионной Москве? А если она, то бишь Милена, не москвичка, а какая-нибудь варшавянка? А если она любительница не только Гоши, но и Древнего Рима? И прилетела почитать книжку про этрусков из какой-нибудь Канберры, а?

– Я уже всё продумал, – обрадовано усилил нажим Заковыкин, уловив подобие нерешительности в поведении визави. – Я всё продумал. Да, конечно, есть дохленькие зацепки про то, что она, скорее всего, студентка, и не просто студентка, а студентка-иностранка из Чехии, и что она беременная...Но всё это – частности, требующие долгой и малопродуктивной проверки. А вот отпечатки Милениных пальцев на записке – дельный вариант. При уровне современной криминалистической техники и всеобщем дактилоскопировании населения, шансы на успех близки к ста процентам. Я же умышленно листок вложил в целлофан, чтобы на нём не наследили ни я, ни начальник линейного отделения, ни капитан из МУРа, ни вы. Выполнит исследования специалист – и финиш!

– Вы забыли о той малости, что для производства дактилоскопической экспертизы требуется возбуждение уголовного

дела, – лениво зевнув, проговорил сотрудник комитета, – а для принятия такого ответственного шага достаточные данные отсутствуют.

– Гос-споди! – всплеснул руками студент. – Одним делом больше, одним делом меньше: да возбудите – и всё!

– А конституционные права граждан? – резонно заметил следователь. – Та же Милена заявления не подавала и согласия на манипуляцию с отпечатками её пальцев не давала.

– Давайте проведём с вами оперативное исследование, – как бы между прочим, ненавязчиво причислил Тихон себя к коллегам Гэ-Гэ.

– Комитет непосредственно сам не занимается оперативно-розыскной деятельностью, – высокомерно поправил его тот.

– Да ведь можно же исследования провести так!... – воскликнув, в нетерпении щёлкнул пальцами Тихон, подыскивая нужное словцо. – Это... Подпольно! Я знаю, некоторые так делают, а потом возбуждают дело и проводят экспертизу уже легально.

– Вы что же, предлагаете мне злоупотребить служебным положением?! – аж на стуле подпрыгнул Затыкин, мигом сообразив, что на «проколе» неуёмного ходатая он может отыгаться сполна. – Вы мне предлагаете нарушить уголовно-процессуальный кодекс? Ну, знаете!... О вашей недостойной этой... о вашей каверзе я вынужден буду доложить по инстанции. А уж моё руководство пусть само решает, зво-

нить ли вашему дедуле в Пермь.

– Да бога ради! – озлился Заковыкин. – Звоните хоть самому чёрту!

– Будьте уверены, и в университет сообщим, – позлорадствовал Геннадий Геннадьевич.

– Да сообщай! – перешёл в общении с Затыкиным на «ты» Тихон. – Так и скажи, что неохота. Баклуши бить куда как легче... Чинуша! – с обидой выпалил он, хватая со стола записку и выскакивая из очередного негостеприимного кабинета. – Без вас обойдусь... Сам раскопаю!

– Пропуск! Пропуск возьми, пермяк – солёные уши! – не без злорадства выкрикнул ему вслед «Гэ-Гэ». – Так ведь тебя не выпустят.

Заковыкин бесцельно брёл по Москве – куда глаза глядят, и про себя возбуждённо продолжал спорить с Затыкиным. Постепенно он остыл и вынужденно признался, что в дебатах со следователем хватил лишку: теперь и ему в университете нагорит, и деда Егора он «подставил», и экспертизу «за здорово живёшь» никто проводить не станет. А без неё преступления не раскроешь. В том, что преступление совершенно, Тихон ни на йоту не сомневался.

И тут точно вспышка озарила его мозг! Она возникла в тот момент, когда он смотрел на лазерную рекламу на одной из высоток Москва-Сити. От радости студент даже произвёл два резких выпада, изображая апперкот и хук слева, как

бы нанося разящие удары воображаемому сопернику. «Боем с тенью» он до полусмерти напугал, сам того не заметив, встречную бабульку, которая, отшатнувшись и прильнув к стене, застыла в позе страуса, впавшего в протрацию.

Восторг юноши объяснялся тем, что в его памяти вдруг всплыли два прелюбопытных фрагмента текста записки, представившиеся в неожиданном и новом свете. Теперь Заковыкин был почти уверен, что сам, без всяких там Гэ-Гэ, установит личность Милены. Или Гоши. Или их обоих.

Единственное, что теперь огорчало его, так это то, что реализацию задумки приходилось отложить на завтра – столицу уже окутывали густые сумерки.

Глава вторая

1

Если в Москве ночь уже вступала в свои права, то в Вашингтоне насыщенный рабочий день политиков был в самом разгаре. Наступление ланча предваряло чрезвычайно важное совещание, которое избранный президент Соединенных Штатов Америки Соня Чемберлен проводила в Овальном кабинете Белого дома. В заседании участвовал узкий круг приглашённых лидеров демократической партии: помощник президента по вопросам национальной безопасности Джон Маккой, директора ЦРУ и ФБР Куртнелл и Жолт, а также докладчик – заместитель Маккоя Александер Дик. Совещание было секретным. Протокол не вёлся.

Сою Чамберлен выбрали президентом США как лидера ЛГБТ-сообщества. За неё дружно проголосовали представители сексуальных меньшинств, постепенно достигающие до «большинства». Триумф Чамберлен на недавних выборах, одержанный благодаря сплочённому фронту «радуемого» электората, грозил превратиться в пиррову победу – уж слишком большой ком проблем свалился на плечи нового главы государства. И пусть не все данные трудности Дик во вступительной части доклада перечислил, Соня признавала, что именно этот «геморрой» вынуждал её соглашаться с радикальными мерами. А в «пассив» Штатов следовало зачислить: отделение ряда штатов от теряющей авторитет страны; потерю лидерства в наукоёмких и высокотехнологичных отраслях; гигантский госдолг и утрату долларом статуса ведущей мировой резервной валюты; внешние заимствования и дыру в платёжном балансе США, повлекшие дефолт. Как итог, в вассалах у янки остались лишь друзья по несчастью – Канада, Великобритания и Австралия. Отказ от проведения операций под кодовыми названиями «Своя игра» и «Плебисцит» означал бы окончательную утрату Америкой стратегической инициативы в пользу главных соперников – России и Китая.

Слушая докладчика, Чамберлен незаметно перевела взгляд на помощника президента по национальной безопасности Джона Маккоя, поскольку Дик был его ставленником. Маккой не уловил президентской сосредоточенности на соб-

ственной персоне – он внимал Александеру, согласно покачивая головой в такт его утверждениям.

2

Дик в самом деле был протеже Маккоя. Маккой впервые столкнулся с ним семь лет назад, занимая в те годы пост шефа Калифорнийского офиса ФБР. В поле зрения Джона тогда попало нетривиальное сообщение из оперативной сводки о чрезвычайных происшествиях. Сигнал настолько заинтриговал его, что он взял производство проверки по нему под личный контроль. И вот что в итоге было установлено.

Молодой практикующий учёный и преподаватель университета Александер Дик опубликовал во влиятельном научном журнале «Сайенс монитор» статью, в которой в пух и прах разбил методы работы коллег-психиатров. Развенчивая их, он настаивал, что психиатрия, как наука и практика, не имеет под собой объективной основы, поскольку не вписана в так называемую общую соматику. «Диагностика в психиатрии носит умозрительный и произвольный характер, – утверждал Дик, – поскольку врачебный вердикт основан всецело на оценке сознания одного человека сознанием же другого человека. То есть, одна психика оценивает другую. При том неизвестно, какая из них здоровая! Не более, но и не менее того. Если вывод терапевта о наличии острого респираторного вирусного заболевания объективно подтверждается анализами, выделениями, воспалённой носоглоткой и т.д.,

то в психиатрии этого нет в помине. Ещё ни один психиатр не указал на конкретный дефект мозгового вещества, однозначно рождающий шизофрению. Если терапевт устраняет определенную причину конкретного заболевания (лечит ту же носоглотку, иммунную систему и т.д.) и тем достигает выздоровления больного, то в психиатрии не знают, что устранять и что «править». Ещё ни один психиатр не гарантировал, что медикаментозное воздействие либо оперативное вмешательство на данный участок мозга избавит пациента от той же шизофрении (исключение составляют «органики», то есть, например, те, у кого произошёл буквальный сдвиг в мозгу вследствие черепно-мозговой травмы). Так что, при желании в разряд психически больных можно зачислить любого нормального человека, что, подчас, воистину и происходит. Зато опровергнуть даже явно ошибочную оценку замных эскулапов – не реально».

За попрание корпоративных интересов ренегат тотчас был изгнан из университета, а общество психиатров и психологов подало на него в суд. И тут-то дерзкий воитель во имя победы отважился на экстраординарный шаг.

Пройдоха Дик разнюхал планы местных антиглобалистов и активистов организации «Гринпис», запланировавших на ближайшую субботу манифестацию протеста по поводу содержания животных в лос-анджелесском зоопарке. От места сбора смутьяны и крамольники намеревались выехать в двенадцать часов на заказном транспорте. Однако Александер

коварно нарушил благородные душевные порывы протестующих по защите «братьев наших меньших»: в одиннадцать пятьдесят к точке встречи в числе прочей техники был подогнан ещё один автобус, взятый напрокат Диком.

В итоге в салоне «тройного» автобуса вместе с «отвязным» экспериментатором и такими же двумя его приятелями-ниспровергателями прописных научных истин, разместилось ещё три десятка восторженно галдящих неформальных элементов. Автобус тронулся. До зоопарка было до получаса езды, и самодеятельные защитники фауны готовили транспаранты, репетировали «слоганы протеста», напяливали на себя маски горилл, крокодилов и прочей живности. А один из лидеров неформалов облачился в костюм ненасытного любвеобильного кролика и под общий смех пообещал, что директор зоопарка на себе прочувствует его сексуальную активность.

Дик и его сообщники тоже не теряли времени даром. Они тоже готовились. Только это были приготовления совсем к иному обороту событий. Накануне они проникли в закрытую локальную компьютерную сеть, по которой направили подложную шифрограмму в государственную психиатрическую клинику о поступлении партии особо буйных психических больных – адептов церкви сайентологии – известных и заклятых врагов любой психиатрической помощи.

Психиатрическая лечебница по иронии судьбы соседство-

вала со зверинцем. Потому три десятка беспечных неформалов до поры до времени не впадали в беспокойство. Они даже не сразу заметили то, что за квартал до зоопарка транспортное средство свернуло в противоположную сторону. Первые признаки замешательства появились в их стане при виде высокого бетонного забора и глухих ворот. Кто-то из демонстрантов предположил, что их завозят с чёрного хода. А неуёмный «кролик Роджер» тотчас заявил, что в таком случае он директора зоопарка вначале «поимеет с тыла». Опять грянул хохот.

Веселье парней и девушек моментально иссякло, едва ворота распахнулись, и автобус въехал внутрь двора. Перед их взорами предстала полусотня отомобилизованных гримил-санитаров, играющих железными мускулами на руках. Легко представить недоумение большинства пассажиров, переросшее в радикальное изумление, когда тщедушный докторишко, похожий на спятившего Айболита, предложил следовать за ним в больничный корпус. И если у наивных девушек ещё оставались иллюзии, что их по ошибке привезли «не на ту экскурсию», то сексапильный «остряк-кролик» мигом сориентировался, разглядев туповатого вида пациентов, лениво ковыряющихся в «носопырках» и уставившихся на «новеньких» из зарешёченных окон. «Психушка! – заорал он столь потрясённо, словно на него накинута крельчиха с целью обесчестить его по мужской линии, и тем самым отыграться за всю постыло минувшую жизнь. – Линя-

ем, пацаны!»

На пронырливых и вездесущих антиглобалистов и гринписовцев имеют зуб власти любой страны – уж очень они им досаждают. Потому чиновники всех мастей тоже в меру сил мстят проказникам. Вследствие этого непоседы морально подготовлены к проискам бюрократов. Но чтоб разом упрятать за больничную решётку целый взвод неформалов! На подобное ни один столоначальник прежде не сподобился.

Услышав про «психушку», причудливо разодетая толпа радетелей природы дрогнула, а затем брызнула в разные стороны стремительнее тараканов от дезсредства. Демонстранты очумело лезли через окна и двери, прятались под сиденьями и колёсами автобуса, обалдело неслись к воротам и, наоборот, в глубь охраняемой территории. В этих судорожных действиях, в этом суеверном страхе, в масках и гриме, они впрямь смахивали на «свинтившихся психов».

И бывалые санитары, получившие установку «на особо буйных», нашли ещё одно подтверждение того, что со «свеженькими» надо ухо держать востро. Медбратья споро и сноровисто переловили беглецов, согнули их в бараний рог и втиснули в смирительные рубашки. Не сопротивлялись и вели себя сдержанно только Александер и его дружки. Более того, они словесно успокаивали недавних попутчиков, верещавших о своём благородном статусе, обещая им, что сейчас же прояснят недоразумение у главного врача.

Мирную троицу, как «более-менее вменяемых», действи-

тельно препроводили к руководителю богоугодного заведения. Там Дик с приятелями принялись квалифицированно «косить» под психически ущербных. Благо, для того и не требовалось чрезмерных усилий. Дик сообщил главному врачу, сочувственно опрашивающего его, что он главный гринписовец Млечного Пути, что иногда внутри у него квакает лягушка, а также слышится незнакомый голос какого-то инопланетянина как знак свыше о миссии по спасению флоры и фауны Земли. Выслушав аналогичную чепуху и от приятелей «мессии», главный врач подал знак старшему санитару движением бровей.

– К тихим шизикам? – поставил безошибочный диагноз троиче старший санитар.

– О-е, – умиротворённо кивнул учёной головкой главный эскулап.

– А остальных – к буйнопомешанным?

– О-е.

В суматохе медицинский персонал не сразу спохватился, что истории болезни на новичков «затерялись в пути». Дозвониться до начальства в выходной день также не удалось, а отступать было поздно, да и некуда. Вот руководство учреждения и решило острые вопросы, а равно и пленников, оставить до понедельника.

Ан уже в воскресенье грянул скандал. Сторонники Дика, загодя подготовленные к его провокационной вылазке, созвали у стен клиники грандиозный импровизированный

митинг, на который прибыли родные и близкие «новобранцев», представители «Гринпис» и антиглобалистов, телевизионщики и журналистская братия, целый батальон адептов Церкви сайентологии и сонм иных недовольных психиатрами. Не обошлось и без простых обывателей. К полудню у забора больницы было не протолкнуться. С традиционным опозданием здесь появились полиция, прокурор, губернатор штата, а также и светила медицины. Дело принимало скверный оборот.

К вечеру, под свист, рёв, вой и победное улюлюканье толпы незаконно и безвинно изолированные бунтари, а равно и Александер со товарищи, были освобождены.

День спустя Дик, в одночасье ставший не только знаменитостью, но и особой, чудом избежавшей линчевания со стороны тех, кого он столь безобразно «подставил», уже выступал по калифорнийскому телевидению в прайм-тайм. «Ничуть не боясь ошибиться, я предрекаю, – высокомерно вещал он, – что напуганные мною болваны от психиатрии ударятся в другую крайность: теперь они перестрашуются, и завтра и послезавтра не диагностируют душевных заболеваний и откажут в медицинской помощи тем, кто в ней доподлинно нуждается». И обиженные психиатрами в этом плане люди вскоре и вправду объявились.

Таковыми вот нетривиальными, исконно американскими методами самоутверждался строптивый учёный. Но Джону Маккою такие ребята не просто импонировали, а были нужны. Тем паче, что Джон уже в ту пору взаимодействовал с ЦРУ по сугубо специфическим вопросам воздействия на психику человека.

К тому же, Александер был похож на Маккоя. Нет, речь не о внешнем сходстве. Напротив, ежели макушку самого Джона, как исконного потомка выходцев из Ирландии, венчала густая рыжая шевелюра, то Дик брил вытянутую кверху голову наголо. Череп его напоминал яйцо страуса, к которому приклеили уши, затем грубо, долотом, вырубали глаза, рот, а в довершение прилепили крупный нос. Зато характером и поступками Александер представлял близнеца Маккоя: столь же резок, самоуверен, честолюбив, негибаем на пути к процветанию.

Неудивительно, что Маккой спас «яйцеголового малого» от уголовного преследования. Круче того, он не только приблизил его к себе, но и пристроил в ФБР, едва в Лос-Анджелесе поутихли «страсти по Дику». И о сделанном выборе Джон впоследствии не пожалел: большой оригинал Дик многократно угодил ему, сопровождая Маккоя в движении по служебной лестнице.

Ныне Джоном и Александером были задуманы более чем рискованные затеи. Конечно, на них запросто можно было сломать шею, особенно в России. Однако, в случае удачи,

вероятность триумфа была велика.

«...Иначе говоря, – докладывал меж тем Дик, – если экономику Раши и нельзя назвать гомогенной, то уж малодиверсифицированной она является точно. Судите сами: милитари, топливно-энергетический комплекс, металлургия, сельское хозяйство – на юге страны... Что ещё? Торговля лесом и удобрениями... Всё! Отсюда и вытекают социальные проблемы русских. У них галопирует незанятость населения. Особенно среди молодёжи. Конечно, правительство субсидирует кое-какими, по большей части символическими, пособиями подрастающее поколение. Но незаработанное страшно развращает тунеядцев. Вследствие недифференцированности производства у русских господствует олигархическая система управления. Отсутствуют социальные лифты. Зажравшаяся элита многих утомила.

Учтём и то многократно апробированное историей средство, – щёлкнул двумя пальцами докладчик, – что в гигантской рыхлой стране всё решает центр. Если у нас получится заварушка в Москве, то полыхнёт по всей Раше.

Таким образом, – потёр потные руки Александер, – при реализации плана «Плебисцит» надлежит опираться на четыре составляющих нашей пятой колонны, как сказал бы Хемингуэй: на подкармливаемую Западом оппозицию, на интеллигентствующий контингент, на тунеядствующее новое поколение и на народившуюся, как сами русские говорят, новую блатату, не приемлющую власти и старый продажный

криминалитет...»

По окончании совещания, на котором планы акций «Своя игра» и «Плебисцит» были утверждены, Соня Чемберлен задержала Маккоя. Её глодали сомнения. Уж очень прожекты «выпадали из общего ряда».

– Не подведёте? – спросил глава государства Джона.

– Нет, – твёрдо ответил Маккой.

– Откуда такая уверенность?

– Проекты проработаны. Механизм реализации первого из них – безотказный и легко контролируемый нами. Секретность – абсолютная. В конкретику посвящены только я и Дик. Затея Александра настолько оригинальна, что иванам не разгадать её. Так что, будьте покойны: мы всё оформим как надо.

– О`кей. Ну, а ваш оригинал Дик, не выкинет какую-нибудь непредсказуемую импровизацию?

– Исключено.

– Почему?

– Он оригинал там, где не затрагиваются его интересы. Но там, где речь заходит о личном, он – догматик, каких поискать. И Александр, как типичный американец, чётко сознаёт, что его просперити возможно исключительно на путях процветания Америки. Пакс Американа – его мир.

– Принимается. Что скажешь про вторую операцию?

– Здесь вариативность существенно выше. Зависимость

от русских – всегда шанс пролёта. Тем более, что в данном случае так называемая пятая колонна сформирована из разношёрстной публики. В глазах пестрит от оппозиционных течений. Однако, какое-то из них обязательно выстрелит. Если же получится залп – смута в России обеспечена. Ну, а если провал – мы ни при чём. Свалим на последышей этого...нахального Навального. Но я верю в благополучный исход.

– Понятно, – подытожила услышанное президент. – Всё понятно,

кроме одного...Вот скажи мне, Джон, почему мы вечно тягаемся с

русскими, вместо того, чтобы на пару таскать каштаны из огня?

– Да потому, что это – идиотская нация!

– Идиотская?

– Ну, а как иначе?... – развёл руки Маккой. – Взять хотя бы монопольную технологию...О чём мы только что толковали... Да она превращает в реальность космобиль, на котором за полсуток можно обернуться до Венеры. Представьте: эдакий вселенский променад на уик-энд! На рынке такая штука затмила бы всё. Республиканцы до нас уже делали русским деловое предложение. И что в ответ? «Сами состряпаем космический лапоть!» Дебилы!

– Дебилы..., – повторила за ним Чемберлен.

– Монопольная реакция – также такая безотходная топка,

в которой бесследно утилизируется любой мусор. В том числе пластик. Да в одном этом – перспектива мировой наживы... Нет же, в Москве объявился новый лидер – натуральный русский лапоть – который утилизацию мусора обещает сделать общим достоянием. Дебилы!

– Дебилы! – не могла не согласиться президент.

– Соня! – совсем уж по-свойски обратился к ней Джон. – О чём с этими мужланами говорить, если они даже не осознают, что бисексуалы, СПИД, ковид и прочее – лишь частные формы кризиса традиционного способа воспроизводства людей. Что «золотой миллиард» – это уже не истеблишмент, а новый тип американца, выводимый в наших лабораториях... Что искусственный разум – это новый геном человека, над которым мы работаем... Нет, этих варваров нельзя брать с собой в будущее. И если им обломилась удача с монополем, так тем более их надо обломать. И да поможет нам Провидение.

– Что ж, – потянувшись, по-простонародному вытерла ладони о юбку хозяйка Белого дома, – о`кей!

Заседание продлилось весьма долго, и оттого Соня, потягиваясь, не стерпела и издала неприличный звук. Президент страдала аэрофагией и хроническим вздутием живота, и сейчас, на пиковой фазе, её сфинктер не сдержал давления газов. Маккой в ответ льстиво хмыкнул, расценив маленькое происшествие в качестве доброго знака грядущих свершений.

Погожим летним днём популярный в некоторых кругах тележурналист и блогер Юрий Рокотов пребывал в великолепно расположении духа. Умиротворенность Юрия проистекала от того, что его шеф Рокецкий сдержал обещание и выделил-таки творческому лидеру своего медиа-холдинга новую машину. Да какую! «Витязь» седьмой модели – новейший аэроболид-амфибия, которому были подвластны не только автотрассы и воздушный океан, но и болота, акватории и морские глубины! Авто такой модификации поступили только в элитные спецслужбы, да и там их можно было сосчитать на пальцах двух рук.

Правда, восторг Рокотова не был абсолютным. Относительность ликования объяснялась двумя факторами. Первый. Болид был передан журналисту во временное пользование. Второй. Хитрый еврей Рокецкий элементарно опасался лично «рассекать» на «Витязе-7», поскольку это был первый в мире автомобиль на термоядерном двигателе. Реактор его запускался единожды и на весь срок эксплуатации. Нормативный ресурс равнялся десяти миллионам километров пробега, а гарантийный срок составлял тридцать лет.

Сидеть задницей на «атомной печке», пусть и миниатюрной, шефу было некомфортно. Исключительно из-за этого

он и отдал болид «на обкатку» обласканному им телеведущему рейтинговой программы. В противном случае подчинённый финансового воротилы и близко не подошёл бы к машине, доступ к которой в России имели лишь избранные.

Но страхи Рокецкого были неведомы рисковому Рокотову. И потому сейчас русский папарацци, следуя на «Витязе» улицами столицы, от радости насвистывал мелодию популярной песенки. Он ехал к административному зданию Московского государственного университета, где ему предстояло взять интервью у проректора по научной работе Марченко.

Почти год журналиста не посещало праздничное настроение – с

момента смерти жены Лидии. До того скорбного события Юрий и не предполагал, насколько значимой для него было пребывание Лидочки в этом мире. А ведь он настолько привык к её светлому присутствию за долгие годы супружества, что и не особо дорожил им. Более того, при случае не чурался интимного общения с чужими хорошенькими женщинами, чего уж там...

Только лишившись той, что ему была ниспослана Богом, Юрий осознал бесценность и безвозвратность потери. И страдал так сильно, что с прошлого лета не то что не оказывал мужских знаков внимания дамам, но и внутренних побуждений к тому не испытывал. И вообще страсть к жизни в нём поиссякла. То ли так отразилась психическая травма, то

ли сыграл свою роль и возраст (шестьдесят и в середине двадцать первого века – шестьдесят), но «душевный декаданс» основательно подкосил Рокотова. А вот сегодня он положительно переживал ренессанс.

Оставив аэроболид на стоянке близ главного корпуса МГУ, журналист прошёл внутрь. Юрий всегда испытывал глубочайшее почтение к старине, и потому, следуя к апартаментам Марченко, он испытал нечто похожее на священный трепет перед храмом науки.

С делами у проректора Рокотов разобрался за пару часов. Выйдя из приёмной, он лифтом спустился на первый этаж и направился, уж было, к выходу, как вдруг сработала электронная памятка мобильного телефона, мягкой соловьиной сигнальной трелью известив его о наступлении полудня. Университетский гость и одновременно бывший студент факультета журналистики припомнил, что прежде в административном здании имела неплохая столовая. Обед же пришелся бы весьма кстати, ибо с утра у Юрия в желудке плескались лишь две жалких чашечки кофе (вторая – дарованная проректором).

И визитёр изменил маршрут. Он миновал просторный прохладный холл и знакомым длинным коридором отправился туда, куда его влекли голодное нутро и воспоминания молодости. У самого входа в университетскую столовую стояли трое громадных субъектов со сцепленными в замок в

области паха руками, точно у футболистов «в стенке» при пробитии штрафного удара. Они, несмотря на жару, были облачены в одинаковые чёрные костюмы. Рокотов разочарованно замедлил ход, полагая, что вход в пункт питания строго ведомственный и посторонних туда не впускают, однако субъекты в костюмах безропотно расступились перед ним... Странный караул...

В студенческом общепите журналисту не доводилось бывать едва ли не сорок годков. У него даже голова закружилась, и сладко защемило сердце, едва он окунулся в веселую озорную студенческую среду. Рокотов угодил в самый разгар обеденной поры. Столовку заполнили юные посетители, и сервис-роботы не поспевали обслуживать прожорливых, как галчата, «студиезов».

В офис медиа-империи Юрий не спешил, и потому его забавляла окружающая кутерьма из гомона студенческих голосов, приветственных восклицаний, дружеских подначек и подталкиваний, а также периодических здоровых урчаний ненасытных молодых желудков. В атмосфере задора и жажды наслаждений он сам точно сбросил груз десятилетий, ощутив зверский аппетит и готовность сожрать неразделанного бизона.

«Голова» очереди, находившаяся у вожделенной раздачи блюд, была сокрыта от её «хвоста» полупрозрачной ширмой. От пола нижний край ширмы отделял проём в пятьдесят-шестьдесят сантиметров, через который просматри-

вались ноги проголодавшихся, мерно переступавших «приставным шагом», как выразился бы школьный физрук. Тривиальная вполне мизансцена. Тривиальная – в принципе, а не сегодня, потому что внимание Рокотова не могли не привлечь некие прехорошенькие девичьи ножки. Изящные, точёные, наполненные приятной округлостью и упругостью, ощутимой и на расстоянии мужского взгляда, они были хороши сами по себе. Однако непередаваемый шарм им придавало то, что они жили особенной жизнью (не похожей на прозябание остальных – банальных и унылых на их фоне – нижних конечностей).

Прелестные ножки в лёгких летних туфельках на каблукешпильке не замирали ни на одно мгновение: они то деловито постукивали по рантам мужских сандалий коричневого цвета, расположившихся спереди, то разворачивались на сто восемьдесят градусов и провоцирующе приступали на носки кроссовок сорок пятого размера, боготворяще застывших позади них. Или же, вдруг, ножки в нетерпении принимались отбивать ритмическую чечётку, поскольку они были столь юны, что им претило растрачивать хотя бы несколько минут на рутинное времяпрепровождение в этой простоватой, как пробка, очереди. Им, этим ножкам, наверняка хотелось воздушно порхать в эротическом эфире, танцевать в покорном пространстве, а если и замирать, то лишь затем, чтобы воспринимать безмерное обожание своих приближённых.

Рокотова заинтриговало сие наваждение, за которым, несомненно, просматривалась общительная до сумасбродства дамская натура. И Юрий, продвигаясь в очереди, с нетерпением поминутно бросал взоры на кассу, возле которой из-за ширмы должна была появиться загадочная особа. Он впервые за истекший год ощутил себя нормальным, полноценным самцом, облизывающимся не столько в предвкушении, сколько в предвидении лакомого кусочка.

Но в критический момент, как назло, к Рокотову привязался сосед по очереди – типичный образчик «вечного студента». С проплешинами на макушке, в потрепанном и засаленном костюме, который по возрасту почти не уступал самому «манекену», «вечный студент», чего и следовало ожидать, принялся нудить о смысле человеческого существования и вечном братстве, а кончил тем, что «заканючил» у журналиста энную сумму на пропитание. Короче, держал себя так, словно Юрий приходился ему приятелем или числился завсегдатаем студенческого общепита.

Досадливо кряхтя, Рокотов отделался от «прилипалы», сбросив тому на карту сумму мелкой покупки, а когда обратился к кассе, обладательницы дивных ножек и след простыл. «Раздраконенный» мужчина внутренне аж взвыл от злобы, обуявшей его, и чудом сдержался от непреодолимого побуждения дать пинка попрошайке, уже приклеившемуся мертвой хваткой к следующему «финансовому источнику» – стоявшему позади противного вымогателя.

Юрий растерянно осмотрел большой зал: ну как найти среди трёх сотен едоков ту самую особу? Не заглядывать же под столы в поисках потерянных хорошеньких ножек? «Уймись, – урезонивал он сам себя, выбирая блюда и размещая тарелки и стаканы на подносе. – Вспомни первый закон студента Рокотова: «Коли ножки хороши – над фейсом смейся от души, ну а если грудь с понтом – значит ноженьки винтом».

Его выручила оказия. Когда журналист почти «приземлил» поднос на свободный столик, за его спиной раздался задорный, звонкий девичий смех, излучавший ну просто бешеную энергетику! Он обернулся и увидел беззаботно хохочущую симпатичную смуглолицую брюнетку с карими глазами и крупными чувственными губами, находившуюся в компании двух парней за три столика от него. Юрий оперативно сориентировался и выбрал позицию, с которой гламурная особа с копной тёмно-каштановых волос чётко просматривалась. Там он и расположился.

Девушка меж тем никак не могла успокоиться – до того чем-то рассмешил её высоченный плечистый парень в рубашке и брюках спортивного покроя, а также, между прочим, в кроссовках сорок пятого размера. Предположение на счёт наличия юмора у рослого парня Рокотов выдвинул потому, что смуглянка признательно поцеловала именно плечистого в губы, ничуть не смущаясь публики, глазевшей на неё. Поцелуй оказался чувственным, страстным и сопро-

вождался аппетитным (каким-то клеящимся с облизыванием губ) звуком. У Юрия даже сердце ёкнуло, а душу кольнула зависть.

Красотка оторвалась от плечистого, поняла, что на них сосредоточился зал, и, послав аудитории обворожительную улыбку, ещё дважды легко чмокнула счастливого. Её избранник от упоения цвёл, как пион. Он стеснялся. Ему было стыдно. Ан вовсе не оттого, что его лобзают, а от осознания того факта, что именно на него смертного «положила глаз» такая дива.

Видимо сожаления, что «хороша Маша, да не наша», глодали нутро не одного Рокотова. Второй парень, сидевший за столом со смуглянкой и плечистым, тоже хмурился. Рокотов перевел взгляд с лица этого молодца на ступни, уже ничуть не сомневаясь, что обнаружит под столом коричневые сандалии. Так оно и вышло.

Предстоял заключительный и наиболее волнующий акт идентификации: сличение незнакомки по тем неземным прелестям, которыми она ступала по грешной планете. Журналист вытянул шею и выгнулся налево, чтобы заглянуть под столик молодёжной

компании и обосновать версию бесповоротно.

Есть! Доказательства были добыты: ножки, взволновавшие селадона от средств массовой информации, покоились именно там. Да вот незадача, принимая нормальное положение, Рокотов смущенно обнаружил, что незнакомка следит

за ним, заметив его странные манёвры.

Журналист, кляня себя за мальчишество, чтобы загладить неловкость, принял независимый вид и взялся за еду. Замешательство, тем не менее, дало о себе знать, прорезавшись в том, что едок начал трапезу совсем не с того конца – с обжигающего чая, стакан с которым попался ему под руку. Рокотов мужественно выпил его, хотя слезы так и наворачивались на глаза, а глаза, в свою очередь, так и лезли из орбит.

Однако Юрий был художественной и творческой натурой. Он играючи вошел в роль. Покончив с «холодной закуской» в виде горячего чая, гурман ухватился за пирожное, проглотив его с проворством Гаргантюа. Изумление смуглянки возрастало по мере того, как он в обратном порядке принялся уплетать эскалоп, за ним – селёдочку с картошкой, стакан молока, а в финале уже съеденное залил «сверху» супчиком. Благо ещё, что компаньоны девушки сидели к «едоку-эксцентрику» боком и пропустили занимательный эпизод. Зато красotka явно заинтересовалась персоной чудака, надеясь, что «представление» не закончено.

Журналист, меж тем, несомненно, обретал то игривое расположение духа, что не покидало его в молодости. Так как больше поглощать было нечего, он поочередно картинно покусал края тарелок и стаканов и сожалеюще поцокал языком: видит око, да зуб неймёт. Продолжая экспромтом играть роль чудаковатого обжоры, Рокотов вопросительно направил указательный палец на тарелку смуглянки, где стыли

пельмени, к которым девушка не удосужилась притронуться, и тотчас перевёл палец на свой широко раскрытый рот. Зубы у него, вопреки возрасту, находились в великолепной форме, и ему было что демонстрировать. Ими он ещё был способен не только цапнуть антигероев собственных репортажей, но и кое-что нежно прикусить.

Увы, узнать, приняла ли девушка предложенную нахалом игру,

оказалось не суждено, ибо её приятели, уловив, что за их спинами что-то происходит, развернулись и вопросительно уставились на «реликтовый экземпляр». Юрий в ответ «фригидно» выпялился в потолок, любясь лепниной. Он до того «увлёкся» созерцанием интерьера, что чуть не прозевал момент, когда троица снялась с насиженного места и направилась к выходу.

Рокотов поспешил за ними. И отнюдь не только из-за того, что незнакомка так уж его обаяла. Хотя и это присутствовало. Журналиста заинтриговало то, что в разговоре за столом парни называли девушку Дианой, а сверх того, как бы поддразнивая, упомянули её не то фамилию, не то прозвище – Лонская. «О-ля-ля! – смекнул про себя Рокотов. – Уж не дочь ли нефтегазового короля Лонского – злейшего врага моего шефа – я имею честь лицезреть? Было бы занятно нащупать подступы к неприступной империи могущественного промышленника с подветренной, хо-хо, стороны». Совпадение, конечно же, было маловероятным. Ан проверить

предположение не мешало.

В процессе сопровождения студенческой компании, у Юрия сложилось более полное впечатление о внешности девушки: высокая, статная, грациозная (несмотря на крупные размеры) и смело одетая. На Диане было легкое летнее платье из материала «хамелеон», снова входившего в моду. «Хамелеон» – почти прозрачная материя, обладавшая свойством соразмерно сгущать интенсивность цвета ткани при ярком освещении и, напротив, светлеть в полумраке. Таким образом, при любой обстановке фигура женщины в наряде «прорисовывалась» настолько, что угадывались отдельные детали. И не более того. Все остальное додумывала мужская фантазия соответственно персональному вкусу.

Если правый обрез подола платья Дианы целомудренно прикрывал колено, то левый резко вздымался до верхней трети бедра. Оптический эффект создавал совершенно восхитительную иллюзию того, что если немножко подождать, не отрывая взора от проказницы, то откроются такие виды, в сравнении с которыми дефиле парижских моделей – профанация искусства обольщения. Общее впечатление и предвкушение, прозванное в мужской среде «сеанс вот-вот обломится», кокетка усиливала упругим воздушным шагом и лёгким покачиванием тазом и «иными аксессуарами из сервизного набора». Потому Рокотов терпеливо и покорно ждал, когда ему обломится. «Соблазн из неё так и прёт, – думал он, шагая коридорами университета и беспрерывно наливаясь

мужским желанием. – С эдакой самочкой самый распоследний импотент сэкономит на «Виагре». Манкая вещичка!».

Кстати, ненавязчиво преследуя «манкую вещичку», журналист обратил внимание, что поодаль, но неотступно, за ней следовали и три субъекта в чёрных костюмах. «Секьюрити, – уверился Юрий. – Значит, она, однозначно, дочь олигарха Лонского».

Молодёжь вышла из здания на свежий воздух и остановилась у фасада киоска. Рокотов же с нейтральным видом принялся разглядывать рекламу на боковой витрине, которая загромождала его от молодых людей.

– ...Диана, и как же ты от них улизнёшь? – негромко осведомился у девушки плечистый, по-видимому, продолжая разговор, начатый в кулуарах университетского корпуса.

– Прекрати орать, Женька! – сердито одёрнула та парня. – И не оглядывайтесь! – подала она команду уже обоим спутникам. – Эти дуболомы и без того секут поляну.

Рокотов проследил за взглядом Лонской, брошенным искоса, и увидел роскошный лимузин, возле которого застыли в собачьей позе «куси-куси» трое бдительных типчиков. При солнечном свете их полувоенную выправку и оперативные кобуры в подмышках гражданская одежда от опытного репортёра не могла скрыть. Молодчики немигающе смотрели на студентку.

– Ишь, как стригут, членохранители, – проворчала Диана. – А мне до зарезу надо встретиться с Миленкой. Ну что,

Женечка и Лёнечка, – не без иронии осведомила она, – исхитритесь? Отвлечёте их, а? Прикроете меня?

– М-да, – нерешительно принялся переступать с одной сандалиии на другую тот, кого назвали Лёнечкой. – Проблемно...

– Одного-то я бы уделал, – тяжело вздохнув, не без стыдливости

бахвалился плечистый Женечка. – Так ведь их трое, да с пистолетами. А чуть что, они ж команду на подмогу вызовут...

– Эх, вы! – презрительно отмахнулась красотка. – Трепачи! Обещали, что для меня звёзды с неба достанете, а коснулось – штанишки обмочили.

– Ди, ну ты чего...

– На штыки с голой задницей..., – наперебой принялись оправдываться Женечка и Лёнечка.

И тут у Рокотова словно яркий проблеск мелькнул в сознании. Он уразумел, что его час пробил. Журналист в три шага обогнул угол киоска, скрывавший его от компании, и, небрежно, отодвинув плечом Лёнечку, очутился перед окошечком. Якобы определяясь с выбором покупки, Юрий, не глядя на Диану, вполголоса предложил ей: «Если вы твёрдо определились, госпожа Лонская, то я с удовольствием украду вас у этих...кгм...членовозов».

И по реакции молодёжи он понял, что с фамилией Лонской не попал впросак. Троица дружно уставилась на Рокото-

ва. Мимолётная гримаса недоумения на смазливеньком личике «манкой вещички» исчезла, едва она узнала странноватого шутника из столовой. И она улыбнулась ему, точно старому знакомому.

– Вы, собственно, чьих будете? – преодолев удивление, не без ревности и позёрства осведомился у Юрия широкоплечий Евгений.

– Тележурналист Рокотов собственной персоной, – спокойно отрекомендовался тот, незаметно для караульных у лимузина предъявляя служебное удостоверение мажорке. – Впрочем, документы несколько излишни, ибо вы не могли не видеть меня по каналу «666», – снисходительно прокомментировал свои действия он. – Последний год я на нём веду программу «Час быка».

– Хм, – хмыкнула Диана, всматриваясь в него. – Так-так... Как будто... Хорошо, а какой резон вам до меня?

– Какой резон? – выгадывая время, переспросил её Юрий. – Это же элементарно, – нашёлся он, – я готовлю передачу о работе телохранителей VIP-персон. И вдруг такая удача – проверить в деле ваш караул. А также одним ударом убить и второго зайца: оказать вам содействие в обретении свободы, поскольку, не стану лукавить,

я случайно услышал ваше намерение. Я совершаю похищение, а

затем отпускаю вас там и тогда, где и когда вы того пожелаете...

– Да вас же шлёпнут как... как мелкого хулиганчика, – с неприязнью перебил его Леонид, и притопнул коричневой сандалией, образно показывая, каким образом прихлопнут амбициозного выскочку.

– Зачем стрелять? – надменно выворачивая губы, возразил плечистый Евгений. – Хватит того, что надерут одно место, не отходя от киоска.

– Я га-ран-ти-ру-ю успех, – с нажимом проговорил Рокотов, и, обернувшись, впервые с близкого расстояния пристально взглянул в бархатисто-карие глаза Лонской. – Решайте.

– А почему и нет? – загорелась острым желанием студентка. – Пусть эти дуболомам недоделанным вломит за разгильдяйство тот..., кому положено! Только... Только, как вы это сделаете?

– Сейчас я удаляюсь от вас, – разглядывая постеры, пояснил новообращённый авантюрист-комбинатор, – а через пару минут подкачу к вам на своём болиде. Машина вас перекрывает, дверь распахивается, вы прыгаете внутрь, пристёгиваетесь и... – нас не догонят! Принимается?

– Алеа якта эст! – задорно тряхнув копной тёмно-каштановых волос, проговорила девушка.

– ? – вопросительно поднял брови журналист.

– По латыни – жребий брошен, – засмеялась Диана. – Принимается. И молчать! – начальственно цыкнула она на парней, распахнувших было «варежки» для возражений.

Юрий сел в машину, совершил на ней ложный маневр, усыпляя бдительность сторожей, а затем на холостом пробеге подъехал к киоску, лихо притормаживая в паре метров от него и синхронно открывая пассажирский борт. Лонская на ходу запрыгнула в салон, азартно выпалив: «Форвард он-ли!»¹, и болид рванул с тормозов, как засидевшийся гепард.

Выходка Рокотова, по крайней мере, на начальной её стадии, удалась потому, что он направил автомобиль не в сторону обычного выезда, а в противоположном направлении – по обновлённому

Пешеходному бульвару, простиравшемуся до самой кручи над

Москвой-рекой. Вот такого выкрутаса «конвой» Дианы никак не ожидал!

Уже на первой полусотне метров стрелку спидометра зашкалило за отметку триста километров. Но Юрий гнал болид, мчавшийся уже ракетой, дальше и дальше – к парапету смотровой площадки, устроенной на крутояре Воробьевых гор. Лиц ошалевших «секьюрити», «студиозов» и прочей «почтеннейшей публики», столпившейся у административного корпуса, он, естественно, не видел, но живо вообразил, что они одинаково изумлённо вытянулись у них до размеров ослиной морды. И столь непосредственная и животная

¹ * Forward-only (англ.) – только вперёд!

реакция зевак была вполне мотивированной: и из-за крайней дерзости похищения, и из-за неминуемой гибели смертников, нёсшихся в «Витязе» к обрыву.

«Пристегнись!», – крикнул водитель пассажирке. Диана выполнила его команду, но не издала ни звука в ответ. Девушку вдавило в спинку сиденья то ли от страха, то ли от скорости, но внешность её не выдавала паники. Она лишь упрямо сжала губы и азартно смотрела на пространство, бешено устремившееся им навстречу. «Сильная натура!» – уважительно подумал Рокотов.

Скорость движения болида нарастала. Деревья, высаженные вдоль тротуара, уже не мелькали, будто спицы вращающегося велосипедного колеса, а слились в сплошную стену. Спереди на машину стремительно надвигался непреодолимой преградой ограждающий парапет, а еще далее – провал лужниковского

урочища.

У Рокотова и самого мурашки сумасшедше забегали по спине. Однако он выдержал характер, и лишь когда от столкновения с преградой их отделял ничтожный миг, потянул штурвал болида, работавшего уже в полетном режиме, на себя. Машина фантастической «летающей тарелкой» взмыла в воздух и полетела над речной излучкой, совершая гигантский плавный полукруг.

Могущественнейший Лев Максимович, которого заочно почтительно и со страхом называли Волчий оскал, выл от бессилия.

Он, который мог мановением пальца привести в движение полстраны, который росчерком пера тратил миллиарды, малейшие пожелания которого приближённые угадывали по властному трепетанию ноздрей, оказывался не в состоянии совладать с капризной субреткой. Противоборство с ней настолько выматывало и истощало, что у него, будто у цинготного, начали неудержимо крошиться зубы, а слизистую рта стянуло волчанкой. Бесполезным оказалось и сбалансированное питание с витаминами, и курсы лечения у лучших стоматологов... Разрушительный процесс нарастал. В конце концов, дантисты развели руками и сказали, что виной всему нервы.

Вот почему захворавший бизнесмен тайком отправился на приём к модному в кругах столичного истеблишмента врачевателю Артуру Артуровичу Олби. Лев Максимович знал Олби с давних пор (ещё по прошлым контактам в провинции), «перетащив» за собой в Москву. Он доверял проверенному kadру и не впервые обращался к его услугам, когда случались крупные неприятности.

Кортеж из лимузина и двух сопровождающих «джипов» остановился возле здания элитной клиники. От входа авторитетного визитёра с подобострастием проводило к кабине-

ту само медицинское светило. Артур Артурович усадил клиента с бездонной мошной в удобное кресло, скромно расположившись напротив пациента на стуле.

– Я – весь внимание, Лев Максимович, – вежливо и уравновешенно проговорил Олби.

– Даже не знаю, с чего и начать. Или, вернее, с кого... – характерно оскалил тот зубы до верха дёсен. Привычная гримаса обнажила столь ужасающую картину полости рта промышленника, или, как сказали бы его недоброжелатели, волчьей пасти, что эскулап чудом не опрокинулся вместе с креслом, а также не без усилий сдержал непосредственную эмоциональную реакцию.

– Л-Лев Максимович, говорите без обдумывания о том, что вас волнует, – овладев собой, мягко и располагающе предложил врач. – Излагайте напрямую, по позыву души. Как раз в той последовательности, в какой рождаются мысли. И помните, что всё, озвученное здесь, останется между нами. Мы же с вами старые знакомые.

– Хорошо, – кивнул посетитель, и лицо его покрылось красными пятнами. – Я...Мне...Да застарелая как мир проблема, Артурчик. Моя...э-э-э...пассия достала...Видишь мои зубы? Были зубы, а стал чмокающий аппарат. И всё по её милости. Короче: эта сучка мне изменяет. Мало того, так она ещё меня и кинет! И кинет по-чёрному! – с выдержанного тона вдруг сорвался на выкрики властелин львиной доли России, вновь оскалив аппарат хиреющего хищника.

– Успокойтесь, пожалуйста, – умиротворяющее остановил его доктор. – Сейчас мы с вами во всём разберемся. М-м-м...измена – свершившийся факт?

– Я их не застал, понимаешь, не застал...

– Понимаю. Но раз сие не факт, то, давайте, не будем спешить с окончательными выводами, – мягко посоветовал ему врач. – Давайте, обговорим детали, питающие ваши сомнения. Ладно?... Вот и прекрасно. Итак, последовательно и без эмоций поведайте, пожалуйста, на чём зиждется ваша ревность?

– Ладно, – остывая от размеренного тона и расслабляющих манер доктора, согласился пациент. – В последние полгода к нам зачастил Конь Дамский... Тьфу, ты... Эта... Зачастил секретарь Совбеза Коданский. Вернее, поначалу я сам, идиот, привечал его в целях... В целях... Впрочем, оставим это... Так вот, зачастил он к нам на всякие фуршеты и суаре, а потом и сам стал мою... кха-кха... цыпу на кремлёвские и благотворительные мероприятия приглашать. Я начал кое-что примечать за ними, приглядывать. Но... Коданский – важный человек в Кремле. Интересы бизнеса превыше всего. Внутри погано, а терпел..., – с хрустом сжал кулаки Лев Максимович.

И влиятельный пациент принялся изливать желчь, излагая подозрения в отношении любовницы и безуспешные ухищрения по части того, чтобы взять её с поличным. Прошло ещё с четверть часа, прежде чем он замолчал. Олби,

изучивший нрав олигарха, специально его не перебивал, давая выход психическим метастазам. Апробированная практика. Зато теперь больной разложился перед ним, что труп в заключительной фазе вскрытия.

– ...Третьи сутки не сплю, – из гневной интонации внезапно впал в жалостливую рассказчик. – Места себе не нахожу. Запadlo, что через неё, стерву, и меня имеют... Мало того, эдак ведь она и секреты за жеребьячий аргумент Коданского продаст. Кинет меня... Не знаю, что и делать. Вот, снова нервный тик пробрал, – и он в подтверждение гнилозубооскалился.

– Почему вы решили, что она выдаст тайны? – вступил доктор в диалог.

– Почему, почему..., – скривился промышленник. – Да потому, что я в своём кабинете случайно муху заметил...

– Муху?!

– Муху. Ма-а-аленькую такую мушку. Никогда мух не было, а тут появилась...

– И что?

– Так ведь сроду не бывало... Смекаешь?

– И-извините, н-нет.

– Сроду мух в офисе не бывало, а тут появилась... Ну, я сделал втык секретарше. Она хотела муху хлопнуть газеткой, но хорошо, что Лизку за руку Кир ухватил. Он-то сразу прочухал, что муха – шпион. Кир полез за ней к вентиляционной решётке, а та дала задний ход – и в дырку! Ты, Артур,

когда-нибудь видал, чтобы букашка задницей вперёд ползала?

– 3-задницей вперёд?... Хым...

– То-то же! Кроме моей цыпы такую подставу никто не мог удеять...

– Так-так-так... А вы её по-прежнему любите? – осторожно сменил тематику Артур Артурович, оценив глубину психических изменений в сознании пациента.

– Люблю, козу драную, – признался именитый гость.

– В вашей ситуации расставание с ней... даже на время, конечно же, исключено? – скорее утвердительно, нежели вопросительно

сказал доктор.

– Абсолютно! – замахал руками промышленник. – Если её,

паразитку, отпускать на все четыре стороны, то только в расчленённом виде.

– Ясненько. Свободу передвижения вы ей, само собой, ограничили?

– Ещё бы. Пока я не определюсь, как с ней быть, она Коню Дамскому и полсиськи не выкажет.

– Разумно. В темницу вы её, естественно, сажать не станете?

– Ни-ни. В прошлый раз я убедился, Артур Артурович, в твоей правоте, что окружённый должен иметь наихудший для себя, но выход. Я её как-то запер на даче, так она мне

рожу изгваздала, двух охранников изувечила и сама чуть не вздёрнулась... Шут с ней, нехай учится, рассекает по автострадам, делает шопинг по Москве, но под контролем.

– Отличненько. Не сомневаюсь, что и фейсконтроль налажен.

– А как же. Хоть и гадско, а для полного спокойствия я шлюшке этой электронный маячок вшил. Теперь ей и в катакомбах Одессы от меня не скрыться.

– Лихо, Лев Максимович.

– Лихо-то лихо, так ведь жаба душу всё одно гложет. Бабскую слабость на передок, как и дерьмо от слона, никаким сомбреро не накроешь.

– А вот тут, Лев Максимович, вот что я вам скажу. Не мучьте себя домыслами: было-не было. Простили – баста! Главное, осознание того, что вы чисты перед ней. Поверьте, для совести это очень даже хорошо, что перед вами, быть может, не чист тот, кому вы одно добро дарили. У меня у самого, Лев Максимович, нутро подпачкано, однако есть уголок стерильности, что я блюду до последнего. Есть человек, перед кем я свят. И эта святость меня оправдывает в других...кхе-кхе...затеях. А уж, не приведи господь, она вам вдругорядь явную свинью подложит, тогда вы с неё и взыщете с наценкой...

Долго ещё эскулап душонок человеческих ублажал столичного набоба. Он достоверно знал, что если не снимет внутреннего напряжения с больного, то бесполезным ока-

жется любое лекарство, а полость рта психически прокажённого стянет так, что она воистину превратится в волчью глотку.

И Олби добился-таки нужного эффекта – от его увещаний состоятельный клиент постепенно оттаял. Скрытая натуга отпустила его. Зато внутренний зуд от него заразой перекинулся на доктора, и тот сознавал, что вечером ему придётся изгонять из себя подцепленную бациллу душевной заразы, вешая её на другого человека.

– Так что, Лев Максимович? Может, не надо крайностей? – вопросительно завершил психотерапевтический монолог врач, видя, что душевное равновесие клиента восстановлено.

– ...Нет, надо, – поразмыслив, уже хладнокровно и взвешенно сказал олигарх. – Мочи нет терпеть. Я из-за неё с женой развёлся?

– Развелись, – кивнул врач.

– С детьми в разрыве?

– В разрыве, – склонил голову Олби.

– Её прихоти выполнял?

– Выполняли, – согласился с толстосумом собеседник.

– Вот и сделай ей промывание мозгов, Артур, как в прошлый раз условились, – жёстко завершил тираду промышленник.

– Ещё раз вынужден предупредить, что нанохирургия её мозга может обусловить...

– Да не забыл я, не забыл, – вскипая, перебил медика важный посетитель. – Помню, что она может утратить... как это... личностную самобытность, незаурядность... Нехай! Сыт я её неповторимостью по горло! Не я для неё, а она – для меня! Весь мир отстой, а я – король! Усвоил?

– Что ж, – понимающе проронил Олби, – воля ваша. Тогда, Лев Максимович, нужно доставить её завтра к десяти часам. Мы её подготовим, а послезавтра осуществим щадящее оперативное вмешательство...

– Окей! – просиял богатея, вставая из кресла. – Завтра в десять.

– Да, Лев Максимович, – подтвердил Олби, собираясь проводить олигарха до крыльца.

– Не надо, Артур, – остановил его тот. – Я сам. Завтра в десять! Завтра в десять...

На крыльце шефа встретил начальник службы безопасности

Кир Отстрелов. Физиономия у него была бледнее бледной поганки. Босс вознамерился, было, распорядиться насчёт незамедлительного доставления любовницы на старую дачу, на Николину гору, но начальник охраны опередил его:

– Лев Максимович, Диана пропала, – подсевшим баском доложил он.

– Как?! – сил на разнос у всемогущего олигарха Лонского просто не осталось. – Я же велел стеречь!

– Трое стерегли, – поник плечами Кир. – Буквально перед вами Данила вышел на связь: Диана с каким-то хмырём сбегала от здания МГУ. На болиде. Проморгали...

– Проморгали? Ну и хорошо, – напряжение внезапно оставило Лонского. – Тех трёх игрушечных педиков-моргунов превратить в настоящих. Шлюху же подзаборную с хмырём выловить. Я их самолично зажарю! Живо! А не то я уже к тебе, Кирюха, применю нелюбимую поговорку сапёров. Слышал такую?

– Н-нет.

– Одна нога здесь, другая – там!

– П-понял, Лев Максимович! – ссутулился Отстрелов.

Лонской сделал ему санкционирующую отмашку, а сам подумал: «Неужели Коданский мне подгадил? А? Да не, сам-то он щас за границей, а кому другому такую гадость Конь Дамский не перепоручит».

3

Конечно же, Рокотов бравировал и лихачил, взмыв на аэроболиде возле знаменитой «высотки». Над центральными районами Москвы полеты были запрещены. В том числе и для летательных аппаратов класса аэроболитов. Так ведь если требуют личные интересы, совпадающие с интересами медиа-империи, то можно.

Набрав высоту, Рокотов плавно повел «Витязя» полукругом над Лужниковским урочищем, не забывая краем глаза

следить за Диной. Та была поражена: то ли самим ощущением полёта, то ли открывшейся панорамой, то ли метаморфозой, в ходе которой машина из рожденной ползать превратилась в привольно парящую. И лишь намек на испуг в её поведении и отдаленно не читалось. «С характером!» – повторно резюмировал для себя пилот.

– Каково? – поинтересовался впечатлениями девушки он.

– Долбануться можно! – столь же лаконично ответила она.

Отрешённое созерцание столичных достопримечательностей с высоты птичьего полёта длилось не долго. Откуда ни возьмись на нарушителей «свалилась» авиационная инспекция. Слева от «Витязя» появился летательный аппарат с двумя инспекторами на борту. Их аэроболид несколько раз плавно качнулся, подобно уточке, попавшей в боковую качку. То подавалась общепринятая команда: «Делай, как я. Следуй за мной». Стражи порядка посредством специального фонаря также просигналили, чтобы Рокотов включил бортовой компьютер на радиоволну, предназначенную для ведения переговоров.

Журналист скорчил недовольную мину на лице и нехотя дал преследователям отмашку: дескать, что с вами делать – подчиняюсь. Настроив аппаратуру на переговорную волну, параллельно Юрий, заигрывая с Лонской точно мальчишка, изобразил на пальцах козу, бодающую её в живот: мол, не дрейфь, девчонка!

– Господин аэроводитель, – зазвучал в салоне строгий бас

одного из инспекторов, – прошу вас назвать себя и следовать за нами.

– Есть, – по-военному четко отозвался Рокотов. – Аэроводитель Немо. Следую за вами.

И «Витязь» послушно скользнул за машиной инспекции вниз, к Москве-реке. По-видимому, инспекторы планировали по наименее опасному маршруту вывести нарушителя на близлежащую парковку малых летательных аппаратов и там разобраться с ним.

Однако события приняли иной оборот, развиваясь отнюдь не по задумке контролирующей инстанции. Юрий прижимал и прижимал "Витязя" к поверхности воды вопреки истошным воплям эскорта. И в той фазе, когда машина неспешно стала погружаться в мутновато-зеленую глубь реки, интересная пассажирка всё же не сдержалась и

инстинктивно вцепилась за поручни кресла.

– Не волнуйтесь, – успокоил её Рокотов. – Для нашей амфибии

вода – родная стихия. Оторвёмся от сопровождения, и всплывём.

Бортовой компьютер, меж тем, успел подготовить машину к режиму подводного плавания. Автоматически включились системы маскировки, подсветки, герметизации, создания избыточного давления воздуха в салоне. Функционировали сонар и сканеры, показывая место нахождения субмарины и её преследователей, а равно и систему водных арте-

рий Москвы и Подмосковья. Автоматический навигатор вёл машину по безопасному фарватеру реки.

В новой обстановке Лонская освоилась в две секунды, и её воображение захватило непознанная ипостась бытия.

– Здорово? – спросил её Рокотов. – Необычный ракурс?

– Терра инкогнита², – применила Диана известное изречение в переносном значении.

– Вы ещё не видите системы маскировки, – с гордостью произнес обладатель чудо-техники. – Мой «Витязь», подобно хамелеону, мимикрирует под окружающую среду. И сверху он абсолютно не просматривается. Мало того, его невозможно запеленговать, так как включено антирадарное устройство. Зато здесь, – он указал на небольшой экран, распложенный посередине приборной доски, – приборы производят обстановку над нами.

Удаляющаяся красная точка – болид аэроинспекции. Они нас потеряли. Через пять минут примем надводное положение – и форвард онли!... Как говорит одна моя новая знакомая.

Девушка улыбнулась, узнавая в прозвучавшем выражении себя, и дополнила:

– Да, вперёд и непременно вперёд. И чем быстрее, тем лучше.

– А куда, собственно говоря, вперёд? – резонно задался вопросом подводник. – Я обещание сдержал дважды: мало

² *Terra incognita* (лат.) – неизвестная земля.

того, что украл вас у конвоиров, так и у инспекторов из-под носа увёл. А что дальше? Или побег – самоцель?

– Нет, не самоцель. В принципе мне нужно... Мне нужно..., – заикнулась, было, Диана. – А-а! Всё равно я попала из одного плена в другой, – вглядываясь в жёлто-зелёную муть за окном, отчаянно

махнула рукой она. – Короче, мне нужно в Орехово-Зуево.

– Из Москвы-реки нетрудно через Оку попасть в Клязьму, а по ней – доплыть до Орехово. То есть, не обязательно и всплывать, – деловито выпятил нижнюю губу Рокотов, демонстрируя знание предмета. – Да уж больно муторно и кропотливо. Мы пойдем другим путем: всплывем в районе Бородинского моста, где есть удобный пандус. Оттуда развернёмся на Реутово, а там начинается зона полетов – коридор до самого Владимира, и мы за четверть часа доберёмся до места назначения. Принимается?

– Отпад! – одобрительно отозвалась Лонская. – Если вы не привираете, то... Красивее не придумаешь!

– Если честно, когда гнали к смотровой площадке, то дух захватило? – испытующе прищурился собеседник.

– Разве что на грош, – отмерив большим пальцем кончик мизинца, призналась студентка. – Меня мухоморами не корми, а дай остроты ощущений, дай приколоться, подурачиться... Да и просчитала я, что у вас имеется запасной выход.

– А вдруг сумасшедший... маньяк за рулем? – подначивал

её Рокотов.

– Да нет, скорее чудак, объевшийся дешёвых студенческих харчей и страдающий от несварения желудка, – показала в улыбке ровные белые зубы Лонская. – Разве что на этой почве вы могли... обмишулиться и шлёпнуться, как помёт от птички.

Юрий захохотал, вспомнив, как он беспорядочно и натужно поглощал обед.

– Кстати, господин тележурналист...

– Меня зовут Юрий Сергеевич.

– Кстати, Юрий Сергеевич, а чего вы так обо мне печётесь? – полюбопытствовала девушка.

– Три причины, – мгновенно просчитал варианты Рокотов. – О первой я вам уже говорил возле киоска. Вторая. Коли я втянул вас в эту авантюру, то дело чести, без последствий вывести из неё. И третье... Правду сказать?

– Правду.

– Вы мне нравитесь.

– Хм, я многим нравлюсь, да без шансов на успех, – парировала красotka.

– Это уже за рамками темы. О шансах разговора не было. И всё ж, вы мне нравитесь. Как женщина, – упрямо уточнил мужчина.

– Хм, вы, так то, тоже ничего, – откровенно измерила его взглядом особы, знающей себе цену, молоденькая нахалка. –

...Но в возрасте, – чуть смягчила она формулировку отторжения. – Бесперспективняк.

– А вы в Орехово, вероятно, спешите на randevу с безусым сопляком, педофилочка моя разлюбезная! – расплатился «бесперспективняк» ответной колкостью.

– Ха-ха-ха! А вы ревнивец! – расхохоталась попутчица. – Да какой темпераментный! Вот таким вы мне начинаете нравиться. Так и быть, смягчу ваш гнев, – смилостивилась она. – В Орехово я надеюсь отыскать подружку Милену Кузовлёву. Она куда-то запропала. На звонки не отвечает. Я звонила ей на мобильник – или отключен, или вне зоны доступа. А в Орехово её тётка у самого вокзала живёт.

За пикировкой попутчики живо скоротали дорогу до подмосковного городка. Журналист высадил девушку на привокзальной площади, так как та пожелала проведать пресловутую тётку без провожатых, а сам остался её ждать.

Лонская отсутствовала недолго. Она возвратилась обескураженная, молча плюхнулась в кресло и прикрыла глаза. Юрий выдержал продолжительную паузу, давая ей прийти в себя. Он уж вознамерился, было, отлучиться в привокзальный кафетерий за чем-нибудь бодрящим, как вдруг пассажирка заговорила.

– У тётки Милены нет, – тускло вымолвила студентка.

– Воистину пропала?

– Да. Вчера за ней приезжал Георгий – это её друг. Они

скрылись в неизвестном направлении. Со слов тётки, им обоим что-то угрожает... И ещё, – непродолжительно помолчав и проглотив комок в пересохшем горле, возобновила пояснения Диана. – Сегодня к тётке приезжали какие-то бандюганы. Расспрашивали про Георгия и Милу. Квартиру поставили под наблюдение. Так что меня засекли. Там крутился какой-то тип. Возможно, он и сейчас где-то здесь тусуется. Ой!... – воскликнула она. – Я забыла вас предупредить, что неделю назад мне за...за мои выкрутасы муж имплантировал чип, чтобы иметь око недрёманное.

И студентка повернула предплечье правой руки тыльной стороной, на которой розовел едва заметный косметически обработанный шрамик.

– Так...Так вы замужем?!... – одновременно удивился и огорчился Рокотов.

– А вы рассчитывали, что на такую уродину, кроме вас, никто не клюнет? – съехидничала «манкая штучка».

– И под контролем?... – озадаченно продолжал бурчать мужчина зрелых лет.

– Ко всему прочему, и дружки у меня такие, что на них бандюганы охотятся, – в тон ему продолжила Диана.

– Интересный поворот сюжета, – проворчал Рокотов, заново оценивая обстановку.

– Ага, уже покаялись, что связались со мной? – точно пробуждаясь от летаргического сна и становясь самой собой, сыронизировала смазливая попутчица.

– Отнюдь, – с внутренней сосредоточенностью отвечал ей водитель, готовясь в путь. – Элементарно просчитываю ходы. До Орехово-Зуево ваши филеры нас не могли пасти, ибо в аэроболиде постоянно включена электронная защита. А вот пока вы навещали старушку... Это минут пятнадцать...

– Двадцать, – уточнила девушка, взглянув на часики.

– Для страховки на дальнейшее время наденьте браслет, он блокирует действие чипа, – достал Рокотов из «бардачка» специальное устройство. – И пристегнитесь.

Журналист помедлил, давая Диане приготовиться к быстрой езде, и «дал газа до отказа», срывая болид с места и закладывая крутой вираж. При этом почти из-под колёс машины еле-еле успел выскочить какой-то плюгавенький мужичонка, который, как выяснилось из пояснений Лонской, и «пас» квартиру тётки Милены.

Глава четвёртая

1

Общество устроено так, что кого-то в нём занимают задачи глобального значения, а кого-то донимают загвоздки сугубо житейского характера. В принципе, по натуре своей Тихон Заковыкин принадлежал к философствующим романтикам, но нечаянное и заочное знакомство с Миленой превратило его в практика, бьющегося над развязыванием реального узелка. На разгадку ребуса, заданного таинственной Миленой, его навели три ключевых слова из её записки: имя

Милена – само по себе, а также термины «сюр»³ и «атон».

Прежде всего Заковыкин сосредоточился на наиболее перспективной и легко разрешимой версии (так он считал) – на имени загадочной пропажи. По мнению Тихона, увлекающаяся этрусками девушка по имени Милена неизбежно должна быть чешской студенткой, обучающейся истории. И он, не мешкая, последовательно съездил в МГУ и в университет Дружбы народов. Там ему доступ к нужной информации дался проще простого: знакомства сыграли положительную роль. Увы, это стало слабым утешением, так как ни на историческом факультете, ни вообще в МГУ студенток по имени Милена в списках не значилось. Что до университета Дружбы народов, то там ему всё же «откопали» Милену. Однако Всевышний «отпустил» той Милене такую немилую мордуленцию, что Тихону сразу расхотелось, чтобы она соприкасалась с этрусками. Так оно к его облегчению и оказалось.

Сама собой в повестку дня встала следующая версия – про «сюр». Автор записки, связав воедино, казалось бы, культурологический термин (говорящий об иррациональном, подсознательном восприятии мира художником) с каким-то изобретением, хотя и не сразу, но невольно навёл студента на одно любопытное соображение. Если верить Ми-

³ Сюр – сленговое название сюрреализма (от *фр. surréalisme*, буквально «сверхреализм») – направление в литературе и искусстве, сопряжённое с использованием аллюзий и парадоксальных сочетаний форм.

лене, то получалось, что её любимый Гоша был, вернее всего, каким-то техническим умельцем, а не художником (после Леонардо да Винчи живописцы с

изобретениями как-то не дружили). И притом Гоша был таким

умельцем, который устанавливал связь с потусторонней реальностью. Вроде бы, абракадабра, но Тихона посетил ин-сайт, позволивший выдвинуть интересное предположение...

Разгадка могла корениться в том, что в столице появилось необычное заведение под оксюморонным названием «Сюр-Реал». Оно представляло собой натуральный образчик «писка издыхающего стиляги». Там, помимо традиционного набора увеселений для богемы, мажоров и золотой молодежи Москвы, открылся современный салон «сенсорно-интеллектуальных фантазий». Завсегдатаи фамильярно называли его «сенси».

В салоне клиента с соблюдением конфиденциальности усаживали в кабинке в уютное, буквально обволакивающее тело, кресло. На голову посетителя надевали специальную тиару, лазерные электроды которой входили в контакт с корой головного мозга. И жаждущему запредельных ощущений субъекту с квантового компьютера подавали индивидуальный заказ: желаете эксклюзивно-деликатное свидание со звездой эстрады – наслаждайтесь до одурения; вам по вкусу общение с чемпионом мира по боям без правил Васей Мамонтом из Оймякона – желаем вам закрытых, а не открытых

переломов; отдаёте предпочтение виртуальному бизнес-рандеву с олигархом Лонским – для безопасности рекомендуем обзавестись намордником; захотелось аудиенции с лучшим андрологом Нестояловым – да на здоровую эрекцию!

Компьютер воспроизводил облик кумира и подавал его в мозг поклонника с реально-документальной точностью: от привычного экранного образа и естественного запаха тела – до тактильных особенностей кончиков его пальцев и милой слабости чуть картавить. Степень близости общения регулировалась от нейтрального до лояльного, от лояльного – до задушевного, от задушевного – до интимного. «До состояния полураспада! – делились впечатлениями завсегдаи.

В «сенси» не возбранялось приходиться дуэтами. Для пар отводились двухместные кабинки. Компьютеры дамы и кавалера имели сетевую связь. И если вдруг (а скорее, совсем не вдруг) побуждения «сладкой парочки» совпадали, равно как и их помыслы, то ничто не мешало им слиться воедино и овладеть друг другом там, в инобытии, в трансцендентном измерении. Фанаты даже безапелляционно настаивали, что натуральная эротика – жалкое подобие виртуальной эйфории всецелого растворения возлюбленных.

Не мудрено, что у смышлёного Заковыкина живо возникла ассоциация между абстрактной искусствоведческой категорией «сюрреализм» и частным воплощением её в виде салона «Сюр-Реал». Занятную гипотезу ему надлежало проверить самым тривиальным способом – прийти туда.

Приехав в видеосалон, паренёк прикосновением пальца к автомату произвёл оплату билета, миновал турникет и оказался в просторном и по-обеденному малолюдном вестибюле. Он с любопытством стал озираться по сторонам, поскольку раньше здесь не бывал. К нему поспешил верзила в униформе – по-видимому, распорядитель зала.

– Захар Андреевич Громадин к вашим услугам, – назвался верзила. – Слушаю вас, молодой человек, – угодливо ослабился он лошадиной физиономией.

– Да вот, пришёл посмотреть, – непроизвольно подражая здоровяку, ответно оскалил зубы посетитель, ощущая себя так, словно на него наехал владимирский тяжеловоз.

– Вы впервые у нас? – весьма бесцеремонно прощупывал его взглядом Громадин.

– Да, – признался пермский провинциал.

– У вас билет в общий зал или в кабинку?

– В эту... В кабинку. Эконом-класс.

– С кем желаем пообщаться? Кого желаем посмотреть? Политических деятелей? Звёзд эстрады? Знаменитых спортсменов? – ни на миллиметр не отставал от зрителя монументальный хозяин зала.

– Этих... Как его... Звёзд эстрады, – не без труда сделал выбор

Заковыкин, от напряжения вспотев подобно старой кляче, пришедшей в забеге последней.

– Я провожу вас, – подал знак следовать за ним обладатель откормленной конской морды, и повёл Тихона кулуарами заведения.

Так юный разведчик оказался в кабинке, где ему, по сделанному впопыхах и наобум заказу, предстояло интимно пообщаться с электронным двойником легендарной певицы Бэллы Разиной.

Давным-давно Разина воистину блистала на эстрадных подмостках. «Раннюю» и «зрелую» Бэллу за один только хит «Клоун» искренне обожали миллионы слушателей. Но с той поры от Бэллы не только много воды утекло, но и подлинных композиторов, поэтов и просто людей со вкусом. Правильно подмечено: дозвоьте артисту сыграть не роль, а самого себя, дайте ему свободу слова – и вы обречены «сосать пустышку». Последние годы прима эстрады прозябала на устаревшем «багаже», подменяя увядающее творческое начало песнями-однодневками и косметическими изысками. Про «первый вокал страны» язвили, что она не может спать, так как от бесконечных подтяжек у неё не закрываются веки, не может сидеть, ибо ягодички затащили под чашечки лифчика, и не может лежать – просто не с кем.

Заковыкин натужно «поякшался» с Разиной с пяток минут. Однако, когда та стала наступать на него, вихляя задом и напевая: «А за Светку, а за Светочку отымели табуреточку...», неразвращённый юноша не вытерпел. Он, невероятным усилием воли вырываясь из состояния гипнотического

транса, выключил тумблер, сбросил с головы электронную тиару и стал выбираться из кресла.

По тревожному сигналу к нему в кабинку заглянул дежурный оператор.

– Что-то не так? – осведомился салонный клерк, выразительно двигая рыжими, как у таракана, усищами.

– В туалет захотел, – соврал ему клиент. – Где тут у вас туалет?

– По коридору и направо, – махнул рукой оператор.

– А Гоша где у вас работает? – спросил паренёк, вставая из кресла.

– Кто-кто? – переспросил рыжеусый.

– Да Гоша... Ну, Жора, Георгий? – уже менее уверенно поинтересовался студент.

– И чё, на пару с ним в туалет попрётесь? – неожиданно остро съехидничало тараканоподобное существо.

– Зачем же вы так? – деланно обиделся Тихон. – Он у вас тут кем-то работает. Мы в прошлый раз с ним поболтали об этрусках.

– Об ком..., об ком вы болтали? – уточнил оператор.

– Об этрусках.

– Какая-такая обэтруска? – обалдел усач.

– Да племя такое, – нетерпеливо сказал паренёк.

– Даплемя? – туповато повторил работник салона. – Хым, обэтруска, даплемя... Не-е, нету у нас ни обэтруска, ни даплемя, ни Жоры.

– А туалет есть?

– Туалет? Туалет есть. Тама? – махнул оператор рукой в направлении внутреннего тамбура.

– Ну, ладно, я схожу в туалет, и вернусь, – многообещающе известил Заковыкин глуповатого малого таким тоном, словно намекая, что после посещения сортира от него кому-то крепко не поздоровится.

Ощущая себя лазутчиком в тылу врага, юноша двинулся в направлении туалета, но на полпути неожиданно свернул к лестничной площадке и поднялся в зал второго этажа. Там он, понемногу входя в роль и изображая завсегда заведения, без обиняков начал выпытывать у старшего по залу про Жору-Гошу-Георгия, чем и того поставил в затруднительное положение. Так и не выведав положительной информации, Тихон направился к лестничной площадке, ведущей на третий этаж. Делая вираж, он оглянулся и увидел, что старший по залу интенсивно обменивается мнениями с Рыжеусым и «появившимся на горизонте» Громадиным. Сотрудники салона сопровождали его пристальными взглядами. «Начхать!», – решил студент.

Заковыкин уже пытал в фойе третьего этажа очередного клерка

заведения, когда его окружили Громадин, Рыжеусый и ещё двое крепких ребят. «Кошка шкребёт на свой хребёт, однако», – подумал в связи с этим искатель приключений.

– Вам, вообще-то, чего, молодой человек? – тронул его за локоток Громадин.

– Чё ты вынюхиваешь, друг поноса и дизентерии?! – выворачивая пальцы рук на излом у чересчур любознательного клиента, вёл себя куда менее выдержанно Рыжеусый. – Ты ж на очко хотел?

– Мне это... Жору, – выдавил из себя Тихон, говоря, в общем-то, правду, ибо сознавал, что смешно отрицать очевидное.

– Тихо, Антон, – осадил Рыжеусого обладатель лошадиной морды. – Какого вам Жору, молодой человек? – обратился он к задержанному. – Фамилия? Номер телефона? Адрес?

– Да не знаю я, – как мог, выворачивался гость салона. – У нас с ним неделю назад был того... трёп про этрусков. Он такой... курчавый... Девкам нравится, – на ходу фантазировал посетитель. – Жора болтанул, что здесь работает.

– Вы за тем сюда и пришли? – не спускал с него колючих глаз старший распорядитель.

– Да не... По случаю..., – словесно отбивался прихваченный с поличным. – Щас... что-то... вспомнил про Жору.

– Захар Андреич, может, мозжечок ему отбить, чтоб не помнил, чё не надо, – предложил верзиле тараканоподобный изувер. – Заодно с почками, а? Или подхребётный филей опустить, чтоб прямая кишка лучше держалась, а? Или ливер мелко порубать ногами, а?

– Цыц! – поставил его на место главный. – Вас как зо-

вут? – организовал импровизированный допрос Заковыкина Громадин, отводя его в угол зала.

– Меня? – глупо хихикнул Тихон. – Эта...Михой. Миха Шестопалов я.

– Студент?

– Ага.

– Где учитесь?

– В этом...В МГИМО.

– Документы при вас имеются?

– Документы? Не-е...

– Антон, – распорядился Захар Андреевич.

И Рыжеусый тренированными пальцами не то карманника, не то аккордеониста пробежался по Заковыкину сверху донизу, на полпути извлекая мобильный телефон из джинсов задержанного.

– Не-а, – сокрушённо доложил он начальнику, завершив досмотр. – Нема ксивы.

– Внимай, Миха, или как тебя там, сюда, – внушительно приказал Тихону верзила. – Твой проказливый фейс зафиксирован в базе данных, – указал он пальцем на одну из камер слежения. – Если что, из гроба достанем. Или туда прописку организуем. Понял?

– Д-да, – довольно-таки поспешно подтвердил усвоение угрозы студент.

– Отдай ему телефон и выпроводи, – приказал Громадин Антону. – Через чёрный ход. И чтоб без рук.

– Угу, – хмыкнул Рыжеусый.

Он «пробил» номер мобильного телефона пермяка, возвратил изъятое и указал «проказливому фейсу» место подле себя.

Таким образом, Антон культурно повёл лазутчика «под конвоем» кратчайшим путём к выходу – вдоль служебного коридора третьего этажа. Дефилируя мимо одного из кабинетов, Заковыкин случайно прочитал надпись на табличке, прикрепленной к дверям: «Главный режиссёр Листратов Георгий Валентинович». И тут его точно по голове ударили: «Листратов Георгий!... Ведь Георгий же! Гоша... Жора...». У студента хватило ума промолчать. Он ни жестом, ни возгласом не выдал себя, уверившись, что находится на правильном пути: по пустякам такие строгости в заведении устраивать не стали бы.

Антон сопровождал Заковыкина к подножию крыльца видеосалона, где на прощание отвесил всё же ему смачного пинка в «подхребётный филей». В другой раз Тихон непременно дал бы за то наглецу в рыло, но теперь его сдерживало обладание тайной, разгадка которой медленно, но приближалась. Потому он зашагал вдоль зеркального ряда стёкол «Сюр-Реала», вглядываясь в своё обиженное лицо и удивляясь, что уж такого проказливого в нём могли обнаружить.

Прописная истина: сильных трудности закаляют. Вот и в Заковыкине приключение в видеосалоне не только не убило неутолимую жажду расследования, а напротив – подстегнуло её. Он приступил к проверке третьей гипотезы. И расшифровка понятия «атон» оказалась не менее сложным занятием, нежели прояснение первых двух версий.

Откровенно говоря, изначально Заковыкин написание ключевого слова с прописной, а не с заглавной буквы, отнёс на некоторую неграмотность Милены. Пермьяк предположил, что на самом деле под «атоном» она подразумевала «Атона» – солнцеподобное божество из древнеегипетской мифологии. Потому он и укрепился во мнении, что девушка учится на историка. Кого ещё в середине двадцать первого века могут заинтриговать покрытые прахом тысячелетий Атон или племя этрусков?

По поводу Атона у Тихона имелись кое-какие планы проверки. Хотя и довольно туманные. Студент надумал обратиться за помощью к Борьке Загребалову. Борька разом был и сокурсником Заковыкина и довольно противным малым. Из-за второго свойства с ним, пожалуй, не стоило бы связываться. Зато, наряду с несносным характером сокурсник располагал и несомненным достоинством: он обладал мощной электронной базой.

Последнее обстоятельство и предрешило исход колебаний будущего юриста: он снизойдёт до Загребалова истины ради. Тем более что Борька имел перед ним обязательства: Ти-

хон сделал за него оригинальный реферат, а также выручил на тестировании во время зимней сессии. Естественно, что за работу, выполненную башковитым провинциалом, «богатенький, но тупорылый Митрофанушка» рассчитался, что, впрочем, не избавляло его от зависимости в предвидении будущих экзаменов.

Через полчаса Заковыкин уже стоял перед порталом современной московской многоэтажки и нажимал на кнопку панели видеодомофона. Борька («партийное» прозвище Батон) был толстяком и чревоугодником, точнее – чревоугодником и толстяком. Потому визитёр вовсе не удивился, услышав типично московский – протяжный и акающий – тенорок Загребалова, вопрошавшего с плотно набитым ртом:

– За-ка-вы-ка, ты што ли?

– Нет, дух Кашея Бессмертного с раздавленным яйцом и сломанным кончиком иголки, – не склонный шутить, буркнул тот.

– Ка мне, што ли?

– Нет, к телу Бабы Яги.

– Чиво нада?

– Шоколада.

– Ха-ра-шо, за-ха-ди, – согласился Батон, которого, как ни странно, убеждали именно такие малосодержательные и алогичные диалоги. – Ща швейцара предупрежу.

Щёлкнуло автоматическое запорное устройство, и студент, потянув на себя дверь, шагнул в подъезд. Там он уви-

дел старушку-консьержку, которой уже звонил Загребалов. «Я...эта...к Батону...То есть, к Борьке», – известил её Тихон, и вызвал скоростной лифт.

Спустя полминуты худощавая фигурка гостя уже проявилась на верхних этажах. Обжора встретил его на пороге пентхауса, по размерам больше напоминающего двухуровневый спортзал.

– Пги-вет! – сказал Борька, дожёвывая энный по счёту эклер. – За-ха-ди.

Расположившись в Борькином жилище, Заковыкин слегка ввёл хозяина в курс проблематики по поводу Атона и топ-менеджера «Сюр-Реала» Георгия Листратова, пытаясь обойти стороной существо собственной затеи. Однако прожорливый субъект был не лыком шит, чтобы за здорово живёшь пальцем шевельнуть.

– И чиво? – осведомился он.

– Надо бы вычислить этого Гошу и прояснить про Атона.

– Ка-аму надо?

– Мне.

– А за-ачем?

– Так, – уклончиво произнёс Тихон.

– Ну, раз та-ак, так я пойду за-ажую чё-нить, – фыркнул Загребалов. – А тебя, За-ка-вы-ка, я не за-адерживаю. Па-ка-а...

– Батон, погоди, – остановил его обескураженный сокурс-

ник. – Тебя же просят... Будь человеком.

– Х-хо! Дак и ты будь, – хохотнул тот.

И уральский следопыт понял, что противного типа ему придётся «брать в долю». Он протяжно вздохнул и нехотя раскрыл тому подоплёку истории. Загребалов к ней не выказал большого интереса. Он пожал плечами:

– Из-за чиво шум-та?

– Судьба человека. Судьба трёх человек.

– И чиво тибе нада?

– Попользоваться твоим суперкомпом. В Интернете полазить. У тебя ж доступ в спецпрограммы...

– Пф-ф, валяй, – скептически колыхнув набитым брюхом, принялся отдуваться чревоугодник.

Тихон с готовностью подсел к компьютеру, включил специальную программу, и в режиме поиска ввёл понятие «Атон». «Прошерстив» имеющуюся информацию, электронная машина по релевантности выдала сведения, что под Атоном в древнеегипетской мифологии традиционно понимается «божество солнечного диска» и подробнейшим образом раскрыла данную информацию. Далее следовали многочисленные бытовые изделия типа ламп, котлов, обогревателей. Замыкали перечень коммерческие структуры под названием «Атон» в различных вариантах. Иная интерпретация отсутствовала.

Лишь тогда Заковыкин, подумав, что, Милена, возможно, не такая уж и неграмотная, ввёл в обработку термин

«атон». Реагируя на задание, «суперящик» ненадолго «задумался», а затем выложил новое определение. Согласно ему атон представлял собой элементарную частицу, массой в три раза больше чем у нейтрино, которую ещё в 2000 году «чисто теоретически» открыл некий Омельянюк А.Л. Настоячивого пермяка это тоже не устроило, и он ввёл в поисковую строку словосочетание «Атон-атон». Ан и машина оказалась не менее вредной, нежели «заезжий с Урала». Она недовольно «попыхтела», а затем, удалив из задания термин «атон», выложил уже известные данные про божество солнечного диска. Круг замкнулся.

– Х-хо! – хохотнул Борька, следивший за поединком машины и человека. – И тут эти две жабы встретились! Хе-хе-хе!

– Погоди-погоди, – пресёк его скептицизм Заковыкин. – Слышь, Батон, помнишь, мы как-то лазили в закрытых корпоративных научных сетях? Ну, там... Российская академия наук, высокоскоростное информационное кольцо «Глориад»...

– Х-хо, – с недовольством возразил тот. – Так за то ж с меня а-атстегнут крутые бабки.

– Ну, Бато-он!

– Реферат, – перевёл сделку в коммерческую плоскость жадина.

– Батон, ты чего?

– Рефера-ат!

– Ладно, фиг с тобой, – покорился Тихон.

Загребалов добился своего, но и сообразительный пермяк также получил искомое. Он вошёл в закрытую сеть Российской академии наук и в разделе «наука и техника» ввёл в режим поиска словосочетание «атон, изобретение». Реагируя на новую задачу, на сей раз «замордованное» несгибаемым студентом кибернетическое устройство «задумалось» надолго.

– Завис, – пессимистически констатировал Загребалов.

– Не гони лошадей. Батяка думу думает, – не согласился оптимист с утверждением поклонника культа пищи.

И он с нежностью погладил мощнейший системный блок суперкомпьютера. «Киберящик» продолжительно и едва слышно гудел несколько минут, по истечении которых в поисковой строке, указав на ошибку, исправил «атон» на «отон», и «стеснительно» выдал скупой отчёт: «Отон – аббревиатура от словосочетания «общая теория относительности». Термин отон введён в научный оборот советскими учёными Яковом Зельдовичем и Игорем Новиковым. Под отоном ими понималась гипотетическая сверхмалая элементарная частица. Согласно представлениям той эпохи отоны в естественном состоянии находились в раскалённой плазме ядра Земли. Предполагалось, что высвобождение энергии, заключённой в отоне, многократно превышает внутриядерную энергию атома. В настоящее время учёные передовых стран мира работают над данной проблематикой». Вслед за

научным разделом открылся популярный форум, в котором отон идентифицировался в качестве «чёрной дыры, но с обратной тягой», и даже как «носитель души человека». Наконец, в рубрике «Культура» рассказывалось о римском императоре-развратнике Отоне Маркусе Сальвиде, жившем в первом веке до нашей эры, а также о французском литераторе графе Шарле де Отоне.

– Дребедень, – дал оценку тексту Борька.

– Кое-что, – не отрываясь от экрана монитора, ответил Тихон. – Главное, получено ключевое слово. Слышь, Борян, а помнишь, мы как-то по американским закрытым корпоративным сетям лазили? Ну, там... Массачусетский технологический институт, Центр технологических исследований...

– Х-хо! – вскричал толстяк. – Так за то ж с меня а-атстегнут очень крутые бабки.

– Ну, Бато-он!

– Кур-савая и два реферата, – создавая фундаментальный учебный задел на будущее, принялся торговаться скряга.

– Батон, да ты чего?! – оторвавшись от монитора, вытаращил глаза Заковыкин.

– Кур-савая и два реферата!

– Чёрт с тобой, – «продался в рабство» Тихон, щёлкая кнопками клавиатуры.

Виртуальное общение с американской стороной оказалось не бесплодным. Традиционно янки про Россию знали больше, нежели рядовые россияне. К сведениям, ранее почерп-

нутым из отечественных электронных сетей, прибавилось, как прочавкал Батон, «свежѐ».

«...Дальнейшие практические исследования не подтвердили гипотезу советских учёных о наличии в свободном состоянии отона в ядре планеты, в связи с чем рабочее название данной частицы не прижилось, – извещал Центр технологических исследований Заковыкина и Загребалова. – Вместе с тем, на основе идеи об отоне была выдвинута и разработана более перспективная гипотеза об элементарной частице «монополь». Монополь не существует в устойчивом состоянии в условиях Нашей вселенной. Впервые он был зафиксирован при проведении управляемой термоядерной реакции. Период его существования крайне короток. Протяжённость монополя много меньше постоянной Планка. Специфика монополя свидетельствует о том, что это субфизическая частица, не подчиняющаяся физическим закономерностям Нашего мира. Предполагается, что перевод частицы в стабильное состояние и создание критической массы, позволит осуществить монопольную реакцию. Именно такая реакция, имевшая место около пятнадцати-двадцати миллиардов лет назад, явилась предпосылкой, так называемого Большого взрыва, в результате которого возникла наша Вселенная. Скорость протекания монопольной реакции, приблизительно, на десять порядков выше скорости света.

В разрешении данной проблемы существеннее остальных продвинулись российские учёные. В текущем периоде они

в обстановке строжайшей секретности проводят теоретические и экспериментальные исследования на острове Новая Земля. Там русские разместили термоядерный реактор и, предположительно, монопольную установку малой мощности. Согласно осведомлённым источникам, к Москве, с подачи заинтересованных кругов и в нарушение собственных правил, неофициально обращался Нобелевский комитет под предлогом выдвижения российских кандидатов на престижную премию (и с целью выяснения глобальной опасности, грозящей планете). Москва, как обычно, ответила на это ледяным молчанием.

ЦРУ и спецслужбы Европы готовы заплатить любые деньги за проверенную и представляющую ценность информацию, касающуюся тех действий русских, что ставят человечество у опасной черты».

– Ого! – закончив чтение, откинулся на спинку кресла Тихон.

– Не ого, а вау! – поправил его Борька. – «Га-атовы заплатить любые деньги!» – процитировал он выдержку, потрясшую его воображение. – Да-а... Жа-алка, не бывал я в этом... в «Сюр-Реале». Если бы там жрачку давали, тогда бы канешна...

– Стоп, Борян! – оборвал гастрономические фантазии «живоглотской кишки» Заковыкин, забивая в поисковую строку монитора слово «Сюр-Реал».

Компьютер мгновенно выдал список синонимичных по-

нятий. При этом официальный сайт столичного видеосалона возглавлял этот неофициальный рейтинг в качестве наиболее востребованного. Само собой, самодеятельный детектив тотчас кликнул по верхней строке, открывая официальный сайт популярного заведения. В течение четверти часа пермяк перерыл все данные ресурса, почерпнув массу информации о «Сюр-Реале», кроме искомых сведений о его главном режиссере (там зияли многозначительные пробелы). Да и раздел отзывов посетителей был подозрительно девственно чист. То есть, электронный портал основательно и экстренно почистили. Отрицательный результат – тоже результат, который, как ни странно, отчасти порадовал Тихона: значит, он находится на правильном пути.

– Есть у меня кой-какие зна-акомцы... по «Сюр-Реалу», – по-поросячьи почесал за ухом толстяк, взирая на мучения сокурсника. – Им дай наколку, на-айдут иголку. Если твой Жора там па-адвизается, то май зна-акомцы его надыбают.

– Ну, давай, – сдался провинциал, оставляя в покое компьютер.

И Загребалов «завис» на видеотелефоне. Он обзвонил дюжину своих приятелей, прежде чем вышел на некоего Толяна Конопатого, пошловатая рожа которого была усыпана веснушками гуще, нежели струпьями тело Кулау-прокажённого. Они долго о чём-то толковали на жаргоне, доступном племени «приблатнённых», прежде чем сторговались на обоюдовыгодной сумме.

– Йес! – выкрикнул Борька, отключив видеоаппарат. – Учти, За-ка-вы-ка, Толяну бабки за базар я отслюнявлю, но навар с абарота – в наш общак. Собирайся, айда на стрелку с Ка-на-па-тым.

– А куда?

– Ку-у-уда-ку-уда, – собезьянничал над его неосведомлённостью Батон. – На Кудыкину гору. Ка-на-па-тый всегда на а-адном месте

тусуется – на Га-арбушке.

3

«Стрелка» Заковыкина и Загребалова с Толяном Конопатым произошла, как и было задумано, близ дворца культуры имени Горбунова. Давным-давно, если верить старикам, здесь размещался вещевой рынок, в просторечии – толчок или толкучка. Позже «толчок» разогнали, однако традиция встреч на площади перед зданием разного рода неформальных элементов сохранилась. Инициаторы randеву пожаловали сюда на шикарном загребаловском «Мерседесе», а их «источник» пожаловал более скрытным способом – пешком.

– Хай! – неожиданно вынырнула из-за памятника проказливая веснушчатая рожа информатора.

– Хай! – вздрогнув, повернулся в его сторону толстяк.

Заковыкин обошёл без приветствия.

– Это кто ещё? – покосился Конопатый на Заковыкина,

который находился вне поля его зрения в ходе переговоров по видеотелефону.

– Свой па-ацан, – заверил его «финансово упакованный чебурашка».

– Предупреждать надо, – скривился «источник». – Не по понятиям...

– Та-а-альян, будь спок. Как житуха? – попытался завести окольный разговор обжора.

– Фифти-фифти, – сухо бросил тот. – Бабки при тебе? Принимаю только нал.

– Йес, – похлопал по борсетке, надетой на брючный ремень, Загребалов. – Ну и чё за фраер этот Гоша?

– Мани-мани вперёд, – ёжась и озираясь по сторонам, игнорировал его любопытство Конопатый.

– Та-лян, ну ты чё? – набивал себе цену перед Тихоном Борька. – Чё ты, не впервой же...

– Разводить лохов будешь, – пресёк его болтовню веснушчатый хитрован. – Бабки гони, или я сваливаю нафиг.

– Пф-ф! – выразил ему своё неудовольствие толстяк. – Барзеешь! Да на ты...

И Загребалов «отслонявил» Толяну обусловленную сумму в виде инвалюты. При этом рыжий пройдоха ловким движением руки так «заныкал» наличность, что Тихон даже и не понял, куда она исчезла.

– Значит так, – предупредил парочку осведомитель, – я вас не видел, вы – меня. О заказе. Слушайте и мотайте на

подкорку.

И у Толяна словно из воздуха, или вообще из небытия, в руках появилась бумажка, с которой он зачитал текст:

– Листратов Георгий Валентинович, 2025 года рождения, главный режиссёр программ видеосалона «Сюр-Реал», он же – изобретатель художественного механизма нейроэлектронного воздействия на человека. Способ запатентован и лицензирован. Адрес: улица Подлесная, двадцать восемь – пятьдесят.

Загребалов потянулся, было, к записке, но Конопатый грубо отвёл его руку.

– Я кому вякнул: слушайте и хавайте? – осклабился он, «заныкав» и бесследно канувший обрывок бумажного листка.

– Та-лян, ну ты чё? – захныкал было Борька.

– Глохни, рыба! – грубо оборвал его тот. – А то и этого не получишь... Уже три дня Листрата ищут. Смýлся он на пару со своей бейбой – Кузовлёвой Миленой. Она обреталась на проспекте Вернадского, дом 22, корпус Б, квартира 72. И последнее вам предупреждение. Это от себя. Листрат не то кого-то кинул, не то кому-то задолжал. Причём, зуб на него имеет Вован Палач. Всё. Вы меня не видели, я – вас.

И конопатый бестия канул в никуда, точно под памятник провалился. Полученные от него сведения не осчастливили Борьку. Наоборот, на его пухлых и только что розовых щёках проступила матовая бледность, а на неё наложилась гримаса

страха.

– Ты чего? – обратился к нему Тихон.

– Ёпс тудей! – выругался тот, с перепугу забыв про московский говор и спесь. – Зап-парил я фигню на свою репу. Я втрое дам против того, что отвалил щас Канапатому, лишь бы от Вована подальше.

– А кто это?

– Вован Палач? Редкая зверюга! В авторитете. Ему лоха завалить, что косячок закумарить, – напроць утратил столичное аканье Загребалов. – Напарил... И всё через тебя, За-ка-выка, – враждебно прошипел он.

– Поду-умаешь... – не вник в его переживания Тихон. – Батон,

да чего ты разошёлся-то?

– Да того, што Канапатый первый же заложит нас Вовану: мол, они пра этаво... пра Листратова разнюхивали. И капец нагрянет незаметно! Слыхал базар, как вырезали семью банкира Каблова? – назвал «громкую» фамилию Борька.

– Ну?

– Его рук дело.

Толстяк не на шутку струсил. Он наотрез отказался участвовать в дальнейших розысках Листратова и Кузовлёвой.

– Да ты чего, Батон? – подтрунивал над ним «пермяк-солёные уши». – Мы же госпожу Фортуну взяли за жабры, а ты скис. Крутые ж бабки срубим, – поддразнил он Загребалова.

– Пшёл на фиг! – испуганно отмахнулся тот. – Свой жир-

трест дороже.

– Шут с тобой, Борька, – урезонивал труса Тихон. – Струсил – твоя воля. Ты только подбрось меня на Подлесную – это ж где-то у чёрта на куличках, её ж надо искать.

– Пшёл на фиг! – со слезами на глазах простонал обоюра. – Я тебе не такси и не рикша.

И Борькин «Мерседес», пыхнув дымком, умчался в даль.

4

Пришлось Заковыкину возвращаться в студенческое общежитие, несолоно хлебавши. И отложив визит на улицу Подлесную до следующего утра. В вагоне метро самозваному детективу внутренний голос нашёптывал, что он опять «шкребёт на свой хребёт», но любознательность и совесть заглушали его несправедливые стенания. Совесть и любознательность заставляли Тихона искать правду.

Наискосок от паренька сидела старушка. Она с улыбкой смотрела на его вдохновенное лицо. Вероятно, бабуся полагала, что если кому на роду и предназначено безоблачное существование, так именно этому наивному юноше. Между тем она заблуждалась, ибо удел Заковыкина был отнюдь не прост. Ведь Тихон вовсе не в рубашке родился, как могло почудиться со стороны.

Заковыкин родился в Перми в семье, принадлежащей к так называемому среднему классу. До подростковой поры

он и вправду горя не знал. Но едва Тишка стал учиться в седьмом классе, тяжело заболела его мама Ирина Егоровна. Её стали преследовать страшные неизлечимые приступы головной боли. От них она медленно высыхала и таяла, а её прежде молодое и красивое лицо исказила нестираемая гримаса страдания. Отец же Тихона неожиданно-негаданно разбогател и в открытую стал волочиться за молоденькой продавщичкой из гипермаркета.

Деньги разлагают даже очень сильные натуры, нащупав в них червоточинку. Они испортили не только отца, но и его дочерей, за шелест купюр прощавших главе семьи подлости. Самый младший из Заковыкиных тоже не был лишён недостатков, но наряду с ними в нём жарко горело благороднейшее из человеческих чувств: Тишка безмерно любил свою маму. И одно это его душевное качество побило те слабости, кои у парнишки имелись.

Лютый зимой 2049 года отец улетел «погреться» – на карнавал в Рио-де-Жанейро. С собой он прихватил не только любовницу, но и дочерей. И те переступили через мать вместе с продавщицей – уж очень их манила диковинная Бразилия. Зато Тишка демонстративно в туристическом ваучере провёл маркером по своему имени. Черта получилась жирная и чёрная. В порядке расчёта он заработал от отца увесистую оплеуху, а от сестёр – жесты, в виде выразительного покручивания указательным пальцем у виска.

С отъездом отступников Ирине Егоровне стало ещё хуже,

но она старалась не подавать виду. Мало того, когда к ней пришли тренер с капитаном юношеской команды и рассказали, что Тишка отказывается лететь на хоккейный турнир в Екатеринбург из-за каких-то семейных проблем, мама настаивала на том, чтобы сын обязательно принял участие в соревнованиях.

Казалось, мальчишка расставался с мамой всего-то на три дня, да только малая разлука переросла для него в трагическую вечность – Ирина Егоровна покончила с собой. Как Тишка перенёс эту беду и свою оплошность, ему до сих пор было жутко вспоминать. Из состояния безнадежного отчаяния его вытащили дедушка Егор Петрович, верный пёс Дружок, а равно врождённые Тишкины

жизнелюбие и упрямство.

Старик тогда сказал внуку, что все люди делятся на две категории: на тех, кто за единожды причинённую им обиду мстят всю жизнь и всему человечеству, а также на тех, кто не чинят зла именно потому, что, единожды пережив боль души, знают, как саднит рана. «А вину и боль можно искупить только добротой, – добавил Егор Петрович. – Делай благо, и мама тебя простит».

Внук согласился с дедом, добавив про себя немаловажное уточнение: его доброта будет сильной, «давая в зубы предателям». И начал Тихон с того, что ушёл от отца к деду Егору. А ещё он решил стать прокурором и наказать тех, кто не просто продал его маму, а убил её с особой жестокостью.

В данном случае заблуждается тот читатель, кто поспешил подумать, что Егор Петрович, как бывший заместитель прокурора Пермского края, пристроил внука по юридической стезе. Отнюдь. Смышлёный «пермяк-солёные уши» в 2052 году стал победителем всероссийской олимпиады по истории Родины и на правах лауреата выбрал для продолжения учёбы Московский государственный университет.

Конечно же, в процессе взросления к Тихону пришло осознание той грустной правды, что его бывший отец не ответит за мамины мучения. По крайней мере – перед законом. Тем горше было Тихону. Оттого и крепло в нём страстное желание вершить справедливость собственными поступками. По этой же причине, вопреки опасениям и страхам, он не спавал перед неведомым Вованом Палачом и укрепился в решимости установить местонахождение улицы Подлесной и завтра же отправиться туда. Заковыкин вознамерился «раскопать» истину, во что бы то ни стало. И какой-то там бандит был ему не указ.

5

Вообще-то, уголовный авторитет Вован Палач, сколь ни странным это может показаться для тех, кто с ним сталкивался, имел человеческую фамилию. В первом и настоящем паспорте (а не в уголовной ксиве) он фигурировал как Пакостин. Более того, у него была и мама! Когда она была бере-

менна им, то ласково называла Вовочкой и лелеяла большие надежды.

Однако ребёнок родился недоношенным, некрасивым, болезненным и беспрестанно орущим. Пошёл он с большим опозданием, а заговорил – и того позже. Да и во всем остальном уродец невыгодно отличался от старшей сестрёнки – ласковой и смышлёной Вареньки. Короче, не милый мальчик, а колючий комок рефлексов, нуждающийся в заботе от тех, кто его произвел на свет.

Но как-то так получилось, что постепенно родители и бабушка махнули на него рукой, всю ласку сосредоточив на одарённой Варе. А это очень страшно, когда странного и ершистого, но человечка, вольно или невольно, лишают любви. Тогда на выжженном неприятием месте взамен души прорастает бурьян и чертополох. Тогда из маленького «бесперспективняка» неизбежно получается озлобленный зверёныш и большущий негодяй, в котором шаг за шагом прорезается немотивированная, казалось бы, жестокость.

Теперь, если мать корила его за неряшливость, Вова вовсе не нёсся стремглав мыть грязные руки. Он, выбрав момент, из мести тайно подрезал корни у выращиваемых ею комнатных цветов. И торжествовал («Сама неряха!»), когда родительница охала и ахала над увядшими растениями.

Однажды отец в домашней мастерской поставил проказливого отпрыска в угол за плохое поведение. Сын же, в ответ, сподобился исподтишка настроить под верстаком капкан на

крупную дичь, замаскировав его стружками. И когда глава семейства, угодив ступнёй в западню, завывал волком от боли, Вовочка кейфовал, мстительно хихикая в своём закутке.

Чашу терпения родных переполнил и вовсе дикий случай. Тогда восьмилетний чертёнок в порядке эксперимента сбросил в хранилище с нечистотами безобидную собачку Пакостиных Жульку, где та и утонула. Тут уж даже бабушка перестала называть внука по имени. Мало того, в сердцах она обозвала его беспутый, извергом, нечистью, и отлучила от себя.

Шаг за шагом в семье копился протест на выходки «выродка». Терпение Пакостиных лопнуло на собрании, которое классный руководитель проводила совместно с родителями и детьми. Отец и мать шли в школу с тяжёлым предчувствием, ибо накануне они прочитали в ученическом дневнике, что их младший «на перемене бил девочек под дыхло». И ощущения их не обманули: практически в самом начале мероприятия учительница прилюдно объявила, что второгодник Вова Пакостин связался с третьегодником Васей Чайниковым.

– Вот говорят, что зараза к заразе не пристанет... Но это тот случай, когда зараза к заразе пристала, – назидательно воздела указательный палец наставница. – Гляньте сами, на обложке тетради по русскому языку третьеклассник Чайников, как курица лапой, накарябал: «Чайникого Васи». Каково?! А?! Уму непостижимо! Но и Вова тоже хорош. Он и тут

от Васи не отстал. На своей тетрадке он нацарапал, как курица лапой: «Пакостинова Вовы». Вовочка, скажи нам, пожалуйста, в кого ты такой?

– Я самовыродок! – амбициозно выкрикнул Вова под обидный смех.

Если на собрании родители молча краснели, то дома их прорвало. Они всё рассказали бабушке, вместе с которой смеялись над «беспутой»: «Гля, самовыродок!»

Злопамятный шкет затаил злобу «на старую каргу и шнурков». Большую злобу. Жажда мести жгла его печёнки едва ли не год, прежде чем подвернулась оказия. В ту пору родители с Варенькой уехали в отпуск, оставив бабушку наедине с трудновоспитуемым потомком. И Вова Пакостин сполна вернул старушке «должок». В первую же ночь, едва она уснула, он взял топор и тремя рассчитанными ударами раскроил несчастной женщине череп. Затем внук отрубил голову и расчленил тело, части которого, пользуясь темнотой, выбросил всё в то же хранилище с нечистотами, куда некогда угодила бедная Жулька.

Уголовный розыск и следственный комитет оперативно раскрыли злодеяние. Да только Пакостин по малолетству уголовной ответственности избежал – спецшкола, вот что стало для него «высшей мерой наказания», ибо на людское осуждение ему уже было наплевать.

В неполные двенадцать лет Вова (в ту пору среди лихих сверстников уже «дослужившийся» до Вована) ранней вес-

ной совершил побег из спецшколы и появился домой. В тот же день отпетый головорез угнал у соседей Лапиковых мотоцикл, «загнав» его за бесценнок скупщику краденого. Милиция по заявлению потерпевших возбудила уголовное дело и без колебаний выдвинула единственно правильную версию о личности расхитителя.

Спасаясь от новой погони, воришка бежал в лес. И забрался в такие дебри, что дорогу назад найти уже не смог. Он безуспешно блудил трое суток в скупой на харч весенней тайге. И тень голодной смерти занесла над ним свою беспощадную длань... Было бы цинизмом заявить, что старуха с косой в этом случае свершила бы благое деяние, но то, что мало кто всплакнул бы от такой вести – точно.

По стечению обстоятельств Вована спас незнакомый охотник по имени Иван. Он накормил его, обогрел, а на следующий день вывел к железной дороге. В ожидании поезда на глухом таёжном полустанке они прилегли на апрельском солнцепёке. Усталый охотник задремал. То был его последний сон. Отрок Покостин мигом смекнул, что теперь-то он не пропадёт, ибо золотое обручальное кольцо на безымянном пальце Ивана и кошелёк за пазухой сами так и просились в пакостливые руки маленькой мрази. И Вован зарубил недалёкого на человеческую подлость Ивана охотничьим топориком, скатив труп в кусты.

День спустя беглеца задержали на рынке, где он пытался сбыть кольцо. За убийство подросток вновь отделался всё

той же спецшколой, – какой с малолетнего спрос? Зато среди спецконтингента Пакостин вошёл «в крутой авторитет» – спать около него опасались даже самые отчаянные сорвиголовы. За второе душегубство его и возвели в статус Вована Палача.

Шли годы. Пакостин рос, росли и его запросы. Шестнадцатилетие ему хотелось отметить круто. Так как папа с мамой давно от него отrekliсь, то он с дружками пошёл на разбой, при котором и «запалился». Так что, в тот раз Вован колонии не избежал. Усвоив, что отныне возраст – не избавление от тюрьмы, в которой сидят одни «чуханы», Палач зарёкся сюда попадать. Ведь воровать и убивать, во-первых, надо так, чтобы «не забрили», а во-вторых, чужими руками – на случай, если подельники «лоханутся».

В данной фазе зоологического развития судьба свела Вована с Лёхой Авиатором. Для Пакостина встреча оказалась знаменательной. Происходя из богатой семьи, Лёха не вёл счёту деньгам. Он их презирал, как и ту общественную среду, что выносила его. От скуки и непреодолимой тяги к риску, Авиатор стал Робин Гудом двадцать первого века. Он грабил толстосумов там, где они этого совершенно не ждали – в небе России. Лёха на дроне перехватывал аэроболиды, только-только входившие в моду, заставляя буржуев приземляться в указанном месте, после чего ценности реквизировал, а прочее раздавал кому попало.

Экстремал по натуре, Авиатор «под настроение» практиковал и пикирование на ранцевом планере непосредственно на аэроболд. Крылатый клич «Сарынь на кичку!»⁴ и пистолет, направленный через ветровое стекло в лоб пилоту – безотказное средство, понуждающее любого несговорчивого к покорности.

Лёха стремился держать марку романтического разбойника. Мы не какие-нибудь пошлые братки, – систематически внушал он подельникам. – Мы – экспроприаторы экспроприаторов. Мы – благородные экссы! И это звучит гордо!»

Сказать в связи с этим, что Вован попал к Лёхе на выучку – не сказать ничего: Палач попал почти в родную стихию. «Почти» по той причине, что новобранцу-подручному жалко было отдавать «ватникам» часть «дани». В остальном же он находил «эксовский» уклад вполне приемлемым, и постепенно превратился в незаменимого помощника Авиатора.

Как-то раз, после очередного удачного налёта близ Сочи, Пакостин «скрысятничал», как было принято говорить в кругу «эксов», припрятав экспроприированный золотой браслет. Его «гнусть» вскрылась ненароком: на диком пляже он, забывшись, стал доставать из спортивной сумки плавки, а вместе с ними вытянул и браслет. Лёха за посягательство на «общак» и отступничество от неписаных правил среагировал моментально: вожак принародно

⁴ * «Сарынь на кичку!» – знаменитый клич атамана Степана Разина в ходе нападения на торговые караваны.

набил Вовану наглуую морду – да так, что зубы вылетали подобно стреляным гильзам из автомата.

Кстати, следствием того мордобоя было и то, что главный «экс» рассёк надвое Пакостину кончик языка. За эту метку Палача и наградили третьей и последней уголовной «кликухой» – Змей.

Вован мордобой «за крысятничество» принял беспрекословно, внешне соблюдая блатное достоинство. Он и виду не подал, что затаил зло.

– Мерси за науку, Авиатор, – сказал Вован, отплёвываясь и отирая физиономию от крови и песка. – Жадность фраера сгубила... Моя подлянка, чего уж там. Мерси.

– Хавай на здоровье! – добродушно ответил отходчивый Лёха. – Сдачи не надо, оставь себе.

На том конфликт сочли исчерпанным. Правда, в конце того лета Авиатор разбился: у него отказал ранцевый аппарат при затяжном прыжке на аэроболд. По всей вероятности, сдачу кое от кого он всё же получил.

После смерти вожака лидерство в лихой группировке «авиагопников» захватил Вован Палач, прибрав к рукам немалое Лёхино «наследство» в виде «общака». Он также переориентировал банду в чисто уголовное русло, абсолютно лишив её деятельность романтического флёра – Пакостину, в отличие от Авиатора, деньги по благородству происхождения не перепали.

Щедроты же покойного «экса» объяснялись достаточно

прозаично: его отцом был «не какой-нибудь учителяшко», а сам олигарх Лонской. Последнее обстоятельство едва не сыграло в судьбе Вована роковую роль – Льву Максимовичу донесли, кто лишил его бедового, но любимого чада.

Да, пропавший сынок был головной болью Лонского, но бесконечно дорогой головной болью. И всемогущий магнат науськал своих опричников на убийцу. Так началась охота на самого Палача. Вот только Пакостин был не лыком шит. Скоро он в уголовной среде нашёл такую нишу и занял такой трон, что до него стало непросто дотянуться даже Лонскому. Впрочем, это вторая

часть повествования о прошлом Вована.

6

Уголовный мир столь же подвержен изменениям, как и всё прочее под луной. За последние десятилетия традиционные воры в законе и паханы сжились с властями в том смысле, что негласно поделили сферы влияния и установили правила игры. Так, трогать вора в законе, который «не высывался», не лез в политику и жил «по понятиям», для государственной верхушки было «западло». Зато убивать «честного мента», «порядочного вертухая» или «идейного депутата», если те «не беспредельничали» над блатными, для братанов тоже стало «не комильфо». И обе стороны устоявшийся порядок в основе своей устраивал.

Стало быть, не зря на надгробном памятнике одного из журналистов коллеги начертали его же изречение: «Самый удобный способ осуществлять контроль за нужными людьми во власти – через преступные группировки. Самый удобный способ осуществлять контроль за нужными людьми в криминальной среде – через правоохранительные структуры».

Находились ли такие, кого негласно санкционированные устои не устраивали? Находились. Наперёд всего – простой люд, который тяжко кряхтел, но, по обычаю, безмолвствовал до поры до времени. К несогласным принадлежала и молодая «блатная поросль», искавшая «солнечные лужайки». Места под солнцем, конечно, в наличии имелись, но давным-давно распределённые ворами в законе, смотрящими, бригадирами и прочей преступной номенклатурой.

Тут-то криминалитет новой формации, провозгласивший себя «новыми гопниками», «гопонами», «пацанвой», во второй раз в российской истории отнёс «стариков» к «сукам» или к «ссучившимся». Молодые сделали «предьяву» старым шкурникам в продажности властям. Такого не случилось со сталинского правления: «новая блатата» объявила «старикам» войну, как на воле, так и в зонах. Неслыханно, но криминалитет новой формации двинулся ещё дальше, и столь же непримиримый Армагеддон объявил и легальному истеблишменту. А уж такого вообще «слухом не слыхивали» ни до Сталина, ни при Сталине, ни после Сталина.

Само по себе словосочетание «криминалитет новой фор-

мации» является абстракцией чистой воды. В реальности, в уголовном быту его должны олицетворять конкретные личности. И кто бы вы думали, выступил инициатором объединения «гопонов»? Кто выступил зачинателем «разборок» и «правил» между ними и «суками»? Кто выступил «сокрушителем устоев»? Ну да, тот самый, полный вождистских замашек Змей Вован, подпираемый юными «уркаганами» и теми ворами, у кого разошлись стёжки-дорожки с «традиционным блатняком». Так началась война за передел сфер влияния.

Битва на два фронта сильно осложняла выживание Вована Палача. Но она же в одночасье превратила его в масштабную фигуру: на секретной сходке «гопоны» короновали его в гоп-менеджера России. С той сходки силы Пакостина не просто умножились – он стал стоголовой Гидрой и жупелом «отмороженной пацанвы». Вот почему его сложно стало достать и Лонскому, и органам правопорядка. Ведь те имели пятую колонну в «классической» преступной среде, а под «новых гопников» универсальную отмычку пока «не сварганили».

Ан перечисленные хитросплетения в устройстве «российского маргиналитета» не были известны Тихону Заковыкину. И он даже отдалённо не представлял, чем могла быть для него чревата встреча с «гоп-менеджером», сеявшим страх и ужас на таких, как Борька Загребалов.

Что до Пакостина (ежели бы он, вдруг, и прознал про студента), то пермяк ему представился бы не более чем ошмёт-

ком грязи с кирзового сапога. И в такой аллегории Вован вообще не углядел бы уничтожения. Для его нутра подобное было органично: он и к Лонскому относился как к ошмётку – только к о-очень большому ошмётку с американского штиблета.

Глава пятая

1

Крупный капитал, извечно тяготеющий к безбрежному либерализму и бесконтрольности со стороны государства и гражданского общества, к середине двадцать первого века добился превращения России в парламентскую республику. Пост президента превратился в сугубо представительный институт. Президент стал назначаться на совместном заседании обеих палат Федерального Собрания. Зато резко возросла роль премьер-министра и председателя нижней палаты Федерального Собрания – Государственной Думы.

В любой парламентской республике верховенствует принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. При этом данные ветви не только взаимно уравновешивают друг друга, но и, при кризисном развитии событий, серьёзно ослабляют способность государства к урегулированию социальных конфликтов. Именно такой период переживала Россия.

Распыление власти, сложная обстановка внутри страны

и за её пределами, а равно иные вызовы эпохи, поневоле обусловили укрепление силовых структур. При указанном раскладе должность главы Комитета государственной безопасности России в деле обеспечения монолитности державы становилась ключевой. Первый чекист сконцентрировал в своих руках невероятную фактическую мощь, по силовой части превосходящую премьерскую. Воссозданный КГБ обрёл практически те же полномочия, что и его знаменитый «тёзка-предшественник» в Советском Союзе.

Руководство КГБ России частенько работало допоздна, а в текущем июне – особенно. Образно выражаясь, близилась страда. Здесь по-своему готовились к прибытию гостей – государственной делегации США, возглавляемой помощником президента по национальной безопасности Джоном Маккоем. Председатель КГБ Григорий Иванович Крутов по прозвищу Железный кулак проводил специальное совещание, направленное на изобличение скрытых намерений «скулсов». Скулсами в комитете традиционно называли штатных сотрудников Центрального разведывательного управления

США, а также их агентов.

Кроме Крутова в совещании участвовали: начальник первого главного оперативного управления генерал-лейтенант Столповский и его заместитель полковник Топтыжный, начальник аналитического управления генерал-майор Митрохин, начальник управления внешней разведки генерал-лей-

тенант Ивашин и его заместитель полковник Гринин, начальник контрразведки генерал-майор Вьюгин. Заседание было совершенно секретным, протокол не вёлся. В качестве первого докладчика выступал главный аналитик генерал Митрохин.

– ... Мы по своему направлению детально проработали вопрос о стратегии группы Джона Маккоя и пришли к следующим выводам, – докладывал руководитель аналитической службы. – Официально визит, разумеется, связывается с подготовкой к саммиту по борьбе с международным терроризмом. Подспудно – нечто иное. И это нечто иное обусловлено изменившейся ролью Штатов в мире.

Америка угодила в те же силки, что и старая добрая Англия пару веков тому назад, – охотничьим жестом Митрохин изобразил орлана, попавшего в ловушку. – Ведь Штаты некогда сделали экономический рывок за счёт того, что англосаксы, согнав индейцев, привезли на чистое место передовые технологии той эпохи. Стартовали, так сказать, с чистого листа. И наоборот, крах Великобритании случился потому, что в 19 веке старушка-империя начала цепляться за отсталый технический базис, что некогда обеспечил ей господство: за морально устаревшие здания, сооружения, станки, флот. Идентичным образом за двадцатый век уже в самой Америке сформировался уклад, превратившийся в тормоз развития. Кратко его можно охарактеризовать следующим образом: ориентированный на эксплуатацию остально-

го мира и на традиционные источники энергии.

В отличие от американцев, – докладчик приподнял со стола журнал с фотографией Сони Чемберлен, – Россия с Китаем, Бразилией и Индией надеялись, прежде всего, на себя, а потому параллельно активно обрабатывали вариант развития альтернативной энергетики – прежде всего ядерной и термоядерной. Сегодня мы на Новой Земле полным ходом продвигаем реализацию уже второй очереди, так называемого гелиевого проекта, где в качестве топлива для термоядерной реакции применяется гелий, доставляемый с Луны. Как известно, с осуществлением управляемой реакции термоядерного синтеза аналогичные экспериментальные станции появились во Франции и в Китае.

Я уж не говорю о нашем особо режимном объекте «Моно», который на Западе называют «Ост». С промышленным запуском этого проекта энергетическая проблема будет в принципе решена. И монополистом авангардного вида энергии должна стать Россия. Почему я говорю, должна стать? – выдержал паузу чекист. – Да потому, что запаздывание в развитии Чемберлен, Маккой и иже с ними попытаются компенсировать, в том числе диверсионными методами.

К тому же не следует забывать, – обвёл докладчик взглядом присутствующих, – что в Белый дом господя вроде Маккой перебрались из ФБР и ЦРУ. Значит, подготовка встречи в верхах для них – легальная крыша, а чрезвычайно конспиративная, но генеральная миссия Маккой будет заключаться,

по нашему мнению, в проведении или в подготовке к проведению акций именно на объектах особого назначения.

– Вопросы? – обвёл Крутов взглядом круг собравшихся. – Нет вопросов? Спасибо, Павел Андреевич, – поблагодарил он Митрохина. – Присаживайтесь. Теперь слушаем полковника Топтыжного, поскольку генерал Столповский просил дать слово для доклада ему. Давай, Иван Сергеевич.

– Есть! – встав, по-военному чётко ответил тот и мимолётно одёрнул мундир, надетый по случаю заслушивания у председателя комитета. – С общим посылом, изложенным в предыдущей аналитической записке, мы согласились, и более целенаправленно продолжили ту совместную работу, что велась нами и ранее в координации со службами разведки и контрразведки. Это положение мы постарались наполнить конкретикой. Вот чем мы на сегодня располагаем.

Первое, – облизнул пересохшие губы Топтыжный. – Наши источники в Соединённых Штатах, в том числе в госдепе, доносят, что ЦРУ действительно наметило совершение крупномасштабной диверсии. Наиболее вероятный объект главной атаки – термоядерная станция и объект «Моно» на Новой Земле. Способ реализации пока неизвестен. Задачи перед нашими резидентами в этой части поставлены. Проект плана мероприятий по отслеживанию каждого из членов американской делегации, а также по выяснению иных узких мест находится у участников совещания на руках.

Второе, – сосредоточенно продолжал полковник. – Со-

гласно агентурным сведениям противник, кроме того, замыслил теракты в отношении политических лидеров России. Кого именно намечено устранить, а также методы их устранения уточняются. Проект плана мероприятий, в том числе рекомендации по соблюдению мер предосторожности VIP-персонами, участникам совещания также представлен. В случае его одобрения, документ будет направлен на согласование главе Совбеза и начальнику национальной гвардии, непосредственно обеспечивающих безопасность высших государственных лиц.

Третье, – чеканил фразы чекист. – Добыты достоверные данные, что организацией диверсионных и массовых провокационных мероприятий непосредственно ведает заместитель Маккоя Александер Дик. Наши источники также доносят, что Диком намечено втёмную использовать членов неправительственной организации Британский Консультатив, имеющей филиалы в России. Излишне говорить, что Британский Консультатив лишь формально-юридически является общественным институтом, осуществляющим культурный обмен, но руководящие структуры его активно сотрудничают с МИ-5, МИ-6 и с ЦРУ.

Далее..., – перевёл дух Топтыжный. – Цель акций: не только дискредитация термоядерной энергетики и диверсия на объекте «Моно», но и, по возможности, срыв парламентских выборов в России, назначенных на октябрь, а также дестабилизация в целом обстановки в нашей стране.

И последнее, – закрыл папочку с материалами полковник. –

Предлагаемые нами меры носят довольно общий характер. Объясняется это чрезвычайной осторожностью американцев и тем, что практических действий ими на территории нашей страны пока не совершалось. По прибытии официальной делегации, прогнозируется активизация вражеской резидентуры и агентурной сети, а значит и неизбежность зафиксированных контактов. То, как мы всесторонне обложим членов делегации, отражено в приложении, которое также имеется на руках у участников совещания. Доклад закончен.

Наступило всеобщее минутное молчание, прерванное Крутовым.

– Вопросы, товарищи офицеры? Нет вопросов? Иван Сергеевич, озвученные вами выводы базируются исключительно на оперативных материалах? – осведомился он.

– Так точно, товарищ генерал армии. На агентурных доносениях. Документами, радиоперехватами, электронными файлами, несанкционированными записями бесед официальных лиц и так далее, мы, к сожалению, не располагаем. По-видимому, скупсы к операции привлекли крайне узкий круг лиц и максимально сузили либо вообще исключили какой-либо документооборот. Привлечённые работают в обстановке строжайшей секретности и исключительно изустно.

– Ещё вопросы? – повторно обратился глава КГБ к офицерам. – Нет? Спасибо, Иван Сергеевич. Присаживайтесь.

Меня всё же не вполне устраивают сроки и результативность мероприятий, – проговорил Крутов, перебирая проекты планов. – Возможно, у кого-то родились новые идеи?

Поскольку проблема была не нова, то участники совещания промолчали, и только Топтыжный не выдержал.

– Разрешите, – встал он, поправляя мундир.

– Что у вас, Иван Сергеевич? – спросил Григорий Иванович. – Если операция «Трансфер», то не надо.

– Да, операция «Трансфер», – огорчённо подтвердил тот.

– Не надо, – повторил Крутов. – Задумка неплохая, но чересчур велик риск международного скандала. Хватит нам Капличного... Хватит нам Капличного... Нет свежих предложений? – спросил шеф комитета остальных. – Спасибо, и за работу. Все свободны.

Из кабинета главного чекиста Топтыжный и Столповский выходили последними. И когда полковник уже взялся за дверную ручку, Крутов неожиданно окликнул его оперативным позывным, присвоенным Топтыжному на заре службы в органах в одной из «горячих точек»: «Шаман, а что с агентом Глюком?»

Оторопь Топтыжного продлилась не более секунды, в течение которой он успел подивиться и памяти большого начальника, и взглянуть на замершего в проходе Столповского, по выражению лица которого догадался, что это тот доложил о Глюке Крутову. Да больше, собственно, «закладывать» было и некому.

– Ищем, товарищ генерал армии, – чётко развернувшись по-уставному через левое плечо, ответил Топтыжный.

– Я попрошу вас, Иван Сергеевич, в сжатые сроки снять проблему по Глюку.

– Так точно, товарищ генерал армии.

– Идите.

2

Начальник первого главного оперативного управления КГБ Столповский Герман Альфредович занимал генеральскую должность. И в связи с этим при случае говорил, что генеральская должность – это уже не работа, это уже политика. На ней дипломатичность и исполнительность подчас важнее профессионализма и компетентности. А в порядке отрицательного примера ему на ум непременно приходил образ строптивного подчинённого – полковника Топтыжного. На него Столповский давно «точил зуб», да никак не мог «съесть» – досадные случайности того выручали. Однако нынче положение Топтыжного серьёзно поколебалось.

Первый «звоночек» для Топтыжного прозвенел два года тому назад, когда он, корифей оперативной работы, отказался организовать особо важное и деликатное поручение по фабрикации компромата на зарвавшегося финансового короля Рокецкого, возмнившего себя «пупом Земли» и осмелившегося вступить в противостояние с Кремлём.

– Служу России, но не...отдельным высоким сановникам, – с

посеревшим лицом, категорически возразил тогда Топтыжный Столповскому. – Готов жизнь отдать за Отечество, но пачкать руки...акцией, недостойной звания офицера госбезопасности, не стану, – завершил он монолог, брезгливо сморщившись, будто речь шла о принудительных занятиях онанизмом.

– Ну-ну..., – только и нашёлся, что сказать генерал. – Не думаешь ты о перспективе, Иван Сергеич. Что ж, считай, что предложения не было...Оно не звучало...Его никто не слышал. А если кто слышал, то ему же хуже. Не так ли?

– Не маленький, соображаю, – хмуро отозвался принципиальный подчинённый.

Терпение Германа Альфредовича лопнуло несколько позже, когда «вошедший во вкус» Топтыжный позволил себе игнорировать ещё одно негласное указание руководства комитета. Указание касалось вербовки нужных людей для ликвидации лидера политической оппозиции Павлова.

– Что, полковник, в майоры захотелось? – желчно спросил подчинённого Столповский. – И на рядовую оперативную работу? А то, может, и в конторе надоело служить?

– Никак нет, – до хруста сжимая желваки на скулах, тянулся «во фронт» перед начальственным столом Иван Сергеевич. – Только беспредельничать не стану – хоть режьте меня.

– Зачем же нам руки марать, – ехидно ухмыляясь, вернул ему «должок» генерал. – Мы тоже в белых перчатках работать умеем. И чистоплюев на легальный крючок цеплять. И легально от них избавляться.

И однозначно «ушёл» бы в тот раз Столповский Топтыжного, если бы внезапно «не ушли» на пенсию бывшего председателя КГБ Пырванова, допустившего оглушительное фиаско при проведении антитеррористической операции. Масштабный провал нежданно-негаданно сослужил добрую службу для чекистского ведомства в том смысле, что вместо аппаратного ставленника Пырванова был назначен кадровый разведчик Крутов. И этот же переворот сыграл против Столповского, который был фаворитом Пырванова и, наоборот, прежде не ладил с новым назначенцем.

Возглавив КГБ, Крутов поставил жирный крест на политических интригах (коими занимался Пырванов), как на функциях, глубоко чуждых комитету. От происшедших изменений Столповский, было, приуныл, но буквально на днях Топтыжный сам подарил ему «козырь», который, если им умеючи распорядиться, можно было с толком разыграть.

Шатким положение Топтыжного стало с внезапным исчезновением важного агента, фигурировавшего под оперативным псевдонимом Глюк. Глюка завербовал сам Иван Сергеевич. В той вербовке имелся резон, так как агент был вхож в очень осведомлённые круги. Он имел доступ к тай-

нам, от которых кружилась голова даже у бывалых мужчин. Как говорил герой какого-то полузабытого фильма: «Он слишком много знал!» Выражаясь по-чекистски, Глюк являлся «секретоносителем».

Закономерно, что Столповский, узнав от Ивана Сергеевича о пропаже агента, отчитал его «по полной программе» и отвёл на розыски две недели. Но, страхуясь, Столповский не удержался и доложил о ЧП Крутову прежде установленного срока.

Вот почему выйдя от Крутова и шагая к своему кабинету, Топтыжный пребывал в пресквернейшем расположении духа. Он и до замечания председателя комитета переживал, что, прослужив верой и правдой «конторе» почти двадцать лет, угодил как кур в ощи́п. А ведь до пенсии по выслуге лет полковнику оставалось всего ничего – полгода. Да ещё нужно было растить несовершеннолетних сына и дочь, обеспечивать больную жену и престарелую мать.

Бесспорно, опала генерала Столповского тревожила Топтыжного, но во вторую или третью очередь. Главная же причина переживаний заключалась в том, что Иван Сергеевич оказался несостоятельным как чекист, «профукав» Глюка. «Профукал» не кто-то, а он – бывалый оперативник и контрразведчик Шаман, раскрывший добрую дюжину вражеских резидентов. Ну и, в первую очередь, службу Топтыжный, за исключением частных моментов, очень любил. И желал служить России верой и правдой.

Следовательно, двойного агента Глюка, в чём того небезосновательно заподозрили, надлежало разыскать, во что бы то ни стало! Если, конечно, он уже не перебрался за кордон к предполагаемым новым хозяевам – к «скунсам».

Глава шестая

1

От орехово-зуевского вокзала Рокотов выехал на автомагистраль «Москва – Владимир» и погнал «Витязь» прочь от столицы. Затем он свернул на какую-то второстепенную дорогу, а далее и вовсе на просёлок, петляющий куда-то на северо-восток, пока через час маскирующих манёвров они с Лонской не оказались в глухом селе под названием Культяпкино, расположившемся на высоком холме. Там Юрий посредством радара «прощупал» прилегающую округу в радиусе двадцать пять километров, и не обнаружил ничего подозрительного.

Избавившись от «хвоста», зрелый мужчина и юная женщина расположились в единственном на всё Культяпкино буфете. Они сидели на открытой веранде в вечерней и ароматной духоте июня и допоздна «гоняли чай», разговаривая «за жизнь». Диана, как типичный представитель молодёжи, а тем паче «мажоров», была резка, а порой и эпатажна в суждениях. Однако её бешеная энергетика и природная сексапильность просто завораживали Юрия, освобождая от гнёта

прожитых лет.

Он окунулся в состояние молодости, когда влюбляются безотчётно, сердцем и «не за что-нибудь», а «просто так». В том числе, игнорируя возможные последствия. И хотя подсудно «внутренний голос» нет-нет да и предупреждал его, что он втягивается в авантюру, Юрий не находил сил отказаться.

Тем более, что в фазе, при которой диалог с «манкой вещичкой» обрёл особую доверительность, студентка подарила репортёру некое подобие надежды.

– Чем же дражайший папочка так не угодил вам, что вы решили проучить его бегством из-под бдительного ока? – вернулся Рокотов к исходному пункту их знакомства.

– Это вы о...ком? – округлила глаза прелестница.

– То есть как «о ком»? О дражайшем Льве Максимовиче Лонском, глубокоуважаемая Диана Львовна, – театрально кланяясь

собеседнице, конкретизировал вопрос журналист.

Смуглянка продолжительно и не без подвоха посмотрела на него, а потом звонко и заразительно расхохоталась.

– Что? Что такое? – смущённо вопрошал у неё Юрий. – Что уж такого смешного я наговорил?

– Ой!...Ну, прикол так прикол!... – переламываясь в тонкой пояснице, сквозь смех роняла отрывистые фразы озорница. – Папочка!...По правде говоря, я уж и сама запуталась...Да ведь ваш дражайший Лев Максимович – мой...как

бы это...муж!

Теперь наступил черёд непритворно онеметь Рокотову.

– ...Ка-как м-муж? – слегка заикаясь, выдавил он. – Ему же...

– Под семьдесят, – подтвердила юная жена олигарха. – Что вас так удивляет? Сейчас таких случаев – пруд пруди.

– С другими – да, а с вами – абсолютно не вяжется, – признался ей очередной поклонник. – Даже обидно.

– Значит, если бы на его месте были вы, то не обидно..., – критически прищурилась обожаемая особа.

– Я не прав, – поспешил перебить её Юрий. – Извините. Напротив, с ним для вас все пути открыты, доступен весь мир...Как писал старина Ремарк, прав тот, с кем остаётся женщина. Ну, и за что же вы решили проучить...м-м-м... его?

– Проучить? – задумалась Лонская. – В данном случае вряд ли подходит это слово. Ведь вправляют мозги с прицелом на будущее, с целью сохранения отношений. Моё же бегство больше похоже на спонтанный и безвозвратный разрыв. Уж такая я импульсивная: фьюить – и улетела, – присвистнула она.

– Стало быть, вы вообще не хотите с ним дальше оставаться?

– Да я с ним и не оставалась, – сардоническая усмешка искривила чувственные губы Дианы. – Просто-напросто, у меня изначально выбора не было.

– Как так?

– Да биография моя столь кручёная, что я иногда сама путаюсь, кто есть кто. Я же сирота. Росла в глухом нелюдимом городишке Людиново, что в Калужской области. Там жила мать Лонского Ирэна Витольдовна, ныне покойная. К ней меня Лев и привёз малышкой. Из Казани. Где Лев имел свой бизнес. Там он и подружился с моими родителями – Сергеем Александровичем и Мариной Игоревной Аликиными. Лев меня удочерил, так как мама с папой погибли в автомобильной катастрофе.

– Н-да...

Так что, Лонским я многим обязана, – вздохнула студентка. – Ну, а четыре года назад, как пришло время поступать в институт, Лев взял меня в Москву. Представляете: из калужской тмутаракани – и сразу в столицу! Королевские апартаменты! Роскошь! Деньги – рекой. Наряды – блеск! Учёба в МГУ на инязе! Конечно, у меня голова пошла кругом. В порядке ответной любезности я и перекочевала к нему в постель.

– А-а...как же удочерение? – поразился слушатель.

– Долго ли его аннулировать при возможностях Лонского? – ответила ему риторическим вопросом рассказчица. – Да и при чём тут оно, если сожителство тайное?

– Н-да...Он вас, вероятно, любит? – предположил Рокотов.

– Ещё бы! Безумно!

– А вы его?

– Да ничуть. Была благодарность, а недавно и она канула в лету.

– Отчего же?

– А! Задолбал ревностью!

– Безосновательной?

– Х-ха! – сдавленно усмехнулась Лонская. – Если бы! Ладно, вы же мне не супруг и не свёкор... Вам скажу: в Людиново-то я зажигала экстремально, но в столице половину первого курса держалась – была пай-девочкой, заглядывала ему в рот... А потом понеслось! Наставила ему рогов – гардероб Большого театра отдыхает. На этих вешалках армию какой-нибудь Дании догола можно раздеть.

– Да вы, Диана, ... стерва! – не смог скрыть эмоций журналист.

– Не стерва – оторва, – потряхнув волной тёмно-каштановых волос,

поправила его «манкая вещичка». – Эдакий *enfant terrible*.⁵ Ну, а он сам-то кто? Из колыбели на сексодром приёмную дочь перекувыркнуть, это как? Пош-шёл он *ad patres*!⁶

– Да-да..., – смятенно пробормотал Юрий. – Странная вы...

– Вот и я говорю, что я странная, – продолжила наступление эпатажная нимфа. – А Лонской говорит, что я – шлюха.

⁵ *Enfant terrible* (франц.) – ужасный ребёнок, смущающий своим поведением.

⁶ *Ad patres!** (лат.) – к праотцам (в смысле – на тот свет).

Так ведь моя сексапильность не на пустом месте взошла. Хотела бы я на тех порядочных семейных кошёлках взглянуть, что из дома ни ногой, обломись им мой гиперэструс.

– То есть?

– У меня же особый случай метаболизма, то есть повышенного

обмена веществ. Мой организм от природы вырабатывает три нормы женского либидо. И их надо нейтрализовывать мужскими гормонами. Вот дотроньтесь до меня...

С этими словами студентка протянула руку. Юрий взял её за кисть и, будучи предостережённым, всё-таки невольно вздрогнул: запястье девушки опалило его кожу – оно было горячее летнего солнцепёка.

– Ага! – довольно отреагировала Лонская. – Убедились?

– Угу.

– Так-то вот!... Мой одряхлевший Лев возил меня на консилиум. Олби и разные коновалы обследовали меня, но кроме пресловутого метаболизма, якобы, ничего не вскрыли. А мне проверенные... как это... медицинские источники донесли, что я недолго протяну – лет до сорока. Сгорю, как мотылёк. Раз так, то я от короткого бабьего лета урву по максимуму. Экстремум! Жить надо в кайф! *Après nous le deluge!*⁷

За столом воцарилось неловкое молчание, прерываемое мычанием безвестной далёкой култыяпкинской коровы. Шокированный Юрий не сразу нашёлся, что сказать.

⁷ *Après nous le deluge!* (франц.) – после нас хоть потоп!

– ...Стемнело, – перевёл Юрий взгляд из-под освещённого

электрическим светом пространства за пределы веранды. – Можно попытаться прорваться в Москву.

– А в Москве куда? – озадачила его Лонская. – Мне назад нельзя.

– У меня есть местечко, где можно будет...кгм...перевести дух, – улыбнулся ей корреспондент. – А завтра...Завтра будем жить, а не догорать мотыльком, летящим на огонёк. Уверен, что-нибудь придумаем.

2

Беглецы выехали за околицу Культяпкино. Рокотов остановил машину, достал из багажника два скафандра и распорядился, чтобы Лонская следовала его примеру. Он деловито и без экивоков

сбросил туфли, снял брюки и стал надевать лётный костюм. Натягивая комбинезон, Юрий одновременно подробно инструктировал девушку о функциональном предназначении отдельных его деталей и о правильном поведении в воздухе при нештатных ситуациях.

– И зачем мы это делаем? – не без иронии осведомилась Диана. – В войнушку играть будем?

– Не исключено, – вполне серьёзно сказал Юрий. – Въезжать в Москву – самоубийственно. Нас сцапают на первом же посту. Придётся рискнуть. Полетим, нарушая все кори-

доры.

– А как, по-вашему, я влезу в этом? – указала студентка на платье, туфельки и сумочку.

– Снимайте и укладывайте в багажник, – без тени шутовскости отвечал ей инструктор. – Если вдруг придётся маневрировать на высоте, то любой незакреплённый в салоне предмет автоматически превратится в снаряд.

– Хм, стриптиз по-культяпкински, – хмыкнула красотка.

И она, умудряясь даже в болиде оставаться элегантною, ловко освободилась от всего лишнего. Рокотов, застёгивая комбинезон и, вроде бы, погружённый в раздумья о выборе маршрута, тем не менее, не мог не отвлечься и не zalюбоваться её загорелой и стройной фигурой.

– Ну, и как я вам? – кокетливо наклонилась к нему Лонская, демонстрируя упругие груди, едва прикрытые чашечками лифчика.

– Хороша! – со сдержанной искренностью оценил прелести

пассажирки пилот.

– Так может быть и это – к чёрту? – провоцирующее проверяя его, приспустила правую чашечку Диана, зовуще обнажая пунцовый сосок груди.

– Зачем же к чёрту? «Этому» мы найдём более достойное применение, – с деланной практичностью остановил её Юрий. – И чуть попозже – когда вы тоже состаритесь до уровня «бесперс-пек-тивняка».

Последнее слово он выговорил с расстановкой и со сбитым придыханием, что и выдало его мужское возбуждение.

– Бесперспективняк-бесперспективняк, – в отличие от него чисто отчеканила девушка, – а порозовели, как мальчик. Что, проняло?

– Проняло, – не счёл нужным отнекиваться журналист, беря скафандр и натягивая его на Лонскую, начиная с длинных голенастых ног. – Будете много болтать, в воздухе проймаёт уже вас.

Сборы и подробный инструктаж заняли около получаса, по окончании которых Рокотов вырулил болид на кочковатый деревенский луг, включил агрегат по созданию воздушной подушки и форсажным спуртом разогнал машину, взмывшую в тёмно-фиолетовое небо. За пару минут «Витязь» совершил километровый набор высоты, откуда открылась панорама ночного Подмосковья. Диана поочерёдно припадала то к лобовому, то к боковому стеклу, то обращала внимание на приборную доску, выпрашивая Юрия о приёмах ориентирования. Идиллическая любознательность студентки продлилась недолго, ибо пилот заметил слежку. Несмотря на антирадарное устройство, их засекали и попытались взять «в клещи» два вражеских аэробоида класса «Смерч».

И началась сумасшедшая гонка! Журналист прибавлял и прибавлял скорость, однако преследователи отвечали тем же

самым. Хуже того, боясь отстать, они произвели несколько предупреждающих выстрелов из лазерных пушек.

Бортовой компьютер по команде Рокотова автоматически поймал радиоволну, на которой вели переговоры пилоты «Смерчей». В эфире, параллельно залпам, зазвучали незнакомые имена и ненормативная лексика. Преследователи, уверенные, что уничтожение «Витязя» – дело нескольких секунд, шифроваться не собирались.

– Пистон, чё ты тянешь? – орал кто-то из них. – Жахни этому козлу по самые бакенбарды!

– Ага, жахни! – сомневался пресловутый Пистон. – Они ж Вовану нужны живые!

– Жахни, жаба! И кончай гнилой базар, – наставляли Пистона. – Валить надо, а то уйдут...

Аэроботид Рокотова в стремлении оторваться от «хвоста» выделывал фигуры пилотажа в виде пикирования, разворота, горки. Однако воздать должное мастерству аса было некому: вряд ли от виртуоза воздушных трасс были в восторге перехватчики, а самим Юрию и Диане было как-то не до упоения сумасшедшим полётом.

Впрочем, преследующими машинами, судя по всему, также управляли отнюдь не «мальчики для битья», а мастера воздушных трасс. Прийти к такому выводу для журналиста не составило труда, ибо, несмотря на все ухищрения, отрыв от неприятеля рос медленно. Хотя дистанция между болидами увеличилась на нескольких кабельтовых, как напыщенно

изъяснились бы завзятые «мореманы».

Но тут отрывистые трассирующие сгустки голубоватой смертельной энергии, испускаемые лазерными пушками, раз от разу стали ложиться всё плотнее к машине Рокотова. Беглец осознал, что началась прицельная стрельба на поражение. Нужно было принимать более эффективные меры противодействия.

Выгадывая время, Рокотов включил тумблер с надписью «мираж», и бортовые лазеры спроецировали ложные контуры его болида в оставляемом позади небесном пространстве. Псевдосилуэт заслонил собой настоящего «Витязя», продолжающего движение. Эффект был такой же, как если бы каракатица выпустила «чернильную кляксу», имитирующую её тело. Во всяком разе, у преследователей явно возникло полное впечатление того, что аэромобиль Юрия, который они упорно стремились сбить, вдруг на полном ходу «тормознулся» перед ними, провоцируя таран.

Сделать столь однозначный вывод об ощущениях преследователей журналисту не составило труда, ибо неотступно следовавшие по пятам «Смерчи» вдруг резко отклонились от курса в разные стороны, избегая предполагаемого столкновения с «фантомом» болида, а в наушниках шлемофона Юрия раздался отборный многоэтажный русский мат тех, кто имел задачу ликвидировать «Витязя». Столь эмоционально, да еще с прощальными выкриками, матерятся исключительно в те мгновения, когда смерть заглядывает рус-

скому мужику прямо в глаза.

Чуть позже, разобравшись, что перед ними была «визуальная подставка», киллеры разразились в небесном эфире еще более изощренными проклятиями. Теперь брань носила уже не общий (для связки слов и передачи ощущений), а осмысленно-направленный характер. То была форма эмоциональной разрядки. В непрекращающийся гневный словесный фонтан добавилась новая отборная струя в виде угроз и оскорблений в адрес «падлы позорной». Причем самым «окультуренным» эпитетом был тот, которым шутника сравнивали с неким вонючим и противным домашним животным, имеющим на голове рога. Да и то их грозились обломать.

– Что, братаны, обделались?! – ехидно ухмыльнулся журналист. – Небось, навалили полные штаны?... То ли еще будет...

И он сначала учинил целую канонаду из «чернильных призраков», которые вновь краткосрочно дезориентировали погоню, а затем врубил новейшее бортовое средство радиоэлектронной борьбы «глухомань», выводящее пилотажно-навигационные и иные приборы противника из строя. Только после этого киллеры отстали.

От бандитов Рокотов оторвался весьма кстати, так как внизу уже проплывали пригороды Москвы. Рискуя и нарушая все правила судождения, журналист произвёл резкое

снижение машины на лужайку какого-то сквера, после чего выполнил рулёжку в

укромное местечко под высокие тополя и заглушил двигатель.

Парочку окутали желанные тишина и покой. Победитель «братвы» устало откинулся на спинку кресла, смежил веки и со сладким полустоном произнёс: «Ловко мы их сделали!»

Меж тем реакции из соседнего кресла не последовало. Рокотов бросил косой взгляд направо. В неверном свете далёких фонарей, освещавших болид, он разглядел пассажирку. Она полулежала в кресле с закрытыми глазами и не подавала признаков жизни.

Пилот не на шутку обеспокоился. Он экстренно расстегнул ремни безопасности, а также замок-молнию на комбинезоне Лонской до талии. Потом поднял щиток-забрало её шлемофона, давая приток свежему воздуху, и тут... И тут девушка обняла Юрия, притянула к себе и охватила его губы своими тёплыми и по-вишнёвому сладкими губами с такой силой и настолько погрузила в себя, что партнёру почудилось, будто он сейчас приятно утонет в этой томной и расслабляющей неге.

Не исключено, что так бы оно и случилось, ибо от полной неожиданности и «расслабухи» мужчина почти утратил способность к сопротивлению... Однако в критический момент Диана, от непередаваемых приключений почти впадшая в оргазм, вдруг прервала сверхчувственный поцелуй и

прошептала ему на ухо: «Долбануться!... Юрочка, ты такой сильный!... Такой смелый!... Возьми меня, милый!»

И пусть Рокотов с годами подутратил способность к мгновенной мужской мобилизации сразу после радикальной встряски, зато его не оставило чувство юмора – слабое, а всё ж утешение. Потому он, обхватив Диану в области промежности, в тон ей ответил срывающимся голосом: «Милая, беру! Но... может быть, для начала снимем скафандры и припустим трусики? А то так ведь недалеко и до множественных травм и вывихов сладких органов движения...»

И студентка, презрев и пикантность ситуации, и то, что они ещё не вполне избежали опасности, громко и заразительно расхохоталась. Юрий с готовностью присоединился к ней. И именно с той минуты в их отношениях наступила открытость и лёгкость общения.

3

В Подмосковье сон уже сморил столичных жителей, тогда как в Соединённых Штатах всюду светило солнце. Июньским днём из вашингтонского аэропорта вылетел сверхзвуковой лайнер с государственными деятелями на борту. Самолёт держал курс на восток, в Москву. То есть он летел навстречу ночи. И роль руководителя американской правительственной делегации заключалась в том, чтобы замедлить естественный ход вещей, чтобы увековечить ночное время над Россией, а значит продлить сияние дня над Америкой.

В штабном помещении лайнера за столиком сидели Джон Маккой и Александер Дик. Они уточняли детали предстоящей в Москве деятельности. Однако, услышав их речи, сильно удивились бы те из рядовых американцев, кто через СМИ был наслышан о визите Маккоя к северо-восточному соседу в целях подготовке саммита о противодействии терроризму. Данная тема вообще не была задета в беседе. Джона и Александера волновали совсем иные вещи.

– Как говорят русские: «Повторение – мать учения», – старательно вживаясь в русскую психологию, изрёк известную поговорку Маккой, деловито взъерошив правой рукой рыжую шевелюру. – Александер, в чём необходимость акции «Своя игра»?

– Прежде всего, в уничтожении объекта «Ост», – ответил Дик, и столь резко махнул рукой, что смёл со столика бумаги, обнажив полированную столешницу. – Если этого не сделать, то русский медведь получит неисчерпаемый и дешёвый источник энергии. Вдесятеро дешевле газа. Самый экологичный. И весь мир будет у них покупать только её. Или берём отходы. Энергия управляемой монопольной реакции такова, что в ней сгорает без следа любой отброс, любой мусор. Точнее, не без следа, а превращается в кварки, которые, в свою очередь, служат исходным сырьём для монополей – безотходное производство.

– То есть, тогда все страны вынуждены будут заказывать Раше уничтожение утиля?

– Именно! И платить за это звонкую монету. Но по относительно низким ценам. А уж про монопольный микродвигатель я даже думать боюсь – тогда иваны и весь мировой автопром присвоят! И военно-стратегический аспект: скорость монополя на порядки превосходит скорость света, а один мощный

монопольный заряд способен уничтожить Землю.

– Понятно-понятно. По-русски говоря, наша операция позволит одним махом загнать четырёх зайцев.

– Шестерых, – поправил Маккоя Дик, подбирая документы с пола. – Присовокупим сюда дискредитацию монопольной технологии, а также уничтожение Лапотника.

– Так-так, – забарабанил пальцами по поверхности стола Маккой. – Маршрут поездки Лапотника достоверно установлен?

– Да.

– Куклы готовы?

– Абсолютно.

– Паспорта?

– Подлинные. Британские.

– Кукловод?

– Кукловод на исходной.

– Организационное прикрытие диверсии?

– Культурно-туристические контакты полутора сотен британцев под эгидой неправительственной организации Британский Консультатив.

– Взрыв объекта «Ост» не повредит нам?

– Пока установка экспериментальная. И, по имеющимся данным, мощность её относительно невелика. Катастрофа будет носить локальный характер и нанесёт ущерб в радиусе трёхсот-пятисот километров. В ходе нашего визита через секретаря Совбеза Коданского мы отдельно выясним этот нюанс.

– Коданский подработан?

– О, да! Он обожает Кэти Рассел как певицу. Чтобы он обожал её ещё и как женщину, Кэти месяц назад подарила ему свой платиновый диск с автографом. Запись функционирует в режиме нейроэлектронного резонанса.

– Хорошо-о-о-о... Теперь, Александер, расскажи мне по-подробнее про самого Лапотника.

– Лапотни-и-ик..., – подражая шефу, протянул Дик, доставая из нагрудного кармана мини-компьютер в виде записной книжки, включая его и отыскивая нужный файл. – Лидер самой массовой партии России. На днях кризис в нижней палате парламента разрешился тем, что его избрали спикером. Он опирается на интеллигенцию, средний класс, образованные слои промышленных и аграрных рабочих. Значительно усилил политический вес, создав предвыборный альянс с президентом группы инновационных и финансовых компаний Рокецким. Тот привёл с собой средний и часть крупного бизнеса. Лапотник метит в премьеры за счёт победы в осенних парламентских выборах.

– А сам Рокецкий?

– Вследствие происхождения и сказочного богатства Рокецкий сам по себе у русских заведомо...как это...Непроходная ладья?

– Пешка. Каким образом Лапотник достиг такой популярности?

– Момент, – сказал Дик, открывая нужную электронную страничку. – В том ему помог его величество случай. Лапотник во весь голос заявил о себе, занимая весьма скромный пост...э-э-э...председателя счётной палаты Иркутского края. Он вскрыл масштабное хищение бюджетных средств, отпущенных на природоохранные мероприятия озера Байкал. К уголовной ответственности привлекли менеджмент акционерного общества «Чистые руки – чистая вода». Доотмывались, с позволения сказать. Хозяином же предприятия был некто Эдуард Пролазов, который в предвыборных списках правящей партии «Волюшка» значился третьим – после премьер-министра Зарукина и олигарха Лонского. Партия власти попыталась надавить на Лапотника, но тот добился справедливости и отдал Пролазова под суд. Факты давления на Лапотника выплыли наружу. Поднялась шумиха в средствах массовой информации. Так в одночасье провинциальный председатель счётной палаты вынырнул из неизвестности.

– И...

– Разоблачение аферистов позволило Лапотнику попасть

в Госдуму. Там он выдвинул и пробил идею конкурса народных проектов. С его подачи судьбу казённых денег на реализацию масштабных идей стали решать электронным голосованием все россияне, а Федеральное Собрание и Общественная палата на совместном заседании отныне лишь выбирают проекты из наиболее рейтинговых.

– Например?

Последняя затея Лапотника вкупе с Рокецким..., – сделал паузу Дик, манипулируя клавиатурой компьютера, – выразилась в переустройстве автопрома. Они пробил идею строительства предприятия по производству аэроболидов на базе имеющегося полувоенного завода. Проект образно окрестили «Дубль-А», или двойное «А», что значит автомобиль-аэроболид, – подытожил Дик.

Александр отыскал в мини-компьютере нужный файл и сбросил его на экран большого монитора, жестом пригласив шефа «вживую» посмотреть на Лапотника.

– ...Ведь что такое аэроболид? – пропагандировал с экрана замысел высоколобый мужчина, выступая перед огромным скоплением людей на Васильевском спуске Кремля. – Аэроболид – авангард мирового автопрома! Зачем нам ползти в хвосте у Запада, тщась его догнать и перегнать, компилируя у них традиционное авто, способное двигаться в одной плоскости? Мы предлагаем разрубить гордиев узел и разрешить проблему в принципиально ином плане: встать во главе планеты всей! Предпосылкой к тому выступает «Дубль-А».

Благодаря ему мы осуществим мировую экспансию из плоскости в трёхмерное пространство. Мы приплюсуем к забытой донельзя земле водную и воздушную стихии.

Мало того, – наклонился оратор с трибуны, точно стремясь быть поближе к людям, – аэроболид высокого класса – комплексный товар, в котором выражается состояние народного хозяйства в целом. Машина даст так называемый мультипликативный эффект, ибо для её производства требуются: качественные сплавы от передовой отечественной металлургии; суперрезина – от передовой промышленной химии; авангардные цифровые технологии и гражданский мотор на ядерном топливе – от военных. И так далее. Таким образом, аэроболид – это то звено, ухватившись за которое, мы вытянем из болота на уровень Эвереста всю цепь российской экономики.

Причём, вы все знаете, что аэроболид – не заумная фантазия, а

реальность, – перевёл руку оратор в сторону демонстрационного экземпляра машины, установленного на постаменте. – Да, пока они относительно редки и дороги. Да, пока они доступны лишь для элитных подразделений армии. Но себестоимость машин резко снизится, как только совершится переход от их малосерийного выпуска к массовому производству. Впрочем, о финансовой подоплёке вам лучше расскажет Вадим Юрьевич.

Рослый Лапотник, сделав шаг назад, уступил место у мик-

рофона маленькому и шустрому толстячку – магнату Рокецкому. Тот был одет не просто изящно, а в вычурный костюм и туфли. Да и причёска у него была модельная – наподобие женской.

– Господа, аэроболид сделает из миллионов россиян хозяев пространства, – картинным жестом как бы обнял толпу руками Рокецкий. – И не только я уже вложил в проект тридцатью процентами своих активов, а и многие-многие труженики доверили нам праведные накопления. Говорю об этом для того, чтобы подчеркнуть ту меру ответственности, с которой мы отнеслись к этому производству. Нам есть, что терять. Однако мы не потеряем, а приобретём! За прошлый год мы выполнили госзаказ, дивиденды по акциям составили пятьдесят процентов. Правда, на выплату доходов акционеры решили направить два процента, капитализировав остальное. То есть, мы наращиваем производство, наша задумка уверенно торит для пробега широкую магистраль, которая превратится в аэробан, если аэроболид станет народным проектом. Ведь тогда в оборот вольтуются дополнительные бюджетные деньги. А что такое бюджет? ...Уф-ф, – сделал передышку женоподобный толстячок Рокецкий. – Да это тоже наши с вами деньги, только переданные в траст государству. Так заставим же государство работать на нас с вами, а значит и на всю Россию. И тогда через два-три года мы с вами поставим на поток аэроболиды, доступные каждому россиянину. И тогда у каждого из нас будет вот так!... И вот

так!

И Рокецкий правой рукой достал из внутреннего кармана пиджака банковскую карту «Руськарт» своей финансовой империи, а левой рукой показал на демонстрационный экземпляр аэромобиля.

Митингующие разразились приветственными криками в поддержку своих кумиров. В руках они держали многочисленные плакаты, клеймящие позором «клику Лонского». Казалось, что от громовых раскатов рухнет древний собор Василия Блаженного.

– Вчера Лапотник и Рокецкий протащили национальный проект

«Дубль-А» через Федеральное Собрание, – глухо сказал Дик, выключая запись.

– А эти?... Зарукин и Лонской?

– Эти двое – лобби нефтегазового и металлургического капитала северного медведя. Они... Как это... «Прощёлкали» энергетическую революцию. Темпы роста при Зарукине в России упали, жизненный уровень плебса – тоже. «Но пипл хочет хавать», – так говорит Лонской. И если мы в России не посеём смуту, то это – не вариант для Америки.

– Да-а, как говорил шотландец Лермонт, надо немытую Рашу... это... – пощёлкал пальцами Маккой. – Мочить!

Если Маккой и Дик парили над Атлантикой, то Вован Палач в то же самое время, только за пять тысяч миль от недрюгов России, проводил экстренный ночной «разбор полётов». Он был вне себя от ярости! Он рвал и метал, потому что его «уркаганы» упустили из-под носа «фраера ушастого» с девкой, которые, несомненно, были связаны с Георгием Листратовым и Миленой Кузовлёвой. Вместе с ними оборвалась последняя реальная ниточка, выводившая Вована на сбежавшего должника.

Мало того, подручные Пакостина угробили дорогуший болид. К тому же, во время экстренного приземления погиб один из классных вовановских «отморозков».

– Сявки тупорылые! Снайпера слепошарые! – орал вожак воровской стаи, распекая «корешей». – И за что только я вам крутые бабки отстёгиваю? Ну, вот тебе, Щербатый, с какого понта отстёгиваю? – подскочил он к бандиту с очевидно выраженными дефектами зубного аппарата. – Чё, молчишь, несостоявшаяся эрекция?

Щербатому, бригадиру Вована, крыть было нечем: он в первую

голову проморгал в небе прыткого аса. Остальная «блата» аналогичным образом виновато отмалчивалась и сопела «шнобелями».

«Щас Вован как расквасит мне сопатку вон тем новым сифоном, – тоскливо размышлял Щербатый, – щас как разбросает носопырку по всей морде!... А потом глаз на зад-

ницу натянет, да при том плясать заставит. И на деревню дедушке не пожалуешься. И терпеть станешь вместо резиновой бабы...»

У Щербатого ассоциация с новым сифоном возникла отнюдь не случайно: не далее, как вчера, гоп-менеджер вдребезги разбил прежний сифон об голову банкира Клопова. Клопову, ведавшему отмыванием криминального «общака», оригинальное по форме внушение последовало за бестолково проведенную сделку.

Наконец главный «экс» малость поостыл и плюхнулся в кресло, в котором он смахивал на крючконосого злого колдуна.

– Чево деять будешь, Щербатый? – буркнул он, уткнувшись носом в грудь.

– По утыане нацнём пьядёсивать яйон, пьядьём номей боида... – засуетился тот, памятуя о персональной ответственности.

– Чего-чего? – непонимающе уставился на него Змей.

– По утыане нацнём... – опять невнятно забормотал бригадир, потерявший последние передние зубы во время сумасшедших маневров за рокотовским «Витязем».

– Чего ты мне...кха...шоу шепелявых устраиваешь?! – свирепея, заорал главарь. – Базарь конкретно, звон дряблой мошонки!

– Да он базарит, что по утрыане прочешем место приземления фраера, пробьём номер болида, – льстиво подсказал Во-

вану шпанистого вида «кореш» по «кликухе» Шелупонь. – В нашей базе данных по нему нет...

– Какое, нафиг, по утряне! – выплюнув от злобы стакан желчи, вздыбился Палач, взвившись с кресла. – По утряне фраер нам голый вассер покажет! Валите щас же туда. Наведите такой шмон, чтоб вертухаи с зоны от зависти пасти раззявили. Да помни, Щербатый: одна твоя голова – хорошо, а с туловищем – лучше!

И матёрые душегубы, за плечами которых числилась не одна загубленная жизнь, «сыканули» и, «поджав хвосты», молча

отправились на поиски – ведь вожак «гопоты» кругом был прав.

5

Отправив подручных прочёсывать парк, Пакостин в сто первый

раз принялся прокручивать в уме события недельной давности, что позволили ему «взять за сфинктер» Листратова. Тем самым Змей Вован надеялся нащупать зацепку, которая позволила бы «отловить» режиссёра.

«Воюя Москву» у «ссученных», Палач наперёд всего взялся за освоение «непаханой целины» – за вновь возникающий бизнес. Таким образом у него «на крючке» и завис видеосалон «Сюр-Реал». Присматривая за ним, Вован собирал дань с основного учредителя – предпринимателя Исаака Вайн-

берга, квалифицированно избегавшего законного налогообложения, но отнюдь не бандитского «наката». А вот Георгий Листратов поначалу Змея практически не интересовал, так как его доля в бизнесе с Вайнбергом была символической.

Листратов попал в орбиту внимания «гоп-менеджера» случайно и позже. Тогда банда Змея выслеживала известного американского репортёра Боба Сноу, снимавшего квартиру на 1-ой Тверской-Ямской. Сноу незаконно промышлял древнерусским антиквариатом. Понадобился месяц на подглядывание и прослушивание, чтобы нащупать подступы к логову американца, а также на выявление системы паролей, посредством которых Боб общался с охраной, снимая жилище с охраны.

«Эксы» успешно подловили репортёра, оглушив его в момент отпираания входных дверей. Затем нападавшие связались с караульной службой и подтвердили легальность проникновения. Однако, удача чуть-чуть отвернулась от разбойников: чуть-чуть в том смысле, что удар по голове Сноу оказался нерасчетливым и летальным – американец испустил дух дьяволу.

Впрочем, данная «неувязочка» не слишком расстроила «гопников». И пока рядовые бандиты шныряли по комнатам, экспроприруя ценности, их предводитель любопытства ради рылся в документах погибшего. Листая записную книжку Сноу, он натолкнулся на знакомую фамилию, начертанную буквами в английской транскрипции – Listratoy. Напротив

фамилии красным гелем было выведено слово «отон», заключённое в овал и поставленное под жирный знак вопроса. А ниже значились любопытные циферки. По количеству знаков, числившихся в одной из строк, дотошный Змей тотчас предположил, что это номер международного телефона. Не мешкая, он тут же, «не отходя от кассы», решил проверить верность гипотезы. Благо, что «навороченный» мобильный телефон убитого им уже был реквизирован.

Набрав номер, после четырёх продолжительных гудков Вован услышал в трубке щелчок, иностранную фразу, из которой он разобрал только слово «рашен», а после краткой паузы вежливый мужской голос поздоровался с ним уже на русском языке с едва заметным акцентом. Потом тот же голос назвался Гансом Лебелем, уведомил абонента, что он служащий одного уважаемого швейцарского банка и предложил назвать код банковского счёта.

Не всякий умный – хитрый и подлый, но всякий подлый и хитрый – умный. Змей махом «просёк» что к чему. В записной книжке, напротив телефонного номера, он прочёл другой ряд цифр, а также слово «Антананариву». Вот эту запись он последовательно и воспроизвёл культурненькому Гансу Лебелю. В ответ банковский клерк озвучил ему такое! от чего бывалый Вован едва не выпал из кресла...

– На вашем счёте сто миллионов амеро, – пресно известил его Лебель.

– Сп-спасибо, – выдавил из себя организатор убийства Бо-

ба Сноу. – До-до свиданья.

И отключил связь.

Мало-мальски оклемавшись, бандит взглянул на записную книжку уже со священным трепетом. «Ларчик открылся». Сто миллионов «америкашек» – это сто миллионов, пусть и хиреющих день ото дня.

Так разбойное нападение вывело Змея на столь любопытное открытие, что он занялся Листратовым вплотную. «Накат» на изобретателя оказался результативным и сулил такие реальные перспективы, что когда Георгий «сделал ноги», Вован за его поимку

объявил для своих опричников ка-а-питальный «бакшиш».

Вот почему глубокой июньской ночью Пакостин, не переставая, скрежетал зубами из-за «слинявшего» у него из-под носа поганого инженеришки Жоры Листратова. Гоп-менеджеру приходилось смириться с тем, что его он не заполучит в одночасье. Оставалась надежда на то, что Листратов рано или поздно попадётся в криминальную сеть «гопоты», разбросанную по всей стране.

6

До жилища, соблюдая предосторожности, Рокотов и Лонская добрались далеко за полночь. Журналист втолкнул девушку в прихожую, осмотрел лестничную площадку и также

юркнул за ней, захлопнув за собой дверь. Обретя кров, любители приключений обессилено свалились на пол, восстанавливая жизненную энергию столь оригинальным методом.

Первым зашевелился номинальный хозяин. Он поднялся, щёлкнул выключателем и распорядился:

– Диана, марш в ванную, а я пока подберу вам что-то типа накидки. Потом я приму душ, а затем – очень праздничный и очень поздний ужин, плавно перетекающий в очень ранний завтрак по случаю нашего спасения.

– О-о-о! – издала негромкий, но отчётливо радостный возглас студентка, словно смертник, которому виселицу заменили расстрелом. – Какие забытые слова: душ! ванна! ужин!...

– ...вино! чистая постель! – подхватил журналист.

– Чьи это апартаменты? – вставая, окинула любопытным взглядом небольшую двухкомнатную квартирку Лонская.

– Родной тётки и её мужа, – пояснил Юрий. – Тёти Тани и дяди Федота Асеевых. Хотя... Хотя, это для меня они дядя и тётя, а для вас – старик со старушкой. Летом они выбирают на дачу, поближе к природе. Как шутит дядя Ваня: «Привыкаю к вечному поселению в земле». К себе я ехать не рискнул... Ну да ладно, вы – в ванную, я – на поиски бельишка.

Пока Диана плескалась в ванне, Рокотов разыскал-таки в гардеробе хозяев кое-что подходящее для гостей обоего пола.

Из ванной комнаты Диана вышла посвежевшая, в коро-

теньком, свободно ниспадающем халатике, напоминающем тунику, который для неё подобрал заботливый журналист.

– Ну, как? – подбоченясь, спросила она Рокотова.

– Долбануться! – изрёк её любимое словечко Юрий, произвольно обласкав взором ладную фигурку. – Можете меня оттаскивать бездыханным! – И тут же он вознаградил красотку заслуженными эпитетами: – Эллинка! Куртизанка! Гетера!... В лучшем смысле этих слов.

– То-то же! – снисходительно прищурившись, приняла комплимент «эллинка». – Ваша очередь мыться, а я пока полагаю в холодильнике, симпровизирую очень поздний ужин, перетекающий в очень ранний завтрак. Что-то же там есть поесть?

Прохладный душ приятно остудил тело Рокотова, сняв усталость и нервное возбуждение. К нему вернулся аппетит. Накрытый в гостиной стол пришелся кстати. И пусть его полупустынный ландшафт разнообразили лишь яичница да бутерброды с сыром и маслом, но и он вызвал у мужчины приступ энтузиазма. Юрий с видом проголодавшегося едока вождественно потёр ладони, а через минуту присовокупил к застольному убранству бутылку с настойкой, уместно извлечённую им из бара.

– Спартанский ужин от куртизанки, – повела рукой Диана, приглашая его к трапезе.

– Лучше меньше да лучше, – сглотнул слюну журналист. –

Главное составляющее застолья не то, что на столе, а та, которая за столом.

Он откупорил бутылку, наполнил рюмки и задумчиво провозгласил:

– За нас, Диана! За наше чудесное спасение! За наше второе рождение и за то, чтобы удача не покидала нас!

– Принимается, – снисходительно приняла тост та. – Cheers!⁸

Напиток разливался приятной тонизирующей теплой волной по

телу Рокотова. Вторая и третья рюмки, вкуче с яичницей и бутербродами, прогрели его до кончиков пальцев. На Лонскую же настойка подействовала ощутимее: глаза у неё заблестели и налились шальным желанием. Она облизнула кончиком язычка губы и томно проговорила:

– Голову кру-ужит... Будто снова падаю с небес. У меня просто крышу сносит. Поддержите, пожалуйста, – обозначила она попытку подняться со стула.

– О да! Конечно, конечно, – засуетился кавалер, выскочив из-за стола.

Следуя указующему жесту девушки, он с шутливой церемонностью подвел её к дивану и помог опуститься. Та, откинувшись на спинку, похлопала ладошкой по ложу дивана, давая понять тем самым, чтобы Юрий присел подле неё,

⁸ Cheers!* (англ.) – будем здоровы!

томно вымолвив: «Kommt zu mir».⁹ Журналист с готовностью исполнил пожелание дамы.

– Тело ломит, – пожаловалась Диана. – Я же ударилась при этих диких небесных виражах.

Она взяла прохладную руку Юрия и прижала её к ушибленному локтю, промолвив:

– У-у-у, до чего роскошно!

– Рад стараться, – невесомо касаясь ссадины подушечками пальцев, отреагировал Рокотов. – Может быть, изволите что-нибудь анестезирующее?

– А вы можете что-то предложить? – усомнилась Лонская.

– Тэк-с, если я не ошибаюсь, у тёти Тани в мебельной стенке была аптечка, – ответил Юрий, подходя к шкафу и выдвигая соответствующий ящичек. – Ага, кое-что есть... Скажите мне какие резервы снадобий у вашей тёти, и я скажу, насколько она здорова. Впрочем, и от ушибов кое-что присутствует. Тэк-с, «Троксевазин-плюс», – прочёл он наименование мази. – Не ахти что... Бывает и поэффektivнее. Однако, за неимением гербовой, пишут на простой.

Он протянул тюбик студентке и проинструктировал её:

– Мазь втирается легкими движениями, практически без прикосновения к травмированному месту. Лекарство интенсивно впитывается в ткани автоматически. Говорю это как бывший профессиональный лётчик.

– Неужели вы не поухаживаете за больной, Юрий Серге-

⁹ * *Kommt zu mir* (нем.) – иди ко мне.

евич? –

кокетливо закатила глаза Лонская, точно впадая в предобморочное состояние. – Если вас, разумеется, не затруднит.

– Ну, что вы! Что вы! – ответил Рокотов. – Буду рад, если моя...м-м-м...пальпация, как принято говорить у медиков, окажется кстати, мадемуазель.

– Именно, – лукаво улыбнулась «мадемуазель», закидывая свои стройные загорелые ноги на диван и укладываясь на живот. – Лечит не столько лекарство, сколько душевное сострадание. Вы постарайтесь втирать мазь в мои локотки, – пощёлкала она пальцами, выбирая нужное слово.

– Невесомо, эфемерно, – подсказал ей Юрий.

– Видите, какой вы находчивый, – последовала похвала.

– Большая профессиональная практика, – констатировал доктор-неофит.

– Ну, так проявите многогранный талант и на лечебном поприще.

– Попробуем, – передразнивая жестами девушку, пощёлкал пальцами Рокотов. – Откуда начнём?

– Отсюда, – подставила больная локоть. – Хотя я ударилась и ещё кое-чем...

Рокотов ласкающими прикосновениями обрабатывал женские локоточки, втирая мазь, а Диана меж тем рассказывала об ощущениях во время полёта:

– Я так перепугалась, что перестала соображать, а вы не растерялись...Вы такой отважный, Юрий Сергеевич! Любо-

го перспективняка за пояс заткнёте! Правда, вы тоже чуть-чуть оказались не в своей тарелке... Сразу после приземления... Ведь так?

– Да нет, я был в норме.

– Оказались-оказались, – посмеивалась проказница. – Когда мы обнимались...

– Хотите сказать: ещё ничего не сделал, а уже ничего не получилось?

– Ха-ха-ха!... А вы бы как это назвали?

– Ну-у... Согласен, что минута слабости простительна женщине, но она же непростительна мужчине, ежели он ею не воспользуется, – как мог, отбиваясь на ходу, сочинил «дохленький» афоризм ас эфира.

– Но сейчас-то мы адекватны?

– Как вы могли усомниться!?! – деланно возмутился кавалер.

– Так охладите же поцелуями мои припухлости, чтобы облегчить страдания.

– Со всемерным расположением! – засуетился Рокотов.

– Ну, так не теряйтесь же... Учтите, у меня от влечения к совращению до отторжения – путь весьма короткий.

Юрий краешками губ стал поочередно притрагиваться к сгибам рук Лонской и ощутил, что несколько виртуальное желание контакта с юным созданием, переживаемое им и ранее, успешно трансформируется в конкретику сугубо мужской готовности. Той самой готовности, кою застали врас-

плох в парке.

– Теперь помассируйте мне икры, – тем временем уже инициативно распорядилась Лонская. – Они у меня тоже ноют.

– Слушаю и повинуюсь, моя госпожа, – попробовал беспечно усмехнуться доморощенный эскулап, но его губы инстинктивно подёргивались, а хрипотца баритона выдала страсть нетерпения.

Он нанёс тонкий слой мази на ушибленные места и нежными движениями произвёл втирание в упругие, тугие икры.

– Ну? – требовательно произнесла Диана. – А охладить?

И Рокотов с хищной плотоядной полуулыбкой-полуоскалом приник к её ногам, выполняя ритуальную целительную процедуру.

– Теперь тут, – абсолютно вошла во власть гегемон положения.

И она приподняла подол туники, обнажив наполовину ягодицы, которые не в состоянии были хоть как-то прикрыть свежевystиранные плавочки-стринги. Загорелая и смуглая от природы кожа девушки, белоснежные плавки и ярко-желтая накидка-туника создавали причудливый живописный колорит, улаждающий мужскую эстетику.

– Приступайте, приступайте, – стимулировала Лонская наступательный порыв мужчины.

Юрий бережно притрагивался к бархатистой поверхности тела

пациентки, но когда его пальцы входили в соприкосновение с полоской ткани в области промежности, где она плавно сменялась кудрявящимся пушком и особо нежной кожей, он усилием воли отстранял руку.

При очередном таком избегающем маневре Диана прихватила его пальцы своей горячей рукой, прижала к ложбинке между ягодицами и потребовала, сдерживая трепетное дыхание:

– Лечите без... пробелов!

– Трусики... мешают, – не то прохрипел, не то прорычал Рокотов, перевоплощаясь в гориллу-самца.

– Снимите. Доктору можно, – последовало милостивое разрешение.– *Come on!*¹⁰ – нетерпеливо добавила красотка.

Она с разрешающей манкостью выпятила попку кверху, и Рокотов до коленей приспустил плавки, которые девушка с ловкостью прелестной обезьянки одним движением ноги сбросила прочь.

И когда Диана, разводя ноги, не то чтобы допустила мужчину, а сама притянула его руку к запретному обнаженному лону, Юрий перестал себя контролировать. Он развернул живое воплощение молодёжного секс-символа к себе, жадно нащупал девичьи груди и с силой, до крови поцеловал девушку в губы.

Мигом позже Диана, отвечая на его тискающие, порывистые и поглощающие движения своими будоражающими «кле-

¹⁰ *Come on!* (англ.) – иди ко мне!

ящимися» поцелуями, опалила его знойным шепотом: «Тебе можно всё! Ведь ты такой смелый! Только знай, что там у меня, куда ты так хочешь... Три маленьких дырочки... Между попочкой и писюлькой – ещё... одно влагалище... Так получилось. Таким уродился твой птенчик. А теперь тебе можно всё! Всё!»

7

Если в Москве короткая (а для некоторых ещё и очень бурная) летняя ночь была на исходе, то в неизвестном вятском селе уже

минул рассвет, и наступало утро.

Георгий Листратов лежал навзничь на широкой деревянной кровати, уставившись широко раскрытыми глазами в потолок деревенской избы. Рядом, уложив голову ему на плечо, спала Милена. Настенные часы-ходики показывали половину шестого, однако сон упрямо не брал беглеца. Страх не давал безмятежно сомкнуть веки. И прежде всего страх за любимую, которая, прижавшись к нему животиком на восьмом месяце беременности, даже сонная не выпускала его руки. А сверх того – переживания за ту новую жизнь, что зародилась и мерцала внутри женщины его мечты.

Милену Кузовлёву Листратов впервые увидел два года тому назад. К нему в «Сюр-Реал» она пожаловала в сопровождении Дианы Лонской. Из приёмной в кабинет первой вошла

бойкая подружка, а уж за ней – Милена. С Лонской Листратов прежде «пересекался» на светских тусовках, и та, пользуясь знакомством, заранее условилась о визите – в противном случае для девушек столь короткий путь к востребованному режиссёру был заказан.

Всякая женщина – ходячая оферта, то есть коммерческое предложение о приобретении самого востребованного товара особого рода. Вопрос в цене и качестве товара. Если Лонская обладала по южному броскими прелестями, которые назойливо просят в глаза покупателя и набивают цену, то на Милену нужно было взглянуть самому. Георгий взглянул, и навсегда влюбился в её ненавязчивую и исконно славянскую красоту. Его покорили огромные серо-голубые очи незнакомки, её безукоризненно чистая белая кожа, тонкий профиль и нежный овал лица, обрамлённый льняного цвета локонами. Ну и, конечно, его не могли оставить равнодушным по-женски смышлёная внешность и та воспитанность, что сквозила в каждом жесте, в мимике, во взоре гостьи. Сквозь умненькую миловидность Милены светилась загадочность – тайна особого рода, которая подобно путеводной звезде влекла её к какой-то благороднейшей цели. Но эта цель была ведома исключительно ей, а посторонним доступ был закрыт.

Посетительницы разнились и внутренне. Диана (и это режиссёр мигом уловил) принадлежала к экстраверткам, кои, не задумываясь, из врождённого кокетства демонстрируют

полный ассортимент бугристых поверхностей и заманчивых изгибов, рождающих в мужчинах ощущение падения в бездну. Вот и в тот раз сексапильная фемина выгодно преподнесла едва прикрытые ноги, пышную грудь и прочие прелести. У Милены же под его пристальным взглядом порозовели щёчки, она потупила взор и, наоборот, фигурку расположила вполоборота, оставив для восприятия минимум эротической информации. Тем самым скромница окончательно обольстила мужчину.

Листратов был видным молодым человеком. Вместе с тем, до обретения звёздного статуса, он не интриговал «столичных штучек» уровня двух посетивших его красавиц. Зато стоило ему «зазвездиться», как подле него их запорхал целый рой. Посему Георгий великолепно научился распознавать тех, кого влекло его положение. В Кузовлёвой и намёка на это обстоятельство он не заметил.

Лонская меж тем изложила цель их посещения, из которой вытекало, что её подруга желала бы сделать заказ на изготовление нейропсихологического модуля Юрия Гагарина.

– Гагарина? – уточняя, удивился режиссёр, обращаясь непосредственно к Милене. – Это первого космонавта планеты, что ли?

– Да, – кивнула девушка, вторично за посещение, взглянув на него.

– Отчего же именно он?

– Так, – последовал уклончивый ответ от вновь порозовевших щёчек. – Он...интересен мне в качестве исторического феномена.

– Надеюсь, вы понимаете, что качественное исполнение вашего заказа предполагает достаточную откровенность?

– Да-да. Понимаю, – спохватившись, прикусила губку Милена. – Видите ли, я учусь на психолога, – пояснила она. – Пишу курсовую работу о специфике заочного метода изучения личности. Мне необходимо окунуться во внутренний мир Гагарина и как космонавта, и как первого «гражданина мира», и как семьянина, и как спортсмена...И так далее. Познать и раскрыть его во всех социальных ракурсах. Разумеется, я отнюдь не претендую на то, на что претендуют другие ваши клиенты. Меня вовсе не прельщает копание в грязном белье. Мне нужно документально точное воспроизведение его «психологической голограммы». Без додумываний и фантазий.

Само собой, Листратов взялся за необычный заказ. И работал над ним, как никогда прежде. Ещё бы, в Кузовлёвой для него экспериментальный интерес сочетался с личным. Экспериментальная составляющая выражалась в том, что на ней он апробировал свой тайный шедевр, своё изобретение – резонатор, как Георгий его коротко именовал. Личный же стимул заключался в том, что впервые экспериментатор применил прибор на клиенте, вернее, на прекрасной мадонне, из любовных побуждений. И воздействие технических

устройств подарило ему волшебный результат.

Впрочем, о подробностях этого увлекательного процесса – несколько позже и в другом месте повествования. Предварительно же достаточно отметить, что Листратов впервые в жизни полюбил. И Милена ему ответила взаимностью. Взаимностью, по сути, техногенно навязанной. О чём она не ведала и до настоящего утра.

Георгий был из детдомовцев, круглый сирота. И в детстве он был ничейным ребёнком. А одинокая личность – маленький неприкаянный мирок, чуждый этому гигантскому и холодному миру, помыкающему им.

И даже повзрослев, Листратов собой в полной мере не распоряжался, пока работал за гроши в так называемом «ящике» – в закрытом Институте нейрофизиологических проблем, функционировавшем под эгидой КГБ России. Лишь учредив «Сюр-Реал» на паях с Исааком Вайнбергом, он обрёл приличный социальный статус.

Вайнберг – крупный воротила в сфере шоу-бизнеса – оценил многообещающий проект и рискнул, вложив в него немалый капитал. Инвестиции талантливого, но малоимущего Георгия выразились в виде самих изобретений. Проект «русского доктора Фрейда» не оказался прожектом: «Сюр-Реал» быстро окупился, а филиалы салона начали распространяться по стране. Конечно, жадный спонсор по совместному бизнесу новатора беззастенчиво «нагрел», но, наряду с тем, Исаак Анатольевич дал тот минимум, чтобы его компа-

ньон ощутил себя обеспеченным, а значит, и относительно свободным человеком.

И всё же, в самодостаточную личность Георгий превратился лишь с появлением Милены. Ему стало, для кого жить, творить и зарабатывать. С появлением любимой для Листратова солнечный свет заиграл всеми цветами радуги. И он решил подарить Милене радость вселенского масштаба. Но как реализовать эту идею без денег?

Ради добычи золотого тельца изобретатель и надумал продать новое и незапатентованное в установленном порядке открытие. Но кому? Вайнбергу? Так тот его уже однажды обобрал как липку. Комитету госбезопасности? Так эта наглая и властная инстанция платила ему крохи за ту эксклюзивную информацию, что он ей поставлял. Потому он и связался с американцами через репортёра Боба Сноу, что давно подбирал к нему отмычку.

Новоявленный Кулибин сознавал, что совершает крайне рискованный шаг, ибо ещё в Институте нейрофизиологических проблем он дал КГБ кабальную подписку. Подписка в числе прочего предусматривала уголовную ответственность за незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг. Комитетчики никогда не простили бы ему измены в форме технического шпионажа. Но уж очень хотелось обеспечить перспективу любимой и будущему сыну.

Потому Листратов и отважился на контакт со Штатами, в материальном плане отнюдь не прогадав. В дальнейшем за-

держка заключалась, как он надеялся, в сущем пустяке – вывезти Милену «за бугор» под видом круиза по Средиземноморью (до поры не посвящая любимую на счёт деталей «закулисья»), а там её и сманить.

И уже на стадии оформления заграничных виз у Георгия случился «облом»: Кузовлёва сама узнала об изнанке его души при

крайне непредсказуемых обстоятельствах.

В ту июньскую ночь Листратов проснулся от того, что кто-то включил яркий свет в спальне его московской квартиры и резко сорвал с него простыню. Георгий сначала рефлекторно зажмурился, а затем, реактивно оценив необычайный характер происходящего, волевым усилием раскрыл глаза и стремительно сел на краю кровати. Он увидел вокруг себя нескольких человек. Часть из них была вооружена. Стволы были направлены на него и на Милену, которая также проснулась и испуганно прижималась к стене, прикрывая живот руками.

– В чём дело? Чего вам надо? – ошеломлённо спросил Георгий.

– Ты Листрат? – вместо ответа спросил его мужчина лет тридцати, стоявший впереди прочих. При разговоре кончик его языка раздваивался, будто у гада ползучего.

– Сначала скажите, кто вы и по какому праву ворвались? – попытался сохранить невозмутимость хозяин.

Реагируя на его не по обстановке независимое поведение, гадоподобный кивнул наперснику, молча скалившемуся щербатой пастью. Восприняв сигнал, щербатый пнул строптивцу в промежность. От удара у Георгия в глазах вспыхнул свет в сотни раз более яркий, нежели при пробуждении, вслед за которым его обступил чёрный провал, и он мешком свалился на пол.

Придя в себя, Георгий обнаружил, что он весь мокрый, с тела стекает вода, а его поддерживают под руки сообщники человека с раздвоенным языком. Непосредственно над Георгием возвышался беззубый тип с пустым ведром.

– Ты Листрат? – повторил главарь, над верхней губой которого взамен усов красовалась стилизованная татуировка «Весь мир фуфло, а люди в нём фуфлыжники».

– А ты кто та..., – начал, было, упрямец, ан новый удар щербатого в скулу оборвал его риторику.

Едва чёрная пелена перед глазами рассеялась, Георгий увидел, что гадоподобный мерзавец, перегнувшись через кровать, немойтой рукой гладит сжавшуюся Милену по беременному животу, издавая звериные хрипы:

– Чё, зигота¹¹, набалделась, сама сучку ждёшь?

– Убери лапы, скотина! – придушенно вскрикнул Георгий, силясь вырваться из дурно пахнущих объятий бандитов. – Не тронь её, гад! Пусть ты меня прикончишь, но прежде я

¹¹ *Зигота* – клетка, образующаяся в результате слияния двух половых клеток в процессе оплодотворения.

тебе вырву язык!

И нечто такое было в его виде и голосе, что заставило садиста с раздвоенным языком почувствовать: женщина – тот предел, за которым для его противника ограничений не существует.

Но прежде, не оборачиваясь, налётчик мощным маховым движением в прыжке нанёс удар Листратову в солнечное сплетение, принудив его замолчать ещё на пару-тройку минут.

– Х-ха, вырву, – ехидно хмыкнул изувер, оставляя, тем не менее, Милену в покое и прицениваясь к её партнёру, который всё никак не мог вдохнуть воздух полной грудью. – Ну и чё? Вырвал? Я те ща член вперёд вырву, лох поганый! Ну, чё ты бакланишь? Сам же гонору нагнал, не захотел без понтов базарить. Сам и тёлку свою без навару подставляешь. Я – Вован Палач. Слыхал, небось? А ты кто?

– Че-чего спрашивать? Сам знаешь, что я – Листратов? – с передышками, хмуро склонился к диалогу Георгий. – Сдуру в дома такие, как вы, наверное, не вламываются?

Бандиты захохотали вкупе с вожакom.

– А ты ничё, фoфан, – снисходительно одобрил прозвучавшую фразу Вован. – Коль дальше не будешь дуриком прикидываться, то и ты, и тёлка твоя, и надавыш твой, чё у неё в пузе зачервячился, жить останетесь. При одном условии, что ты запираешься не станешь и бабло, что ты настриг немеряно, гопоте нашей отслонявишь. О`кей?

– Попробуем, – согласился Георгий, суматошно соображая, сколько валюты у него в квартирном сейфе, на депозите и на банковских карточках. Да вот только последующие действия Змея заставили его предположить, что малыми уступками от этого мизантропа не отделаешься.

Так оно и вышло. Вован преспокойно дождался того, пока хозяин выложит им сбережения из сейфа, отдаст одну из банковских карт и сообщит код к ней, а вслед за тем почти культурно осведомился:

– Всё?

– Почти... Кроме депозита.

– Ай-яй-яй! – карикатурно скривился предводитель шайки. – Чё ты гонишь, отрывка несвоевременно извлечённого пениса! А ведь договорились, фуффло не толкать. Секи поляну, Жора, и делай выводы.

С этими словами Змей извлёк из дорогого кейса фотографии, на которых Листратов сразу опознал Боба Сноу, точнее, труп Сноу, снятый в нескольких ракурсах. И на всех снимках рядом с телом репортёра беззубо скалился ненавистный щербатый субъект, что стоял сейчас подле режиссёра. Георгий тотчас вспомнил прессу дня минувшего, смаковавшую убийство американского подданного. Так вот кто виновен в его гибели! Или это ловкая мистификация?

– Чё, сомнения нас гложут? – ехидно, но правильно истолковал его колебания Вован. – Так ведь не суть, кто грохнул Боба, хотя я мог бы тебе и ксиву на него предъявить. Суть в

том, что я знаю про связку меж тобой и Бобом. Ни одна собака про то не пронюхала, аж и комитетчики проворонили, а я знаю. Вот номер так номер, да? Аккурат тебе меж глаз!

– Да-а..., я знал Сно-оу, – выгадывая время, медленно протянул пленник, поражённый убийственным доводом. – В «Сюр-Реале» он бывал...

– Бывал член у любки под юбкой! – грубо оборвал его Змей. – Чё ты мне тюльку гонишь? Э-эх, впендюрить бы тебе по дыне пару раз, да ладно... И без того есть, чем прессовать.

И главарь, подобно факиру, вытаскивавшему из мешка кобру, вытянул из кейса записную книжицу американского журналиста. С многозначительным видом он раскрыл вещественную улику и с великодушием победителя дал возможность поверженному противнику обозреть записи с номерами банковских телефонов и кодами.

– Ваша взяла, – и в самом деле сдался Листратов, исподлобья

обводя взором ораву уголовников. – Есть у меня куш на счетах... Так он в Швейцарии. До него ещё добраться надо.

– Нич-чё, доберёмся, – под гогот блатной братвы заверил его Вован. – И за чё ты такие крутые бабки срубил?

– За что-о? – замялся Георгий, не решаясь выдать тайну. – Загнал кое-что... Вам-то что? Вам же деньги нужны.

И в сей критический момент, из-за нервного перенапряжения, режиссер допустил промах: он ошибочно расценил последующие действия главного бандита.

– Нам-то что? – сказал гоп-менеджер, в третий раз раскрывая кейс. – Ты меня, фуфел, достал. Ща я тебе предъявлю лучший в мире детектор лжи...

– погоди, – остановил его Листратов. – погоди...

– Пожужу, – заинтригованно замер тот в позе грибника, нащупавшего в жухлой листве груздь.

– Всё так, – покаянно сознался Георгий. – Барыш я сорвал на том, что загнал американцам усовершенствованный детектор. Резонатор...

– О, приколы так приколы! – Вован похабно разверз пасть, из которой торчали жёлтые прокуренные зубы с инкрустированными стразами. – А я-то намекал вот на какой детектор! – И он под лошадиное ржание своих опричников жестом фокусника извлёк-таки из кейса... паяльник.

Режиссёра охватил стыд, смешанный с гневом бессилия, что он так дешёво и бестолково «купился», а не отступить было поздно: слово блудливым воробьём вылетело изо рта и ухватить его, было не суждено.

– А чё такое... «отон»? – зачитал бандит непонятное словечко из записной книжки.

– Это... приставка к детектору, – соврал Листратов.

– Ну, чё, подытожим переговоры, прошедшие в тёплой и дружественной обстановке, – издевательски проговорил Змей. – На твой детектор мочился я со сталинской высоты. А вот на бабло я тебя разведу по полной программе. Делиться, братан, треба. Значит так, за кордон поедешь с нашими.

Баба твоя останется тут, под нашей крышей. Рассчитаешь-ся, получишь её живой и здоровой вместе с надавышем. Попробуешь свинтиться, получишь её уши в посылке. А щас, покеда мы будем выправлять ксивы в Швейцарию, пыхти в две дырки, засветись на работе... Короче, тусуйся, как обычно, но под нашим призором. А станешь дёргаться, так мы не толи што бабу твою саданём, но и тебя гэбистам сдадим за измену нашей великой Родине! – пафосно завершил он бандитское наставление.

Так криминальный «наезд» сорвал планы Листратова. Два дня под неусыпным надзором боевиков Вована Палача он оформлял срочную визу в Швейцарию. Мобильные телефоны у Георгия и Милены бандиты забрали. За Миленой также ходил по пятам «гопник», отслеживая каждый её шаг.

На второй день пленения Милена, предупредив Георгия, поехала в Ленинку, чтобы, якобы, подготовить материалы для дипломной работы. Там она набрала массу литературы об истории Древнего Рима, ибо одним из персонажей её исследования являлся легендарный основатель Вечного города Ромул. Под видом конспектирования, она стала писать записку Диане Лонской, намереваясь это послание незаметно передать библиотекарю. За этим занятием её и застал Георгий, внезапно появившийся в библиотеке.

– Иди за мной! – вполголоса и непривычно жёстко командовал он, беря её за руку.

– А-а-а... А как же книги? – только и успела пролепетать она.

Однако вид мужа был настолько страшен, что она осеклась и послушно засемила за ним к выходу из зала. Милена даже упустила из виду то, что Георгий был без бандитского конвоя. Зато это в должной мере оценил её неотступный соглядатай. При приближении к нему супружеской четы, бра-ток вдруг оробел, испуганно вскочил с лавочки и прижался к стене. Георгий, не останавливаясь, правой свободной рукой достал из кармана курточки-ветровки какую-то трубку. Это был изобретённый им самодельный импульс-шокер дистанционного действия.¹² Он навёл

его на соглядатая и нажал на кнопку. Мгновение – и бандит расплавленным воском сполз по стене на пол.

– А-а-а... А где ост-остальные? – клацая от волнения хорошенькими ровными зубками, спросила Милена мужа в коридоре.

– Там же, где и последний, – ответил Георгий.

– Ты... Ты их тоже убил?

– Часа три поваляются в лужах из собственной мочи и очухаются.

И пришлось возлюбленным бежать впопыхах, куда глаза глядят. Поначалу Георгий спрятал Милену у тётки в Орехово-Зуево, а сам попытался сунуться за билетами в аэропор-

¹² *Импульс-шокер – генератор сверхкоротких импульсов высокой мощности и сверхмалой длительности.

ты, на вокзалы... Увы, везде он едва не напарывался не только на подельников Вована Палача, но ещё и на негласный контроль комитетчиков – то спохватился и Топтыжный. От провала Листратов ускользал в последние мгновения. Вскоре к перечисленным невзгодам присовокупилось и то, что вторая его банковская карта, которую он утаил от Пакостина, оказалась заблокированной. Выручила записка, припрятанная в рабочем кабинете.

В виду того, что западные рубежи страны оказались наглухо заблокированными, несчастным влюблённым ничего не оставалось как, подобно славянам шестого века нашей эры, гонимым в поисках лучшей доли, двинуться на восток. Иногда так бывает: чтобы достигнуть Запада, надо стремиться на восток. Их бегство осуществлялось «тайными тропами» – вдали от российских транспортных магистралей, просёлочными и второстепенными дорогами, пролегающими между заштатными городишками, захолустными сёлами и лесными посёлками. Они передвигались на перекладных: попутными машинами, электричками, конными подводами, а подчас и пешком. В гостиницах «светиться» было опасно, потому в качестве места ночлега предпочитались частные дома. Последнюю ночь Георгий и Милена скоротали в избе безымянного вятского крестьянина.

От Кирова до Владивостока оставалось «всего ничего» – семь тысяч километров. Там проживал дальний родственник Листратова – Владимир Зиновьевич Селиванов. Он был

капитаном дальнего плавания и располагал возможностями нелегальной переброски Георгия за кордон. Листратов убедил свою суженую, что у Зиновьева она будет в безопасности. Он же, Георгий, доберётся до Америки, заполучит сумму контракта, вернёт её в качестве компенсации Отечеству, а уж затем явится с повинной, как на том настаивала Милена.

Глава седьмая

1

Заковыкин совершил незаурядный для студента-гуманитария поступок: он встал в семь часов утра – неслыханно рано для себя. Это понадобилось ему затем, чтобы иметь солидный временной лаг в поисках улицы Подлесной, а равно и для поездки на проспект Вернадского. Воистину, кто рано встаёт – тому Бог подаёт. С задачей-минимум Тихон справился неожиданно легко: в девять часов он уже был на месте.

Добравшись до места проживания Георгия Листратова, уралец сориентировался с нумерацией квартир по табличке на дверях подъезда, и бодро разъяснил старушке, возившейся с кодовым замком: «Здрасьте. Я к Листратову...». Тихон лгал вдохновенно и без тени сомнения: во-первых, от природы он располагал таким искренним выражением лица, что именно пожилые люди ему безоговорочно доверяли, а во-вторых, то была ложь во спасение – во спасение Милены Кузовлёвой. Юркнув следом за бабулей в подъезд, он лестнич-

ными маршами взбежал на пятый этаж и нажал на кнопку звонка.

На его призыв к общению никто внутри квартиры не отозвался. Второй, более продолжительный сигнал, также остался без ответа. Настырный Заковыкин не привык так запросто отступать. Он принялся звонить ещё и ещё, и до того увлёкся этим процессом, что когда его кто-то тронул за плечо, он от неожиданности подпрыгнул кверху горным козлёнком.

В прыжке, с высоты козлиного полёта он оглянулся и обозрел лестничную площадку: на ней стояла та самая старушка, что впустила его внутрь.

– Ты к кому, мальчик? – уточнила бабуля.

– Дык... Я к дяде Жоре, – нашёлся Тихон, приземляясь. – К Листратову. На прошлой неделе он меня в гости звал... А его нету.

И по телефону не отвечает.

– Знать, ты Георгиев племянник?

– Угу.

– Георгий уж дней пять не появляется.

– Дней пя-а-ать...

– Да-а-а, – в тон ему подтвердила старушка. – Ево сёдни перед тобой энти... органы искали. Мине понятой брали. Квартиру обшарили и, вишь ты, бумажку наклеили.

Только сейчас Заковыкин обратил внимание на то, что вход в жилище опечатан узкой полоской бумаги с нанесён-

ной на неё печатью следственного комитета.

– О-о-о!... – ошеломлённо протянул он. – То-то я думаю... Ну, ладно, я пошёл. Моя мама, то есть сестра дяди Жоры, наказала проведать его. А тут... Спасибо, бабушка. Я, пожалуй, пойду.

Лгунишка уже спустился ступенек на пять, обдумывая слова старушки, как та внезапно сама его позвала:

– Внучек, стой! Коли тебе чего спросить, так люди из органов промеж собой говорили, что сёдни эдеся энту... засаду выставят. Дак ты про Георгия у них може чиво спросишь?

– Да-аже и не знаю, – артистично разыграл нерешительность парнишка. – Не-е, я лучше маме скажу, а она пусть решает.

– Ну, мотри, – сказала старушка ему вслед.

Студент, то перепрыгивая ступеньки лестничных маршей, то съезжая по перилам, спустился на первый этаж. Шагнув из полутьмы подъезда на улицу, он зажмурился от яркого солнечного света, и в ту же секунду ощутил, что кто-то схватил его разом справа и слева, вывернул руки вбок и вверх так, что он скрючился в три погибели, едва не уткнувшись лицом в асфальт. Невидимые злодеи – судя по числу ног, их было двое (а то и четверо, если они вдруг относились к одноногим монстрам?) – оттащили его в близлежащие кусты. В зарослях «черёмухи душистой» один из них вовсе не поэтично рывкнул:

– Кто таков?

– Да вы хоть разогнуться дайте, – скромно попробовал возмутиться похищенный.

– Ты у меня щас побакланишь, так не то ли что не разогнёшься,

а в окончаловку загнёшься, чухан! – реально пообещал обладатель нелирического баса. – Какое у тебя погоняло?

– По-погоняло? Какое погоняло?

– Имя, б-блин!

Тихон учёл, что верхняя пара конечностей одного из возможных монстров-уродов ощупывает его и уже лазит по карманам. Следовательно, через миг-другой студенческая карта, которая на сей раз была при пермяке, будет обнаружена. То есть, запираяться по очевидным фактам становилось бессмысленно. И юноша натужно прохрипел:

– Тихон я... Тихон Заковыкин. Отпустите меня, так я вам сам документ покажу...

– Показывают член, а документ предъявляют, ак-кадемик докторских наук, – поучающе фыркнул бас.

– Ну, предъявлю...

– Стой тихо и не бухти, – проворчал незримый собеседник. – Тады, может, и мочить тебя не придётся. Дошло, лузер ты обыкновенный?

От многообещающих намёков у «лузера» пропала не то что способность «бухтеть», но и желание громко пыхтеть. В том числе и пыхтеть «устаами, которые не говорят по-фла-

мандски», к чему его невероятно вынуждала поза «йога, внезапно впавшего в созерцание вечности в момент поклона прошлому».

Под кряхтение противоборствующих сторон монстры завладели содержимым карманов парнишки. Выполнив «аудит» по полной номенклатуре, невидимки позволили Заковыкину разогнуться. Тот распрямился и увидел перед собой двух нечёсанных мужиков средних лет, «одежду» которых преимущественно составляли «наколки», слабо прикрытые несвежими шортами и футболками. Один из них, с причёской типа «ирокез» и с многообещающим выражением на физиономии типа «Кому по роже – милости просим!», сказал уже знакомым басом:

– Чё те надо от Листрата?

– Э-э-э, – невразумительно затянул юноша, придумывая отговорку. – Задолжал он мне. Заказ я оплатил, а он его не исполнил.

– Ишь ты, кредитор, ли чё ли? – неопределённо проговорил второй, с носом как у Сирано де Бержерака, списывая в блокнотик данные «кредитора» со студенческой карты. – Может его того...на Калачёвскую, сорок? Там из него повыбивают...

– Глохни, рыба! – резко оборвал напарника «Ирокез». – А ты, Тихон, дёргай отсюда. Ещё раз поймаем – ноги повыдергаем!

– А вместо них спички вставим, – поддакнул старшему

«Сирано де Бержерак».

Паренька отпустили, вернув экспроприированное, а также придав «стартовый импульс» в виде смачной оплеухи.

Отойдя от места «морального осквернения» на приличное расстояние, Тихон обиженно проворчал: «На Калачёвскую, сорок, на Калачёвскую, сорок... Я вот вас как сдам на Большую Дмитровку Гэ-Гэ, так зачешетесь!»

2

Утреннее приключение более или менее образумило Заковыкина. И поначалу оно, благоразумие, справлялось с опасными помыслами Тихона. Но после перекуса кровь пермяка прилила к желудку, мозги затуманились, и... всё пошло по-старому.

В два часа пополудни студент, уже вооружённый технической новинкой, «подземкой» добрался до станции «Юго-Западная». Там он поднялся на эскалаторе к выходу и вышел на проспект Вернадского. Здесь, близ гостиницы «Салют», должна была проживать Милена Кузовлёва. По мере приближения к искомому адресу поступь юного разведчика явственнее и явственнее выдавала неуверенность: сказывалась перипетии вылазки на улицу Подлесную. Потому «пермяк-солёные уши», приближаясь к нужному подъезду, замедлял и замедлял шаги, держа «ушки на макушке».

Прибыв на место, Заковыкин не стал дожидаться довер-

чивых бабуль. Озирая окрестности, он достал из кармана скиммер. Прикрепив считывающее устройство к кодовому замку на входных дверях в подъезд, юноша нажал тумблер: на экранчике прибора замелькали циферки, пляска которых прекратилась с появлением числа «837». То был пароль электронного запора. Тихон снял портативный сканер, набрал зашифрованное число и юркнул внутрь.

Установив число квартир на этаже, чужак поднялся лифтом на седьмой этаж, выйдя на странную лестничную площадку, ибо стены её были разукрашены картинками из весёлых мультфильмов. Незванный гость приблизился к металлическим дверям с овальной табличкой под номером сто тридцать два.

Тихон, набирающийся опыта не по дням, а по часам, убедился, что квартира не опечатана, и приложился к кнопке звонка – сигнальное устройство безмолвствовало. Полагая, что он слабо нажал на кнопку, Заковыкин энергично и столь же безрезультатно надавил ещё пару-тройку раз.

Бесцельно поклонявшись по пустому межквартирному пространству, упорный паренёк опять направился к жилищу Кузовлёвых. Преодолевая вполне объяснимую внутреннюю неловкость, он настойчиво постучал в дверь. Стук гулко раздавался в пустом подъезде, теперь отдававшим холодной враждебностью. Визитёр невольно оглянулся: позади никого не было, в том числе и бабулек. Ему стало жутковато, ибо померещилось, что в квартире притаился неизвестный, злоб-

но взирающий на него через «глазок». Заковыкин из духа противоречия приблизил к дверному «зрачку» свое лицо и, фиглярничая, усмехнулся: «Тьфу, тьфу, чтоб не плюнули!» – однако различил в нём лишь свою физиономию, искажённую кривизной линзы и нервным напряжением.

Студент застыдился собственной робости, и толкнул дверь ладонью, словно проверяя её на прочность. Та, проявляя физическое свойство, именуемое в науке сопротивлением материала, не подалась ни на миллиметр. Тихон зло толкнул металлическую преграду плечом, которая на хулигански вызывающий толчок плечом ответила индифферентным металлическим противодействием.

На Заковыкина, соответственно возрасту, частенько накачивало

эдакое мальчишеское лихачество и безрассудство, попирающие взрослые нормы поведения. Вот и сейчас, нетерпеливо «крутанувшись» по просторной лестничной площадке, озоруя и подражая волку-каратисту, нарисованному на стене, он с разбегу прыгнул на «непокорную» дверь, лишь обозначив ногами то, как вынесет металлическую преграду с петель...

Тихон совсем несильно ткнул в стальную плоскость кроссовками, но та внезапно распахнулась, и атакующий её «каратист» влетел в темноту прихожей. Продолжению полета поспособствовал и невидимый коварный внешний фактор, втянувший его вглубь. О коварном факторе парнишка дога-

дался чуть позже, в квартире, куда так стремился. Некто, уже на излёте, квалифицированно нанёс ему акцентированный удар точнёхонько в солнечное сплетение, сбив дыхание, а затем резко врезал по «загровку» так, что у пермяка кратковременно отказало зрение. Тут же Заковыкина безжалостно бросили на пол и затворили за ним вход. О последнем обстоятельстве «взломщик» догадался по характерному стуку и щелчку замка.

Тотчас, без передышки, пленённого несколько рук ткнули носом в паркет, перехватили чем-то горло, загнули все четыре конечности за спину и профессионально обыскали методом похлопывания.

– Чисто, – облегченно просипел некто в темноте. – Без стволов. Только какая-то коробочка есть.

– Глянь, что за Зорро-попрыгунчик пожаловал, – приказал другой мужской голос.

В прихожей вспыхнула лампочка, пленника уложили на бок. И тогда Тихон, издавая от апперкота урчащие звуки воздухом, выходящим из легких (и может, не только оттуда), разглядел, что над ним наклонились два возбужденных мордворота, нацеленные на дальнейшие, более решительные действия. За ними стоял

щеголеватый худощавый молодой мужчина.

– Кто таков? – осведомился щёголь.

– Э...Э...Э..., – приходя в себя, попытался ответить Заковыкин, натужно хватая ртом воздух и с удивлением опо-

зная во фланге следователя Геннадия Геннадьевича Затыкина.

– Что, попрыгунчик, в зобу дыханье спёрло? – насмешливо

полюбопытствовал тот.

Громилы тем временем обыскали паренька и извлекли содержимое из одежды.

– Здра-здасьте, Гэ-Гэ, – с трудом, и не без неожиданно прорезавшегося подобострастия, выдавил из себя Тихон.

– Чо-чо? – улавливая знакомые черты в лице и в тембре голоса задержанного, по-деревенски переспросил его сотрудник следственного комитета, теряя ведомственный лоск.

– Ой...Здрасьте, Геннадий Геннадьевич, – поправился студент. – Не узнаете?

– Эта..., – припоминающее нахмурился следователь. – Хм...Никак, бабай с Урала? Пермьяк-солёные уши?

– Он самый, – не стал хорохориться «бабай».

– Поднимите его, – отдал начальственное указание Затыкин, которое мордовороты исполнили неукоснительно, прихватив юношу за локти. – З-заковыкин?

– Я.

– Какого чёрта вы тут делаете, Заковыкин? – осматривая портативный сканер, услужливо поданный помощниками, осведомился амбициозный Гэ-Гэ. – Так-с, скиммер...Ясенько... Ишь, как экипировался! Какого чёрта вы тут дела-

ете, Заковыкин, я вас спрашиваю? – вторично прозвучал вопрос теперь в несколько угрожающей интонации.

– Прибыл на аудиенцию к Милене Кузовлёвой, а тут на тебе – вы, – обретая традиционно ироничное расположение духа, съехидничал Тихон, двусмысленно и чуть ли не по-приятельски подмигивая Гэ-Гэ. – Вам не снится её записка?

– Кстати, Заковыкин, а где, в самом деле, записка? – оживился представитель федерального органа.

– Какая записка? Не знаю я никакой записки, – поюродствовал паренёк, припомнив, как днями ранее Затыкин от послания Милены всемерно отбодрялся. – Да ведь вы её и не признавали.

– Прекратите паясничать, Заковыкин, – строго одёрнул его следователь. – Я имею в виду записку, адресованную Кузовлёвой своей подруге Диане Лонской.

– Лонской? – изобразил непонимание Тихон, мигом сообразив,

что про Лонскую, о коей он прежде не был осведомлён, Гэ-Гэ сболтнул лишнего. – Если вы про записку, которую я давно выбросил, так там какая-то Милена писала какой-то Диане...

– Кончай дурочку ломать, – насупился Геннадий Геннадьевич. – А ну-ка, обшарьте его от и до, – приказал он громилам.

Последовал повторный личный обыск – теперь при дневном освещении и в большой комнате. На сей раз к методу

похлопывания прибавились методы раздевания и беззастенчивого прощупывания, не возымевшие, впрочем, результата – собаку съевший в таких переделках «бабай с Урала» носил при себе минимум улик.

Зато, пока его крутили, будто белку в колесе, он огляделся и увидел на стене комнаты семейную голограмму. На ней было двое: старик, похожий на Станиславского, и смеющаяся девушка, доверчиво прильнувшая к его груди. На голограмме она была как живая. И девушка была не просто красива – она была прекрасна! «Милена!» – догадался Тихон. У него сердечко даже сделало перебой, а потом его кольнуло от глупой ревности по поводу того, что такую богиню целует какой-то земной Гоша.

Обыск завершился ничем, а голый, как пупс, Заковыкин всё стоял и стоял, недвижимо и зачарованно глядя на изображение Милены.

– Чево стоишь-то? Понравилось? – раздражённо осведомился у студента один из громил, только что ощупывавший его.

– Угу, – не глядя на амбалов, со вздохом признался им Тихон.

– Извини, но продолжения не последует, – разведя руки, поскабрезничал разговорчивый мордоворот под хихиканье сотоварищей. – Может того... Сам оденешься?

Только тогда до Заковыкина дошло, что над ним насмеются.

– Что, скушали?! – придя в себя, не без дерзости осведомился парнишка, надевая одежду. – Нашли золото партии?

– Ах, даже так?! – нешуточно осерчал на Тихона Затыкин, выходявший во время поисков записки в другую комнату. – Ничё-ничё, пим с уральского улуса, сейчас мы тебя доставим куда надо. Там ты запоёшь по-другому. Я тебя закрываю на десять суток по закону о борьбе с терроризмом!

Глава восьмая

1

Если Георгий Листратов прошедшей ночью совсем не сомкнул глаз, если Тихон Заковыкин встал непривычно рано, то Рокотов с пассией «изволили поживать» до полудня. И разбудил Юрия вовсе не солнечный лучик, заглянувший в окно, а ощущение беспокойства. Рождено оно было интуицией, предупредительно шепнувшей ему: «Подъём! Хватит валяться. Приведи себя в порядок, мужик – моложе Кощея Бессмертного, но старше Бабы-Яги. Ты должен выглядеть тип-топ».

Юрий открыл глаза и медленно перевёл взгляд налево от себя: Диана ещё спала, прикрывшись простынёй лишь до колен. Она лежала нагая, навзничь, чуть повернув голову. Посмотреть было на что! «И эта роскошная девушка сегодняшней ночью... Нет, не так... И эта роскошная девушка с неповторимыми пикантненькими атрибутиками сегодняш-

ней ночью принадлежала мне? – недоверчиво подумал журналист. – Долбануться!»

Он бесшумно поднялся с ложа, подарившего ему непередаваемые мгновения, ощущая себя добрым молодцем из сказки, и на цыпочках засеменил в ванную. Настенное зеркало махом отрезвило его. «Ну и рожа! – констатировал он, увидев собственное отражение. – Можно предположить, что на ней черти справляли бесовскую свадьбу». Насыщенный предшествующий день и бурная ночь высветили и его морщины, и усталость, и бледность, выдавая подлинный возраст.

Потому Рокотов в течение получаса скоблил щетину дядиной бритвой, мылся, с ожесточением чистил зубы и вообще всячески освежался, восстанавливая относительно приличный вид. Добившись маломальского отличия от мертвеца с людоедского кладбища, он пробрался на кухню и приготовил кофе, который и принёс на подносе в спальню.

Диану он вернул в чувство не слишком уверенным поцелуем в щёчку, держа поднос с кофейными приборами обок от постели. Она с лёгким и томным стоном разомкнула глаза, повернула к нему лицо и размягчённым от сна сопрано с хрипотцой попросила его: «Поставь, кофе, пожалуйста». Недоумевая, Юрий опустил поднос на тумбочку. И в ту же секунду проказница схватила его за ягодицы и резко потянула на себя. Чтобы не опрокинуть чашечки, мужчина спешно разжал пальцы и неуклюже, мешком свалился на девушку. А той только того и надо было: она сильной и ловкой сам-

кой выскользнула из-под него, оседлала и принялась выделывать с ним такое, что Юрий сам себе показался детсадовским шалунишкой, которого решила совратить многоопытная воспитательница.

Никогда Рокотов не позволял женщинам держать верх в любовных играх. Точнее, не то чтобы не позволял, а просто выполнял природой предписанную миссию лидера. Видимо, настала пора, когда самка командовала им, напитывая его избыточной энергией. И скоро тень мимолётной неловкости оставила его – он с наслаждением подчинился Диане. И в тандеме они получили то, что жаждали. И всё у них было хорошо, как написали бы в сказке со счастливым финалом. Так что, в конце концов, Юрию почудилось, что за эти несколько минут счастья он проделал путь от наивного мальчонки до мужчины в самом соку.

Понемногу возвращаясь из животного царства чистой физиологии, они, как бы уже скатываясь с вершины Эвереста по пологому склону, ведущему к подножию, периодически истомлённо целовались, трогали друг дружку за те сверхчувственные места, что подарили им фейерверк услады, и болтали непристойности. Болтали непристойности в том смысле, что отпускали комплименты и превозносили причинные места друг друга, называя их пошлыми, вульгарными словами. Вряд ли со стороны зрелище выглядело пристойным, но ещё не отошедшим от спаривания божьим тварям оно дари-

ло усладу.

Первым в посюстороннюю реальность вернулся Рокотов. В его мозгу вдруг возникла мысль о том, что он не возражал бы относительно перевода таких отношений в постоянную плоскость. А начальная ступенька рассуждений закономерно привела его к следующей, которая родила в нём тревогу: что будет дальше с Дианой, что станет делать она сегодня, завтра и послезавтра, какие ответные меры предпринимает её... собственник?

И Юрий, уподобляясь пьяному мужику, у которого что на уме, то и на языке, приподнявшись на локоть, стеснительно спросил у возлюбленной:

– Милая, какие у тебя планы... на будущее?

– Ты меня гонишь? – лениво приподняла изогнутую соболиную бровь красотка. – Я тебе надоела?

– Ну что ты, Ди! – упрекнул девушку Рокотов. – Я... Я переживаю за тебя. Спору нет, ты куда как лучше знаешь... м-м-м... Лонского, но и я неплохо представляю, что это за тип. Он способен тебе жестоко отомстить за... за непослушание, мягко выражаясь...

– ...и за ветвистые развесистые рога, грубо говоря, – улыбаясь, подхватила та.

– Зря ты веселишься. Я вполне серьёзно.

– Уймись, Юра из юрского периода, – урезонила его свое нравная девица. – В первый раз, что ли? Побесится пару недель и простит.

– А до того?

– До того... До того мне надо где-то перекантоваться.

– У меня есть... м-м-м... влиятельный покровитель, – подобрал обтекаемую формулировку журналист, не решаясь прямо назвать фамилию Рокецкого. – Он может припрятать тебя на этот срок в недоступной берлоге. Хотя...

– Хотя, что?

– Хотя две недели – промежуточный вариант. Мне же хочется, так сказать, устаканить наши с тобой отношения в долгосрочной перспективе.

– Ты можешь говорить яснее?

– Яснее, – глубоко вдохнул воздух Юрий, набираясь духу. – Я

был бы не против, взять тебя в жёны.

– Ты – меня?! – теперь уже и Диана приподнялась на локоть, глядя на него дерзкими блестящими глазами.

– Я всё понимаю, – смутился новоявленный женишок, – предложение неожиданное, по-казацки лихое...

– Ой! Ой, держите меня! Ой, не могу! Ха-ха-ха! – звонко расхохоталась смазливая бестия, упав на подушку. – Да из всех казаков мне нравятся только яицкие! Ха-ха-ха!... Юрочка, милый, думай, о чём говоришь! Тебе что, тоже не терпится заполучить рога? Желаешь также изойти на желчь, что и Лонской? Так в твоём возрасте это вредно. Ну, посмотри на меня... Разве я похожа на дуру набитую, готовую на верность до гроба? А ты прикинул, во что обойдётся тебе

моё содержание?... Я же избалованная! Всех твоих праведных сбережений хватит, максимум, на неделю... Ха-ха-ха!

И она, увидев, как посерел лицом и сник её партнёр, резко оборвала свой смех. В напряжённом молчании текли минуты. Потом студентка тронула Рокотова длинным холёным пальчиком за подбородок:

– Ты обиделся?

– Да нет... Что ты, – пожал плечами он.

– Ну, прости меня, – в несвойственно мягкой манере произнесла девушка, обняв его. – Ах ты, зверушечка моя реликтовая! Я же правду сказала. Не злись, но головка у тебя работает лучше головы. Так и быть, я согласна пару недель провести с тобой «в берлоге», пока тот придурок перебесится... А там видно будет. Договорились?

– Договорились, – кивнул, ставший непривычно отходчивым Юрий.

– Ну и славненько, – взъерошила ему волосы на голове и везде, где попало, взбалмошная девица. – Мир?

– Мир, – вздохнул Рокотов. – ...Знаешь, милая, что меня в тебе пуще всего удивляет? – срезая «острые углы» и идя на компромисс, сменил он тематику общения.

– Знаю: моя развязность.

– Бе-бе-бе! А вот и не угадала! – по-детски дразнясь, показал ей язык Рокотов. – Хотя я не против фривольности, ибо от неё и мне перепадает лакомая клубничка. Нет, поражает нечто другое... Вот ты эгоцентричная, заикленная на

самоудовлетворении, и вдруг проявляешь такую трогательную заботу о подружке. Парадокс, не так ли?

– А вот и нетушки, – последовало возражение со второй половины кровати. – Не вижу противоречия. Ведь противоположности притягиваются. Милена – это я наоборот. Она очень добрая! – потеплели красивые, но дерзкие карие очи балованной стервы. – По некоторым причинам, частично тебе ставшим понятными, – вздохнула Диана, – мне не дано стать матерью. И Миле тоже, вроде бы, не дано: из-за сердечной недостаточности она может умереть, не дотянув даже до родов... Тем не менее, она и забеременела, и отказалась от всяких реторт и суррогатных матерей. Вынашивает сына. Дурочка!... Единственная дурочка, которую мне жаль в этой идиотски устроенной вселенской толкотне локтями...

– Толкотня локтями? – чисто профессионально подметил журналист. – Образно сказано, Ди! – одобрил он.

– Сказано образно, но не мной. И не Миленой. Так её отец говорит, – потянувшись как-то по-русалочьи, от кончиков волос до пяток, проговорила Лонская. – Юр, давай минуток на пять впадём в отключку. Йес? Я после актика люблю вздремнуть. Потому что соснё-ёшь, и опя-яать захочется а-актика, – уже в полудрёме проворковала она, поворачиваясь на бок и закрывая глаза.

И любовники «разбрелись» по разные половинки ложа...

Беспечность и сонная вальяжность Дианы была напускной

– она вовсе не уснула. Про себя она всерьёз озаботилась тем, что ей делать дальше. Если в принципиальном плане побег от Лонского был делом решённым, то сам момент разрыва был выбран ею не слишком удачно. Поспешно. Под влиянием эмоций. Равно как и многие другие поступки импульсивной по природе «манкой вещички».

Спровоцировало её на спонтанное бегство то, что она завладела компроматом на Лонского. О добыче порочащих сведений она заранее условилась со своим любовником Коданским. Оплошность же заключалась в том, что в настоящее время Коданский находился с визитом в Китае. И до его возвращения Диане надо было «как-то перебиться». Оттого она и ухватилась за «соломинку» в виде предложения Рокова.

Лонская осторожно взглянула на Юрия: тот мерно сопел носом. Она протянула руку к тумбочке и взяла с неё свою дамскую сумочку. Оттуда Диана извлекла гигиенический тампон, в котором прятала миниатюрное электронное устройство в виде мушки-дрозофилы – технический носитель компромата. В мушку был вмонтирован микропроцессор с записывающей камерой, настроенный на автоматическое включение и видеописк при звучании голоса Льва Лонского. Девушка особым образом поместила мушку в тампон, который затем ввела в полость, расположенную между крайним влагалищем и анальным отверстием. Древнекитайские мудрецы пафосно окрестили бы эту полость «розове-

ющим ущельем». Более прагматичная и знающая себе цену студентка данное «пикантное вместилище» про себя называла «Сезам-2». И Сезам-2 принял и укрыл то, за что Лев Максимович Лонской без колебаний раскошелился бы очень и очень щедро.

2

Восстановив тонус в квартире Асеевых, Рокотов и Лонская после «семейного совета» отправились в резиденцию Рокецкого. Диану охрана пропустила только до приёмной магната. Непосредственно «к высочайшему телу» допустили одного Рокотова. Да и то не сразу. «Вадим Юрьевич занят», – играя глазками, шепнул журналисту «бывшая фаворитка» босса секретарь Зиновий Пунькин, которого в финансовой компании звали «секритутка Зинка».

Магнат всероссийского значения Рокецкий Вадим Юрьевич не спешил принять творческого лидера своего медиа-холдинга. Он крутился в кабинете перед трельяжем, замазывая тональным кремом прыщик на кончике носа. Трельяж был изготовлен по индивидуальному заказу и подогнан под рост и вес Рокецкого, равнявшихся, соответственно, ста пятидесяти трём сантиметрам и ста одному килограмму.

Покончив с прыщиком, магнат чуть подбриллинил волосы и расчёской аккуратно подправил проборчик. Наводя заключительные штрихи в причёске, он поправил кокетливый чубчик и освежился дорогими французскими духами. Священ-

нодействуя над собой, Вадим Юрьевич напевал музыкальную фразу из английского шлягера: «Возьми меня скорее, милый!», и предвкушал, как это с ним проделает грядущим вечером активный (ну очень активный!) телохранитель Сёма Бакулин.

В свете сказанного становится более или менее ясным, почему в

высшем свете одни звали Рокецкого Полуметросексуалом, а вторые – Сладеньким Мерзавчиком. Лонской же относительно Вадима Юрьевича кратко замечал: «Личность, педерастическая во всех отношениях».

Почти завершив макияж, Полуметросексуал заметил, что тональный крем несколько вульгарно выделяется на кончике носа, и принялся припудривать его. И в этот наиболее ответственный момент в кабинет «на полголовы» заглянул Зиновий:

– Вадим Юрьевич, прошу прощения, вы не забыли про Рокотова?

– Ну, ла-адно, прос-си-и уж! – ещё не вполне выйдя из образа, капризно отмахнулся Полуметросексуал.

Когда Юрий вошёл, то кабинет магната уже был привычно погружен в полутьму, и только приставной стол, за которым предстояло разместиться журналисту, освещался узким направленным лучом света, падавшим от настольной лампы. Такой антураж объяснялся обычаем большого капиталиста иметь всё на виду, но самому при том оставаться в тени.

От порога Рокецкого невозможно было разглядеть, однако Юрий знал, что тот сидит за письменным столом, в чём и удостоверился, сделав полтора десятка шагов вперёд.

– День добрый, Вадим Юрьевич! – энергично обозначил лёгкий поклон журналист хозяину кабинета и некоторой части подлунного мира.

– Хэллоу, Юрик! – колыхнулся тот в обширном мягком кресле дебелий тушей, из интереса и уважения обозначив тем самым, что хочет, но не может привстать.– Есть сенсэйшн, как всегда?

Рокецкий занимал высокое общественное положение, достиг финансового процветания, но о полной умиротворённости говорить не приходилось, так как абсолютная реализация его амбиций предполагала: первое – захват доминирующих позиций в политической системе страны; второе, и тоже несбыточное – отдаться всем «пра-а-ативным мужчинкам мира».

В общем и целом вальяжный магнат умел держать себя «в рамках», его мало что могло вывести из равновесия. Однако на всякое правило имеется исключение. И такое исключение Рокотов

знал: Лонской – его ярый враг.

Вот почему взамен словесного ответа журналист перво-наперво продемонстрировал на компьютере запись с «флэшки» о ночной погоне подручных Вована Палача и дал развёрнутый комментарий к ней, припасая «сенсэйшн» напо-

следок.

– Занятный материалец, – поощрительно кивнул Вадим Юрьевич, выслушав его. – Пустим его в эфир в прайм-тайм. Ну, а болид, уж не взыщи, я у тебя, на всякий случай, изыму. У тебя всё?

– Почти, – сделал невинную оговорку Рокотов. – Есть кое-что о нашем общем знакомом...

И он привнёс в уже изложенную историю сюжетную линию, связанную с Дианой Лонской и с желательностью обеспечения её неприкосновенности. Личные моменты им, естественно, были опущены.

– Вау! – воскликнул богатея, едва замолчал его наёмный работник. – Вау! Я, конечно, мечтал подложить хар-рошую свинку этому живодёру, но чтоб такую грязную..., – колыхнулся он упитанной биомассой. – Это ж тебе не шпильку в задницу засунуть, это война... Це дило трэба разжуваты, – внезапно перешёл он на украинскую «мову». – Хым-м, заманчиво...

И Рокецкий задумался. От безделья Юрий успел про себя наизусть прочесть главу из «Евгения Онегина», прежде чем шеф вывел его из состояния «творческого простоя».

– Умаслил ты меня, Юрий Сергеич, – зашевелил Вадим Юрьевич полненькими, словно сардельки, пальцами. – Уж больно красиво я умою Лонского. Будь по-твоему, припрячу я его зазнобу. И тебя не обижу – воздам сполна. Но... Баш на баш: ты мне за

услугу отквитаешься той же монетой.

– То есть?

– Х-хе, не зря, Юрочка, говорят, что на ловца и зверь бежит, – впал в фамильярность Рокецкий. – Попал ты со своей Дианой, словно яичко к Христову дню: срок в срок. Н-да... Ты Корейко помнишь?

– Корейко? – с недоумением напрягся собеседник. – Что-то я...

– Да Корейко же! С которого Остап Бендер выдоил миллион.

– А, вон в каком смысле! Корейко из «Золотого телёнка»,

– сообразил, наконец, Рокотов, что речь идёт о нетленном произведении классиков литературы Ильфа и Петрова. – При чём же тут Корейко?

– При том, что объявился взамен Бендера новый великий комбинатор. С той разницей, что он хочет подоить меня.

– Что вы говорите...

– Ага. Детектив из Перми. Собрался через меня сделать гешефт.

– И товар того стоит?

– Если подлинный – стоит. Понимаешь ли, он тоже наскрёб чернуху на Лонского. Подлинность документов и юридическая сторона сделки – не твоя забота. За тем едут мои юристы и эксперты. Твоя печаль – состряпать гламурненький материалчик. И перед выборами мы и выкинем на всерос-

сийский прилавок дурно пахнувший товарец с гнильцой. Мелодрамку с Дианкой также обыграем. И Лонской – в клоаке.

– Вадим Юрьевич, но чтоб девушку не подвести.

– О чём ты говоришь, Юрочка!

– И как скоро подвезут этого пермского детектива?

– Да не подвезут. Ты же сам меня поучал, Юра, что настоящий репортаж – с места события. Придётся тебе с командой сгонять в Пермь.

– Хо! А чего этот пермский фрукт такой капризный?

– А того, что, заполучив лакомый кусман, он сваливает в ту степь, где его не достанут длинные лапы Лонского.

– А-а-а...

– Ага.

– И сколько же мне отводится на сборы?

– Завтра.

– Завтра! Не-е-е... Мне же надо собраться. И Диану... того... устроить...

– Я сказал: завтра, значит, завтра! – перебил его Рокецкий. – А о бабе Лонского я позабочусь. Или ты на неё, Юрий Сергеич, имеешь особые виды? – с хитрецей прищурился он. – Или меня к ней ревнуешь?

– Скажите тоже, Вадим Юрьевич, – смутился Рокотов.

А про себя с брезгливостью выдал: «Ага, грыз орех один беззубый!»

Капличная Ольга Николаевна готовилась к приёму высокого гостя – председателя КГБ Крутова. Ведь Григорий Иванович в финале совещания «Антитеррор» отнюдь не спонтанно помянул её мужа – тот был у генерала армии, что называется, на слуху и в оперативной памяти. И сегодня час randevу пробил.

К назначенному сроку Ольга Николаевна сделала генеральную уборку в маленькой однокомнатной квартирке. Порядок был практически наведён, когда она заметила гвоздик, торчавший из вешалки в тесной прихожей. Хозяйка ахнула: что будет, если высокий гость зацепится за него? Женщина заторопилась, выдирая непокорный металлический стержень старыми плоскогубцами, и, что и случается в спешке, сильно поранила палец. Хлынула кровь, но Капличная, вместо того, чтобы прижечь рану йодом и перевязать палец, беспомощно сползла на пол и беззвучно и обессилено заплакала.

Она плакала очень тихо потому, что боялась напугать шестилетнего сынишку Егорку, который в комнате играл на компьютере. А просто плакала потому, что очень устала быть фактической вдовой при формально живом муже.

А как замечательно складывалась её семейная жизнь, когда Ольга, обучаясь в университете, вышла замуж за студента Евгения Капличного. За симпатичного парня Женьку, ко-

торый, на условиях страшной клятвы, смеясь, рассказал ей, как его вербовали в шпионы. Вернее, его вербовали в разведчики – для наших, но в шпионы – «для ихних»...

Пути Господни неисповедимы. Вот и студент четвёртого курса Московского высшего технического университета Женька Капличный помыслить не мог, что станет резидентом. Он учился компьютерному делу настоящим образом, специализируясь по системам управления базами данных. В качестве наиболее перспективного студента он был привлечен академиком Данишевским в экспериментальную группу, где исследовал выдвинутую самим же Капличным проблему самопрограммирования электронных систем. Для него академик загодя зарезервировал место аспиранта, когда Женьку вызвали в деканат.

Заместитель декана Игнатъев Валентин Тимофеевич вкрадчиво сказал ему:

– Женья... Евгений Ильич, к вам проявила внимание... кгм ... весьма уважаемая инстанция. Сейчас ты... Сейчас вы зайдёте в кабинет декана. Там никого нет, кроме одного человека. Его зовут Даниил Петрович. Вы с ним поговорите, а вот о содержании разговора... Впрочем, Даниил Петрович сам вас проинструктирует. Не подведите нас: мы на вас надеемся.

От такого вступления Женька не то чтобы оробел, но, во всяком разе, вошёл в кабинет декана, готовый столкнуться хоть с архангелом Михаилом, хоть с чёртом рогатым и лы-

сым. Там он и вправду встретился с человеком, на голове которого имелись обширные залысины. Однако тем сходство незнакомца с виртуальным посланником ада и заканчивалось. В прочем же он был довольно невзрачен: невысок, худощав, с невыразительными чертами лица и возрастом где-то за сорок.

Незнакомец пожал студенту руку и пригласил присесть за стол. Когда Капличный пристроился на краешке кожаного сиденья, мужчина последовал его примеру.

– Меня зовут Даниил Петрович, – представился он. – Я работаю

в комитете государственной безопасности, – проговорил он столь

обыденно, словно трудился банщиком в женском отделении.

– Женя..., – назвался парень. – Евгений Капличный, – поправился он, стараясь преодолеть оторопь и одновременно придать себе солидности.

– Да-да, мы знаем, – снисходительно улыбнулся собеседник, и «мы» в его речи прозвучало до того весомо, что студенту почудилось, будто за спиной Даниила Петровича выстроился целый легион людей в серых штатских костюмах. – Прежде чем организовать это мероприятие, извините за столь казённое словечко, мы, Евгений Ильич, досконально познакомились с вами заочно. Ещё раз прошу простить покорнейше, но такая у нас работа...

Женька слушал «гэбиста», а параллельно, «по второму каналу», напряжённо перебирал собственные пустяковые шалости, за которые его могло бы «зацепить» КГБ.

– ...А посему, Евгений Ильич, мы просили бы обдумать наше предложение о сотрудничестве, – совсем в ином ракурсе завершил монолог его новый знакомец.

– Мне!?! С вами?! – опешил студент. – Этим... сексотом?

– Ну почему обязательно сексотом? – несколько покорибило Даниилу Петровича.

– Так вы же меня того... вербуете.

– Я вам предлагаю обдумать наше предложение о том, чтобы по окончании вуза стать штатным сотрудником комитета. То есть, профессиональным чекистом.

– Да какой же из меня чекист?! – вопросительно выставил руки студент. – Я же в этих... в ваших делах дуб дубом, – искренне признался он. – К тому же, я недавно женился. И у нас с Олей... И у нас с женой сын родился.

– Замечательно. Торопиться и не стоит, – наставительно возразил комитетчик. – Впереди полтора года учёбы. В течение этого срока мы конфиденциально будем вас готовить к будущему поприщу. А чтобы сделать из вас профессионала, вы после института пройдёте специальную двухгодичную подготовку в одной из наших школ.

– Не-е-ет! – решительно отнёл инициативу сотрудника КГБ

Капличный. – Я люблю кибернетику, понимаете?

– Понимаю.

– А тут... Я, конечно, уважаю органы... и всё такое... Да из меня, может, мировой программист получится!

– Одно другому не помеха, – спокойно остановил его Даниил Петрович. – При наших возможностях вы получите доступ к таким зарубежным электронным технологиям, к таким суперкомпьютерам, какие и академику Данишевскому в новинку.

Лет через пять вы сами ему лекции будете читать...

– Ну, уж!

– Не ну уж, а точно! Не секрет, что от Запада в аппаратно-программной кибернетике мы подотстали... Так это – на массовом уровне, а в эксклюзивных, так сказать, точечных сферах у нас собраны такие электронные системы, что Пентагон от зависти сдохнет.

– Ну да?!

– Вне всякого сомнения. Вы, Евгений Ильич, разумеется, знаете, что такое софт?

– Ещё бы...

– Так вот, не вам мне объяснять, что на планете развернулась самая настоящая холодная информационная мировая война. Налицо подлинный межгосударственный кибертерроризм. И мы не хотим эту битву проиграть. Скажу прямо: мы не во всём конкурентоспособны. Классных оперативных сотрудников, разведчиков у нас хватает, классных программистов – нет. А кибернетика шагнула столь далеко, что

классного программиста совместить с разведчиком возможно, а наоборот – ни за что. И Родины ради, сынишки вашего ради, жены и родителей ваших ради, надо отчасти переориентироваться. Ведь у вас светлейшая голова. Нас вам сам Данишевский и порекомендовал.

– Данишевский?

– Да.

– Ничё себе...Н-да...Зато...Не-е...Спасибо, конечно, но у меня другие планы...

Капличного обхаживали весь второй семестр, прежде чем он (равно как и его жена) «переломился», сумев вообразить себя в

облике современного Рихарда Зорге.

Далее последовало: окончание университета, спецподготовка, служба в «горячей точке», работа в посольстве России в Англии и, наконец, – Соединённые Штаты. А потом Евгений попал в ту ужасную историю, которую Ольга Николаевна иначе, как трагедией, назвать не могла...

Вспомнив недавнее прошлое, Капличная вытерла слёзы и из прихожей поглядела на комнатное окно, через которое просматривался балкон.

Формальный глава семейства Евгений Капличный в это время безучастно сидел на балконе в инвалидном кресле, а глаза его были бездумно устремлены вдаль. И если бы Ольга Николаевна его не одевала, не кормила, не поила, не мыла, не возила на прогулку и не обихаживала иным образом, он мог

пребывать в подобном положении и час, и сутки, и неделю, и месяц, и вечность. Никто и ничто не могло его вывести из состояния ступора. И ни одной живой душе не позволено было проникнуть в его сознание.

Таким вот Ольга Николаевна привезла мужа из Вашингтона полтора года назад...

2

Генерал армии Крутов ехал в район Свиблово, где проживали Капличные, и освежал память, читая досье на бывшего чекиста Капличного. И пусть знающие люди утверждают, что бывших чекистов не бывает, тут был особый случай.

Евгений Ильич Капличный по получении высшего технического образования прошёл специальную переподготовку, а также «обкатку» в «горячей точке». Зарекомендовал себя творческим, а вместе с тем и дисциплинированным сотрудником. Специальные задания исполнял качественно и точно. Четырёхлетние испытания показали его профессиональную пригодность, в связи с чем он был направлен в Америку для выполнения особо ответственной миссии.

Согласно официальной легенде Капличный числился вторым секретарём российского посла в США. Фактически же резидент занимался так называемой «проблематикой софт» или, иначе говоря, разведкой информационных компьютерных технологий. К тому времени новейшие системы управления электронными базами данных достигли такого уров-

ня, что обеспечивали доступ практически к любой локальной сети. Зависимость российской электроники усугублялась тем, что некогда базис её строился на процессорах корпораций «Майкрософт», «Интел» и иных американских «железяках». Иначе говоря, получалось, что Капличный занимался разведкой технических секретов с тем, чтобы в России могли успешно вести контрразведывательную деятельность против шпионов-хакеров.

И вот однажды секретарь посла пропал. Да не просто пропал, а был похищен поздним вечером из нью-йоркской гостиницы «скунсами». Российская дипмиссия забила тревогу, на экстренно созванной пресс-конференции обвинив в провокации американскую сторону. На следующий день МИД России принёс американской стороне официальную ноту протеста, приложив к ней в порядке доказательств фотографии. Из фотоотчёта было видно, как янки выводят Капличного из гостиницы, помещают его в служебную машину и увозят в региональную штаб-квартиру ЦРУ.

Госдепартамент США недолго отмалчивался. Спустя сутки он де-факто инкриминировал Капличному шпионаж. В обоснование по телевидению были продемонстрированы видеоматериалы оперативной слежки за ним, согласно которым второй секретарь российского посла имел контакт с хакером Уэсли Фарреллом, ранее привлекавшимся к ответственности за взлом электронных систем. Сам же Фаррелл уличался в сотрудничестве с находящимся в розыске «чёр-

ным хакером» Полом Черноцки. Полномочный представитель госдепа без тени внешних сомнений изрёк, что история с русским дипломатом не что иное, «как результат шпионско-бандитских разборок между Капличным и электронными взломщиками» в отеле «Тихая гавань». Он же заверил общественность, что власти предпримут самые действенные меры для прояснения инцидента.

Через неделю ФБР, «проявляя высокий гуманизм и принимая во внимание дипломатический статус», выдало Капличного посольству России в США. Также миру был предъявлен видеоролик об уничтожении в гостинице «Тихая гавань» Черноцки и Фаррелла в ходе спецоперации, сопряжённой с применением оружия. При этом янки утверждали, что первоначально секретарь русского посла в ходе «внутреннего шпионского конфликта» был захвачен Черноцки и Фарреллом. Хакеры подвергали его пыткам, а уже позднее Капличный был освобождён благодаря акции американских «особистов». В виду крайне тяжёлого состояния здоровья Капличного, американские власти вынужденно отправили его в больницу, где и держали до выдачи России.

Словом, позиция обеих сторон была малоубедительной и не выдерживала критики. Происшедшее было лучшей демонстрацией того, что деятельность спецслужб зачастую протекает вне рамок правового поля. А коли так, то и ссылки на нормы международного права выглядели натянуто.

Когда в посольстве увидели Евгения, то пришли в ужас:

из молодого и здорового мужчины он превратился в психического инвалида с надсаженным сердцем, недоступным человеческому общению. Он впал в кататонический аутизм, из которого больного не удалось вывести лучшим психиатрам. Стало ясно, что «скунсы» запороговыми методами воздействия постарались «выкачать» из чекиста всё возможное, после чего (или в ходе чего) превратили его в социального мертвеца.

Перечитав досье, содержание которого, в отличие от вышеизложенных строк, было передано официальным и сухим языком документов, Крутов передал папку помощнику. Кортеж из трёх автомобилей остановился возле старой девятиэтажки. Охрана заблаговременно «просветила» и «поставила на режим» прилегающую территорию и здание, куда прибыл высокий чин. Потому генерал с помощником без промедления выбрались из кабины, неся в руках подарки для самого Капличного (лекарства), для его жены (кухонный комбайн) и для его сынишки (компьютер с игровыми программами).

В отличие от своего предшественника Пырванова Григорий Иванович не ставил крест и не отрекался от соратников, попавших в беду. Тем паче, что в происшествии с Капличным многое

оставалось невыясненным, хотя меры к тому принимались.

Честно говоря, Крутов «через не могу» инициировал сегодняшний визит: общение с семьёй, где имеется тяжело больной человек, всегда протекает мрачно.

Вопреки его опасениям, встреча прошла нормально. Ольга Николаевна держалась молодцом. Да и Григорий Иванович подбодрил её, пообещав незамедлительно решить жилищные условия.

При расставании Капличная задала главе могущественного

комитета один-единственный вопрос:

– Извините, Григорий Иванович, – сказала она, – очень обидно мне за то, что Женю моего так вот изуродовали, Егорка безотцовщиной растёт, а, видимо, никто за это не ответит?

– Сами понимаете, Ольга Николаевна, – сказал тот, – беда случилась за границей, в стране, где нам свободно проверить факты не позволят. Тем не менее, истину мы установим, меры к кому надо примем. Дайте только срок. А подвижки в этом направлении имеются. Как только будут новости, я вас тотчас проинформирую. Не исключено, что очень-очень скоро.

Генерал армии не имел права известить Капличную о том, что в сугубо секретной операции российских спецслужб под кодовым названием «Возмездие» открылись любопытные горизонты. И заслуга в том принадлежала российскому резиденту, имевшему оперативный позывной Пробой. Кру-

тов лишь невольно посетовал в заключение, что Евгений не в состоянии помочь коллегам в прояснении тайны. Ничуть.

– ...Хоть бы малюю-усенькую наводочку дал, – сказал Григорий Иванович.

– Мне он тоже – ни слова, ни полслова, – пригорюнилась Ольга Николаевна.

И оба, не стовариваясь, разом взглянули через окно на балкон, где в кресле сфинксом замер бывший разведчик Евгений Капличный. Может быть бывших чекистов и не бывает, но бывшие разведчики иногда бывают. Бывают...

3

А Евгений Капличный тем временем сидел и сидел на балконе в

инвалидном кресле, абсолютно не реагируя на внешние раздражители. И мысли его вращались и вращались по бесконечному кругу, образуя замкнутый цикл. Он углубился в себя, бесконечно переживая те события, что привели его к провалу. И никому не было дано проникнуть в его внутренний мир. А если бы кто-то сподобился на это, то узнал бы вот что...

Со студенческой скамьи минуло более четырёх лет. Второй

секретарь посла России в США Капличный вполне освоился в новой для себя ипостаси. Он установил обширные официальные связи с научной американской общественностью, не упуская надёжные, отработанные возможности по

вербовке подпольных корифеев компьютерного цеха. Уэсли Фаррелл был самым ценным его агентом – самым ценным в прямом и переносном смысле, ибо за «слив» эксклюзивной информации ему платили по высокой шкале.

В ту пятницу на встречу с Фарреллом Капличный приехал в Нью-Йорк из Вашингтона. Из соображений безопасности места явок регулярно менялись. Контакт имел место в боковой полукабинке уютного ресторанчика «Мандалай» на 56-й авеню. Уэсли явился туда, натянув высококачественную плацентарную маску, визуальную неотличимую от лица всякого обычного человека. Так что, если бы не условленный сигнал, российский разведчик ни за что не опознал бы в неряшливого вида небритом субъекте (бородой которого так и подмывало подмести пол в харчевне «Три пескаря») собственного агента. Угрюмый бородач, не спрашивая из приличия разрешения, уселся напротив него за столик, заказал тройной виски, с которым расправился за три минуты, и был таков. Внешне самый взыскательный и придирчивый глаз не уловил бы и намёка на взаимодействие.

Вопреки видимости, явка прошла удачно и плодотворно: Уэсли сбросил со своего «мобильника» на сотовый телефон Евгения принципиальную схему действия модернизированного индикатора перегрузки электронной базы данных и подробные чертежи к нему. Капличный со своего телефона, механизм действия которого был основан на принципе неопределённости Гейзенберга, незамедлительно пере-

правил уже зашифрованные данные на специальный аппарат в российском консульстве в Нью-Йорке. Из консульства криптографически обработанная информация будет передана по гарантированным дипломатическим каналам в центр. По окончании сеанса связи резидента с агентом микросхемы телефонов, а вместе с ними и сами следы электронного контакта, были уничтожены Капличным и Фарреллом простым нажатием кнопок.

Номинальный секретарь посла был доволен: Москва получила

ещё один инструмент проникновения в электронные сети противника, а значит и инструмент защиты собственных систем. Индикатор Фаррелла чутко фиксировал, когда близился момент переполнения сервера информацией. Тогда самый защищённый технический хранитель банка данных становился доступным для внесетевого сканера, некогда сконструированного неким студентом Капличным. Вот что значит международное разделение труда и кооперация!

Проверяя, нет ли «хвоста», а, равно, вуалируя зависимость своего поведения от визита агента, чекист не покинул ресторанчик вслед за ним. Напротив, он заказал на десерт мороженое и развернул «Нью-Йорк Таймс». Поднося ложечку ко рту, Капличный услышал звонкое щебетание женского голоса, который, в отличие от грубияна-бородача, осведомился по поводу уместности обеда за одним с ним столиком.

– Да-да, мэм, – ответил даме Евгений, мимоходом взгля-

нув на неё, и повторно погружаясь, было, в газетное чтение. И тут же он вновь, теперь уже ошеломлённо, вскинул на даму глаза, ибо она чрезвычайно напоминала его жену Ольгу: – Да-да, мэм! Прошу вас...

Он вскочил, услужливо отодвигая стул и помогая незнакомке присесть, вопреки американским традициям, введённым феминистками.

– Сп-спасибо! Что-то не так? – порозовела та, уловив чрезмерно

пристальный взор мужчины, и даже посмотрелась в зеркальце, достав его из сумочки, которую она повесила на спинку свободного

стула, стоявшего сбоку от столика.

– Нет-нет, что вы, всё в норме, – успокоил её Капличный. – Обычное мужское внимание к красивой женщине.

– Спасибо, – вторично поблагодарила его посетительница, глядясь в зеркальце и поправляя локоны. – Декорум должен соответствовать правилам приличия, – прокомментировала она свои действия.

– Декорум на должном уровне.

– Иногда ловлю себя на мысли, что я – набор общественных требований, а не свободная уникальная личность, – почти

пожаловалась незнакомка.

– То есть?

– Возьмите причёску – она не та, что симпатична мне, а та, что нравится другим, – пояснила незнакомка. – Фигура – не та, что дана природой для рождения детей, а та, что соответствует критериям подиумов. Поступки – чтобы не осудили. Увлечения – по мотивам престижности. Мода, если употреблять это слово в широком плане, правит нами. И так не только со мной. Так со всеми.

– Логично, – оценив услышанное, согласился её собеседник.

– Постепенно мы превращаемся в ходячий набор социальных функций, навязанных нам извне и по ошибке принимаемых нами за собственную сущность. Мы играем развёрнутую номенклатуру ролей. Человек преимущественно трансформируется в усреднённый невещественный комплекс... э-э-э... общественных отношений, для которого его неповторимое тело составляет жалкий придаток. Тело подобно рикше возит госпожу Общественную Функцию...

Внимая визави, Капличный не мог не признать её правоту, вспомнив, как его назойливо вербовали в спецслужбу. «Живём в мире симулякров»¹³, – поддакнул он даме.

– ...Симулякров?... Именно! – согласилась с ним собеседница. – В результате мы убиваем эксклюзив в себе, послушно следуя за массовым общественным сознанием, – продолжала меж тем собеседница. – А ведь общество может завести нас, бог знает куда. Где критерий того, что свет без-

¹³ Симулякр – придуманная копия, не имеющая оригинала в действительности.

грешен? Где гарантия, что наши

стихийные порывы хуже искусственных моральных заповедей?

– Ого! – вырвалось у мужчины. – Хотел бы я знать, откуда берутся непросто красивые, а ещё и продвинутые женщины? Мне, кстати, вспомнился случай, когда очаровательная блондинка смотрится в зеркало и говорит: «Женщины бывают либо красивые, либо умные. Так это что же получается, я не существую, что ли?»

И собеседники понимающе расхохотались.

– ...Я социолог, – в ходе непродолжительной паузы переключаясь на новую волну разговора, улыбнулась незнакомка. – Вообще-то, я из Кентукки, а в Нью-Йорке осела на полгода: по договору с фирмой провожу исследования. Живу в отеле напротив, – кивнула она на здание гостиницы «Тихая гавань», расположенное через дорогу от «Мандалая». – Обедать забегаю сюда. Барбара, – располагающе протянула она ему руку. – Социолог Барбара Рэдклиф.

– Российский дипломат Евгений Капличный, – приподнявшись, церемонно склонил голову её новый знакомый.

Пожимая пальчики даме, мужчина попытался, было, поцеловать руку, но та не позволила ему сделать этого.

– Или вы не согласны со мной о доминировании навязанной нам общественной функции над телом-аргументом? – осведомилась «социологиня».

– Целиком и полностью разделяю ваше мнение Барба-

ра, – опускаясь на стул, проговорил Капличный. – То, что вы только что, походя, отвергли моё невинное ухаживание, явно идущее от тела, ещё раз подтверждает истинность ваших выводов.

И новые знакомые рассмеялись повторно. И их конгениальность весома окрепла.

Так они с Барбарой мило проболтали до позднего вечера. И чем дольше длилось их нечаянное рандеву, тем прочнее Капличный поддавал под обаяние американки. Мало того, что она представляла тот тип женщин, что были во вкусе Евгения, так она ещё и излучала некие мистические и непостижимые для ума флюиды взаимопонимания, неудержимо влекущие к ней. Спыхватился русский резидент лишь около двадцати одного часа. Расставаясь, он попросил у Рэдклиф (так, на всякий случай) номер «мобильника», и в этой «малости» она ему не отказала.

Когда они попрощались на улице у входа в ресторан, то дипломат сопровождал долгим-долгим взглядом американку. Золотистый фон заходящего солнца подобно рентгену высветил на горизонте её статную фигуру и стройные длинные ноги сквозь прозрачное платье. И в сей знаменательный миг возбуждённый мужчина заметил пикантный просвет в области промежности Барбары.

Очаровательная дырочка, образуемая линиями внутренней поверхности бёдер и преддверием лона, мерцала при ходьбе «социологини». Русские мужики, лишённые рефлекс-

сии в отличие от А.П. Чехова, но наблюдательные там, где надо, окрестили эту часть женского тела «чайкой», ибо при ветре складки дамской одежды, прильнув к паху хозяйки, рисуют силуэт парящей морской птицы. И сейчас на месте «головки» чайки светился просветик величиной с монетку, но по стоимости эквивалентный смыслу жизни иных самцов. В эту самую дырочку заглянул невесомый солнечный лучик, просветив платье насквозь. И Евгению невыносимо захотелось заместить собой бестрепетный глупый луч – внедриться взамен него в манящий просвет, а уже оттуда скользнуть в заветную женскую заводь.

Прибыв из Нью-Йорка в Вашингтон, в посольстве Капличный первым делом овладел женой, приятно изумлённой его покоряющей жадностью. Но даже и утолив острый сексуальный голод, он с исконно мужской одержимостью буквально заставил Ольгу дефилировать голышом по квартире.

– Женчик, хи-хи-хи, да что с тобой?! – ёжась и млея от неизведанных ощущений и от непонимания сути происходящего, хихикала та, прикрывая ладонями то груди, то лобок. – Или что у меня синяк на лодыжке? Так то я при тебе же ударилась о тумбочку... А в остальном я чиста и непорочна, хи-хи-хи...

– Оль, ну убери, убери, пожалуйста, руки, – бормотал Капличный, хищным взором препарируя соматические прелести супруги. – Туда вон пройдишь, туда... К окну, к окну...

И измозолив Ольгу взором, он разочарованно вздохнул: увы, не наделила природа его жену той фетишистской изюминкой, что он

тщетно пытался обнаружить.

4

Неделю секретарь посольства подыскивал повод для отлучки в Нью-Йорк. И оказия подобралась в виде международной выставки-ярмарки электронной техники. Прибыв в Нью-Йорк утренним поездом, Евгений связался с Рэдклифф и предложил отобедать в «Мандалае». Поколебавшись, Барбара не выдвинула возражений.

В ресторанчик Рэдклифф вбежала, бурно дыша.

– Дождь начинается, а я зонтик забыла, – посмеиваясь, после взаимных приветствий пояснила она, повесив на спинку бокового стула дамскую сумочку.

– Да-да... Дождь..., – отвлечённо забормотал мужчина, спонтанно «лапая» дамские прелести взглядом и воспринимая её сбитое дыхание отнюдь не в текущем контексте.

– Что?... Опять что-то не так? – засмушалась Барбара, поправляя одежду и теряясь от чувственного напора, подспудно исходящего от мужчины.

– Нет-нет... Всё нормально, всё нормально..., – замотал головой Капличный. – Простите меня! Отвлёкся.

– Вы сегодня странный, Евгений, – напряжённо заметила Рэдклифф, присаживаясь за стол напротив него. – И в теле-

фонном разговоре были так настойчивы... Что...

– Была – не была! – решился тот. – Скажу, как есть. Если вас мои слова оскорбят, то заранее приношу вам свои извинения... Короче... Короче, Барбара, неделя без вас прошла в мучениях. И моя сегодняшняя командировка – исключительно ради вас. Я вас хотел видеть, я вас хотел слышать, я вас хотел обонять и осязать! Потому и был настойчив... И ещё... Я хотел быть рядом с вами. Очень близко – как мужчина к безумно желанной женщине!

– Евгений, умерьте пыл, нас могут превратно понять посторонние, – оглянувшись, попросила его американка.

– Что я вам сказал, невозможно понять превратно, – понижая тон, горько усмехнулся Капличный. – Естественное желание не может быть превратным.

– Но я – замужем, вы – женаты, – кивнула Барбара на его обручальное кольцо.

– И пусть! – жёстко произнёс дипломат и, глаза в глаза, зримо подтвердил чувства, переполнявшие его. – И пусть! Я согласен с вами, что светские условности заставляют нас играть выдуманные роли. А я хочу быть самим собой. Ну, чем мой стихийный порыв хуже искусственных моральных заповедей?!... И если, вдруг, наши желания взаимны, я, не задумываясь, говорю «да»! Тысячу раз простите меня за дерзость: а вы, Барбара?

– Иугенио! – отчего-то на испанский манер назвала его шатенка. – Так сразу..., – растерянно оглянулась она из по-

лукабинки на зал, заполненный ресторанной клиентурой. – Женщину нельзя ставить в такие рамки.

– Умоляю вас: ответьте!

– Однако... Однако, моя уступка вас же во мне и разочарует.

– Никогда! Ни-ког-да!

– Я... Я, право, не знаю, – закусил губу Рэдклиф, и прикрыла глаза ладонью.

– Барбара, мне так хочется прикоснуться к вам! – с экспрессией изливал переживания Капличный и, не дожидаясь реакции с её стороны, он взял её руку и припал губами к ладони.

Ответом ему было учатившееся дыхание женщины. Мужчина склонился к ней через столик, одновременно притягивая её к себе. Он ощутил на своём лице прерывистую частоту вздохов Рэдклиф, шелковистость её волос, а также уловил запах свежести, исходивший от женского тела. Но было неудобно тянуться. И мужчина пересел теснее к ней – на стоявший сбоку стул, едва не уронив сумочку.

– Нет-нет! – испуганно подхватив дамский ридикюль, теперь уже американка заговорила в стиле русского дипломата. – Нет-нет... Здесь же публика. Уж лучше пойдёмте ко мне в отель...

В двухкомнатный номер они не поднялись, а ворвались, томимые нетерпением. Капличный буквально внёс амери-

канку туда. Обоим уже не доставало воздуха подобно русским борзым, загнавшим дичь, которую осталось только растерзать. Потому, когда парочка, судорожно сорвав облачение, рухнула в постель, а унисон их пульсации зашкалил за двести, то сладострастные стоны слились с надсадными отрывистыми выдохами, каковыми легкоатлеты-средневики предваряют предынфарктный финиш. При таких обстоятельствах желание первым сорвать финишную ленточку равнозначно прекращению средневековой пытки посадки на кол. При таких обстоятельствах стремительность эмоциональной

разрядки не уступает Большому взрыву во Вселенной...

Насладившись-отмучавшись, Евгений впал в краткий сон, сверху привалившись к Барбаре. Придя в себя, он сполз с женщины, благодарно поцеловал её в шею, зарылся в копну рыжих волос и прошептал ей в ухо:

– Было так здорово!

– Ты был великолепен! – поощрила его партнёрша.

– Ты неподражаема!

– Ты супер!

– Милая Барбара, можно... Можно попросить тебя о... об одном одолжении?

– Слушаю тебя, мой дорогой.

– В прошлый раз ты уходила от меня, и тебя насквозь просветило солнце. Ты была потрясающе красива! Воплощение

грации! Мне хочется... Мне хотелось бы, чтобы ты сейчас нагой встала у окна, и это видение повторилось...

– Иугенио...

– Умоляю тебя, моя драгоценная!

– Кгм, – польщено кашлянула любовница. – Так и быть.

Эксклюзивно ради тебя.

И Рэдклиф, словно породистая кобылица, знающая себе цену и не раз побеждавшая на выездах, элегантно продефилировала к окну, не забыв надеть босоножки. Там она столь отрепетировано подбоченилась, что её впору было выпускать на подиум.

– Богиня! Афродита! Барби, ты – чудо! – не скупился на комплименты Капличный, коварно преследуя свой замысел. – Милая, сомкни, пожалуйста, ноги.

– Что?

– Милая, умоляю тебя, сдвинь, пожалуйста, ноги. Ну, поставь их вместе.

Недоумённо склонив голову, Барбара последовала его воле. И Евгений наконец-то увидел то, чем неотступно грезил последнее время: манящий просвет величиной с клубничку. «Свет в конце туннеля, – подумал он, ощущая, что невероятной мощи рефрактерная подъёмная сила вздымает в нём всё и вздыбливает его самого с постели. – Свет в конце туннеля. И, кажется, сейчас в него въедет бронепоезд...»

От предчувствия истомы нового Большого взрыва мыш-

цы его тела сократились до состояния чугунного окоченения. Приблизившись к Барбаре, он опустился на одно колено, каменным истуканом обхватил её за бёдра и припал к мистическому месту идолопоклонения. Заполучив странную порцию компенсации, он встал и с животным наслаждением внедрил в заветный просветик, а уже оттуда скользнул в заповедную женскую заводь...

5

От любви у женщины напрочь «срывает крышу». Типичный мужчина тем и отличается от типичной женщины, что даже в момент разгула самой дикой страсти самоконтроль «до последней черты» в нём не отключается. Закономерно, что сознание разведчика Капличного уже при первой близости с Рэдклиф подавало робкие сигналы опасности. И каждый раз, по мере физиологической растраты мужских ресурсов и сексуального насыщения американкой, подавление разума половым желанием в нём ослабевало и ослабевало.

Третье рандеву с любовницей у Капличного протекало в том же ключе: от стадии животной оргии в дебюте свидания до сдержанных плотских утех перед расставанием. Изголодавшийся Евгений не давал покоя Барбаре всю ночь, и неудивительно, что перед рассветом она крепко уснула. Последний раз Капличный овладел ею не в кровати, как обычно, а на гостиничной тахте, и сейчас у него затекло плечо, на

котором женщина прикорнула.

«Социологиня» пребывала в безмятежной «отключке» и даже слегка похрапывала, тогда как Евгению досаждали угрызения

совести за очередную уступку похоти.

«Давай-ка, парень, проанализируем здраво, что тебя так тянет к ней? – насмешливо делилось с ним сомнениями рефлекслирующее сознание. – Живей пораскинем мозгами в фазе восстановления предстательной железы, пока она не выработала новую партию спермы, ибо сие будет означать очередное возвращение к «дерби в горизонтальной плоскости по сильно пересечённой местности». Итак, объяснение наиболее элементарное: Барбара в твоём вкусе. Это так? Конечно. Далее, она похожа на Ольгу. Что ж, и такой нюанс присутствует. Третье. Объективно говоря, внешне Барбара, пожалуй, несколько превосходит Ольгу, а в постели – существенно изошрённей твоей жены. Да? Да, водятся такие плюсы за американочкой. Теперь взвесим минусы. Барбара проигрывает Ольге в молодости и свежести. И в духовной близости – тоже. И ты, парень, у Барби далеко не первый, не единственный и не неповторимый, в отличие от Ольги... И что: здесь зарыта собака? Нет-нет, что-то не то... Эта выборка сравнений и преимуществ если и годится, то лишь по мотиву «хороша на одну поллюцию». Вряд ли она объясняет то навязчивое предпочтение, что тобой отдаётся темпераментной шатеночке.

В таком разе, попробуем зайти с иной стороны, – не уни-малось в Евгении рефлекслирующее «я». – Барбара интел-лектуалка? Несомненно. Мыслит на одной с тобой волне? В некоторых вещах, вероятно, да. Хотя, вспоминая все эти словеса и прочие туры на колёсах позже, там, в Вашингто-не, с точки зрения чистой логики ты ничего сногшибатель-ного в них не находишь. Что ещё?... Да по большому счёту, перечень приоритетов социологини из Кентукки иссяк. Пря-мо скажем, перечень не очень впечатляющих преимуществ.

Так в чём же привязка? – всё звучал и звучал в россий-ском дипломате глас самокопания. – Или тебя, мужик, ли-шает критики обожание Барбары за подвиги в постели? Нет-нет, не то. Не ново. И в студенчестве по этой части ты тоже был парень не промах – однако ж, не хмелел до дрожи в под-жилках.

Или – театр одного актёра? – подкинул следующую за-нимательную идейку внутренний голос. – Точней, театр од-ной актрисы в лице Барбары Рэдклиф? Маловероятно. Так достоверно сыграть невозможно. Да и суть не в чьей-то ис-кусной игре... Ведь твои-то ощущения никто не в состоя-нии подделать. Знакомство-подстава? Нет-нет, эдак не об-ставишь самую хитроумную мизансцену знакомства – всё было экспромтом, вплоть до того, что

в сближении инициатива исходила от тебя. Нет-нет. Ис-ключено.

Чёрт с тобой, я сдаюсь! – обескуражено проворчало «вто-

рое я», убираясь восвояси, в глубины подсознания.

– Но ведь терзает же, терзает же меня какая-то дребедень, – уже от первого лица продолжил анализ Капличный. – Ах да! По пути сюда я думал о странностях в повадках Барбары: в гостиной номера она эдак мягко, ненавязчиво, но неизменно усаживала меня в одно и то же кресло. И отдавалась не там, где прихватит, а непременно в кровати. А уж на тахту в порыве страсти я сам её впервые затащил. Барби же на неё даже не присаживалась. С чего бы это? Умысел? Запись на видеокамеру? Или бредни расклеившегося резидента? Впрочем, впрочем...

Доверяй, но проверяй. И Евгений, страхуясь, бережно высвободил плечо из-под разомлевшей во сне Рэдклиф. Он осторожно сел на краю тахты и бдительным взором сантиметр за сантиметром исследовал спальню. Но не обнаружил чего-либо подозрительного, кроме миниатюрной решёточки вытяжной вентиляции, расположенной под потолком напротив кровати. Вскрывать её при любовнице, как будто бы и крепко уснувшей, Капличный всё же не решился. Потому он на цыпочках прокрался в гостиную и притворил за собой дверь.

В гостиной Евгений сел «в своё» кресло, откуда и повёл обзор. Здесь вентиляционная решётка располагалась в стороне от кресла, зато напротив на стене висела репродукция с картины американского художника Трамбалла «Битва при

Банкерс-Хилле». С расстояния в три метра секретарь посла не заметил ничего любопытного, а вот вблизи, ощупывая и осматривая полотно в упор, он наткнулся на неровность.

То было крохотное отверстие, а за холстом прощупывался выступ. Капличный попробовал отвести низ рамы от стены, но та не подалась ни на йоту, будучи надёжно прикреплённой. Махнув на предосторожности, дипломат совсем не дипломатично продавил материю пальцами. Послышался лёгкий треск, и из-под полотна высунулось нечто, похожее на миниатюрный металлический раструб. Евгений увеличил надрыв и обнаружил, что раструб является частью прибора, прочно вмонтированного в стену. Что это был за прибор, он определить не смог, однако его функциональное назначение не вызвало никаких сомнений.

Евгений вернулся к креслу, буквально упав в него и растерянно твердя: «А за пикантной дырочкой крылась другая дырочка. А за пикантной дырочкой крылась...» Очередная фраза осталась незавершённой, поскольку его нутро буквально пронзила новая страшная догадка, навеянная последними событиями. «Сумочка Барбары! – пульсировало у него в мозгу. – Сумочка Барбары! Она же с ней ни на секунду не расстается, словно там бриллиант Шах. Даже когда мы примчались из «Мандалая» и я раздевал её, она удосужилась подвинуть стул к кровати и повесить на него сумочку».

Мертвенная бледность покрыла его лицо, вопреки тому, что кровь диким прибоем ударила в мозг. Он схватился за

виски и застонал. В этой позе его и застала Рэдклиф, появившаяся из спальни.

– Что с тобой, Иугенио?! – бросилась она к нему. – На тебя жутко смотреть.

– Больно, – ответил тот. – Голова. Наверное, кровь сейчас порвёт сосуды...

– Этого только не хватало! – вырвалось у американки восклицание в такой интонации, в какой говорят о дизентерийном больном, прохваченного неудержимым поносом прямо на светском рауте. – Подожди... Врача?... Нет, – заметалась она по номеру. – Подожди. Я спрошу что-нибудь у горничной.

Барбара накинула халат на голое тело и выскочила в коридор. Несмотря на мучительные головные спазмы, Капличный заставил себя встать, пройти в спальню и расстегнуть замочек-молнию на дамской сумочке, висевшей на спинке стула. Так и есть, в один из отделов ридикюля был вмонтирован миниатюрный приборчик, имевший трубку. Трубка заканчивалась раструбом, который наглухо крепился к выходному отверстию в боковине сумочки, замаскированному под декоративную пуговку.

Евгений услышал стук входной двери и шум позади себя. Он успел лишь развернуться и рассмотреть трёх крепких парней, ворвавшихся в спальню. Парни набросились на него, нанося удары и стремясь выкрутить руки. Освобождаясь от захватов, разведчик заученно сделал кувырок вперёд,

всей тяжестью тела рухнув на пол и прикрыв голову руками. Приём удался, и он на долю секунды стал неподвластен «скунсам». Этого хватило, чтобы Капличный трижды нажал кончиком указательного пальца в ямочку под ухом – туда, где был имплантирован специальный микропроцессор – так называемый «бипер». Как ни странно, ему сразу полегчало: главное, теперь его коллеги получают условный сигнал о провале, и будут знать о месте его нахождения.

«Женька, тебя будут пытаться – уйди в себя, молчи и никого не слушай! – отдал он себе приказ. – Ни в чём не признавайся и никого не выдавай! У тебя есть только сынишка Егорка, Ольга, папа, мама и Россия. Они в тебя верят...»

Капличный внешне перестал сопротивляться, расслабился, и американские контрразведчики скрутили его. В спальню вбежала Рэдклиф и разинула от неожиданности рот. «Где тебя черти носят, идиотка?! – заорал на неё один из парней. – Всё на свете проспала, индюшка!»

Всю неделю спецслужбы мучали Капличного по полной программе. Здесь были и первоначальные попытки лишения сна с вынужденной полной наготой, и пытки холодом с утоплением, и медикаментозное воздействие с введением галлюциногенов и новейших болевых препаратов... Но всё было тщетно. Бесполезно изгаляться над бесчувственным куском мяса. Любые формы влияния бессмысленны, если они оказываются внешними по отношению к сознанию, замкнувшие-

муся в себе. Истязания, наоборот, окончательно отрвали экзистенциальную составляющую Евгения от тела и утопили её в недостижимой бездне.

Глава десятая

1

Чекист Топтыжный в оперативной квартире поджидал агента с конспиративным именем Болт. В миру Болт звался Захаром Андреевичем Громадиным и подвизался в качестве начальника службы безопасности в видеосалоне «Сюр-Реал». Туда он пришёл по протекции КГБ из московского уголовного розыска с должности заместителя начальника управления. «Отбарабанив» в милиции двадцать семь лет, Громадин заработал пенсию по выслуге лет, а заодно геморрой и обширнейшие оперативные связи. Принимая во внимание последнее обстоятельство, Иван Сергеевич и завербовал «мента», что не составило труда: близкого поля ягоды.

Громадин был тем самым верзилкой с «лошадиной мордой», что «засёк» Тихона Заковыкина в «Сюр-Реале».

Помимо функции общего мониторинга посетителей салона, Громадин выполнял и специальное задание Топтыжного: он «пас» Георгия Листратова – того самого агента Глюка, что являлся творцом нейроэлектронных сеансов. Разумеется, о том, что агент Глюк и Листратов – одно лицо, знал исключительно Топтыжный. Даже Крутов и Столповский, по всем

правилам агентурной работы, об этом не были осведомлены.

Для «конторы», как называли комитет государственной безопасности сами чекисты, Листратов был ценным приобретением, располагая технической возможностью сбора информации со всех компьютеров салона на сервер. А кто владеет информацией – тот владеет миром. Отсюда изначально становилось ясным, что для Глюка «песенка независимости» от могущественной организации была «спета».

Именно с помощью Глюка Топтыжный и «расключевал», в частности, «субъективную реальность» магната Рокецкого. Да-да! того самого магната Рокецкого, фабриковать компромат на которого чекист отказался по заданию смещённого с поста руководителя КГБ Пырванова.

С некоторых пор Рокецкий зачастил в видеосалон. Проверка донесла, что он сделал эксклюзивный заказ на сенсорный модуль небезызвестного в кругах полусвета Сашу Каминского. Изюминка заключалась в том, что Каминский не относился к избранному сонму звёзд кино, телевидения, эстрады. Он был прожжённым жиголом и бисексуалом. И упоминание о нём в прошедшем времени не оговорка, так как Каминский скончался от передозировки при приёме наркотиков.

Ностальгия Вадима Юрьевича по умершему была настолько непреодолимой, что он собрал все сохранившиеся видеоматериалы (ну очень интимного характера), запечатлевшие его с Каминским, и доставил их Листратову. Георг-

гий переформатировал материалы на специальный нейроэлектронный модуль.

Остальное было делом техники. Началась игра в поддавки. С началом сеансов, в порядке первой подставки, Рокецкому посредством нейроэлектронного алгоритма стали подавать аккуратно подправленный образ Каминского. Образ был скроен адекватно: с учётом психотипа магната. Выработав у Вадима Юрьевича нужную скорректированную установку, в быту ему подсунули подставку № 2 – того, кто послужил прообразом скорректированной подставки № 1. В этом качестве фигурировал подобранный комитетчиками активный педераст Семён Бакулин, похожий на почившего в бозе Сашу Каминского.

И «дамка» скушала «пешку». А комитет госбезопасности заполучил великолепного сексота, поставлявшего «первоклассный свежачок», ибо в постели секретов нет. В частности, Бакулин раскрыл тайну того, что Рокецкий через прозападную неправительственную организацию Британский Консультатив свёл Коданского со «скунсами» при «разруливании» искусно спровоцированного инцидента, связанного с захватом российских дипломатов на Ближнем Востоке.

И вдруг Глюк пропал. Но если предположить его перевербовку и утечку информации о том, что Рокецкий и некоторые иные VIP-персоны подвергались нейроэлектронному программированию по указке КГБ, то спецслужбе было бы несдобровать. Вернее, некоторым её штатным сотрудникам.

Дисциплинированный Громадин на оперативную «точку» для контрольной проверки явился точно к назначенному сроку. Его массивная фигура с трудом протиснулась через дверной проём, рассчитанный на среднестатистического человека. Они с Топтыжным присели за стол и почти по-приятельски «приняли на грудь» по рюмочке коньяку – формально-то время было уже нерабочее.

– Ну, и чего? – закусывая горячительное шоколадом, спросил полковник КГБ полковника милиции в отставке.

– Ну, что, Иван Сергеевич, – степенно промокая губы салфеткой, откликнулся Громадин, – задачку по Листратову я досконально провентилировал. Те урки, коих Жора заманил в свой кабинет в «Сюре», а потом срезал из шокера и запер – корефаны Вована Палача. Они до сих пор молчат, как рыба об лёд, и заяву на Листратова малевать отказываются. По низам же ползёт информация, что Жорик слинял от блатной шушеры. Якобы, метку зелёнкой на лбу ему намазал не кто иной, как сам Вован.

– Якобы, или намазал?

– Что Вован его пометил – верняк.

– И чего Палач домогался?

– Пока установить не представилось возможным.

– Что по другим связям?

– Другие ходатаи тоже были, но в основном – по сенсорным фантазиям. На фейсконтроль поставлены. Подозрительных не замечено.

– Ваша версия, Захар Андреич?

– Где-то Георгий сработал по чёрной схеме – с кем не надо связался, кому надо не отстегнул, вот и пришлось скоропостижно смотаться.

– Почему думаете, что он именно сбежал, а, допустим, не убит?

– Потому, что гопота заменжевалась и всё ещё менжуется. Аж Паразитолог – правая рука Вована – возле «Сюра» мельтешил. Стало быть, потеряли они его. Покамест более конкретно не скажу. Вы ж сами наказывали за Листратовым приглядывать, но прослушку – ни-ни.

– Да-да, – подтвердил предыдущую установку Топтыжный, опасавшийся, что плотная опека за Листратовым может вывести Громадина на такие горизонты, за которые тому высываться не позволялось. – Вы, вроде бы, Захар Андреич, хотели просечь ситуацию через ссученых.

– Да. На нейтральной территории я перетолковал с Зубом

–

авторитетом среди сук. Воры в законе злы на Вована и обещали выдать наколку на него. Зуб даже намекнул, что в банде Вована у них есть засланный казачок. Будем ждать от него свежачка. Послезавтра у нас с Зубом стрелка...

Полковник слушал внештатника и параллельно бился над

разгадкой того, что заставило Глюка удариться в бега, что могло связывать его с уголовниками. И пока головоломка Ивану Сергеевичу оказывалась «не по зубам».

3

Марш Листратова, или как он сам обозвал это явление – «драп на Восток», упорно продолжался. За минувшие сутки Георгий и Милена существенно продвинулись к цели. Особенно им повезло со случайным попутчиком в вятском городишке Уржум: предприниматель, вертолётном доставлявший товары на Урал, за солидную мзду взял их на борт. Так беглецы оказались в городе Кудымкар Пермского края. Для ночёвки они по традиции устроились в домишке, расположенном на окраине населённого пункта. Погода стояла чудная, в распоряжении был целый вечер, и московские изгои решили побродить за околицей по безлюдным перелескам.

– Гошенька, – жалобно сказала Милена, следуя по тропке за Листратовым, – я так больше не могу. Мне тяжело переносить эти перелёты. Я думала, что богу душу отдам в этом проклятом вертолёте.

– Милаша, немножко надо потерпеть, – уговаривал тот её. – Считай, треть маршрута позади. Осталось не так уж много.

– Где же треть, – возражала ему любимая. – Где же треть? В лучшем случае, четверть, да и то с большой натяжкой. Ты

хочешь,

чтобы я умерла и Кешу тоже уморила?

– Мила, пожалуйста, перестань. Всё закончится хорошо, – следовала успокаивающая фраза.

– Гошенька, давай, вернёмся. Ну, не звери же в этих... в органах сидят...

– Милена, соображай, что мелешь! – начинал раздражаться

мужчина. – Москва слезам не верит...

И тут же он, спохватившись, поспешно пресекал выражение собственного недовольства. Листратов держал чувства на коротком поводке, ибо виной их семейного бедствия был он сам. А на стороне любимой женщины, сверх того, были и беременность, и токсикоз, и усталость, и дорожные мытарства, и самое главное – ещё неродившийся сын Кешка. Георгий видел его только на мониторе медицинского прибора и чувствовал через живот матери, но уже обожал. Он обязан был обеспечить сыну счастливую жизнь, он не мог допустить, чтобы его наследник перенёс хотя бы толику тех невзгод, что выпали на долю его отца.

С каждым днём подчинение жены воле мужа давалось всё сложнее. Объяснялось это многими факторами, а всё ж решающим был тот, которого в нынешних условиях Листратов был лишён. Ведь тайна его изначального магического воздействия на молодую женщину во многом обеспечивалась сугубо технологически. И вот каким образом.

Впервые увидев Милену (оказавшуюся, как выяснилось позднее, дочкой известного академика Кузовлёва) режиссёр салона уже после трёх неровных биений сердца знал, что ради неё поступится чем угодно, но добьётся расположения. В течение первой же недели исполнения заказа Кузовлёвой, арсенал банальных средств мужского влияния был исчерпан Георгием до дна: от личного обаяния и благородных поступков до цветов и дорогих подарков, от приглашений в рестораны и казино до предложений посетить Третьяковку и Большой театр. Увы, принимая цветы, девушка ограничивалась дежурными благодарностями, а от прочего отказывалась наотрез. И в безысходности режиссёр «Сюр-Реала» прибег к крайним мерам.

Исполняя заказ своенравной музы по конструированию сенсорно-электронного модуля первого космонавта планеты, Листратов не побрезговал уже апробированным и утончённым мошенничеством. Он грамотно подретушировал на нейроэлектронном файле внешность и личность Юрия Гагарина под себя. Он искусно привнёс в манеры кумира Милены те свои повадки, что нравились женщинам. «Встречным курсом» он и в себе культивировал наиболее яркие и отчасти доступные копированию проявления характера космонавта: знаменитую гагаринскую улыбку, открытость, заразительный смех, доброжелательность, искренность и другие черты, неизменно импонировавшие всем людям Земли. Шаг

за шагом уловка стала приносить, пусть и минимальные, но положительные плоды: в отношениях с режиссёром у Милены исчезали отстранённость и сугубо деловой подход заказчика.

Ан Листратов не ограничился традиционным по способу воздействия методом внушения извне – через внешние органы чувств. Ведь он располагал и качественно иным арсеналом воздействия.

И здесь не имеется в виду лазерная тиара, через которую пикосекундные импульсы подавались нейроэлектронным модулятором в мозговой «центр удовольствия» клиента – данное устройство спорадически применялось и до Георгия. Но предшественниками Листратова в мозолистое тело, что размещается под границей мозговых полушарий человека, подавались весьма и весьма примитивные разряды. Исследователи действовали методом так называемого «научного тыка». В их работе вслепую применялись недифференцированные импульсы-раздражители. Именно в этом вопросе Георгий и проявил подлинно научный и революционный подход.

На новатора нашло озарение при исполнении заказа Бэллы Разиной. На кварковом томографе он зафиксировал нейронный поток в мозгу певицы, сопровождавший её откровенные переживания в процессе восприятия сенсорно-электронного модуля любовника Магнуса Воронова. И предположил, что между данным конкретным нейронным паттер-

ном и чувствами эстрадной дивы
имеется прямое соответствие.

При следующем посещении салона светской львицей, он предложил ей испытать виртуальное общение с Магнусом новым способом. И уже напрямую транслировал записанные нейронные паттерны в её мозговой «центр удовольствия». Без сопровождения сенсорно-электронным модулем. После сеанса Бэлла была краткой:

«Знатно прокатило!».

Теперь, открыв единицу нейронно-физиологического эквивалента конкретного чувства конкретного человека, Листратов методично и последовательно сделал три вещи.

Первое. Обладая мозговым оружием точечного характера, он постепенно обнаружил в мозолистом теле вентральные микроучастки, воздействуя на которые, вызывал в пациенте не просто общее оглушающее ощущение удовольствия, а варьировал интенсивность и тонкие разновидности его: эстетические, вкусовые, эротические, половые и иные виды приятного насыщения.

Второе. Вследствие предыдущего сотрудничества с КГБ, Георгий не мог отчасти не проникнуться чекистской идеологией. Потому он задумался о том, что далеко не всегда имеется возможность работать в условиях салона, когда клиенты напрашиваются к нему, и потому предельно открыты. А если требуется «расколоть» субъекта, не желающего вступать в контакт?

Ведь преимущество Георгия (что и у психологов с психиатрами, к которым люди идут за помощью, как к Богу) заключалось в том, что клиенты изначально входили в сферу его влияния с обнажённой психикой, становясь беззащитными перед отслеживающим их разумом. От них действие модулятора получало абсолютно откровенную оценку. Ибо пациент никогда не лгал на счёт своих ощущений.

Потому в ходе контактов с Разиной Георгий разработал подлинный технический шедевр – полиграф *verus*¹⁴ или детектор правды, работа которого базировалась на железно работающем принципе обратной связи: понравилось – не понравилось. При положительном эффекте (например, состояние эстетического экстаза) подладиться «под субъекта», было делом техники, точнее – делом модулятора. Прибор «по команде» детектора отсекал негативные виды стимуляции, а воспроизводил и отправлял в мозг наиболее удачные и приятные для клиента модификации импульсов – нейронных паттернов. Такие импульсы в терминологии изобретателя получили наименование позитивного раздражителя.

Чтобы «безмозглые дуралеи», как называл подопытных Листратов, в принципе не могли заподозрить, что аппарат их зондирует, был сконструирован дистанционный полиграф *verus*. Это устройство функционировало на расстоянии от объекта исследования. Кварковые анализаторы детектора правды уже не нуждались в проводах, электродах, датчиках.

¹⁴ *Verus* (лат.) – истинный.

Третья вещь родилась тогда, когда Георгий задался вопросом: «А что, если конкретный позитивный раздражитель в приемлемых параметрах усилить?» Сказано – сделано. Так на месте модулятора возник его усовершенствованный «потомок» – дистанционный резонансный генератор или резонатор, как его коротко обозвал «угодник чувств человеческих». А полиграф verus был составной частью нового агрегата. С помощью «резонатора-потворника» (для которого тиара была уже излишней) новатор мог «срежиссировать» психическое состояние. Но!...здесь неизбежна важная оговорка: эффективность такого воздействия жёстко зависела от настроения человека. Иначе говоря, прежде надлежало «потрафить» установке «дуралея». Создать ему соответствующий располагающий фон, уловить его позитивные раздражители, на основе которых сгенерировать нужные нейрофизиологические паттерны. А уж подкрепить импульс было делом техники.

Отныне Листратов осуществлял не просто усиленную, узконаправленную и глубинную стимуляцию мозговой деятельности...Интенсификация эффекта достигалась также и тем, что резонатор проектировал нейронную дугу от «точки» мозолистого тела к нужному месту на коре мозга. Возникало ассоциативное замыкание, и пациента «коротило» так, что на процедуру он подсаживался основательнее, чем наркоман на иглу.

Теперь Бэлла Разина «нехило повизгивала» в персональ-

ной кабинке и без сенсорно-электронного модуля, и без Магнуса Воронова. Поразительно, но после нескольких таких сеансов она снова стала писать песни...

«Обкатав» аппаратуру на публике, Георгий рискнул поменять её и на Милене. Правда, в этом случае он работал исключительно

бережно, затаив дыхание, «сдувая пылинки» и трепеща от восторга. «Ювелирная нюансировочка! Супертюнинг! Нейронный поцелуй!», – любовно шептал он, «ловя микроны» на вращаемых тумблерах резонатора, и «мониторя» состояние девушки.

Неудивительно, что он «влюбил в себя» Кузовлёву. И в дальнейшем периодически «подогревал» навязанное чувство влюблённости. Но то, что без проблем можно было обеспечить в Москве, начисто отпадало в российских провинциях – резонатор в карман не положишь.

Очутившись в уральской глухомани, Листратов горевал, что без нейронной подпитки Милена становилась всё менее управляемой. Вот и сейчас Кузовлёва, услышав его словесный отпор про то, что Москва слезам не верит, заплакала, пряча от него свой тонкий и прекрасный профиль, не внимая его увещаниям. А её горе было для Георгия стократно горше собственного. Он остановился, прижал голову Милены к своей груди, ощущая тугой комок горячего сочувствия, стянувший горло, и принялся неумело утешать любимую, не

в силах подобрать нужных слов:

– Солнышко моё! Умоляю, не надо... Тебе же нельзя нервничать... Не надо... Ну...

– Гоша, Гошенька, Гошунчик, мой хороший! – уже рыдала она. – Пойми, мне не жалко, что я умру, мне нашего Кешеньку жалко, Кешеньку!...

– О, гос-споди! – простонал Листратов, подняв глаза к небу. –

Перестань, Милаша. Перестань немедленно! Тебе нельзя. Перестань, и слушай меня. Я кое-что придумал. Хоть это и небезопасно. Но куда деваться...

– Да? Ты что-то придумал? – вслед за ним с надеждой подняла кверху лицо, мокрое от слёз, молодая женщина.

– Да, я придумал. Завтра я куплю фальшивые документы на «толчке» этого долбанного Кудымкара. За большие деньги их подделывают так, что не отличишь от подлинных. И под этим прикрытием мы доберёмся до Владивостока с комфортом.

4

«Гоп-менеджер» Пакостин «забил косячок» и лениво потягивал дурман из самокрутки. Он возлежал на пышной перине под балдахин, а три вульгарно раскрашенных шлюхи, обряженные под скво¹⁵ из индейского племени сиу, воз-

¹⁵ * Скво (индейск.) – то же самое, что «мэм»* у американцев. * Мэм (амери-

буждали в нём похоть. Одна кончиком языка трогала у него левый сосок, вторая – правый, а третья (судя по замедленной реакции – «натуральный тормоз в кубе») натужно размышляла на тему о том, найдётся ли аналогичный «положительный раздражитель» и для неё.

Девки работали вяло, без азарта, без фантазии и выдумки. Они ползали по нему, словно умирающие осенние мухи. Так «бабки» приличные «шалавы» не отбивают. И Вован Палач подумал, что он не зря велел соорудить «прикид» для зажавшихся потаскух, обрядив их «под скво».

– Скволочи! – возмущённо заорал он. – Вы чё, в натуре? Я обкурился или вы? Чё вы мне тут вместо балдёхи отмаз устраиваете?! Или вам по репам настучать?

«Скволочи» зашевелились. Третья сразу нашла то, что плохо искала. Ответственная работа пошла веселее. Пакостин, «как бы», уже начал «ловить кайф», когда зазвонил мобильный телефон, лежавший на подушке. Главный «гопник» скосил глаза, по высветившемуся на дисплее номеру определяя, кто звонит. И тут-то

он догадался: кейф упорно «не ловился» по той причине, что вожак «гопоты» подспудно ждал этого звонка.

На связь из Перми вышел браток Адольф Шранк, которого в

банде звали Твёрдый Шанкр, а также (на блатной лад толкуя его имя) Адольф Гитлерович или Гитлерович, а то и про-

канск.) – то же самое, что «скво» у индейцев.

сто Фриц.

– Ну, чё скажешь, революционный сифилитик? – заорал «гоп-менеджер» в трубку, отбрасывая шлюх, и тут же вдогонку смачно выругавшись в адрес дебильной «третьей», так как та, отлетая от него, едва не прихватила в зубах кое-что от тела главаря.

– Партизан из леса носа не высунул, – шифрованно доложил связной относительно беглеца Листратова. – На рынке его пасли до закрытия. Как рынок закрыли, мы ошивались вкругаря. Ща в Перми

уже двенадцать ночи. Может, отложим до утра? А то тута ментура чего-то курсирует, а мы, как вши на бритой макушке... Боюсь, запалимся...

– Погодь, гитлерюгенд, – остановил его главарь. – Дай прикинуть член к носу.

Пакостин стал «чесать репу», то есть, перебирать варианты дальнейших действий. Шранка он отправил в Пермь «срочняком» в виду доноса, поступившего с Урала. Весточка оказалась – ценнее некуда.

«Тупой фраер» Листратов и не предполагал, что лидеры криминального мира на периферии имеют агентурную сеть, не уступающую той, которой располагает КГБ в Москве. Их осведомители пристроены в гостиницах, орудуют на вокзалах, шныряют в значных местах, фланируют в местах скопления людей. Потому, стоило Листратову в поисках «ксивы» сунуться на «толчок» в Кудымкаре, как он наткнулся на од-

ного из уголовников, уже снабжённого примерной «наколкой» на него. «Урка», не располагая в провинциальном Кудымкаре поддельным паспортом с «клеймом качества», но и не в силах удержать «Партизана», посоветовал тому ехать в Пермь, «на барахолку». И снабдил подробными устными инструкциями.

От Кудымкара до Перми рейсовым автобусом можно добраться часа за три, на такси – того меньше. Однако, «Партизан» не появился на вещевом рынке в Перми ни вчера вечером, где его поджидала пермская «новогопная братва», ни сегодня.

– Слушай сюда, Шанкр, – после минутного раздумья решил Вован. – Филонить опосля будете. Ты пару-тройку долботрясов втихую раскидай по периметру толчка, а остальных пусти по скопам. И без кипежа пошмонайте там. А по утраюне – опять на толчок. И так – до второго пришествия Партизана. Покеда я не дам отбой. Усёк?...Давай!

Змей отключил телефон и опять начал «чесать репу». Затем, спохватившись, «засмолил косячок» и заорал девкам, сбившимся в

кучу в дальнем углу комнаты:

– Ну вы, скволочи, подь сюды! Ща я вам засандалю по самые бакенбарды!

5

Листратов стал стреляным воробьём. Ожегшись на моло-

ке, он дул и на воду. Потому из Кудымкара в Пермь он и Милена отправились не прямой дорогой, а кружным путём. Заметая следы, они сначала поехали северной автомагистралью – в Соликамск. В Соликамске путники заночевали, а уж затем, удостоверившись в отсутствии слежки, взяли курс на краевой центр.

Сидя в комфортабельном автобусе, мчавшемся с севера Пермского края к югу, Милена по-детски радовалась открывающимся перспективам.

– Ура, мы поедем в спальном вагоне! – счастливо шептала она на ухо Георгию. – Чистая постель, уют, горячая пища – благодать!

– Благодать, благодать, – уверил её мужчина. – Пожалуйста, потише, моя хорошая.

– В спальном?!

– В спальном, в спальном... Умоляю тебя, потише, моя хорошая.

Слушая щебетание любимой, Листратов поражался тому, до чего пластичен человек, до чего быстро он привыкает к переменам. Взять его же Милену: коренная москвичка, выросшая в элитной семье, а неделя скитаний привела её в эйфорию от предвкушения элементарных удобств.

Милена, притихнув после неоднократных просьб Георгия, задумалась. И задумалась, сколь ни удивительно, приблизительно на ту же тему, что и он. «Боже правый, как меняет беременность женщину, – размышляла она. – Раньше

меня волновало устройство мира, будущее человечества, а с зарождением моего милого Кешеньки, вселенная сузилась для меня до масштабов нашей семьи. Пристроиться бы нам с Кешенькой и Гошенькой, а остальной мир – не суть. Да пропади пропадом вся эта толкотня локтями!... Ничего, всё образуется. Ой, какая я стала трусиха! А какая капризная и раздражительная!...»

Милена была первым, единственным и поздним ребёнком в семье академика Андрея Ивановича Кузовлёва. Когда она появилась на свет, её отцу стукнуло сорок девять. Увы, но маму на этом свете дочь не застала, потому что та скончалась во время родов. С ней девочка познакомилась заочно: по рассказам Андрея Ивановича, а также благодаря видеотеке и семейным альбомам.

В пятилетнем возрасте, в десятый раз рассматривая фотографии с изображениями молодой очаровательной женщины, Милена впервые осмысленно спросила отца:

– Папа, а почему мама Лена умерла?

– ...Кхе-кхе, – закашлялся Кузовлёв. – Я же тебе давеча говорил, что она умерла при родах.

– Она рожала меня?

– Конечно тебя, глупышка. Кого же ещё? – прижал к себе дочурку Андрей Иванович.

– А почему она умерла? Ведь другие женщины рожают и живут.

– У неё, солнышко моё, было больное сердце. И она была

не операбельна.

– Не опе-рабельна?

– Ей нельзя было делать операцию на сердце.

– А...А если бы она не рожала меня, то...то осталась бы жить?

– Наверное...

– Зачем же она стала рожать...меня?

– Затем, голубушка ты моя, что тебя она очень-очень любила. Даже больше, чем себя.

– Разве так бывает?

– Как видишь, бывает.

– А ты меня как любишь?

– Так же, как мама.

– Ты меня в честь мамы назвал Миленкой?

– Почти. У нашей мамы Лены была бабушка Милена. Она словачка по национальности. И наша с тобой мама Лена мечтала, что если родит девочку, то назовёт её в честь бабушки. Так вот и появилась у меня Леночка-Миленочка, – поцеловал отец дочку в лобик.

Переваривая детским умишком информацию, Милена помолчала, а затем возобновила расспросы:

– А какая была наша мама Лена?

– Очень-очень красивая! Ты – вылитая она.

– А ещё?

– Весёлая и общительная.

– А ещё она, какая была?

– Добрая. Не просто на словах добрая, а и в поступках. Мама объединяла людей. И они тянулись к ней. Она постоянно приводила сокурсников к нам домой. Студенты – народ преимущественно...м-м-м...небогатый. А я уже был доктором наук и возглавлял лабораторию. Вот мама приведёт сокурсников, и кормит их. И у нас всегда шум и смех стоял до потолка. Потом, когда мамы не стало, не стало и этого живого общения.

– А ты?

– Что я?

– Разве ты не добрый, как мама? Я же знаю, что ты добрый.

– Не злой, – согласился Андрей Иванович. – А всё ж, подобно маме, целый мирок согреть теплом своей души не способен. А мама твоя, подобно солнышку, готова была весь мир одарить.

– Целый мир?! – поразилась девочка.

– Ну, на счёт целого мира я хватил лишку, – усмехнулся отец. – Таких людей не бывает.

– Ни одного, ни одного?

– Ни одного, ни одно...Хотя постой...Чуть не обманул!

За всю историю человечества был один такой человек.

– Кто?

– Юрий Алексеевич Гагарин – первый космонавт планеты. Он был сыном всей Земли. И в тот миг его любили почти все, а он любил всех землян.

– А где он?

– Разбился в полёте.

– Разбился... Он что, плохо умел летать?

– Да нет. Он потому разбился, что родился слишком рано. Не пришло тогда его время: люди тогда были отчуждены, и не готовы к тому, чтобы объединиться в одну дружную семью. Но запомни, Миленка моя, что оно, светлое время, вот-вот наступит. И явится самый человечный человек, что объединит всех людей в одну добрую дружную компанию...

Отрываясь от воспоминаний, Милена прерывисто и почти по-ребячьи вздохнула: мечтала выйти замуж за нового Гагарина, а получила то, что получила. И придётся ей биться за своё женское счастье с тем, кого ниспослала судьба.

В Пермь автобус прибыл согласно расписанию: в двенадцать пятьдесят. Переходя трамвайные пути по пути от автовокзала к торговым рядам, Милена ухватилась за левое предплечье Георгия.левой рукой Листратов и без того тянул тяжёлый дорожный баул на колёсиках, но за правую руку он строго-настрого держаться жене запретил – она у него всегда должна быть свободной, чтобы при необходимости выхватить оружие. В кармане курточки-ветровки у него лежал импульс-шокер.

На базаре Георгий оставил жену возле павильона администрации рынка, ещё раз наказав, чтобы она ни в коем случае никуда не отлучалась, а сам двинулся дальше. Милена сопровождала его взглядом, присела на баул, и намеревалась,

уж было, прикрыть уставшие от нервного напряжения веки, как вдруг что-то подспудно кольнуло её. Она встрепенулась, отыскала удаляющуюся фигуру мужа и...обнаружила, что за ним следует сомнительного вида мужик уголовного вида. Да к тому же этот мужик подал какой-то условный знак ещё одному субъекту сходной с ним наружности, и тот пошёл с другой стороны от Листратова.

Молодая женщина одновременно ощутила и тревожный укол под сердцем и то, как резко шевельнулся Кешенька в её лоне. Кузовлёва с одышкой поднялась с баула, потянув его за собой, и поспешила за различимой только для неё троицей. Она брела подобно сомнамбуле, не замечая встречных, и лишь инстинктивно прикрывала живот, оберегая сынишку от толчков.

Милена не знала, что ей предпринять и каким образом выручить мужа. Она следовала за тайной процессией и, разрываясь от противоречивых побуждений, не решалась на конкретный шаг. Её колебания продолжались до поворота к тупику, образованному старыми металлическими контейнерами. Именно там, где уже было меньше народа, первый уголовник, нагоняя Листратова, обозначил для напарника жест, будто бы предлагая нечто открутить. И тогда Милена закричала.

– Гоша!...Гошенька! – прерывисто закричала она. – Беги! Они...Они за тобой! Берегись!

Кузовлёва хотела выкрикнуть ещё, но не тут-то было: кто-

то сзади обхватил её за шею, зажал ей рот и поволок прочь. Голос Милены муж различил бы и в многомиллионном гомоне. Услышав её вопль отчаяния, он в мгновение ока развернулся затравленным волком, а правая рука с зажатым в ней импульс-шокером у него уже была на изготовке. Первый уголовник коршуном кинулся на него, и тут же, поражённый невидимым и бесшумным разрядом страшной силы, опал бездыханной дохлой курицей в метре от цели. Листратов слепо водил стволом в направлении толпы, полукругом отхлынувшей от него, не ведая в кого надо стрелять. При этом он хрипел: «Ну, кого ещё пришить?... Тебя?!... Или тебя?! Или тебя?!» И люди в страхе пятились и шарахались прочь.

Наконец, не совладав с психическим прессингом, исходившим от незримого врага, Георгий бросился бежать к металлическим контейнерам и железобетонному забору. Тот час за ним кинулся второй уголовник, а также ещё пара сообщников, выделившись из скопления людей. Оглянувшись на бегу, Георгий приостановился и лихо, «влёт» срезал ближайшего преследователя – тот деформированной обмякшей биомассой растёкся по асфальту. Остальные налётчики, оценив столь устрашающий исход, застыли в оцепенении. И их промедление предрешило исход погони: беглец жуком-скарабеем шустро вскарабкался на контейнер, с него прыгнул на высокий забор, с забора – на землю... И след его простыл!

Оказавшись за территорией рынка, Листратов испуганным гепардом пересёк оживлённую транспортную магистраль, едва не попав под колёса автомобиля, бежал вдоль грязной речушки низом большого лога, поросшего кустарником. Затем он выбрался к железной дороге и возле переезда сел на рейсовый автобус, следовавший за город. Лишь очутившись за окраинами Перми, Георгий пришёл в себя.

«А Милена? – задался вопросом он. – Что с нею? А если?...А вдруг? Да ведь я предал её...Да нет, не предал. Ничего страшного, – приглушал изменник терзания души. – Какой с неё спрос? Она же не при делах. И...И моя милая девочка вернётся в Москву. В её положении такой исход вовсе не плох...»

Увещевания увещеваниями, ан вот так запросто режиссёр не смог оставить Пермь. Да ко всему прочему возникла неразрешимая проблема того, в чьи грязные лапы попала Милена. Если КГБ – это одно, если... – это совсем другое. Ко всему прочему, второе предположение выглядело более вероятным с учётом внешнего вида тех, кто на рынке напал на Листратова. Оттого Георгий и двинулся не дальше на восток, а кружным путём стал пробираться к центру города.

К рынку он прибыл под вечер. И едва не напоролся на засаду: какие-то тёмные личности прогуливались на подступах к базару. Помозговав, Листратов поступил хитрее. Он обследовал территорию с дальних подступов – с верхних эта-

жей домов, располагавшихся вокруг рынка. Оттуда наблюдателю открылась безрадостная картина: собственно «толкучка» была уже пуста, по периметру её патрулировали милиционеры, а в подворотнях толкались уголовные элементы, живо напомнившие ему тех, кто недавно за ним гнался. Милены, естественно, он нигде не разглядел.

Не придумав ничего путного, с наступлением темноты Георгий в волчьем одиночестве направил стопы свои к Тихому океану.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БУДЕТ ТАК, КАК НЕ ХОЧЕТ НИКТО...

Глава первая

1

Посол США в России Уэйн Хантер с супругой Камиллой давали дипломатический приём по поводу завершения визита помощника президента по вопросам национальной безопасности Джона Маккоя.

Изюминку данному вечеру придавало то, что в нём также принимала участие американская знаменитость – негритянская певица Кэти Рассел, в порядке увертюры уже успевшая «вживую» исполнить гимн своей страны. Делегацию России на данном рауте представляли секретарь Совбеза Николай

Андреевич Коданский, заместитель министра иностранных дел Подкозырников и посол России в Штатах Полонский.

Раут был в самом разгаре. Хозяева и гости были навеселе. Прилично навеселе. Исключение составляли обслуживающий персонал, служба охраны, посол России в США художочный старик Полонский, страдавший желудком, и... Александер Дик. Он не принимал непосредственного участия в общем веселье. Точнее, вообще не принимал. В том числе – ни капли спиртного. Он сидел в секретной комнате, откуда вёл наблюдение посредством скрытой камеры за интересующим его «объектом». К таковому принадлежал Коданский. И внимание к нему со стороны Дика было не констатирующим, не праздным, а направляющим.

Да-да, именно так. К сегодняшнему вечеру спецслужбы США провели капитальную конспиративную «артподготовку» в отношении Коданского, об истинной подоплёке которой тот и не подозревал.

Штаты, стремясь посеять раскол в правящей партии России, а

через неё и вообще в стране, нащупывали деструктивное звено в руководящих структурах. Первым подступом к цели явилась, казалось бы, совершенно несущественная деталь. Агентура донесла Дикю, что Николай Андреевич, обычно гулявший на лоне природы с болонкой, внезапно завёл здорового бульдога. Кому ж, как не профессиональному пси-

хологу было знать, что это верный признак неудовлетворённых властных амбиций. Коданский, некогда отиравшийся в качестве «вертухая» (надзирателя) в колонии для преступников-трансвеститов, внезапно «попал в струю» и последнее десятилетие неуклонно поднимался по карьерной лестнице. А аппетит, как известно, приходит во время еды.

Заняв пост секретаря Совбеза, Коданский уже через год не преминул издать большим тиражом опус, претенциозно озаглавив его «Железная безопасность». С точки зрения мировоззренческих, словесных и прочих достоинств – так себе книжонка. Однако профессионал Дик прочёл её с громадным интересом и в очередной раз убедился, что оптимальный литературный жанр для бывшего политика – мемуары, а для здравствующего политика – молчание. И проблема совсем не в том, что в книжных раглагольствованиах вольно либо невольно кого-то обидишь или наживёшь врагов, а в том, что автор «раскрывается» подобно боксёру, от усталости низко опустившему руки. И тогда немедленно начинают зиять бреши, сквозь которые можно нанести разящий удар. Так и Николай Андреевич, обильно цитируя Черчилля и «железного» Феликса Дзержинского, для Дика недвусмысленно обнажил свой «комплекс Наполеона».

Дальнейшая аналитическая работа над личностью Николая Андреевича показала, что между ним и главой правительства России Зарукиным Геннадием Петровичем возникли разногласия тактического порядка. Если Зарукин зани-

мал умеренные политические позиции и строго ориентировался на соблюдение ортодоксальной буржуазной законности, то Коданский принадлежал к праворадикальному крылу правящей партии, отстаивающей интересы крупного капитала и жёсткие методы борьбы с оппозицией. А частные противоречия, при умелом манипулировании, было посильным «взрастить» до ранга стратегического конфликта.

Практическая разработка Коданского началась с захвата на Ближнем Востоке российских дипломатов псевдомусульманской группировкой экстремистского толка, нелегально финансируемой ЦРУ. На этом и погорел бывший председатель КГБ генерал армии Пырванов, который предпринял силовую акцию, высадив десант на территории суверенного государства – своего рода российский фарс на американскую «Бурю в пустыне». Вылазка оказалась авантюрой: террористы одного дипломата убили, скрывшись с остальными заложниками. Погибло и несколько десантников. Вспыхнул международный скандал, который неожиданно легко удалось погасить Коданскому. Он же дипломатическим путём добился освобождения оставшихся в живых работников диппредставительства.

С аналогичной «талантливостью» он «снял острые углы» по инциденту второстепенного порядка между Россией, США и Европой, упрочив свой имидж миротворца.

И всякий раз Запад хвалебно преподносил его персону, сбрасывая пропагандистский продукт через отдельные так

называемые неправительственные общественные организации, функционирующие в России. К ним умело подключались западные интернет-ресурсы, теле- и радиоголоса, а также и прозападно настроенный телеканал «666» Рокецко-го, ведущий трансляции на всю страну. Их слаженный хор как по нотам разыграл ставку на Коданского. И наоборот, подлинные и мнимые промахи премьер-министра Зарукина этой же камарильей раздувались до глобальных масштабов.

Постепенно «сунсы» настолько укрепили веру недавнего «вертухая» в избранность и харизматичность, что тот осмелился объявить о выступлении в грядущие осенние выборы отдельным фронтом. Раскол в правящей коалиции стал фактом. Бесспорно, подлинной питательной почвой к тому стал спад в экономике и утрата популярности правительства в народе, но и без внешнего фактора и «пятой колонны» тоже не обошлось.

Дик не мог не дать оценку и тому факту, что в околоремлёвских кругах секретаря Совбеза обзывали не Коданским, а Конём Дамским (кто иронично, а кто и с завистью). Бывший надзиратель, имевший от природы крупное телосложение со столь же мощными причиндалами, и впрямь напоминал жеребца – племенного жеребца, действительно пользующегося успехом у слабого пола. И «конно-человеческий» фактор для американских спецслужб представлял пресловутую «тройку, семерку, туз», коими надлежало «козырнуть» в нужный момент.

Готовясь к сегодняшнему великосветскому приёму, «скунсы», конечно же, не упустили из виду голую физиологию «Жеребца» (под таким псевдонимом секретарь совета безопасности фигурировал в анналах ЦРУ). Они подкрепили его животные порывы и симпатию к Кэти Рассел тем, что певичка подарила новоявленному «надпоручику Ржевскому» платиновый диск с записью своих песен. Всё бы ничего – искусство свято, да вот только вокал негритянки функционировал в режиме, обработанном резонатором Листратова. Да-да, тем самым техническим устройством, что Листратов продал ЦРУ, а шпионское ведомство адаптировало под собственные запросы.

И сейчас, не полагаясь ни на кого, тёртый калач Дик лично управлял резонатором. Поэтапно он удостоверился в том, что Конь Дамский попал «в стойло», «заржав» на Кэти Рассел. И ненасытная предстательная железа «правительственного аргамака», склонного к плотненьким «шоколадным девочкам», пульсировала всё интенсивнее.

2

К полуночи гости разошлись. В малой гостиной посольства из приглашённых остались лишь Коданский и худосочный старик Полонский. В принципе события развивались по сценарию. Угодник и обожатель женщин выслушал в исполнении американской поп-звезды романс на ломаном русском языке, запив это изрядным количеством виски. Затем он от-

пустил массу комплиментов сомнительного свойства в адрес Кэти и всячески стал стремиться «к интиму» с ней где угодно и при ком угодно. Дик с резонатором в засаде и Маккой с Камиллой Хантер в гостиной всемерно тому способствовали. Последняя парочка если и составляла общую компанию, то лишь затем, чтобы изолировать Коданского и Рассел от Полонского.

За последние полчаса Конь Дамский успел запустить дюжину сальных взглядов под подол Кэти и пару раз облапить её на диване в углу гостиной, чему певичка явно потакала. Словом, он вполне дозрел до того, что утащить её «в номера». Дозреванию способствовало и то, что Жеребец неделю пребывал «на голодном пайке», только-только завершив визит в Китай. Вернувшись же в Москву, он не смог связаться с Дианой Лонской – единственной, кто способен был сполна разрядить его мужской механизм. Специальный телефон связи с ней упорно молчал.

Увы, реализации домогательств Коданского к Кэти злостно мешал русский посол. Желудочник Полонский портил «всю обедню» Маккой и Дику. Худосочный старик за весь вечер не пригубил фужера, не «уелся» деликатесами и не упился кока-колой. Он и в туалет хотя бы на минуту не отлучился. Его и дрёма не брала. Противный язвенник уже раз пятнадцать звал Коданского откланяться. Дряхлый гастритник, видимо строго проинструктированный «гэбистами», неусыпно бдел за ветреным членом правительства. За

вечер он не отлучился от Николая Андреевича далее, чем на дюжину шагов.

Мало того, старикашке и резонатор был нипочём! Ведь действие прибора основывалось на аутентичной мультипликации переживаемых эмоций, а Полонский был бесчувственнее египетской мумии. Единственное, что его отличало от трупа, так это то, что он периодически бубнил: «Николай Андреевич, пора и честь знать. Нас ждут. Николай Андреевич...». Судя по замогильному голосу зануды, его могли ждать только на кладбище.

Дик, сидя в засаде, от злобы на сухостойного посла пару раз умудрился укусить свой правый локоть, и уже был близок к тому, чтобы через голову почесать левое ухо левой же рукой. Он уже смирился с тем, что ничто не способно было унылого Полонского вывести из состояния летаргического отупения. И вдруг...

И вдруг...И вдруг воплощение Кощея Бессмертного чихнуло!

...Ах, как воспрянул Александер! Он усердно принялся резонатором вызывать в полудохлом существе реакцию подкрепления. И вызвал-таки! Ох, до чего же рассморкался чрезвычайный и полномочный посол...И посол, и посол, и посол, покуда его «не отбуксировали» в туалетную комнату, где он выдувал ноздрями впечатляющие фистулы, по времени равнявшиеся театральному акту. Вот ведь, сколько отыскалось «связанной» энергии в сухопаром теле! Нет, недаром

в России говорят, что сухое полено жарче горит.

Пока Полонский чихал, свершилось много событий. Конь Дамский утащил негритянку в будуарчик с удобной тахтой. На тахте Кэти наглядно доказала ему, что белые трусики на её шоколадных ягодицах смотрятся не менее «потрясно», чем на смуглой попке Диане Лонской. В ответ гусар-политик по пьяной лавочке сболтнул ей и про то, как Зарукин с Лонским через бывшего шефа КГБ Пырванова пытались избавиться от Рокецкого с Павловым, и про то, что с новой монопольной бомбой «русские всем покажут кузькину мать».

Своеобразный бартерный обмен продолжился. Наличие белоснежных трусиков на Кэти не давали Жеребцу проверить достоверность слухов, что негритянки бреют волосы «там» по новой моде. И Коданский принялся уламывать её «показать юг», в то время как Рассел интересовалась уголкем русского севера с секретным объектом Ост. Обе стороны не слишком ломались, и спустя пару минут певичка вы знала у «Николя» координаты объекта Ост на Новой Земле, а Николай Андреевич «увидел Майами».

«Увидеть Майами», вовсе не обязательно означает «побывать там». А очень хотелось! И Николя, напряжённый, как трансформатор, преобразующий двести двадцать вольт в добрую тысячу, судорожно пытался пристроить свой «выпрямитель». На что Кэти хихикала и говорила, но уже на чистом английском: мол, она не против, но боится, что в

ней «рванёт также, как на Новой Земле, и... места живого не останется». И пока Коданский на ломаном английском не открылся ей в том, что русские отнюдь не камикадзе, ибо суммарная мощность пробного монопольного реактора на объекте Ост сравнима по силе всего-то с пятью Хиросимами, певичка с типично американским патриотизмом не уступала ни пяди «крайней плоти Майами».

Лишь выведав порученное ей, Кэти не без удовольствия выпустила «вероятного противника» в «пекло Майами». И «рашен супермэн», получая своё, с необузданностью самца погрузился в «самое то», и уже по-русски в лошадиных конвульсиях проржал нечто типа того, что сейчас разнесёт «нахрен негритянскую лавочку вдребезги!». А Рассел в оргазме вторила ему по-английски: «О да! Да! Да, мой Жеребец!»

А Дик и Маккой, отходя «от напряжения», крыли на новосаксонском жаргоне и древнеирландском сленге издержки шпионской доли. А «трухлявый пень» Полонский, избавленный от воздействия резонатора, на четвереньках выполз из туалета во вдрызг зачиханном смокинге, и внезапно вспомнил двадцатилетней давности свадьбу своего младшего отпрыска, когда его последний раз так же «вывернуло наизнанку».

Таким вот образом завершился дипломатический приём по случаю отъезда помощника президента США Джона Маккоя.

Глава вторая

В виду того, что Заковыкин отказался давать какие-либо показания Гэ-Гэ, следователь доставил юношу в специальный изолятор временного содержания. Там он оформил его задержание на основании закона о борьбе с терроризмом. Первоначально действия сотрудника комитета вызвали у Тихона язвительную усмешку: столь бестолково и безосновательно мог поступать только зарвавшийся или спятивший самодур. Да и сам Затыкин, внешне пытавшийся держать марку самоуверенности, формуляр протокола задержания в кабинете для допросов заполнял вздрагивающей рукой и с бледной физиономией: хватился, что перегнул палку, да отступить горю не позволял.

– Прочтите и распишитесь в том, что ознакомились, – по плоскости стола подвинул он бланк протокола студенту.

– Пф-ф, – фыркнул тот, отодвигая бумагу обратно.

– Да ты не пфыкай, не пфыкай, – незаметно для себя вновь перешёл в обращении на «ты» Гэ-Гэ. – Пфыканьем не отделаешься. Я проведу обыск у тебя в общежитии и найду записку. Да и твой приход в следственный комитет в журнале зарегистрирован. У меня всё схвачено..., – набивал он себе цену.

– Равно как схвачено и то, что ты меня тогда отфутболил, укрыв преступление, – непочтительно перебил фанфарона Тихон. – До твоего начальства я, будь спок, доведу то, как ты

разводишь бюрократию, – не без ехидства огорошил карьериста подследственный. – Заодно расскажу и то, как ты мне трепанул про Лонскую. Мне-то ведь и невдомёк было, что у той самой Дианы фамилия Лонская. Спасибо вам, Геннадий Геннадьевич! – и он, привстав с табуретки, прикрученной к полу болтами, издевательски обозначил поклон болтуну в пояс.

– Ах ты!...Ах ты..., – зашёлся в приступе ненависти тот.

– ...шкура барабанная! – подсказал оппоненту пермяк любимое дедушкино ругательство.

– ...продажная шкура! – подобрал собственный эпитет Гэ-гэ. – Раз так, то я дело переквалифицирую на измену родине! Да я тебя...

Ан Заковыкин не без аффектации отвернулся от оплошавшего чиновника, завернув лихой вираж на табуретке. И за проявленную принципиальность продолжил отбывать срок – десять суток – тот максимум, что мог позволить себе чинодрал Затыкин.

Но позднее давать показания Тихону всё же пришлось. Зато не противному Гэ-Гэ. На Лубянке «ключик» к нему подобрал Топтыжный.

2

По факту без вести пропавших Георгия Листратова и Милены Кузовлёвой было возбуждено уголовное дело, которое расследовала специально созданная оперативно-следствен-

ная бригада. Ядро бригады составляли Топтыжный, его заместитель – майор госбезопасности Говоров, старший следователь по особо важным делам Следственного комитета России Берендеев и следователь Затыкин.

Понятно, что сам факт криминальной пропажи людей в чистом виде относился к предмету ведения Следственного комитета России, если бы речь не шла об агенте Глюке и о том, что с ним связано. В этой ситуации возможность возбуждения дела по общеуголовной статье дарила преимущества в части неограниченного легального проведения следственных мероприятий: наложения арестов на почтово-телеграфную корреспонденцию, прослушивания всех видов телефонов и иных электронных гаджетов, проверке банковских счетов, производства обысков, задержаний, арестов, и так далее. То есть, уголовное дело служило хорошим процессуальным прикрытием для параллельной работы по статье, подследственной органам госбезопасности.

Исследование распечатки телефонных переговоров Глюка за минувший месяц позволило приоткрыть «двойное дно» агента: всплыла его связь с Бобом Сноу и контакты со швейцарскими банками. В результате сомнений в шпионаже у КГБ оставалось всё меньше.

Координацию усилий двух ведомств обусловило и то, что в поле зрения Топтыжного попал Заковыкин, ибо даже косвенный интерес к персоне «закрытого физика» Кузовлёва резко повышал потенциал утечки гостайны. А тут ничем не

примечательный студент рвался в квартиру учёного.

Досконально вникнув в суть конфликта между Заковыкиным и Затыкиным, «матёрый волк сыска» предпочёл беседовать с Тихоном наедине. Оставшись тет-а-тет, Иван Сергеевич перво-наперво подчеркнул, что при всех перехлёстах поведения студента, оснований для его задержания не имелось. Ни юридических, ни фактических. И принёс ему извинения.

Разговор полковник построил уважительно, на взаимном доверии сторон. Напрямую он, безусловно, не сообщил, что расследуемое дело связано с гостайной, но намекнуть намекнул. И попросил пермяка как сознательного гражданина России просто помочь им. Через четверть часа отходчивый паренёк простил органам прегрешения Гэ-Гэ. Тем паче, что и себя Тихон тоже не причислял к абсолютно правым.

Заковыкин начистоту рассказал и о своих похождениях, и о том,

где спрятал записку, и про «Калачёвскую, сорок», куда его предлагал затащить «Сирано де Бержерак». В данных откровениях Топтыжного особо заинтересовало упоминание в записке Милены об отоне.

Запротоколировав показания Тихона, полковник поехал с ним в студенческое общежитие, где записка Кузовлёвой была изъята из тайника.

Параллельно майор Говоров исполнял поручения Топтыжного об отработке «Сирано де Бержерака» с «Ироке-

зом», а равно об обыске на Калачёвской, сорок. Впрочем, засаду уголовников на Вернадского, дом двадцать два, корпус «Б» чекистам накрыть не удалось – её там просто не оказалось. Зато захват и обыск в бандитском притоне принёс улов: в сейфе, вскрытом умельцами спецслужбы, была обнаружена записная книжка покойного американца Сноу. Отныне связь Листратова со «скупсами» можно было считать установленной.

3

День спустя Топтыжный отпускал Заковыкина с Лубянки. Напоследок он отобрал у студента подписку о неразглашении данных следствия и об отказе от незаконной детективной деятельности.

– На крайний случай, уж если замуж невтерпёж станет, – не без юмора прозорливо подсказал Иван Сергеевич юноше, – звони мне. Я худого не посоветую. Запомнишь номер моего сотового?

– Давайте, – охотно откликнулся паренёк.

– Чур, без обозначения, кому он принадлежит, и без передачи другим, – предупредил его полковник, прежде чем сообщить данные резервного средства связи.

– Конечно, конечно, – искренне заверил офицера пермяк, «набивая» нужный набор цифр на кору своего головного мозга.

Выводя Заковыкина с внутреннего дворика чекистской

цитадели к КПП, Иван Сергеевич ещё раз настоятельно и почти по-отечески попросил студента держаться подальше от мутной истории, связанной с Листратовым и бандитом Пакостиным.

– Благо, Тихон, что ты напоролся на нас, – наставлял его полковник. – Учти, ты вторгался в такие сферы, где жизнь человека – копейка. Уловил?

– Уловил. Хорошо-хорошо, Иван Сергеевич, – легкомысленно заверил его юноша, – я больше не буду...

Впрочем, почему легкомысленно? В тот момент, вырываясь из мрачных каменных застенков на солнечные июньские просторы, он и в самом деле так полагал.

Выйдя на каменное крыльцо КГБ, Заковыкин глубоко вдохнул свежий воздух и ощутил тихую радость успокоения. Ещё бы! Если прежде, пользуясь молодёжным «стёбом», Тихона «колбасило» от тревоги за Милену, то ныне он убедился, что поисками её всерьёз занялись такие всемогущие организации, как КГБ и Следственный комитет. Уж они-то сделают то, что надо.

Студент спустился с крыльца, сделал вторичный глубокий вдох и... остолбенел! К крыльцу приближался пожилой мужчина, похожий на Станиславского. Тот самый старик, изображение которого он видел на голографическом панно в квартире Кузовлёвых.

Двойник Станиславского прошёл мимо студента, поднял-

ся по ступеням и вошёл в здание. Скажите, ну какое дело Заковыкину было до двойника, когда он дал подписку Топтыжному? Именно так Тихон и думал, пока двигался по тротуару к «Детскому миру». Увы, дойдя до универмага, он остановился, так как понял, что не может уйти просто так, не спросив у бабушки про Милену. Ну не может и всё!

Не исключено, Заковыкин, в самом деле, относился к подвиду «бабаев с Урала», так как стал ждать человека, похожего на Станиславского. Минуло полчаса, час, полтора..., а Миленин родственник не появлялся в дверях. Другой давно бы подумал, что он старика с кем-то перепутал, что тот ушёл другим ходом или его вывезли из комитетского расположения на «воронке» (случается и такое), но настырный малый непоколебимо ждал своего часа.

4

Топтыжный допрашивал отца Милены – академика Андрея Петровича Кузовлёва. В связи с пропажей дочери и её возможной прикосновенностью к шпионажу, академика вызвали с острова Новая Земля, где он на объекте «Моно» вместе с российскими учёными проводил фундаментальные научные исследования стратегического значения. Следственное действие длилось долго: во-первых, полковнику было о чём спросить Кузовлёва, во-вторых, Андрей Петрович был расстроен исчезновением дочери и на расспросы реагировал

довольно заторможено.

После установления личности допрашиваемого и выполнения предварительных уголовно-процессуальных формальностей, Иван Сергеевич предъявил учёному документ о допуске следственной бригады к тайне особой государственной важности – к совершенно секретным разработкам, которыми тот занимался.

– Перед вылетом в Москву ваш коллега, генерал госбезопасности Лазарев, отвечающий за «Моно», уже предупредил меня об этом, – прочитав бумагу, сказал Кузовлёв.

– Порядок есть порядок, – пояснил Топтыжный. – Андрей Петрович, расскажите, пожалуйста, когда вы узнали об исчезновении вашей дочери, и как она познакомилась с Листратовым?

– Милена перестала мне отвечать по мобильнику недели уж как полторы, – припоминая, прищурился тот. – Тогда же замолчали и домашний видеофон, и телефоны Листратова. Я как-то не придавал этому значение – молодёжь, увлечены только собой, да ещё ждут ребёнка...

Что касается знакомства с Листратовым, – сетка морщин вокруг глаз академика углубилась, – то оно произошло года два назад. Дочка предупредила меня, привела Георгия домой и официально представила. Серьёзный молодой человек. Весьма сведущий в науке и технике. Милену он очень любит. За это время зарекомендовал себя положительно. Могу сказать о нём только хорошее.

Завершая тираду, Кузовлёв сделал особый упор на двух последних словах, а его твёрдая интонация словно предупреждала:

«Я не знаю, что там у вас против Листратова, господин Топтыжный, а у меня – вот так».

Иван Сергеевич, выслушав учёного, невольно обозначил улыбку уголками губ: ему нравились верные товарищи и уверенные в себе натуры.

– Что же свело вашу дочь и Листратова? – задал он следующий вопрос.

– Что свело? – от воспоминаний академик снова прищурился. – Понимаете, Милена учится на психолога. Она готовит дипломную работу на тему о заочном методе изучения личности. Её привлекла фигура первого космонавта Юрия Гагарина. Вот дочка и обратилась к Георгию, учитывая специфику его деятельности, а также возможность необычной формы подачи материала... Кгм-кгм... Принимая во внимание ваш интерес к Листратову, сразу упреждаю: моя встреча с ним произошла по инициативе Милены. Георгий со мной нацелено знакомства не искал.

– Вы рассказали о формальном поводе к сближению молодых. Но в дальнейшем их, наверняка, связали какие-то более фундаментальные вещи?

– Что же ещё, кроме любви? Стоп! Вру... Милочка... То есть, Милена как-то призналась мне, что Георгий напоминает ей Гагарина внешне, а пуще всего – внутренне: душев-

ной теплотой, порядочностью, добрым юмором, взаимовыручкой. Допустим, для неё он заказ исполнил бесплатно ещё до их сближения. По просьбе Милены он и другим бескорыстно помогал. Хым..., – сам себе удивился Андрей Петрович. – Я как-то не придавал тому значения... Не исключено, что он тем её и покорил. Да присовокупите сюда то, что я напел дочке, когда она была ещё маленькой, сказки про космочела. Вот она и ждала такого принца.

– Извините, не понял – признался Топтыжный. – О чём вы? Что ещё за «космочел»?

– Видите ли, существует такое понятие как монизм, – оживился Кузовлёв, «седлая» своего идейного «конька». – Монизм – философский принцип, признающий единство мира. Для меня это единство состоит в том, что развивающаяся материя рождает всё сущее, в том числе и сознание. Но единство не означает застывшую

монолитность. Мироздание представляет собой прогрессирующую

систему со сложной структурой.

Вообразите себе кашу, варящуюся в гигантском котле, – академик жестами изобразил помешивание блюда черпаком. – И периодически в этом вареве возникают пузырьки. Таким пузырьком является и Наша вселенная. 15-20 миллиардов лет назад она пребывала в так называемом сингулярном состоянии, когда занимала объём меньший, чем атом водорода. Затем произошёл так называемый Большой взрыв,

основанный на реакции монополей – фундаментальных субфизических частиц. В результате стал формироваться Наш мир: разбегающиеся галактики, звёздные системы, планеты... Происходил позитивный процесс рассеяния материи, создающий условия для возникновения жизни и мыслящих существ. Однако линейное продолжение такой динамики не может длиться вечно. Если энергетическая реакция взаимодействия между светлой и тёмной материей идёт активно, то вселенная, в конце концов, лопаётся. Если же эта реакция затухает, то происходит коллапс. Но, и в первом и во втором случае, энергия умершей вселенной возвращается в первобытную кашу, её породившую. Вот схема энергетической перезарядки, вот тот алгоритм, по которому извечно и функционирует мироздание.

– Получается, что всё однажды падёт прахом? – без оптимизма, но заинтригованно констатировал тезисы академика полковник.

– Не факт, – не присоединился к его пессимизму учёный. – Разум способен запрячь в колесницу истории, и заставить трудиться на себя любую природную силу. Человек не может отменить сущность энергетической перезарядки материи, но вполне может изменить форму проявления монополярной реакции. Однако всемирная регуляция подвластна лишь коллективному разуму, действующему слаженно и в интересах всего позитива развития. Увы, сегодня человечество, образно говоря, всё ещё пребывает в отживающей фазе

разбегания галактик. Только у нас разбегаются иные галактики – происходит отчуждение душ. Под принудительным единством земной цивилизации царит вселенская толкотня локтями. И если нас не объединят люди новой формации – космочеловеки или космочелы, мыслящие вселенскими категориями, наше поражение перед слепо действующей стихией неизбежно.

– Кто такой космочел, вы меня просветили, Андрей Петрович, – подытожил чекист. – Но гложут меня сомнения, что Листратов... Впрочем, мы несколько отклонились от цели допроса. Скажите, пожалуйста, вам что-либо известно о том, где находятся ваша дочь или Листратов? Быть может, кто-то сообщал про них, звонил по телефону?

– Если бы! – потряс кулаками старик. – К сожалению, я в полном неведении.

– Дома вы побывали. Быть может, из вещей что-то пропало?

– Нет. Как будто, всё на месте. Двери и окна целы. Ваши товарищи квартиру охраняют.

– Андрей Петрович, следствием проведена почерковедческая экспертиза некой записки. Графологами установлено авторство вашей дочери. Взгляните, пожалуйста.

Топтыжный передал Кузовлёву письменное послание, запечатанное в целлофановый пакет. Тот взял его задрожавшими руками и долго читал и перечитывал.

– ...Думается, записку написала Милена, – наконец про-

говорил Кузовлёв. – Хотя, сейчас ведь редко пишут от руки...

– Щепетильный нюанс, Андрей Петрович, на который вы отчасти ответили. И тем не менее... В тексте есть упоминание про атон. Из контекста записки, по нашему мнению, следует, что ваша дочь имела в виду отон. Оттуда же вытекает, что об отоне был наслышан и Листратов. Так?

– Да. Вы правы, – подтвердил академик. – Об отоне знали и Милена, и Георгий. Но знали в допустимых пределах – в рамках специальной научной литературы незакрытого характера.

– А конкретнее.

– Та-ак... Я им рассказывал, что отон, или более правильно – монополь, в стабильном состоянии в Нашей вселенной не существует. Он возникает только при управляемой реакции термоядерного синтеза.

– И больше ничего?

– Пожалуй. Я мог упустить какие-то малозначительные детали.

Однозначно могу заявить, что аспектов, составляющих государственный секрет, тем более объекта «Моно», я ни разу не задевал, а Милена и Георгий их не касались.

– Охотно верю. И всё же, Андрей Петрович, не отирались ли вокруг вас и ваших близких подозрительные личности? Может, некто стремился быть вхожим в вашу семью, установить контакты с дочерью, с Листратовым?

– Да вроде бы нет...

– Телевизионщики, иностранцы?

– Нет. Хотя... Вот вы сейчас спросили, а я вспомнил шумиху в прессе про недавнее убийство американского репортёра Сноу. Нынче, в конце весны, в Доме учёных проходила международная научная конференция. В перерыве между заседаниями я случайно натолкнулся в кулуарах на Сноу и Листратова. Они о чём-то беседовали и презентовали друг другу электронные органайзеры. По сути – обычный жест вежливости. А вот Георгий, увидев меня, почему-то смутился. Я тогда не придавал этому значения... М-м-да... Но учтите: рассказывая вам про тот эпизод, я ни в коей мере не подвергаю ревизии порядочность Листратова. Я извещаю вас про... э-э-э... интерес к нему Сноу.

5

Кто знает, как сложилась бы судьба Заковькина, если бы он не надумал полакомиться. Тихон устал ждать на солнце-пёке родича Милены. Его томила жажда. Невдалеке торговали мороженым, и студент не устоял перед искушением. По всемирному закону подлости, пока он покупал эскимо, из здания КГБ «нарисовался» благообразный старик, направившийся сторону Кремля.

И Тихон, облизывая эскимо, двинулся следом за Кузовлёвым. Подходить к уважаемому человеку с мороженым в ру-

ках он счёл неприличным, а потому, торопливо и без смака поглощая лакомство, некоторое время шёл в отдалении. И это обстоятельство стало решающим в том смысле, что между ним и стариком вклинился какой-то вертлявый мужичонка с воровато косящими глазами.

Прохожих и просто гуляющих на улицах и без того было много, а тут у Заковыкина под ногами путался ещё и надоедливый «субчик». Раздражённый студент надумал, было, его обогнать, как вдруг обратил внимание на то, что жуликоватый субъект не абы как толкается перед ним, а пристроился за дедулей.

Пермяк притормозил, «выключил поворотник» и отложил обгон, присматриваясь к подозрительному типу. И вскоре догадался, что тот отнюдь не собирался обворовать Кузовлёва, так как не приближался к старику вплотную, а, скорее, выслеживал его. Например, в немногочудных местах шпик держался на расстоянии, чтобы преследуемый его не заметил. Характерными повадками жуликоватый дядька основательно походил на тех уголовников, что взяли Тихона врасплох на Подлесной.

Так, гуськом, стихийно скомпонованная троица и продефилировала по центру столицы. Кузовлёв последовательно миновал Детский мир и Никольскую улицу, прошёл по Красной площади, пересёк Васильевский спуск и по мосту через Москву-реку отправился в Замоскворечье.

За мостом путь его лежал к знаменитому Дому на Набе-

режной, построенному ещё при Сталине. Академик зашёл в один из охраняемых подъездов, а шустрый мужичонка и Заковыкин, соблюдая безопасную дистанцию, пристроились, соответственно, в кустах и в укромном закуточке, образованном трансформаторной будкой и афишной тумбой.

Кому как не Тихону было знать домашний адрес Кузовлёва. Потому он резонно предположил, что в Доме на Набережной дедуля заглянул к кому-то в гости. И юноше, хочешь не хочешь, пришлось «заступить на бессменный пост».

Понемногу смеркалось. Вечер был влажным и душным. На затаившегося в кустах мужичонку невесть откуда налетели полчища комаров. Заковыкин догадался об этом потому, что жуликоватый человек засуетился, начал сквозь зубы обречённо ругаться, суматошно размахивать руками, а также бить себя «по мордасам» подобно заправскому мазохисту. Постепенно мазохист-неофит «разбавил» потеху ожесточённым почёсыванием тела, немало позабавив Тихона. «Чёс» нарастал от минуты к минуте, так что вскоре стоик в кустах уже отплясывал смесь трепака и джиги, прерываемого завываниями и повизгиваниями, когда несчастный доставал особо удалённые члены своего тела. «Сила чесотки прямо пропорциональна недоступности чешущегося места», – вспомнилось Заковыкину, когда он смотрел на буйно колышущиеся заросли, словно там бегало стадо бизонов. И ему стало даже неловко за личное благополучие.

Гостил Кузовлёв долго – часа три. Так что, когда он показался из подъезда, разморённый от зноя юный караульный был подобен печёной картофелине, а вертлявый мужичонка – невроту из лепрозория.

Отдохнувший дедуля энергичным пешим ходом добрался до Третьяковской галереи. От неё он подземкой проехал до уже знакомой Тихону станции метро Юго-Западная. Поднявшись из андеграунда на поверхность, Кузовлёв пешим ходом прибыл к уже знакомому юному следопыту дому номер двадцать два корпус «Б» на проспекте Вернадского.

Стоило старику скрыться в подъезде, как из кустов, только теперь от дома напротив (Вернадского, 22 «В»), высунулась расчёсанная до крови морда Ирокеза. К нему и приблизился вороватый субъект, принявшийся жаловаться, жестикулировать и что-то выяснять. Прилегающую к зданию местность Заковыкин худо-бедно изучил. И всё же, он слегка рисковал, когда, обежав корпус и маскируясь зарослями, подобрался к уголовникам. Риск был невелик, ибо в слежке ему выступили подмогой сгущавшиеся сумерки и двойное чесоточное шуршание жуликов, заглушающее ропот листвы сирени. Юноше удалось услышать окончание диалога.

– Идёшь ты пляшешь на лобке галопом, Грызло! – возмущался по какому-то (пока неясному) поводу юркий мужичонка.

– Шелупонь, вяжи скулить, – зло оборвал его Ирокез. – Щербатый по мобиле базарил, что Седого пасти стану я, а ты по утряне чеши в зиндан. Въехал?

– Ёп! Въехать-то я въехал, Грызло, – выругался (выругалась?) Шелупонь (Тихон так и не понял, какого рода прозвища у обоих «корешей» и склоняются ли они). – Дык ведь я так шустрануть не успею – на другой конец Москвы.

– Твои проблемы. Хошь, кантуйся ночь у Нюхи на блатхате, но чтоб в семь был на зиндане. Сам Вован тебя спрашивал.

– Ёп! – вырвался новый вопль недовольства у Шелупоня. – На хрена мне такая хрень, когда своей хрени дохренотени?! Мне тогда уж кайфовее с Танькиного шалмана по утряне катить.

– Твои проблемы, – отмахнулся (или отмахнулось?) Грызло.

И «покатил» (покатила?) Шелупонь на ночь глядя в Танькин «шалман». Что оставалось делать Заковыкину? Ну, не упускать же возможность выследить самого Вована Палача! И Тихон увязался за бандюгой неопределённого пола. Через полчаса «парочка» вышла из метро на Павелецком вокзале, а ещё через четверть часа спустя «связанные незримой нитью» ехали в соседних вагонах электрички, следующей в сторону Домодедово. За две остановки до аэропорта Шелупонь выскочил (выскочило?) на платформу, и юный следопыт его

чуть не прозевал.

На улице уже стемнело, прилегающие к железной дороге улочки освещались плохо, и Тихон вторично едва не упустил уголовника. Потому, чтобы не потерять след и не вспугнуть преследуемого, студенту пришлось и ползти по-пластунски, и частить на четвереньках, и семенить на цыпочках. Из-за напряжения и неудобств километр до «шалмана» заменил парнишке марафон. К финишу он добрался, истекая потом.

«Шалман» размещался на первом этаже старого двухэтажного дома и представлял собой квартиру, дверь в которую открылась по условному стуку и тарабарскому паролю Шелупоня. Через окно наружу доносились глухие звуки, но их было достаточно, чтобы вскоре Заковыкин разобрался, что в воровской «малине» пьют и смачно закусывают. Взамен пермяк глотал голодные слюни, мстительно вспоминал комариную казнь Шелупоня и мечтал, как он в тандеме с Топтыжным разоблачит блатную шатию-братию и спасёт Милену и Кешку.

Около трёх часов ночи в квартире погас свет, и всё стихло. Тогда Тихон решил отправить промежуточное sms-сообщение Топтыжному. На «мобильнике» он набрал следующий текст: «За стариком Кузовлёвым на Вернадского 22 вэ из кустов следит бандит Грызло. Я преследую бандита Шелупоня по ж/д Павелецкий-Домодедово. Завтра в 7-00 он должен быть в зиндане. Ждите следующий сеанс связи. Тихон». Через пару секунд аппарат пискнул, извещая о доставке те-

лефонограммы, но одновременно предложил зарядить батарею.

Отправив спецдонесение, Заковыкин, покрхтывая, с чувством выполненного долга устроился на ночлег в густой и высокой траве палисадника. «Кстати, а что такое зиндан? – задался он вопросом. – Где-то я это слово слышал... Где-то я это слово слы...»

7

Кто-то уронил ведро, и оно покатилося, громыхая, по полу. Следом раздался смачный баритональный мат, который сменило ещё более смачное басовое сквернословие:

– Ёпть! Ты чё, без кипежа, Шелупонь, никак не можешь? И так комары всю ночь кусали, спать не дали!

– Ага, мало того, что кусали, так они ещё без перерыву и воздух портили, – ехидным тенорком откликнулся (откликнулась? откликнулось?) Шелупонь.

Так просыпался «шалман».

Невыспавшийся (и тоже истерзанный комарами) Заковыкин замедленно открыл глаза. Студент недоумённо посмотрел на окружающий пейзаж, туговато сообразил, кто он и где он, а затем поспешно отполз за угол, опасаясь быть застигнутым врасплох криминальным гермафродитом или кем-либо из его подельников.

И не зря, потому как расчёсано-распухшее рыло Шелупо-

ня показалось на улице минуту-другую спустя. Из поспешной трусцы жулика вытекало, что тот опаздывал.

Довольно быстро прояснилось, что бандит торопился на пригородный автобус, курсировавший от железнодорожной платформы на восток Московской области, куда-то в направлении Софьино. Шелупонь заскочил в него через переднюю дверь, а его преследователь (в последнее мгновение) – через заднюю.

Мало-мальски освоившись в автобусе, пермяк улучил момент и на всякий случай набрал на «мобильнике» краткую «эсэмэску» для Топтыжного: «Еду к зиндану...» Текст сообщения он не закончил, так как «сотик» запищал, извещая его о разрядке батареи. Потому Заковыкин счел за благо срочно отправить корреспонденцию в незавершённом виде.

Пассажиров в салоне было густо, так что студент поначалу не привлёк внимания Шелупоня. Однако к концу поездки людей становилось всё меньше, а на предпоследней остановке «Рабочий посёлок» в автобусе их и вовсе остались двое, не считая шофёра. Не удивительно, что вороватый субъект заёрзал, сверля парнишку взглядом.

Вот и конечная платформа, расположенная в полукилометре от Рабочего посёлка. Остановка была почти лесной, и представляла собой частично асфальтированный, частично закрытый железобетонными плитами «пяточок» для разворота пригородного транспорта.

Двери автобуса распахнулись, уголовник выпрыгнул нару-

жу и, напевая «Я милого узнаю по походке-е-е...», узенькой тропинкой направился к лесу, мгновенно растворившись в чащобе. Заковыкин также прыгнул с подножки, но, в отличие от жулика, задержался на «пяточке». Он сделал вид, что завязывает шнурок на кроссовке, а сам попытался сориентироваться в окрестностях.

Автобус уехал. Тихон остался один. Наученный прошлым опытом, студент спрятал мобильник под приметным деревом. Затем он чуть помедлил, и, поверив мирному щебетанию лесных птишек, двинулся тропкой, по которой скрылся Шелупонь. Метров через двести тропинка раздвоилась, а чуть позже и совсем разошлась на три стороны. Уральский следопыт вынужден был вернуться к первой развилке. От неё он пошёл в глубь зарослей, снизив темп перемещения в несколько раз: приходилось «читать следы». На супесчанике отпечатки подошв кирзовых ботинок бандита слабо, но проступали. «Каблуками назад, носками вперёд...Каблуками назад, носками вперёд...», – пыхтел Заковыкин, «вычисляя» курс, взятый

Шелупонем.

Согнувшись в три погибели, отдельные отрезки следопыт вынужден был преодолевать практически ползком. От неудобной позы ноги и поясница у него затекли. Он уж хотел, было, передохнуть, как вдруг наткнулся на...два настоящих кирзовых ботинка! Причём ботинки волшебным образом соизволили развернуться носками к нему, а каблуками

– от него.

Не сразу, но, сообразив в чём дело, Тихон похолодел и стал поднимать голову кверху: последовательно ботинки сменили брюки из чёрной грубой материи, затем появилась зелёная давно нестиранная рубаша, далее – цепочка, подделанная «под золото» и, наконец, с едкой ухмылкой – «страхотворная» физиономия Шелупоня. За ним проступали очертания силуэтов ещё двух «урок».

– А я тя, фуфел, ещё у платформы по утряне зарисовал, – соврал Шелупонь, хватая паренька за волосы и вытягивая его кверху. – Вынюхиваешь, сука?!

– Ничего я не вынюхиваю, – попробовал возмутиться Заковыкин, смекая, что запахло жареным.

– Какой же хрени ты за мной тащился? Какой же хрени ты щас своей харей по земле елозил? – наседали уголовники.

– Дак... Я грибы искал, – «брякнул» студент что попало. – А вон и... дедуля мой идёт, – попробовал он применить старейший-престарейший «пацанский» приёмчик, заглядывая за спину «братков».

Сработало: троица бандитов пусть на секунду, но попала на уловку и оглянулась. Этого оказалось достаточно: Тихон резко ударил ребром ладони Шелупоню по бицепсу, и пальцы того разжались. Пермьяк «юзанул» волчком и, что было сил, рванулся в сторону остановки. Уголовники бросились за ним, но за хоккеистом-перворазрядником им было не угнаться. Разрыв между ними и беглецом увеличивался.

Впереди уже виднелась опушка и очередной автобус на конечной остановке. «Аля-улю, полканы вислоухие!» – победно подумал Заковыкин, как вдруг что-то резко обожгло его в верхней трети бедра. От удара он полетел вперёд и вниз.

Уже в конечной фазе полёта-падения Тихона нагнал раскат, похожий на сухой треск. До парнишки не сразу дошло, что в него стреляли. И попали. В горячке студент вскочил и попытался бежать дальше, однако правая нога его не слушалась, повиснув плетью, и он повторно свалился наземь. Правая штанина его джинсов стремительно набухла от крови. «Ранен», – констатировал Заковыкин. Его охватила слабость, голова закружилась. И уже теряя сознание, он ощутил, что на него обрушился град ударов от подоспевших преследователей.

Глава третья

1

Итак, презренный Георгий Листратов в волчьем одиночестве направил стопы свои к Тихому океану. Туда он крался загнанным зверем, пытаясь вообще не показываться на людях, ехал «на перекладных», на чём придётся. Он не чистил зубы, не мылся и не брился, не менял нательное бельё. Он зарос щетиной и запаршивел. От него дурно пахло. Вряд ли бы в нём знакомые опознали успешного столичного денди.

Грязным животным он добрался до Кургана. Здесь, среди

сибирских степей, на него снизошло прозрение. Он понял, что вне мира Милены и Кешки ему не жить. Незачем. Лишено смысла. Переосмысливая ситуацию, он полдня тупо прятался в привокзальных трущобах. А к вечеру развернулся на сто восемьдесят градусов. «Скотина! Гадёныш! – поносил он сам себя. – Трусливый самолюб!»

Торопясь и рискуя, Листратов ехал теперь «товарняками». На платформы грузовых поездов он садился ночью, прячась среди металлолома, на который вряд ли кто мог позариться. «Обратный марш» свершился вдвое быстрее.

В полдень Георгий спрыгнул с платформы на станции Бахаревка – ближе к окраине Перми. Там он вызнал нужные сведения у бродяг, уже научившись с ними общаться по-свойски, и на трамвае маршрута номер пять поехал к центру города.

Сойдя возле стадиона «Динамо», проинструктированный беглец бодро зашагал вниз по улице. Минувя стадион, он попал на глаза стражу порядка в чине младшего сержанта. Должно быть, изрядно потасканный вид бывшего режиссёра наводил на определённые ассоциации, так как страж порядка дунул в свисток и жестом приказал Листратову приблизиться к нему.

Как бы не так! Не хватало после стольких скитаний и трудного выбора попасть в полицию... И Георгий, изобразив недоумение, как ни в чём не бывало, двинулся своей дорогой. Патрульный свистнул вторично и, не дождавшись под-

чинения, поспешил следом за немытым непослушным субъектом. Ан и тот не дремал, соответственно ускорив шаг. В результате через полсотни метров они уже мчались наперегонки, с той разницей, что бродяга пыхтел втихую, а младший сержант успевал свистеть, останавливать знаками водителей и пешеходов, а также вопить в портативную рацию об особо опасном преступнике. Сверх того он вытянул из кобуры пистолет и проорал в спину прыткого как ошпаренный таракан «бомжа» предупреждение о применении оружия.

От лязга затвора у затрапезного вида «легкоатлета» отпали последние сомнения в целесообразности побега, и он надал в темпе так, словно посредством третьей космической скорости намеревался избавиться от земного тяготения. Он змеёй увиливал от граждан и машин, невольно преграждавших ему путь, он королём стипль-чеза перемахивал через шлагбаумы во дворах домов, он мартовским котом уворачивался от клацанья клыков собак в подворотнях. И всё же патрульный шаг за шагом сокращал ему сектор маневрирования. Да и силы постепенно оставляли его. Бесконечно так продолжаться не могло. «Заметут, щас заметут», – посетило Георгия осознание неизбежного финала.

Изнемогающий Листратов выскочил из узкого переулка на широченную эспланаду без конца и края и стал перебегать проезжую часть, по которой сплошным потоком неслись машины. От безысходности он как подкошенный летел на красный свет светофора, уповая исключительно на авось. Как на-

зло, на осевой полосе он загнулся и полетел прямо под колёса шикарного лимузина, коему пересёк дорогу. Георгий инстинктивно прикрыл руками голову и трезвомысляще успел подвести итог собственным злоключениям почему-то словами из популярного анекдота: «Капец ослу!»

Душераздирающий визг тормозов делал его кончину ещё ужаснее... Однако... Однако неизбежный и летальный наезд завершился не чёрным провалом в сознании, а... отборным русским матом. То изливал душу водитель лимузина, сумевший затормозить в последний момент.

Беглец с трусливым прищуром открыл один глаз и увидел, что наполовину лежит под передним колесом автомобиля, а наполовину – сбоку от передней пассажирской дверцы. Дверца бесшумно раскрылась, и из салона выглянул не кто иной, как... тележурналист Юрий Рокотов! С ним Листратов прежде сталкивался пару раз в качестве аккредитованной особы на VIP-приёмах. И вот сейчас их свело нос к носу дорожно-транспортное происшествие. «Неплохая режиссура», – подумал московский режиссёр.

– ... Жив?! – в свою очередь осведомился журналист, явно не узнавая его.

– Жив, господин Рокотов, – вылезая из-под колёс, ответил тот, сторонясь объезжавших его автомобилей. – Не признали? Я Георгий Листратов, салон «Сюр-Реал».

– Чего-о-о, – недоверчиво протянул телевизионщик. – ... А ведь воистину так, – затем удивлённо признал он в гряз-

нуле знакомца. – Куда ж вас так несёт, чудила?

– Подбросьте, пожалуйста, – взмолившись, оживился чудом спасённый. – Выручите, Христом-Богом заклинаю. Нам по пути... Квартала три...

– Хм, садитесь, – подстёгиваемый клаксонами задних автомобилей, не смог отказать ему земляк, подавая знак охране, сидевшей сзади.

– Вот спасибо! – даже прослезился счастливчик, юркнув в заднюю дверь. – Вот спасибо!

– И откуда ж вас несёт, господин Листратов? – окидывая везунчика уже ироничным взглядом, не без маски брезгливости спросил Рокотов, одной рукой подавая команду о возобновлении движения, а другой – отгоняя зловонное амбре. – И куда?

– В КГБ, пожалуйста! – воодушевлённо попросил Георгий, через тонированное стекло облегчённо взирая на то, как подоспевший злобный младший сержант из-за интенсивного автомобильного движения не рискует даже ногу с тротуара опустить на проезжую часть.

– Куда-а?!

– В КГБ, – оправляясь от паники, теперь почти буднично повторил необычный пассажир. – В КГБ, в КГБ.

И его подтверждение было подобно тому, как если бы уж, рождённый ползать, вдруг взлетел соколом.

Проводив Листратова до приёмной КГБ, охранник вернулся в лимузин и не без юмора доложил Рокотову:

– Дурно пахнувший груз сдал.

– Поехали, – распорядился Юрий.

И машина тронулась на конспиративную студию, где тележурналиста ожидала, судя по всему, нетривиальная встреча с самодеятельным детективом. С тем самым, что «выставил на торги» дискредитирующие материалы в отношении Лонского. То был некий господин Сухолятин. Юридическая и оперативные службы медиа-империи Рокецкого уже «пробили» достоверность компромата. Теперь Рокотову предстояло облечь рассказ Сухолятина в популярную форму, дабы вынести его на суд широкой общественности в кульминационный момент – на финише предвыборной кампании.

Столичного корреспондента в личном плане просто-напросто повергли в смятение и шок те материалы, с которыми он ознакомился по прилёте в Пермь. Но... Работа есть работа... И Юрий постепенно пришёл в себя, наметив в общих чертах схему телепередачи. Поэтому его не слишком развлёк эпизод с Листратовым.

Сухолятин оказался лысоватым худым мужчиной лет пятидесяти, охваченного своеобразным синдромом сутливого суслика. Он ни секунды не проводил в состоянии покоя, выгрызая ногти на руках (ладно, хоть не на но-

гах), отчего возникало опасение мелкого членовредительства. На Рокотова детектив непроизвольно навевал ассоциации с небезызвестным героем анекдотов – поганцем Вовочкой, которому сбившаяся с ног мать кричит: «Вовочка, перестань грызть ногти, и вообще, отойди от покойника!»

Журналисту понадобилось три дубля, чтобы уговорить собеседника, что постоянным крысиным мельтешением нарушал законы жанра и вовсе не внушал расположения к себе. Равным образом столичная знаменитость «причесала» и сухолятинское теледосье, наведя на нём приемлемый «проборчик».

Наконец, Рокотов подал команду к началу завершающих съёмок. В качестве ведущего он сделал интригующее вступление, кратко охарактеризовав визави и акцентировав внимание потенциальных зрителей на том, что интервью состоялось по инициативе Сухолятина. Последняя оговорка должна была убедить слушателей в полной беспристрастности авторов программы.

– Итак, Семён Гаврилович, – расположившись вполоборота к центральной камере, обратился Юрий к детективу, – я полагаю, что аудитория уже настроилась на восприятие вашей, как вы сами выразились, «закладной» в отношении одного из самых влиятельных людей России. Пожалуйста, – выполнил он заготовленный широкий приглашающий жест рукой, – страна внимает вам.

И оператор по незаметному сигналу ведущего взял Сухо-

лятина крупным планом.

– Здравствуйте, уважаемые телезрители! – с ненужными патетическими нотками провозгласил тот, и, повинувшись указующему жесту Рокотова, не без досады спрятал пальцы, так и тянувшиеся ко рту. – Эта история случилась шесть лет тому назад... Кхе-кхе... Сам-то я из Перми, но дела служебные забросили меня начальником паспортной службы в Людиново... Э-э-э... в Людиново Калужской области, – торопливо сделал он топографическую привязку, так как Рокотов отчаянно «семафорил» ему, давая понять, что далеко не всем известно место нахождения заштатного российского уголка. – Так вот, надобно было выправить электронный паспорт четырнадцатилетней девочке. Да не абы какой, а Диане Лонской. Сиротка эта ещё во младенчестве была удочерена Лонским, ибо еённые папа и мама, некие Аликины, погибли...

– Погодите-погодите, Семён, – разыгрывая экспромт, вмешался в монолог ведущий, – это ж благородно! У нас столько беспризорных... И если бы каждый из нас забрал по сироте...

– Э-э-э, нет, – на сей раз, уже Сухолятин пресёк сентенцию журналиста, запустив таки наполовину ноготь указательного пальца в рот. – Сперва я тоже расчувствовался... И будь обычный ребёнок, прослезился бы, да и выправил документ. Но тут же Лонская! Потому я всё прошерстил от и до... Пробил по базе данных. И наковырял-таки! Глядь, чё за ёлки-моталки: под одним и тем же номером свидетельства о рождении, выданного Людиновским ЗАГСом, значатся два

разных ребёнка.

– Любопытно, – на сей раз согласился с детективом Юрий.

– Странный фактик я со своим дружкой Жекой за бутылкой и обсосал, – выплюнув треть ногтя, довольно хохотнул словоохотливый «грызун». – Покойничек Жека тогда работал в областном ГУВД. Просекли мы, что тута огромное бабло корячится! Ну и взяли мы за мотню заведующую ЗАГСом Шелапутину...

Сухолятин, следуя установке журналиста, нарочито допускал в речи вульгарные выражения, которые должны были вызвать у простого народа понимание и доверие: свой брат правду-матку кроет. И в данном месте повествования Рокотов незаметно и одобрительно кивнул рассказчику.

– Ага, значитца, взял мы её за мотню, – ободрено продолжал рассказчик, – и ну трепать. Перво-наперво обозрели книгу записи. Хоп! А тама за прошлые года втиснута подложная запись. И пошло-поехало... В общем, раскололась Шелапутина и заложила с потрохами Лонского. А дальше – стоп! Ну, состряпала эта тётка подлог, а на кой ляд он нужен – не знала. Стало быть, вопросец подвис в воздухе...

– И вы, Семён, естественно, передали улики на старуху-процентщицу Шелапутину в железные лапы прокурора, да? – предвосхищая пересказ фабулы, будто бы попытался перехватить инициативу Рокотов.

– Да не совсем так, – деланно засмушался тот. – Точнее, совсем не так. Вроде, результат нулевой. По сути-то, навару

мы с покойничком Жекой и не поимели. Но продолжали копать. Ухлопали массу нервов и сил на подпольный крутёж, но подноготную Лонского растибрили, хо-хо! Когда к кому-нибудь заявляются два костоправа при погонах и удостоверениях, то дверки отворяются. Вот и надыбали мы хмыря, что охранял в Людиново дачу Ирэны Витольдовны, матери Лонского. И припёрли его на счёт Дианы. Тут-то он нас и ошарашил: «Год – за два!», – говорит. Мы – ему: «Чего за два?» А он: «Девка-то, – говорит, – красивая да видная, но диковинная: росла как на дрожжах. Год – за два! А то и за три! Так дети не растут!»

– Что-то я не улавливаю смысла..., – попробовал вмешаться в повествование ведущий.

– Да ты слухай, слухай, – войдя в роль, по-свойски подмигнул ему Сысолятин. – Тогда поехали мы в Казань, где Лонской начинал карьеру. И надыбали через приятельскую ментуру-клиентуру..., – с внешней простодушностью поковырялся в носу рассказчик, – что там с ним приключилась тёмная история. По молодости он по уши втрескался в девушку по имени Марина. Но та, вишь ты, им пренебрегла, да выскочила за его знакомца Сергея Аликина. Через то влюблённые и приняли смертушку л-л-лютую!

– Не пугайте нашу аудиторию, – предостерёг его Рокотов.

– Уж, что было, то было..., – развёл руки Семён Гаврилович. – А в те времена в Казани проживал доктор Герман Волков. Про него знающие люди сказывали: был доктор-нев-

ролог, а стал доктор-некролог. И Герман со своим сподручным Альбертом Олби по тайному заказу Лонского вывели породу хищных управляемых собак. Вот они и пригодились. При пробежке молодожёнов в лесопарке эти зверюги их и порвали на куски. А происшествие списали на свору бездомных дворняг, которых благополучно отстреляли. Чуете стиль Лонского? «Весь мир отстой, а я – король!»

– Действительно, жутко! – помотал головой Юрий. – Но какое

отношение это имеет к Диане Лонской?

– Да самое прямое! – наводяще хихикнул Сухолятин. – Когда мы сличили подростковые фото Марины и Дианы – один в один! Даже камера контроля доступа идентифицировала их как одного человека. Вот, сами убедитесь, – передал он фотографии Юрию. – Только одна родилась раньше другой лет на двадцать семь. Говорю приблизительно, ведь запись о рождении Дианы Шелапутина сделала четырьмя годами позже даты смерти Аликиной. И учтите, ни детей, ни сестёр у Марины отродясь не бывало.

– Занимательный поворот сюжета! – теперь отнюдь не отрепетировано встал из кресла Рокотов, сам впервые увидевший снимки. Налицо поразительное сходство на лицо, – в смятении московский гость самопроизвольного каламбура даже не заметил.

– А я чё баю! – пуще прежнего воодушевился пермский пинкертон. – И о чём это говорит? – нарушая законы жанра,

уже Сухолятин начал задавать вопросы в студии.

– Затрудняюсь сказать, – растерянно промолвил маститый москвич.

– Хе-хе, у нас с покойничком Жекой гипотезы имелись, – хихикнул герой программы, – да улик не было. И тогда мы отважились отправить Лонскому копию досье, предложив выкупить наше молчание.

– И что? Возник повод, говоря языком животноводов, после утренней дойки Шелапутиной перейти к вечерней дойке «золотого телёнка» нашего времени? – обретая себя, съёрничал Юрий.

– Ага. Заполучили мы доступ к высочайшему вымени.

– И дойка состоялась?

– Ишо какая! Лонской выкупил подлинник досье и наше молчание. И мы с покойничком Жекой неплохо подражались...

– Послушайте, вы уже в который раз поминаете про покойничка, – не выдержав, перебил псевдоисповедь журналист. – Что случилось, чёрт побери?!

– А вот это уже заключительная часть нашей трилогии, – потупился Сухолятин. – Ну, настригли мы золотого руна, и нам бы угомониться. Ан заело нас бабское любопытство: всё-таки, что связывает Марину и Диану?

– Да, может, вовсе и не любопытство? – выразил сомнение журналист. – А, фигурально выражаясь, вы возжелали ещё раз подёргать за дойки всемогущего олигарха?

– Эх-ма, – скривился пройдоха. – Короче говоря, долго ли коротко ли, а разнюхали мы, что доктор-некролог Волков, который позднее слинял за бугор, в Казани в закрытой клинике строгал человекообразных зомби. Как папа Карло бурагинов. И допёрли мы, что Диану клонировали из останков Марины. И таковским уродским способом Лонской заполучил любимую. Заполучил, растерзав. Чуете стиль Лонского? «Весь мир отстой, а я – король!»

– М-м-да..., – промычал Юрий в ответ.

– Ан Жека не успел попользоваться открытием, – скорбно перекрестился Семён Гаврилович. – Убрал его Лонской. Посему..., – откусил Сухолятин заусенец, – заполучу я гонорар за интервью, и из своего пермского бункера кану в небытие. Где меня не достанут. Чао, господин Лонской!

Венчала передачу музыкальная заставка, навязанная лично Рокецким. Потому Рокотов, выполняя волю шефа, произнёс заранее заготовленную финальную тираду:

– По имеющимся у нас сведениям, – пояснил он воображаемой зрительской аудитории, – «Чао!» Лонскому сказал не только господин Сухолятин, но и Диана Лонская, сбежавшая от него. И она шлёт папочке музыкальный привет в виде песни барда Гоноратия Лепилова «Пигмалион и Галатея».

И далее монтировалась видеозапись выступления Гоноратия на одном из корпоративов:

Ко мне являлась ты в рассветных снах -

Из мира грёз, прелестное создание,
Сон таял сказкой с мёдом на устах,
И наступало разочарованье.
Ведь до поры была бесплотной страсть,
Я ей шептал напрасные признанья,
Но ты однажды феей родилась,
Из моего заветного желанья!

Тебя ваял я из Луны ночной,
И созидал из призрачных видений,
И ты пришла небесно-молодой,
Ты выткалась из сладких предвкушений!
Твоя реальной стала ипостась,
Так воплотились страстные мечтанья:
Так ты явилась – чудно родилась,
Из моего заветного желанья.

Теперь ты есть: моя и не моя,
Прекрасная, но вольная стихия,
Завоевать тебя смогу ли я,
И окунуться в очи голубые?
Хотя реальна ныне милой стать,
Взаимными не стали ожиданья:
Ведь даже Бог не дал тебе понять,
Что родом ты из моего желанья.

Любовь к тебе, как Ариадны нить,
Из лабиринта к свету выводила,
Прекрасно – Галатею сотворить,
Милее, чтоб она меня любила?
Но если, через сто кругов пройдя,
Не поведу любимую к амвону,
Утешусь, миру подарив тебя,
Как Рафаэль – Сикстинскую Мадонну!

Глава четвёртая

1

«Сладенький мерзавчик» привычно егозил в своём кабинете перед зеркалом, когда туда «на полголовы» заглянул руководитель службы безопасности Глеб Самарин:

– Вадим Юрьевич, прошу прощения, Рокотов из Перми вернулся. Вы наказывали немедля доложить...

– Па-да-ждё-от, – не оглянувшись, по-женски капризно отмахнулся тот. – Я ско-ора-а-а...

Наведя полный лоск, Полуметросексуал уселся за стол, щёлкнул тумблером переговорного устройства и прощebetал в микрофон: «Глеб, падавайте Рокотова».

Командированный явился для отчёта в каком-то непонятном

для шефа возбуждении. Он был определённо взволнован. Докладывая о выполнении задания, журналист продемон-

стрировал патрону на мониторе уже смонтированную видеозапись интервью с Сухолятиным – с комментариями, перебивками и заполнениями. Компоновка материала магнату понравилась.

– Добро, Юрочка, добро! – похвалил Рокецкий помощника. – Оставь мне материал. В понедельник мы ещё вернёмся к записи, сделаем нюансировочку, а сейчас, извини, некогда, – повернулся он к аппарату внутренней связи, чтобы вызвать к себе Сёму Бакулина.

– Вадим Юрьевич, простите! – остановил его Рокотов, извлекая флэш-карту из системного блока компьютера и выкладывая её на стол большого начальника.

– Ну, что ещё? – недовольно пыхтя, развернулся тот мясистой тушей.

– Вадим Юрьевич, я хочу спросить вас про Диану Лонскую.

– Про Диану? А что Диана? С ней всё нормалёк. Ты попросил её припрятать, я и припрятал. Там до неё кусачий спиногрыз Лонской не доберётся.

– Я хотел бы, чтобы в телепередаче речь о Диане шла обезличено. О Лонском конкретно, а о ней – обезличено.

– Как это – обезличено?

– Как об анонимной персоне, ну, или, чтобы она фигурировала под вымышленным именем. И чтоб без фотографий...

– А больше ты ничего не хочешь? – сморщил Сладенький

Мерзавчик кончик носика, что служило верным признаком недовольства.

– Но мы же условились перед моим отъездом в Пермь, что...

– Ладно...Подумаем...

– И ещё, Вадим Юрьевич..., – сделал глубокий вдох журналист,

собираясь с духом, – я хотел бы с ней, с Дианой...кгм...повидаться.

– Чего это?

– Хм...У меня к ней личное дело.

– Ка-какое ещё личное дело?! – с привизгиваниями осведомился Рокецкий.

– Хм...Как у мужчины к женщине.

– Погоди-погоди, Юрок...Я чего-то не того...А ты вообще-то кем ей доводишься?

– Кгм, я люблю её...И она меня...Мы любим...

– Лю-ю-убим?! – в удивлении выставил язычок олигарх. – Ну, я не знаю...Это твои проблемы. И не грузи ими меня.

– Но Вадим Юрьевич...

– Что Вадим Юрьевич! – вспылил тот. – Задолбал! Когда ты её приволок, то какой уговор был? Припрятать её. Так?

– Ф-фу...Так.

– Так какой же вульвы тебе надо? Я в такую резню с кусачим хамлом ввязался, а ты меня своей слюнявой лирикой грузишь. Что за вагинальная бестактность?!

– Вадим Юрьевич, мне с ней на пять минут... Она же ждёт меня...

– Папа мой – не мужчина! – на фальцете выругался Рокецкий, теряя последние крохи терпения. – Ничего она не ждёт! Глеб, ко мне! – позвал он Самарина по селекторной связи.

– Да, Вадим Юрьевич? – живо возник начальник охраны в дверном проёме.

– Эта... Диана чего-то просила?

– Никак нет.

– Про...э-э-э...Рокотова спрашивала?

– Никак нет.

– Точно?

– Обижаете, Вадим Юрьевич!

– Слышал? – развернул свиное рыло патрон к журналисту.

– Но Вадим Юрьевич...

– Кат-тись вон, трепло экранное! – по-женски завизжал тот, тряся жирными ляжками. – Глеб! Что за вагинальная бестактность?!...Убери эту болтливую вульвищу, чтобы не воняло здесь!

2

Лонская вторую неделю томилась в заточении у Рокецкого. То, что это оказался самый настоящий плен, ей стало ясно в первый же день «каникул». Отоспавшись после лёгкой операции по удалению из руки чипа, она роскошно позавтракала в два часа дня, после чего погуляла по просторной охотни-

чьей резиденции, расположенной в живописных окрестностях озера Селигер. Бродить вдоль забора с колючей проволокой под напряжением, под камерами слежения и под пристроном охраны ей скоро наскучило. Диана решила выйти за ворота. Тут-то ей от этих самых ворот и дали поворот, недвусмысленно намекнув, что «туда низзя», и что она человек подневольный.

Вернувшись в отведённый ей номер-люкс, девушка бросилась к трельяжу: там, в одном из ящичков, лежала её дамская сумочка, в которой хранились два «мобильника». Она намеревалась связаться с Рокотовым и попенять ему «за подставу». Увы, в сумочке телефонных аппаратов не оказалось, они бесследно исчезли. А персонал резиденции на её гневные филиппики реагировал недоумёнными пожиманиями плеч.

Так в одночасье барский уход и комфорт обернулись пятизвёздочной тюрьмой. Тюрьмой со всеми мыслимыми удобствами, но, вместе с тем, с охраняемой территорией, с коттеджем на хитроумных замках и с пуленепробиваемыми дверями и окнами.

Каждый шаг пленницы был под надзором. Даже в её спальне работала видеосистема. Максимальным достижением двухдневной войны с сухой голодовкой, объявленной Дианой, оказалось то, что видеоаппаратуру убрали из ванной и туалета. В порядке ответной меры из санузлов изъяли все предметы, которыми она могла причинить себе вред.

Сверх того, строго проинструктированный бдительный надзиратель раз в три минуты стучал в дверь санузла и просил «княжну Тараканову», как не без иронии меж собой стража именовала особо охраняемую персону, «подать голос». На что Диана демонстративно кряхтела, либо орала: «Занято, Сладенький Мерзавчик! Занято!»

Обманутая женщина – страшная женщина. Доведённая до состояния сварливой карги, Лонская вела себя преотвратно. В минуты истерик она испускала из туалета и ванной такие непрезентабельные звуки некоторыми частями своего внешне красивого тела, или опускалась до столь изошрённо-вычурной

ругани, что и у видавших виды караульных вяли уши.

Несложно вообразить степень затаённой злобы своенравной особы, которая хотела натянуть нос «кроту Лонскому», что заманил в нору «Дюймовочку», а вместо того самой «залетевшей как последняя лохушка». Заложница в большой политической игре не знала ни минуты покоя: её – непризнанную жену олигарха №1, её – некоронованную леди № 1, которую сам «Лев всех зверей» не осмеливался сажать под арест, заперли в мышеловке, как какую-то полудохлую крысу!

Изыскивая лазейки, Диана пускалась во все тяжкие. Особенно в отношении Лупоглазого – так она про себя прозвала самого наивного и наиболее падкого до неё охранника. Так, однажды она, укладываясь спать, сбросила с себя халатик,

лифчик, плавки и нагой забралась на кровать. Затем, вопреки логике, девица неожиданно включила яркий свет в спальне, заняв коленно-локтевую позу (если попросту, то встала на четвереньки), наклонив низко-низко голову, а аппетитную попку, напротив, задрала. И в таком виде знойная красotka двинулась ягодицами вперёд в направлении камеры наблюдения. В процессе «атаки» она томно рычала: «Щас забодаю! Забодаю!...»

Достигнув края ложа, она повернула к объективу смеющееся личико и заманчиво проворковала в него: «Э-эй, чмо Лупоглазое, ну и как я тебе?... Если ты не конченный импотент и не полено бесчувственное, то ночью я тебя жду!» И вообразив физиономию невидимого оператора, разбитого параличом растерянности, она, стервозно хохоча, свалилась в постель.

Не брезговала Лонская и тем, что, в попытке склонить к связи очередного караульного, могла бродить по коттеджу «топлес». Пленённой бестии равным образом ничего не стоило, походя запустить руки в штаны зазевавшегося секьюрити, надеясь соблазнить его.

Увы, вышколенные надзиратели, менявшиеся на «посту № 1» каждый день, будучи ужасно охочи до «манкой штучки», тем не менее, шарахались от неё, точно от прокажённой. Уж им ли было не знать, что «в заскоке» квазиженщина Рокецкий более скоро и жестока на расправу, нежели любой мужчина. Да и помещения, нашпигованные электроникой,

«мотавшей запись», исключали всякую фривольность.

Но сильнее всего Лонскую бесила неизвестность «срока заключения в этом курятнике», а равно и то, что до объяснений с ней не снизошли ни «жирный педик», ни, на худой конец, какой-нибудь его «паршивенький эмиссар». А шансы на побег из «гламурной тюрьги» с каждым днём представлялись всё более призрачными. Однако, вопреки всему, Диану ни на секунду не покидала, как она сама говорила, *idee fixe*¹⁶ обретения свободы.

Кто ищет, тот всегда найдёт. Вот и её бедовую головку не мог не посетить продуктивный замысел. Женская задумка состояла в том, чтобы завладеть телефоном. «Зацапать бы мобилу!», – мечтала студентка, а уж для осуществления задуманного, ей хватило бы и минуты.

Затея Дианы возникла не на пустом месте: она подметила, что мобильный телефон в коттедже имелся – его передавали по смене дежурные операторы, сидевшие в «штабе». Штабом, диспетчерской или пультовой персонал называл комнату с пультом управления. Штаб запирался изнутри на запор. «Вот бы Лупоглазого выманить, а самой забраться туда, – рассуждала студентка. – И сбросить эсэмэску моему Топтуну многообразовому».

Текст электронного сообщения Лонская зазубрила заранее. План проникновения у неё вызревал... Штурм штаба назревал...

¹⁶ *Idee fixe* (франц.) – навязчивая идея.

Наиболее благоприятная ситуация в коттедже обычно складывалась в полдень. Тогда двое караульных из трёх – наружного и внутреннего наблюдения – уходили на обед, запирая

особняк. Внутри оставались лишь охранник у пульта, а равно «княжна Тараканова», нащупавшая «слабое звено» в рядах

секьюрити.

И в текущий полдень искомый час «Ч» пробил. Оставшись в коттедже с Лупоглазым, Диана прошла в ванную. Там она, будучи невидимой, преспокойно воткнула штепсель фена в розетку, но воткнула не плотно. В образовавшийся зазор, на металлические стержни электрической вилки, она опустила заколку, привязанную к нитке. Произошло короткое замыкание. Освещение пропало, электрические приборы отключились. В месте контакта вспыхнул язычок пламени, облизывая пластиковую обшивку. Огонь Лонская и не собиралась тушить. Напротив, выбросив заколку в унитаз, она подбросила в маленький костёр гигиенические салфетки. Огонь быстро разгорался, повалил дым. Сработала противопожарная сигнализация, раздался вой сирены.

Выждав момент, диверсантка проскользнула от ванной к штабу, спрятавшись за шкафом. Ждать ей пришлось недолго. Дверь диспетчерской отворилась, и оттуда выглянул Лупоглазый. Глаза его и в самом деле готовы были выпасть из

орбит – настолько он был ошеломлён происходящим. Увидев огонь и дым, валивший из санузла, он метнулся туда, на бегу взбрыкнув по-кенгуриному и взревев не хуже осла Ходжи Насреддина.

Лонская того и добивалась. Она шмыгнула в пультовую, запершись изнутри. Там коварная женщина схватила сотовый телефон и сосредоточенно, без лихорадки, стала «набивать» текст электронного сообщения. Справившись с задачей быстрее намеченного, она набрала эксклюзивный телефонный номер могущественного абонента и отправила на него «эсэмэску». «Ну, давай же, сотик, давай!», – молила она аппарат, жалобно взирая на него. Через дюжину секунд мобильник пискнул, известив о том, что сообщение адресату доставлено. Диана не удовлетворилась результатом. Для надёжности она продублировала отправление. Лишь вторично убедившись в получении послания «Топтуном многоразовым», «радикска Кэт» облегчённо перевела дыхание.

Выполнив задачу-минимум, она уже без спешки удалила текст сообщения и эксклюзивный номер из электронной памяти телефона. Следующее её поползновение тянуло на чисто женскую мстительность: стереть в аппарате всё, что только можно. Однако девушка укротила эту потугу во имя сохранения в тайне проведённой операции. Студентка тщательно протёрла салфеткой корпус телефона, уничтожая отпечатки пальцев, и положила его на место.

Только теперь пленница позволила себе подробнее изу-

читать интерьер штаба. Она осмотрела центральный пульт, на котором имелись тумблеры, с помощью которых открывались центральные и запасные ворота, а равно и некий выход «Омега». Наличие «Омеги» явилось для неё откровением, так как Диана полагала, что в селигерскую резиденцию ведут всего два въезда. Затем на развороте журнала «Табель постов» она обнаружила пять цифр – код замка, установленного на дверях диспетчерской.

Далее, посмотрев сквозь бронированное стекло, хитрая bestия увидела, что на тревожное гудение сирены от других строений к коттеджу, точно угорелые сердечники из парилки, стремглав сбегаются охранники. Даже пуленепробиваемая преграда не в состоянии была заглушить дробный топот их конечностей, которому аккомпанировала разудалая ненормативная русская лексика, в семь этажей покрывающая Селигер и прилегающую территорию.

Аналогичный малочеловеческий рык доносился и из ванной комнаты, где героический огнеборец Лупоглазый вёл неравный бой с пламенем. Причём, если верить его непечатной брани, в ванную набилось много девушек лёгкого поведения, собак женского пола и гомосексуалистов, которым охранник самонадеянно грозил своим детородным органом и немедленными множественными совокуплениями. Лупоглазый мужественно не уступал напору стихии и разврата, лишь изредка очумело ойкая.

Вслед за несгибаемым Лупоглазым ойкнула и Диана, но

отнюдь не от того, что в суматохе попала под пресс Лупоглазого вместо какой-нибудь проститутки... В последний момент её осенило: план ей удался до того идеально, что факт проникновения в диспетчерскую вообще может оказаться неустановленным – стоит только захлопнуть за собой дверь штаба. Что она и сделала, выскочив в коридор.

От диспетчерской к своей комнате она кралась мимо входа в особняк, прочнейшая входная дверь которого сотрясалась и вибрировала под нетерпеливым наружным напором молодых и крепких тел. «Лучше бы меня эдак-то потоптали, непутёвые! – сокрушённо посетовала Лонская. – Сколько энергии зря пропадает!»

Глава пятая

1

Плотских забав, так не хватавших Лонской, с избытком имел «гоп-менеджер» Пакостин. Только радости ему это не доставляло ни на грош.

Змея никто не любил. Его или боялись, или ненавидели, а ещё чаще первое совмещалось со вторым. Так ведь и Пакостин никого не любил – не за что любить. Не зря же какой-то старорежимный деятель по фамилии Гейне, про которого Вован как-то случайно услышал по голографу, изрекал: «Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся соба-

ки». И правильно: люди – изменники и предатели.

И всё же, несмотря ни на что, у Змея была верная подружка – старая верная кукла Маня. И Палач платил ей тем же: напаялится – полюбится. Да вот незадача: недавно Маня лопнула.

Проституток – этих продажных шкур – Вован не переносил, но от безвыходности изредка пробовал. «Кайфа – ноль». А потому приходилось привыкать к новой, только вчера купленной кукле Варе. Если перейти на уголовный жаргон, то в настоящий момент Вован «пялил» её. Варя была слишком молодая, неразмятая, и потому «лезла туго». Как известно, спущенные бабы податливей и выглядят старше. Потому бандит на четверть стравил воздух.

Постепенно «резиновый процесс» у главаря, как тот сам говорил, «покатил так, что запахло жжёной резиной». Физиология уже подпёрла его под самую глотку, когда с бухты-барахты зазвонил сотовый телефон. И звонил он противно, не переставая, отбивая всякое желание. Змей от злости аж плюнул Варьке в глаз, и приостановил процесс.

– Ну! – рывкнул он в трубку.

– Вован, – донёсся оттуда хрип Щербатого. – Твёйдый Щанкл плибыл.

– Ну и чё?!... Ты чё, харя беззубая!... – теряясь от избытка лютых эмоций, заорал пахан. – Я ж те внятно базарил: полчаса – не трожь, а

ты?! Я те щас последние бивни повыщёлкиваю!

– Дык..., Гитлелович же чмалу пливёз, – обиделся Щербатый.

– Какую ещё чмару? Откуда привёз?

– Дык, бабу зе этого...Листлатова.

– А-а-а, – остывая, протянул Пакостин, заталкивая Варьку под кровать. – В зиндан её, в пыточную. Щас я туда же подвалю.

Зинданом «гопники» называли заброшенный старый завод в южном пригороде Москвы, который они переоборудовали под «исправилковку» – своеобразную тюрьму. До такого нововведения «ссученные» даже додуматься не могли.

Раздраконенный криминальный авторитет укротил гнев и, наперекор привычкам, тщательно умылся, причесался, надел чистое бельё и свежую рубаху, прежде чем показаться Лапоньке – так втайне он прозвал Милену.

Милену Кузовлёва являлась единственной женщиной, что «зацепила» (сама того не ведая и не желая) Палача за гнойное нутро. Он сам себе стыдился признаться в том, что если бы сгодился для такой вот нежной «чистюльки-недотроги», то, не раздумывая, поступил бы к чёртовой матери собственной «крутизной» и блатной ипостасью. Да в том-то адская досада и заключалась, что ни за что и никогда Лапонька на него не посмотрела бы. Из-за того сатанинская тоска и глодала Вована, а он свирепел, в желании растерзать весь этот погано устроенный мир.

Приехав в зиндан, Пакостин зашёл в пыточную, забрался с ногами в кресло-трон и мотнул головой. То был знак Щербатому, что «к базару» с Кузовлёвой «гоп-менеджер» готов.

Пыточная представляла собой большую камеру, в которой на

столе были систематично разложены различного рода заточки, щипцы, молотки и прочие приспособления, предназначенные «для вышибания подлого духа из презренного тела». Там же стоял монитор и лежала видеокамера – главный садист вёл запись издевательств, позже наслаждаясь наиболее кровавыми повторами, а также «попутно забивая косячок». В стены пыточной были замурованы цепи с оковами для фиксации «подопытных кроликов» – тех, кого «арестовал» Вован Палач.

Милену в кабинет завели Щербатый и Шранк. Та пугливой беззащитной ланью сделала несколько шагов и остановилась перед главарём. И эта беззащитность окончательно добила главного «экса». И эта беспомощность показала ему абсолютную недоступность и недостижимость женщины, попавшей в его гнилые лапы. «Ну, что за гадство! – выхаркнул про себя словесную скверну Пакостин. – Натуральное же гадство! К другой бабе в её положении подходить запаadlo, у этой же пузо скоро на лоб полезет, а она всё кайфовее и кайфовее!»

– Свободен, – бросил он Щербатому, синхронно дав знать Шранку, чтобы тот остался.

– Понял, – безропотно подтвердил Щербатый усвоение полученной информации и, не разворачиваясь, «на полусогнутых» вышел вон.

– Ну и чево? Где твой хахаль? – осведомился у женщины Змей.

– Я не знаю, – ответила та. – Георгий говорил, что нам нужно спрятаться и переждать у какого-то знакомого в Забайкалье, но не... Но не конкретизировал.

– Он тебя бросил как...профуру распоследнюю, а ты его кроешь, дура! – ощерил гнилые зубы Вован. – Все вы бабы – дуры! Говори, где он?

– Я не знаю.

– Не зня-аю-ю, – юродствуя, передразнил Пакостин её. – Так я тебе и поверил. Гитлерович, ты базарил с ней? – обратился он к Шранку.

– Базарил.

– Ну и чево?

– Да то же самое бакланит.

– Бак-кланит...Ясен пень, что она тюльку гонит, а ты и брылы развесил. Отвесил бы ей пару хрюнделей, так сразу бы арию Дездемоны запела!

– Баба же...В положении...

– Баба..., – непонятно ухмыльнулся гоп-менеджер. – Баба...Она-то баба, а ты кто?...Какой ты на фиг Твёрдый Шанкр? Мягкий пенис, вот ты кто!

Змей выскочил из кресла. Обойдя Кузовлёву, он остано-

вилься

перед ней.

– Ну и чево? Где твой хахаль?

– Не знаю.

– Чё, зигота, пухнешь? Пузо-то ажно на лоб полезло, – показал бандит обкуренным указательным пальцем на живот Милены. – Сколько уже надавышу?

Вместо ответа та отвела лицо, глядя в никуда.

– Фу ты ну ты, фу ты ну ты... – двоечником-второгодником гаденько принялся кривляться её мучитель. – Какие мы гордые да благородные. Губками пошевелить нам лень. А ежели я тебе, чистюлька, ща между них свой член вставлю, тады как? – озадачил он беременную женщину, разом изменившуюся в лице. – Ну и чево? Махом гонор отшибло! А то, может, просто загнуть тебя, да и поиметь, а?... А чево? Тебе стану хахалем, дитёнку – папой... Га-га-га! – осклабился он, оглядываясь на Шранка. – Кто последний, тот и папа. Га-га-га! В жилу я базарю, Гитлерович?

Бандит Шранк вслед за ним принуждённо ухмыльнулся.

– Так сколько надавышу? – предчувствуя победу, снова нахально полюбопытствовал Вован.

– Во-восемь месяцев, – пусть и не изменив позы, а всё же сменила гордыню на покорность Кузовлёва, и слёзы выступили у неё на глазах.

– Х-хе, давно бы так! – довольно крикнул Змей. – А то, туда-сюда, туда-сюда... Дык, где шукать твоего хахаля?

– Я, правда, не знаю. Георгий говорил...

– Глохни, дура! – оборвал фразу Милены Пакостин. – Думаешь, я тебе верю? Да ни на грош. Пургу чуханам гнать будешь... На меня смотреть, паскуда! – скрипнул он вставными зубами с инкрустированными стразами. – На меня смотреть.

Милена, собравшись с духом, повернула лицо к нему. Для главного «экса» вышло хуже прежнего: Вован оказался не в состоянии смотреть в её бездонные и чистые глаза. Главарь нежданно-негаданно сам отпрянул от неё. Но, ненадолго... Будучи не последним знатоком человеческой психики, он знал надёжный способ подавления собственных ничёмных остатков жалости: надо ударить безвинного и беззащитного; надо «накатить» тому, кто неизмеримо выше тебя. Невыносимо постыден первый тумак, а затем «покатит со склизом».

Вожак банды подскочил к Кузовлёвой, до отказа размахнулся и... по касательной ударил её по макушке. Жестокости у него немедленно прибыло. И ещё Пакостин заметил, что, получая оплеуху, Милена не втянула голову в плечи, как все, не защищала лицо, а прикрыла обеими руками живот.

– Раз фуфло гонишь, с-сымай трусы, с-сыкуха, – приказал он.

– Нет! – вдруг утратив нездешнюю недоступность и видоизменившись в испуганную девчушку, проронила Милена, отступая к стене.

– Дворянку из себя ломаешь? – прошипел Змей.

Поскольку подлинное воплощение женственности и молодости не дало ему ответа, лишь протестующее вытянув руки, чтобы не подпустить гадподобное существо к себе, Пакостин обезоруживающе процедил:

– Последний раз говорю: сымай трусы, с-сыкуха, или щас как дам по брюху – надавыш пробкой вылетит в стенку!

И такой голый натурализм прозвучал в его голосе, что Кузовлёва утратила всякую способность к сопротивлению во имя сохранения того безмерно любимого создания, что жило внутри неё.

Вован грубо подтолкнул женщину к столу, приклонил головой к столешнице и задрал подол просторного платья для беременной... От происходящего даже Шранк, страшившегося брать на себя грех невмешательства, крючком пригнуло к полу.

– Шанкр! – приостанавливаясь, заорал на него главарь. – А ну, хапай камеру... Хапай камеру, я сказал! Снимай сеанс: ща буду делать маленького змеёныша. Гы-гы-гы! Кто последний, тот и папа, гы-ы..., – глумливо хохотнул он.

– Ы-ыхр, – придушенно всхрапнул Шранк, рванув ворот рубашки – ему не хватало воздуха. Но видеокamera, тем не менее, он взял.

Меж тем, пауза в действиях садиста явно затягивалась. Как явствовало из ситуации, Пакостин, давно и окончательно отвергший человечность, сейчас отрёкся даже от подобия мужественности: он подозрительно долго копошился в соб-

ственном генитальном отребье, точно искал иголку в стогу сена. И его возня в кальсонах сопровождалась каким-то производственным кряхтением, далёким от сексуального.

Мелко посуетившись со своей гадливой промежностью на манер нерадивого сантехника со сломавшимся раздвижным ключом, Змей отвернулся от Кузовлёвой. И, не поднимая глаз, сбежал из пыточной, напоследок бросив Шранку: «Эта... Забыл... Мне ж надо на стрелку... А её – в камеру...»

– Тьфу, – выдержав паузу, презрительно сплюнул главарию вслед тот. – Тоже мне, м-мачо без мачете...

2

Рана Заковыкина оказалось не столь уж опасной: сквозная, навывлет, кость не задета. А его глубокий обморок объяснялся острой кровопотерей. Минимальную медицинскую помощь бандиты оказали ему в том самом зиндане, куда он так рвался «на свой хребёт». Придя в сознание, Тихон обнаружил себя лежащим с перевязанной ногой на нарах в камерной камере. Его ассоциативная память в этой обстановке сработала, и он вспомнил, что зинданом в некоторых азиатских странах называют тюрьму.

На третьи сутки пребывания в застенках, студента повели из камеры в так называемую пыточную в сопровождении мускулистого свирепого вида верзилы. Про верзилу «пацанва» не без издёвки, но втихую говорила: «Он же Шранк, от

же Твёрдый Шанкр, он же Гитлерович, он же Фриц, он же революционный сифилитик...»

В пыточной Шранк «приторочил» приковылявшего пленника к стене, прицепив оковы к рукам и ногам. «Хорошо зафиксированный кролик в анестезии не нуждается», – связвил он в адрес Тихона. Затем гигант по внутренней переговорной связи доложил:

– Вован, alles.¹⁷

– Молодчик, гитлерюгенд! – донёсся в ответ хриплый голос.

– Ща с тобой Вован Палач побазарит, – поставил в известность студента Шранк.

Вован появился в камере через дверь, противоположную той, через которую ввели Заковыкина. Сходство «первого экса» с моложавым Кощеём Бессмертным не заставила пермяка сжаться в ужасе. Скорее, оно внушило ему отвращение.

– Ты знаешь, кто я? – не без напыщенности осведомился главарь у паренька.

– Да, ты Вован Палач, – спокойно ответил тот.

– Молодчик! – похвалил его Пакостин. – Так покатит, будешь жить. Лытку тебе уже продырявили. Ты же не хочешь, чтобы я тебе и башку навyleт сделал?

– Не хочу.

– А почему?

– От башки навyleт последствия другие.

¹⁷ *Allles* (немецк.) – всё (в данном случае в значении: всё готово).

Змей вкупе со Шранком долго и по-лошадиному ржал над мотивировкой студента.

– А ты ничё, фраерок! – наконец резюмировал Вован. – Шнобеля сюда, – мотнув головой, отрывисто приказал он Шранку.

– Шно-о-обель! – басом рявкнул тот.

– Тута, – из коридора в дверной проём просунулась голова с длинным носом.

В Шнобеле Заковыкин смаху опознал того самого «Сирано де Бержерака», что на пару с Ирокезом обыскивал его в кустах возле дома Листратова.

– Он? – спросил Шнобеля Палач.

– О-он, Вован, – угодливо подтвердил подручный.

– Свободен, – небрежно мотнул головой «гоп-менеджер».

И Шнобель послушно растворился в окружающем пространстве.

– Толяна Конопатого знаешь? – продолжил допрос пленника Змей.

– Знаю, – со вздохом признался Тихон, вспоминая встречу с веснушчатым пронырой близ дворца культуры имени Горбунова.

– Обложили мы тебя по кругу. Сечёшь, что я тебя колонул? – с

чувством превосходства подытожил Пакостин.

– Секу, – не противился студент.

Тихон ещё в камере досконально продумал линию пове-

дения исходя из того, что может быть известно бандитам. Единственно, его мучили опасения о судьбе своего мобильного. Но как бы там ни было, про КГБ и про то, что тревожит чекистов, пермяк при любом раскладе решил молчать, как советский партизан на допросе в гестапо.

– Молодчик! – одобрил последний ответ Заковыкина «экс». – Давай, чеши языком поганым, чё те надо было от Листрата и от бабы евонной? Чеши, но помни, – достав из кармана пистолет, «тестирующе» навёл ствол на лоб допрашиваемого Палач, – вякнешь фуету, и ты труп. Валяй.

– С месяц тому назад Милена подошла ко мне... и попросила написать реферат по истории правящей партии, – собираясь с мыслями, заговорил паренёк, заморожено глядя в дуло, откуда на него глядела реальная смерть. У него даже раненая нога ныть перестала. – Сошлись на трёх...этих...кусках. Кгм...Я написал ей реферат, а её нигде нет...

– Чиво ты гонишь! – вставил ствол в правую ноздрю фантазёра Змей.

– Я не вру..., – медленно отстраняясь от оружия, проговорил Заковыкин.

– Чё ты бздишь, фофан?! – ощерился Пакостин. – Ты ж – сопля зелёная, а она – пятый курс. Ну как, ка-ак ты мог ей этот...реферат заделать?

– Я написал. Не смотрите, что я...молодой. Я, между прочим, победитель всероссийской олимпиады по истории, – зашептал студент, сообразив, что уголовник втягивается с ним

в спор. А в словесных хитросплетениях Тихон был изворотливее кота в тёмном погребе. – Ей-богу, я написал ей реферат по истории правящей партии. Тема: «Вариативность и конъюнктурность стратегии политической партии как генеральная детерминанта её позитивного развития и выживания в контексте бесконечного континуума социальных конфликтов».

– Чего-чего?...Ну-ка, повтори, чего базарил, – слегка ошалел от

услышанного «гопник», убеждённый, что юноша ему «вешает лапшу на уши».

Смекалистый парнишка шустро озвучил сказанное слово в слово. Вован достал из верхнего ящика стола с орудиями пыток диктофон, функционировавший в режиме записи, и воспроизвёл заключительный фрагмент монолога студента. Дословность и автоматизм повторения даже в непрошибаемом Змее вызвали толику сомнения. Но и только.

– Туфтишь, сука! – озлился он, ибо пленник ловко извернулся.

И Палач внезапно пнул парнишку по раненой ноге. У многострадального Тихона даже белый свет померк, а сердце прихватило будто клещами, заготовленными для пыток. В себя он пришёл от того, что Шранк вылил на него ведро воды. И стоило Заковыкину приоткрыть глаза, как Змей схватил его за уши и начал безжалостно дёргать голову, направляя её на монитор.

– Секи, сучёныш, секи, – по-змеиному шипел изувер. – Вон твоя Милена! Ты, полудурок, прикидывал, что она у левых кантуется, а она у меня. И я её по десять раз на дню пялю! Секи...

Тихон тупо уставился на монитор. От боли изображение двоилось, но он всё же различил, что на экране Вован грубо подтолкнул Милену к столу и приклонил головой к столешнице...

– Вра-а-ньё! – простонал из последних сил измученный юноша, отворачиваясь от экрана. – Врё-ёшь!

– Глядеть сюда! – заорал главарь, потрясая пистолетом. – Это голимая правда, понял?! Голимая правда!

– Врё-ё-ёшь, соб-бака! – замотал головой Заковыкин и обвис на железных веригах, поскольку сознание уже покидало его.

– Стоя-а-ать! – злее прежнего заорал Палач, хватая Тихона левой рукой за скулы.

Он силой навёл лицо пленника на себя, приставил к его левому

глазу ствол и, трясаясь в изнеможении и брызжа слюной, почти попросил:

– Скажи, что веришь мне, и я тебя отпущу! Век свободы не видать, отпущу!

– Врё-ё-ёшь! – зациклившись, отрицательно мотал головой Заковыкин.

– Скажи, что веришь, и я тебя отпущу! Папой-мамой кля-

нужь, отпущу!

– Не-е-е! – мотал головой настырный Заковыкин.

– Дак что тогда там, полудурок? Гля-ка, там же всё в натуре, в натуре! – сдуваясь, подобно лопнувшему пузырю, шипел Вован, тыча стволом в направлении монитора.

– Там?...Эта...Дипфейк¹⁸...Подстава..., – на последнем дыхании выдал Тихон.

– Па-а-а-дла! – завопил бандит.

И мучитель снова пнул Заковыкина по раненой ноге, выбив себе большой палец. Вован аж запрыгал от боли, а увидев, что упрямец потерял сознание, наказал Шранку:

– Мне это...Мне щас надо одно палево разрулить...Я пригашусь до понедельника...А ты этого сучёнка чтоб метелил по-чёрному по пять раз на дню! Навешай ему хрюнделей от и до! Приеду – проверю...

3

Шранк добросовестно исполнял порученное. Два раза в день он приводил Тихона в пыточную. Там гигант «приторачивал» пленного к стене, начинал вышагивать перед ним туда-сюда и нудно, заученно долдоня, предлагал ему «заложить Листрата». «Идеологическая прелюдия» неизменно заканчивалась хлёстким, со свистом, кистевым ударом наотмашь по носу Заковыкина.

¹⁸ *Дипфейк – монтаж и управление контентом посредством искусственного интеллекта.*

Студент, прекрасно изучивший эту манеру Шранка, ждал коварного удара, и всё же, несмотря на собранность, постоянно зевал «стартовый момент». Надо отдать должное заплечных дел мастеру, знавшему своё дело: Шранк великолепно вуалировал намерения, а удар наотмашь «неглядя» наносил так, что попадал точно по кончику носа – не больше и не меньше. Оказалось, что это очень болезненная телесная точка, во-первых, и аккумулятор кровеносных сосудов, во-вторых.

Свой коронный удар Шранк называл «мазня хлыстом». От «мазни хлыстом» кровь у Заковыкина начинала хлестать во все стороны, а кончик носа чудовищно распухал. Из-за систематических побоев нос у парнишки постепенно превратился в настоящий «шнобель», которому позавидовал бы «его крестник» – уголовник Шнобель.

«Разыграв увертюру», верзила переходил к «методичной лупцовке». «Слышь ты, груша боксёрская, ща я тебя буду окучивать квадратно-гнездовым способом», – сообщал он «спарринг-партнёру» таким тоном, словно это был с детства любимый Тишкин метод, и, услышав про него, парнишка обязан был заплакать от избытка радостных чувств. Сделав предупреждение, Шранк начинал бить Заковыкина не спеша, «с чувством, с толком, с расстановкой».

Устав, заплечных дел мастер брал перерыв. Он подставлял табурет под «боксёрскую грушу», сам же садился к столу, пил чай и читал газету. Тихон заметил, что Шранк чи-

тал исключительно «Советский спорт». Тогда в минуты совместных перекуров он стал рассказывать своему учителю, что с первого класса болеет за ЦСКА и с этого же возраста играет в хоккей. А когда Заковькин, отлично знавший историю футбола и хоккея, был в ударе и рассказывал верзиле про Льва Яшина и Альберта Шестернёва, про Григория Федотова и Всеволода Боброва, про Анатолия Фирсова и Валерия Харламова, про Анатолия Тарасова и Бориса Аркадьева, тайм-ауты существенно удлинялись. Соответственно и заковькинские «сказки» максимально растягивались.

Восстановившись, «Гитлерович» педантично промокал платочком пот на лбу, устало потягивался и вставал, приговаривая: «И вечный бой, покой нам только снится...» И возобновлял «набившее оскомину» занятие. «Квадратно-гнездовой способ» приносил должные плоды: повреждения у зиндановской «Шахерезады» красовались везде – с головы до ног, спереди и сзади, с левого бока и с правого...

Вскоре Заковькин представлял собой живое воплощение мозаичного абстракционизма: некогда свежие кровоподтёки «выцветали», превращаясь в синяки, а затем – в бланши цвета недозрелой сливы. Недавние же повреждения ярко сияли пурпуром. Оттого голый Тихон являл собой сплошное багрово-сине-жёлто-зелёное пятно.

Как-то раз в зиндан на минуту заскочил Вован Палач. И даже он, повидавший за свою криминальную карьеру всякое, был поражён «шедевром», сотворённым Шранком в жанре

«ню». Разноцветный Заковыкин (с «разбарабаненной сопаткой», с глазами в узких щёлочках, с чудовищно распухшими ушами) являл собой настолько жалкое и полуфантастическое зрелище, что аж и Змея передёрнуло.

– Слышь, Твёрдый Шанкр, – впервые в жизни решил посоветоваться главный экс. – Может, ну его нафиг! Может, просто мочкануть студентика, да и дело с концом?

– Вован, дай мне его ещё на пару дней, – попросил верзила.

– Так ведь молчит, как партизан.

– Я из него всю душу вытрясу!

– Да ты, Фриц, понтовый кореш! – расчувствовался главарь. – С тобой дерьмо хорошо хавать – ты прям из хавальника выхватываешь.

– Стараемся, – прочавкал Шранк.

– Если что, – обнадёжил его Вован, – через неделю у меня юбилей: ровно двадцатник, как я родную бабку зарубил. Вот тады я и попраздную – сам всю презервацию сперматозоидов мочкану.

И Пакостин уехал из зиндана довольный и преисполненный уважения к трудам «понтового кореша».

При всём при том, Шранк был странный субъект. Так, он регулярно обрабатывал у Заковыкина рану на бедре, и та быстро заживала. Два раза в день он водил Тихона принимать прохладный душ. Незаметно подкармливал его. Зато на

усмешки Шнобеля, Сипатого и других бандитов по поводу «возни с сынком», он серьёзно отвечал, что из мёртвого военную тайну не вышибешь, а Вовану студент нужен живой и «свой в доску».

Наедине же с уральцем верзила неизменно подчёркивал, что

здоровье – это когда болит каждый день, но каждый раз в другом месте. Парнишка вначале на этот афоризм лишь грустно усмеялся, однако потом действительно подметил, что ушибы и ссадины у него ноют поочерёдно. А внутренности – сердце, почки, печень, лёгкие – как будто в норме. Само собой, в той норме, насколько данное выражение вообще применимо к такому заведению, как зиндан.

На войне, как известно, мелочами вроде насморка, ангины, поноса вообще не болеют. Не болеют, разумеется, настоящие воины. Вот и Тишка держался стойко: «Подумаешь, хрюнделей навесили. Превозмогём!»

А однажды Шранк и вовсе повёл себя непонятно. По окончании очередной экзекуции он, для отвода глаз вталкивая студента взащей в камеру, шепнул ему:

– Если вызовут в пыточную, а я вдруг вякну про Освенцим, будь готов ко всему...

Глава шестая

1

.

Полковнику Топтыжному из Перми поступил «груз особого назначения». Вчера неожиданно-негаданно по зашифрованному каналу с Иваном Сергеевичем вышли на связь из краевого управления КГБ и сообщили об объявившемся Листратове, который самолично запросился к нему на аудиенцию. И вот сегодня «груз-400» в виде агента Глюка прибыл «на конечную станцию», то бишь в чекистскую цитадель на Лубянской площади.

– Ну что, Глюк, явка с повинной? – спросил его полковник, когда Листратова завели в кабинет.

– Явка с повинной, – покаянно вздохнул тот.

– Выкладываем всё без утайки?

– Угу. Без утайки.

– Слушаю тебя, Жора, – сказал чекист, беря протокол и нажимая на тумблер диктофона.

И агент приступил к исповеди. Он действительно выложил всю подноготную: и про сотрудничество со «скупсами», и про аппаратуру, и про Милену. Внешне Иван Сергеевич поглощал информацию сосредоточенно и ровно. Меж тем, в мозгу у него эпизодически вспыхивало что-то наподобие протуберанцев, особенно в той части изложения, когда зазвучали предложения про резонатор, а также о Бобе Сноу.

– Кроме изобретений Сноу у тебя ничего не пытался выудить? – как бы мимоходом осведомился полковник, когда Глюк замолчал.

– Пытался, – с готовностью подтвердил тот. – В мае этого

года на международной научной конференции в Доме учёных я общался с отцом Милены Кузовлёвым Андреем Ивановичем. Мы беседовали как ...м-м-м...два близких человека. Это случайно увидел Сноу. Боб понял, что между нами особые отношения. И сразу же, выгадав момент, американец завёл речь о Кузовлёве и об объекте «Ост». Чего уж душой кривить, я был повязан, а потому, для отвода глаз, посулил кой-чего разнюхать. Но я ж не маленький: отличаю продажу технологических секретов невоенной тематики от прямой измены Родине. Это и ускорило мой побег. А на Западе я бы соврал, что вынужден был срочно свалить из России, так как меня раскрыли вы, Иван Сергеевич. Посему, клянусь: по «Осту» я ни грамма не слил – нечего сливать было.

Уточнив у Листратова ещё некоторые детали, Топтыжный резюмировал про себя, что на сей момент, пожалуй, он выжал из агента максимум возможного. Дальнейшее требовало проверки.

– Что ж, Жора, – раздумчиво проговорил оперативник, потирая лоб, – сам понимаешь, что твоё будущее напрямую зависит от того, как тебе удастся загладить вину перед державой.

– Моё будущее напрямую зависит от будущего Милены, – вежливо, но твёрдо поправил его тот. – И я у вас стопудово из-за неё. Ради неё я сделаю всё, что вы мне скажете. Прошу об одном: спасти её от бандитов. Христом-Богом молю, Иван Сергеевич!

– Чего молить-то? – сдержанно укорил его полковник. – С бандитами за наших людей я и так обязан воевать. О долге же перед страной я потому завёл речь, что и Милена твоя – часть её. Я, может, говорю, что называется, высоким штилем, но говорю то, что есть. Осознал?

– Осознал.

Листратова увели. А Топтыжный, оставшись один, подумал о

том, что коли за фигурой Глюка замаячил силуэт Сноу, то за

призраком мёртвого репортёра проступили вполне жизнеспособные шпионские круги. И новые данные склонили чекиста к новой попытке подключения к расследованию разведуправления КГБ и, больше того, – ГРУ.¹⁹ Ведь отныне для того появилась более веская мотивировка. «Значит, придётся становиться инициативщиком,²⁰ – сокрушённо покачал головой Шаман. – Мало того, придётся выходить на Крутова напрямую, минуя перестраховщика Столповского. Ведь санкционирование «Трансфера» и координация действий с Минобороны – прерогатива шефа».

И Иван Сергеевич, минуя промежуточные инстанции, отправился в приёмную председателя КГБ.

¹⁹ ГРУ – главное разведывательное управление министерства обороны России.

²⁰ Инициативщик – профессиональный термин чекистов, обозначающий лицо, по почину которого начинается операция.

«Эсэмэска» Дианы Лонской успешно достигла адресата. Коданский, проведя аппаратную оперативку, в пятый раз за день озабоченно полез в сейф, где у него хранился мобильный телефон конфиденциального назначения. Конь Дамский не просто соскучился по темпераментной смуглянке, а всерьёз тяготился её долгим отсутствием. Необъяснимо долгое отсутствие и молчание любовницы его насторожило, а утечка информации из стана Лонского о разладе с молодой женой панически встревожила Коданского: «Уж не убил ли её старый волчара?!»

И сейчас дисплей аппарата подсказал ему о доставке сообщения от единственно возможного абонента. Дрожащими от сексуального возбуждения пальцами Конь Дамский открыл SMS и принялся читать текст: «Топотун мой многоразовый! Меня взял в заложники

Сладенький Мерзавчик. Запер в темнице у Селигера. Держусь из последних сил от домогательств его нукеров. Жду тебя! Навеки твоя Вибромассажистка».

Коданский ни на секунду не усомнился в достоверности

послания в виду того, что в нём содержались пикантные тонкости, известные лишь двоим на планете. Да и номер этого телефона знала только Диана. Этот гаджет он завёл ис-

ключительно «под неё».

– Ах ты, ... тварь щекотливозада! – взревел Конь Дамский, вообразив, впрочем, при том при сём близ распростёртой Дианы не Рокецкого (в силу известных предпочтений последнего), а его безымянного «нукера», который подобно кентавру овладевает пленённой «одалиской». – Уморщ, паразит-наездник!

Николай Андреевич достоверно знал, где находится селигерская вотчина Рокецкого. Потому сиюминутное поползновение высокого чина выплеснулось в мысленном вопле: «Блин! Я секретарь Совбеза или не секретарь Совбеза?! Шас возьму свою гвардию и разнесу селигерскую скворечню к чертям собачьим! А саму щекотливую задницу предам суду за... за самоуправное лишение свободы женщины... Тем паче, такой женщины!»

Готовый к незамедлительным действиям, Коданский по внутренней связи распорядился, чтобы экстренно вызвали командира национальной гвардии Семянянкина Андрона Гордеевича по прозвищу Вертухай. Андрон Гордеевич – давний сослуживец Коданского – в молодости также подвизался в качестве контролера в исправительной колонии для трансвеститов. Ныне Семянянкин обеспечивал безопасность высших государственных органов и подчинялся лично Коданскому. Вскоре помощник сообщил Коданскому, что командир национальной гвардии находится на выезде и обещает прибыть через четверть часа.

Пятнадцать минут составили как раз тот отрезок времени, чтобы горячий ревнивец поостыл и оценил расстановку сил хладнокровнее. Ему ли было не знать на какие выкрутасы способна его «расторможенная» возлюбленная? Ему ли было не знать, как она может накуролесить? Вдруг у Полуметросексуала свои резоны? И кто сказал, что огласка не повредит самой Диане? И кто сказал, что если вызволить Лонскую не лобовой атакой, а более хитроумным способом, то это не идеальный манёвр, чтобы заодно опорочить и рогоносца Лонского?

Не мудрено, что запыхавшийся Семинянькин получил от высокого чиновника уже несколько скорректированную вводную. Финал установки звучал следующим образом:

– ...да прежде чем посылать, Андрон, своих чудо-богатырей брать сволочной оплот, переодень их в ту же униформу, в которой щеголяют секьюрити Лонского. Тогда и охранники Рокецкого меньше упираться станут, потому как допрут, что, вроде как, опарафиненный олигарх за своей бабой пожаловал. И, опять же, эдак мы нашу гвардию не подставим. Толково?

– Толково, Николай Андреевич! – восхитился главный национальный гвардеец. – Будьте покойны, оформим по высшему разряду. Всё будет как в лучших домах Лондона!

– Диану вызволишь, я с неё получу заявку о похищении, и всё будет шито-крыто.

– Так точно! – рявкнул Семинянькин, выдвинутый Кодан-

ским на занимаемый пост непосредственно с должности начальника Бутырской тюрьмы.. – Николай Андреевич, сам буду командовать шмоном!...Тьфу ты, ёпть!...Боевой операцией.

3

Рокотова ещё никто и никогда так не унижал, как это сделал Рокецкий. Сверх того, зарвавшийся богатеёй лишил его девушки, солнышком посветившей в окошко Юрия. Да ещё и учинил такую подлость фактически его же, Юрия, руками. Воистину, благими побуждениями вымощена дорога в ад. И журналист дал самому себе обет, что доберётся до Дианы любой ценой, а зажавшегося гомосексуалиста примерно накажет. И первым шагом в этом направлении стало то, что он навсегда покинул лагерь магната, прихватив с собой исходные видеоматериалы о детективе Сухолятине.

Оставив расположение бывшего патрона, Рокотов почти неделю потратил на то, чтобы выявить прибежище, в котором толстосум упрятал Лонскую. Уж кто-кто, а опальный фаворит медиа-холдинга имел некоторое представление об объектах недвижимости Вадима Юрьевича. Рокотов ничуть не сомневался, что девушку удерживают силой. И он «на цыпочках» приступил к зондажу, ибо не заблуждался на тот счёт, что непослушания и слезки Рокецкий не простит.

Журналистские вылазки оказалась как небесплодными,

так и провокационными. Небесплодными в том плане, что при отслеживании усадьбы бывшего шефа близ озера Селигер, Юрий засёк усиленные караулы. И пусть Дианы лазутчик не увидел, удвоенные наряды сами по себе наводили на размышления. Провокационной же разведка могла оказаться по той причине, что накануне самого Рокотова, не исключено, засекли близ дачи магната на Барвихе. Как минимум, так Юрию почудилось. Так что, возвращаясь с Селигера в Москву на специально нанятом такси, он был настороже.

Расплатившись с таксистом по уже укоренившемуся обычаю за три квартала от пункта назначения, далее журналист отправился пешком к месту ночёвки – на Сивцев Вражек. Отсыпался он в квартирке тех самых Асеевых, у которых провёл памятную ночь с Дианой. Старики проводили лето на даче, и Юрию было очень удобно: он никого не беспокоил, уходя в самую рань, а приходя затемно. Тем самым удавалось избегать нечаянных встреч и с соседями, и с посторонними. Вот и сейчас Рокотов подходил к своему пристанищу, когда на улицах уже зажглись фонари.

Несмотря на позднее время, у «его» подъезда толпился народ. Чуть поодаль были припаркованы три полицейских «воронка», два автомобиля типа «буханка» с надписью «Криминалистическая лаборатория», плюс катафалк и ещё несколько легковушек.

Рокотов, ощутив неладное, замедлил шаги. Он притаился в скверике за дубом в полтора обхвата, вникая в ситуацию.

Собравшиеся вели себя сдержанно, тихо переговариваясь и явно нечто ожидая. Не прошло и пяти минут, как ропот пробежал по толпе и тут же стих в преддверии чего-то жуткого. Вход в подъезд разверзся, и из зияющего мрака показались мужчины с носилками. На носилках покоился кто-то, прикрытый светлым покрывалом. А у Юрия от нехорошего предчувствия заныло в подложечной области.

Не успели первые носилки втолкнуть в катафалк, как дверь подъезда распахнулась снова, и оттуда вынесли вторые носилки с человеческим телом. Покойник тоже был прикрыт белой простынёй. Однако под тонкой тканью рельефно проступила характерная черта внешности мертвеца – большая окладистая борода. И Рокотова остро пронзила гнетущая догадка: «Бог ты мой, да ведь это дядя Федот!... Тогда кого вынесли первым? Неужто, тётю Таню? Боже правый, что за напасть?!»

Импульсивно он бросился, было, из укрытия к скоплению машин, но, едва высунувшись из-за дуба, тотчас юркнул обратно. Племянника Асеевых остановил хладнокровный довод рассудка о том, что в квартире пострадавших полно отпечатков его пальцев, его вещей. А ну как они послужат основанием для обвинения его в происшествии?! Пока непонятно в каком, но происшествии. Конечно, у него есть алиби – тот же таксист подтвердит. Конечно, органы разберутся, но пока суд да дело... Вдруг – задержание, арест! Что тогда будет с Дианой?... Так, что? Ему ничего не остаётся, как прене-

бречь родными людьми, сделавшими столько добра? Сстиснуть зубы и трусливо сбежать?

Одолеваемый антагонистическими побуждениями, Рокотов замер за деревом. И в течение этой заминки из подъезда вынесли ещё двое носилок с прикрытыми и недвижимыми человеческими телами! «Что за парад-алле?! – несмотря на драматичность момента, согласно въевшейся в кровь профессиональной выучке, навесил он ярлык на данную мизансцену. – Это всё? Или за моё отсутствие через этот подъезд успели оборудовать выход из городского морга?»

Импровизированная траурная процессия оборвалась на четвёртом трупе, ибо следом высыпали субъекты в следственно-прокурорских мундирах, полицейские и прочая правоохранительная челядь. Их явление народу означало, что осмотр места происшествия и выполнение иных неотложных следственных действий закончены. Чиновники уже стали рассаживаться по автомобилям, а зеваки «рассасываться» от дома по асфальтированным дорожкам, аллеям и тротуарам, когда Юрий энергично приблизился к спецтранспорту, в который усаживался солидный сотрудник следственного комитета с ещё более солидным брюшком. На погонах его форменного кителя поблескивали большие генеральские звезды.

– Товарищ генерал! – обратился к нему журналист. – Позвольте занять пару минут...

– Вы...Вы – Рокотов? – перебил его тот, окидывая лицо

подошедшего колючим взглядом.

– Да, – разом обмяк журналист.

– Садитесь на заднее сиденье, – повелел ему чиновник.

4

Та ночь оказалась бессонной. Рокотова привезли в городской следственный комитет, где пытались допросить, на что он отвечал категорическим отказом. Юрий настаивал на том, чтобы прежде его ввели в курс событий относительно Асевых. В свою очередь генерал-лейтенант юстиции Гомонов требовал, чтобы он прежде дал показания. Ан задержанный не сдавал позиций, непоколебимо выдерживая осаду высокого чина и особо ретивых следователей по особо важным делам на протяжении трёх часов. Лишь когда на улице стало светать, Гомонов, с чуть опавшим от долгого нетерпения брюшком, кряхтя от недовольства, протянул журналисту три печатных листа бумаги.

Взяв их, задержанный дважды пробежал глазами по тексту, прежде чем усвоил изложенную там информацию и понял, что перед ним экспресс-анализы содержимого выделений, органов и тканей потерпевших, а также изъятого с места происшествия отравляющего вещества. Согласно документам, на рукоятке наружных дверей квартиры Асевых был обнаружен сильнодействующий яд контактного действия – предположительно изготовленный на основе зарина. Анало-

гичное вещество и следы его действия были выявлены на слизистой, кожных покровах, в слюне, в крови и в содержимом желудков потерпевших Солодова С.С., Лемтюгина Д.Р., Асеевых Ф.Б. и Т.А.

Уже машинально скользя взглядом по предварительным выводам экспертов, Рокотов думал: «...Рокецкий. Конечно же – это сволочные происки Рокецкого. Уголовники меня элементарно пришили бы где-нибудь в тёмном углу – и финиш. А яд – изощрённый почерк разжиревшего сластолюбца. Что ж, я отомщу ему и за тётю Таню с дядей Федотом, и за Диану. Я хотел сдать его Лонскому, но теперь у меня не остаётся выбора»

– Ознакомились? – не выдержав паузы, прервал его размышления Гомонов.

– Да.

– Теперь вы правильно можете истолковать нашу наступательность, – приступил к развёрнутой аргументации глава городского следственного комитета. – Четыре трупа. Способ умерщвления – редкодоступной разновидностью яда, смертельно и почти моментально поражающей человека даже при попадании на его кожу...

– А кто такие Солодов и Лемтюгин?

– Солодов и Лемтюгин?...Кхе-кхе...Видите ли, когда Асеевы вернулись с дачи, то, естественно, брались за ручку дверей. Затем, ощутив...м-м-м...резкий дискомфорт, вероятно, стали вытирать пот со лба, тереть глаза...Ну, и так далее.

Соседи их обнаружили мёртвыми в прихожей. Асеевы входную дверь не успели запереть, и она отворилась от сквозняка. Граждане обратились в старшему по дому, а также позвонили участковому. С ними случилось то же, что и с Асеевыми. Только после смерти четверых человек, стали соблюдаться меры предосторожности...

– Простите за бестактность, – утратил всякий интерес к подробностям Юрий, – но с меня, пожалуй, хватит. Я знаю, кто убил...вернее, кто покушался на меня, но стал невольным организатором убийства моих дяди и тёти...Однако вам я этого не скажу.

– ...Как это?! – преодолев оторопь, уязвлённо осведомился высокий чин.

– Потому, что убийство сопряжено с вопросами особой государственной важности, о чём я сообщу лично исключительно председателю КГБ. Причём, дело не терпит промедления. Предупреждаю, что за возможное промедление вы ответите персонально. И это не шутка. Вам известен мой общественный статус.

Далее журналист, несмотря на жесточайший психологический

прессинг, не проронил ни звука, так как сознавал, насколько

длинные руки у коротышки Полуметросексуала.

Упрямство Рокотова, проистекающее из желания остаться в живых и добиться истины, возымело действие: задержанного доставили пред грозные очи председателя КГБ Крутова. Там, на Лубянке, Рокотов и выложил то, что таил за душой: и про появление на свет Дианы Лонской, и про досье Сухолятина, и про докторов Вольфа и Олби, и про интриги Рокецкого.

Информацию журналиста главный чекист выслушал с неожиданным вниманием и даже задал ряд уточняющих вопросов относительно Вольфа и Олби. Вопросы были не праздные и показали Рокотову, что для генерала армии данные фигуранты – не пустое место.

– Какими материалами из досье Сухолятина располагаете лично вы? – осведомился Григорий Иванович в конце беседы.

– К сожалению, только голограммой интервью с ним, – пожал плечами Юрий.

– Где она?

– Она? Она спрятана в квартире на Сивцевом Вражке.

– Вы надеетесь, что она ещё там?

– Надеюсь? – глупо переспросил журналист. – Ах да!... – вникнув в суть сомнений Крутова, даже застонал он. – Раз они узнали, где я скрываюсь... Господин Крутов, а что касемо судьбы Дианы Лонской?

– Мы обработаем вашу информацию, и если она найдёт

подтверждение, то заполучить девушку от Рокецкого не составит труда.

Дальнейшие события развивались стремительно. По указанию

Крутова производством повторного осмотра в квартире Асеевых, допросом Рокотова, оперативной разработкой Олби, установлением места пребывания Дианы Лонской и Сухолятина занялось непосредственно подразделение полковника Топтыжного. В два часа пополудни Иван Сергеевич уже докладывал шефу комитета о предварительных результатах оперативно-следственных мероприятий.

– ...Таким образом, Григорий Иванович, на сувальдах замка входной двери квартиры Асеевых обнаружены следы воздействия постороннего предмета, то есть, его открывали подобранным ключом. Но работали профессионалы – следов в жилище не оставили, как и флешки Рокотова. Что до самого Сухолятина, то он уже неделя, как выехал за рубеж. Там у него вид на жительство. Новое подтверждение нашла связь между Олби и Вольфом...

– Иван Сергеевич, что же получается? – не выдержав, перебил рапорт Крутов, что было ему крайне несвойственно. – Листратов – Сноу – Олби – Вольф – звенья одной цепи?

– Думается так.

– И по логике вещей операция «Возмездие» должна плавно трансформироваться в операцию «Трансфер»?

– Думается так.

– Пам-парам-парам-пам-пам, – откинувшись на спинку кресла, вдруг по-мальчишески запел Крутов. – Что ж, сейчас буду напрашиваться на прием к министру обороны... Да, а что с Лонской?

– Через... Через полчаса, – взглянув на часы, проговорил Топтыжный, – на Селигер выезжает оперативная группа...

6

Диана Лонская голозадым пупсиком валялась на лужайке перед коттеджем. Она раскинулась навзничь прямо на траве, подложив руки под голову. Июльское солнышко разморило её. Девушка ощущала, что снизу не то травинка, не то непоседа-муравей щекочет ей промежность, но шевелиться было лень. В том же интимном месте, только сверху, девушку ласкал солнечный лучик. Лучик был непрямого действия, то есть не от небесного светила. Солнечный лучик отражался от бинокля, через который за пленницей, затаив дыхание, следил Лупоглазый, расположившийся на балконе второго этажа коттеджа. Красотка даже через оптические линзы и расстояние, разделявшее их, чувствовала его изголодавшийся взгляд, рвущийся внутрь неё.

Молодой здоровый и полный желаний парень – не муравей. Он будоражил ретивое в темпераментной бестии. Тем более в бестии, две недели не имевшей мужчины. «И выигра-

ло либидо!»), – как сказал бы старик Фрейд. Диана, застонав от истомы, чуть приоткрыла веки, а также несколько приподняла и раздвинула ноги, согнув их в коленях. Через прищуренные шаловливые карие очи ей было видно, что Лупоглазый ошеломлённо отнял бинокль и, не веря привалившему счастью, посмотрел на неё невооружённым глазом. Физиономию у него перекосило, скулы свело, дыхание спёрло, а кровоток, судя по наступившей бледности щёк, замер.

Приходя в себя, Лупоглазый, давясь слюной, вновь прильнул к

окулярам. В иной ситуации Лонская не преминула бы поиздеваться над ним, однако сейчас её саму захватил своеобразный и, прямо скажем, нетривиальный процесс сближения. «Петтинг? Кажется, так это называется?» – подумала она мутнеющим сознанием, которое отступало под напором накатывающей сладкой слабости. И девушка круче согнула ноги, одновременно ещё шире разводя их. Лупоглазый выронил оптический прибор, и если бы не тонкий ремешок на его шее, выпавший из рук дорогой цейсовский бинокль разбился бы вдребезги.

Жаль, Диана не ведала, что на первом этаже коттеджа происходила самая настоящая схватка: то двое других часовых, натужно пыхтя и кряхтя, оттирали друг дружку от окна дежурной комнаты с видом на лужайку, борясь за место «в царской ложе».

Эпатажная девица, всё более распаяясь, помяла ладо-

шками упругие налитые груди; затем правая её рука скользнула вниз по животу и далее – к самому лону. Легонько коснувшись подушечкой указательного пальца призывно раскрывшихся вишневеющих половых губ, она издала стон томным меццо-сопрано, на который конгениальным баском откликнулся Лупоглазый, а равно и два других ополоумевших идиота за окном, созревшие до того, чтобы взломать кирпичные стены некоторыми одревеневшими придатками своими.

Распахивая промежность до предела, темпераментная красотка

раздвинула колени практически до развёрнутого угла, а гибким станом выгнулась кверху – навстречу вожделению, отчего кончик её холёного пальчика чуточку погрузился в чувственно-сверхчувственное месиво. И вырвавшийся наружу вскрик засвидетельствовал, до чего же ей приятно!

Практически эхом прозвучавшее завистливо-злое рычание трёх неудовлетворённых самцов подтвердило тот факт, что им очень хорошо-нехорошо, хотя могло бы быть очень и очень хорошо! А уж когда мужская троица, не веря глазам своим, «заценила» уникальные особенности гениталий Дианы, в том числе и «Сезам-2», то пульсация их предстательных желёз достигла частоты двести двадцать сокращений в минуту – в унисон сердцебиению.

Дальше раскрепощённая брюнеточка и вовсе так «понеслась ягодицами по кочкам», и вообще принялась выделять

такое!... что Лупоглазый едва не выпал с балкона...

Порноэротическое шоу настолько захватило неформальный квартет, что участники его отчасти прозевали радикальные перемены в пасторальном антураже уголка селигерской природы. Резкие перемены выразились в том, что над запретной для непосвящённых зоной сначала на средней высоте, а затем на бреющем полёте пронесли два вертолёта, а к центральным воротам под вой тревожных сирен подкатило до десятка машин. В довершение, невесть откуда появившийся самолёт выбросил из небесной синевы десант парашютистов. К чести Лонской следует признать, что, играя в петтинг-шоу «первую скрипку», она прежде трёх самцов почуяла неладное. Женская интуиция шепнула ей об опасности.

Выходя из чувственного транса, девушка резко перевернулась на живот, явив напоследок прелестнейшую из попок. С пригорка подходы к лесной резиденции прекрасно просматривались, и она просто не могла не заметить, что у парадных и запасных ворот скопились автомобили с характерной расцветкой службы безопасности фирмы «Олл Райт Ойл». То есть, то были командос Льва Максимовича Лонского. Отовсюду доносились крики, слышалось клацанье оружия. От испуга у Дианы кровь заледенела в жилах: только этого ей не хватало – попасть в когти кровожадного супруга в столь пикантной ситуации!

«Чего выпялился, придурок! – заорала она на Лупоглазого, указывая шаловливым пальчиком в направлении центрального КПП. – Атака! Менты! Облава!» От главных ворот раздался вой тревожной сирены. Пока Диана реактивно натягивала стринги, мини-топик и прочие символические «повязки стыдливости», Лупоглазый с сотоварищами уже стремглав неслись от коттеджа к главному контрольно-пропускному пункту. Об их недавнем пребывании в коттедже напоминал только сиротливо раскачивающийся бинокль, зацепившийся за балясину, да затуманившееся от возбуждённого мужского дыхания стекло наблюдательного окна. В сторону КПП бежали и остальные охранники.

Обстановка менялась ежесекундно. Равным образом и решение в смышленной головке студентки созрело мгновенно. Она дикой кошкой бросилась в коттедж, грациозными прыжками достигла брошенной без присмотра штабной комнаты, набрала шифр на кодовой замке и проникла внутрь. На пульте управления Диана перевела тумблер входа «Омега» в положение «открыто» (за минувшие сутки Лонская уже выведала, где находятся замаскированные ворота). Отныне путь на волю был для неё открыт.

Приближаясь к полуподземным воротам, закамуфлированным высоким кустарником, беглянка увидела, что метрах в пятидесяти над ней навис парашютист. Теперь многое зависело от того, кто из них окажется проворнее: она раньше минует последнюю преграду, или десантник опередит её с

приземлением. Диана издала звук, напоминающий мяуканье пантеры, и длинными скачками бросилась прочь.

7

Диана Лонская дикой кошкой неслась по тайге прочь от лесной резиденции Рокецкого. Главное для неё заключалось в том, чтобы скрыться от погони и не сбиться с выбранного наугад направления – на запад от озера. Почему на запад? Да потому, что её всегда тянуло на Запад. И ещё потому, что путь на восток преграждал Селигер, а при следовании вдоль берега озера на север или на юг, её легче было засечь. Несколько раз поодаль от беглянки пролетали вертолёт, но пилоты её не заметили.

Бешеный побег продолжался часа три, пока девушка совсем не выбилась из сил. Тогда неведомый сторонний голос шепнул ей: «Сядь на пенёк, съешь пирожок!» Так она и поступила: остановилась у ручья, утолила жажду, поела ягод, и далее побрела уже без спешки, пытаясь обнаружить какую-нибудь дорогу, следы присутствия человека, признаки жилья. Вскоре впереди просветлело, и она выбралась на просёлочную дорогу, по которой прошагала не менее километра, прежде чем позади себя услышала далёкое тархтение какой-то техники.

Лонская выбрала для наблюдения ложбинку обок дороги, и принялась дожидаться машины. Вскоре та вынырнула из-за поворота. Это был задрипанный сельскохозяйственный

вездеход марки «Чернозём-2», прозванный селянами «Дерьмотопом». Избалованной москвичке вовсе «не улыбалось» трястись на захудалой колымаге, вот только в её положении капризничать не приходилось. Зато «Дерьмотоп» сам по себе представлял стопроцентную гарантию того, что уж в нём-то Диана не напорется ни на опричников своего мужа, ни на лизоблюдов Рокецкого.

Потому, поколебавшись, красotka выскочила из укрытия на просёлок и изящно «проголосовала» опущенным книзу большим пальцем правой руки. Обдав её облаком пыли, вездеход противно заскрипел тормозами и остановился. Ближняя к ней пассажирская дверца распахнулась, и перед разбитной девицей предстал детина в засаленных майке и шортах. Морда мужика была испитой, с синеватым отливом, а тело – в татуировках. Шофёр-тракторист являл собой приблизительно такое же зрелище, что и детина. «У-у-у, рожи протокольные!», – махом «классифицировала» их студентка, и садиться в вездеход ей моментально расхотелось.

– Опа! – смачно изрёк детина, окинув вероятную попутчицу с головы до ног и застопорив взгляд на подоле её короткой юбочки.

– До-о-о...деревни ещё далеко? – с деланным безразличием

осведомилась Лонская.

– А те какую деревню-то надо? – в свою очередь спросил громила.

– Ну-у, ту-у..., – неопределённо махнула Диана в западном направлении.

– Километров десять, – сделав ударение в первом слове на первой букве «о», проинформировала её «рожа протокольная», сидевшая за рулём.

– Хо! Так я пешочком прогуляюсь, – изображая беззаботность, махнула ручкой несостоявшаяся пассажирка.

И она попыталась отступить назад. Ан не тут-то было!

– Куды! – рывкнул громила-мужик, по-медвежьи хватая ускользящую «добычу» за руку.

Не успела «столичная штучка» и рта раскрыть, как «рожа протокольная» втащила её в салон, завалила на дешёвое дерматиновое ложе, отработанным движением откинув спинки сидений, и уселась сверху. Спесивая девица попыталась спихнуть детину с себя и пнуть его в пах, да куда там – она и трепыхнуться не смогла! От злобы и бессилия, что какой-то скотник из сельпо беспардонно обращается с ней, будто с курицей на занюханном насесте, Диана не нашла ничего лучшего, чем заорать:

– Руки! Руки убери, сельпо немытое! Ублюдок! Да знаешь кто я?... Да тебе за меня твой поганый член отрежут! Я жена Лонского!

– Ну, если ты жена Лонского, то я... то я активный хахаль Рокецкого, – не растерялось «сельпо немытое». – Верно, Миша? Гы-гы-гы!

– Ага, Боцман! – хихикнул его напарник.

И Миха за компанию с Боцманом зашёлся в обидном жеребьячем гоготе. Девушка хотела, было, зубами вцепиться насильнику в кисть, но заполучила по уху такую увесистую оплеуху массивной пятернёй, что на пару-тройку секунд отключилась от реальности. Придя в себя, она ощутила, что плавочек-стрингов на ней уже нет, а Боцман, взгромождаясь на неё тушей, примирительно пыхтит:

– Ну, чего, чего ты, сучонка, брыкаешься? Впервой, чо ли? Щас

мы тебя с Михой отымеем, и вали в свою деревню.

– Я того...венерическая...У меня...У меня сифилис! – в лихорадочной спешке утратив способность к импровизации, «нащупала» довольно малодейственный аргумент студентка МГУ.

– А у меня СПИД! Гы-гы-гы! С ковидом на пару! Да и чё нам, колонистам, делается? – развязно отмахнулся Боцман, ощупывая её промежность. – Гляди, сама от нас лобковых вошек не нахватай. Гы-ы-ы!

Однако, по мере пальпации рожа верзилы становилась всё напряжённее. От его развязности не осталось и следа. «Вслепую» он никак не мог разобраться в интимном устройстве пассажирки. И потому колонист поневоле отпрянул от неё, оглядывая «пикантное вместилище».

...Итить-колотить! – после длительной паузы вырвалось басовитое восклицание из его объёмистой груди. – Миха, гля-ка!

Шофёр-тракторист Миха тоже проявил свойственную мужчинам природную любознательность, с места водителя вытянув шею чуть ли не до заднего сиденья. Миха имел «кликуху». Звали его «Свет мой зеркальце». Характерное прозвище досталось ему не зря, ибо его впечатлительная и пластичная физиономия обладала редкой способностью приобретать формы того предмета, который он обозревал. Если, конечно, наблюдаемое явление чем-то его поразило. Например, в далёком детстве посещение собачьей выставки произвело на пятилетнего Мишу столь неизгладимое впечатление, что в течение недели при встрече с ним женщины непроизвольно вскрикивали: «Фу!», и пугливо огибали его по дуге.

Вот и теперь, когда Миха созерцал дивные женские прелести, а Лонская поневоле уставилась на его харю, ибо отвернуться было невозможно, то у неё сложилось полное впечатление, что она рассматривает в зеркало свои собственные, только несколько гипертрофированные и опошленные, гениталии.

... Энто я видал, – меж тем вернул Диану на грешную землю Боцман, с внезапной оробелостью трогая её сфинктер. – ...Энто тоже... А вот энто... чё за... прелюбодеяние? – с опаской коснулся он раритетной детальки.

– Гав-гав! – зло трепыхнувшись, неожиданно залаяла Лонская. – Щас откусит!

– Бы-блин! – отдёнул палец здоровяк.

– Слышь, – предостерёг его Миха, – когда в собаку пихаешь, то заклинивает! Туда суй, а обратно – фуй!

– Долбануться! Да пош-шли вы! – возмущённо заорала лощёная особа. – Давай, делайте своё дело – и разбегаемся.

– Шалишь, курвочка, – пропыхтел в ответ Боцман. – Ишь-ты, разбегаемся... Корову такую не дам никому, корова такая нужна... Придётся тебе мотнуться до колонии. Тама у нас есть свой...этот...гинеколог. Он разберётся. И станешь ты потеть на всю нашу братву...

8

Из леса осуждённые Боцман и Миха привезли Лонскую в сельхозучасток колонии-поселения, где они отбывали наказание. Была обеденная пора, и прапорщики уехали в посёлок «принимать пищу». Потому поглазеть на знойную красавицу и «помацать», как выражались колонисты, её интимную диковинку, сбежался весь так называемый спецконтингент. Даже столичной «эмансипэ» стало дурно, когда её «разложили» на большом столе в бараке, и тридцать пар глаз неофитов-гинекологов уставились на «восьмое чудо полусвета». Зеки восторженно матерились, охали, ахали, отведывали её на ощупь, словно редкий товар, и стонали в предвкушении «пробы на зуб».

Диана от ужаса прикрыла глаза ладонью, услышав, что осуждённые деловито загомонили, вставая в очередь на неё. А дежурный по кличке Шнырь поставил у девушки в изго-

ловье кружку с чаем и положил три куска ржаного хлеба, поскольку зеки справедливо рассудили, что от «секс-променада» она проголодается и захочет есть. Чтобы не расплыть время, толково решили они, «пусть хакает, не отходя от станка».

Прелюдией к началу «сеанса» послужил прижившийся для таких казусов «слоган» колонистов, начало которому басом положил Боцман:

– Сеять разумное, доброе, вечное...

– ...в каждую встречную, в каждую встречную! – дружным хором закончили клич «лесные братья».

Лонская всегда была охоча до адреналиновой встряски, но в колонии она нарывалась на такой экстремум, что ей от одного его предвидения стало тошно. Позорное надругательство надвинулось на москвичку и стало неминуемым, когда над ней «по праву первооткрывателя и первопроходца» занёс ногу Боцман...

Но неожиданно-негаданно «рыбка сорвалась»... Детину оттолкнул «бугор» – бригадир сельхозучастка Пихтовар по прозвищу Первое чувство. Бригадира так обозвали потому, что от него вечно исходили непереносимые тошнотворные миазмы. А как известно, обонятельные рецепторы, в отличие от иных внешних органов чувств, с мозгом связаны напрямую. Потому-то люди реагируют на запах острее и непосредственнее, нежели на иные раздражители. По крайней мере Лонская, уже на стадии приближения к ней Пихтовара, ощу-

тила позывы к опорожнению желудка. «Сейчас меня вывернет! – подумала она. – Ёп-перный театр, что же тогда дальше-то будет?!»

«Первое чувство» меж тем резонно заметил Боцману, что «своё надо было в тракторе хавать». Половина «честных мазуриков» с ним согласилась. Зато остальные, вкусившие, чем пахнет кулак Боцмана, сгрудились за его широкой спиной. Они, в пику сторонникам Пихтовара, одобрили справедливый возглас Боцмана: «Кто первый встал – того и тапки!»

В данном месте повествования требуется ремарка в том ракурсе, что колонисты разделились на две партии не столько по принципу личной преданности Боцману или Пихтовару, сколько потому, что первая половина из них относилась к «ссучившимся старикам», а вторая половина – к «гопоте». И сейчас ещё раз появился повод «навести разборки» в борьбе «за верха».

«Ой, ща метелить друг дружку зачнут», – испуганно прошептал зек с «погонялом» Чухан, «под шумок» удосужившись «помазать» Лонскую мизинчиком. И колонистская «шестёрка» на четвереньках шмыгнул под стол, на котором возлежало «яблоко раздора». Пускай Чухан был трус, размазня и грязнуля, да зато не дурак – он прозорливо «прочухал», во что выльется перебранка.

Чухан как в воду глядел: слово за слово, и между расконвоированными осуждёнными вспыхнула драка. Нет, то вовсе не было классическое мужское побоище в виде чисто кулач-

ного мордобоя. Колонисты равным образом успешно орудовали и ногами, и руками, и ногтями, и зубами, и «горлопанскими» средствами устрашения. Причём многоэтажный мат, изошрённые угрозы и проклятия всего рода людского (от Адама и Евы и до матерей Боцмана и Пихтовара) в арсенале воздействия весили не меньше рукоприкладства.

В ассортименте воюющих сторон значились также табуретки, тумбочки, бачок с питьевой водой и портрет Сталина в массивном деревянном окладе... Зеки не брезговали и предметами помельче. В разгар битвы «за клубничку», когда виновница раздора вслед за Чуханом уже эвакуировалась под стол, мимо неё так и летали, так и порхали: окурки, пачки папирос «Беломорканал», ложки, кружки, издающие убийственное амбре носки, портянки и прочие дурно пахнущие нестиранные мужские аксессуары. И коль уж в ход пустили самые экстремистские «kozyри» в виде вонючих носков, то неудивительно, что дальше братве не оставалось иного выбора, как схватиться за вилки, заточки, топоры, вилы, грабли и прочие сельскохозяйственные орудия... И пошёл скотник на дояра, полевод на пасечника, а реповод на редисочника...

И обагрился бы пол барака кровью Боцмана, ни разу в жизни на море не бывавшего, и Пихтовара, кроме чифира сроду ничего не варившего, а также иными, менее благородными, выделениями Чухана или Шныря, если бы в апофеозе уголовной разборки пресловутый Шнырь, словно угорелый,

не заорал от входа: «Атас! Кончай махаловку! Мля буду, менты позорная канают!...На машинах! На вертолётах!... Уй-ё!»

Таковыми вещами в зонах не шутят. Потому криминальные элементы, как культурно выразились бы «менты позорная», скоропостижно побросали подручные средства, сгрудившись на крылечке барака. На счёт вертолёт Шнырь, «так его разэтак», поднаврал: в небе над колонией-поселением кружил всего-то один десантный «Ка-102», выбирая место для посадки. Зато в отношении машин всё оказалось правдой: по ближнему полю мчались целых три «воронка» и автомобиль администрации исправительно-трудового учреждения.

Консолидация колонистов восстановилась моментально. Упустить «восьмое чудо полусвета»? Отдать на поток злейшему врагу? Да ни за какие домашние шанежки! Век свободы не видать!

Осуждённые заткнули рот Лонской кляпом, связали и завернули её в три одеяла, после чего утащили к скотному двору. Там они засунули свёрток в схрон, выкопанный изнутри под завалинкой, куда обычно «ховали» от контролёров флаги с брагой. Оставалось лишь обеспечить дельное алиби, что, по изуверской, но уместной подсказке Шныря и исполнили, жертвенно вылив на пол барака остатки браги из бидона.

Реабилитирующая инсценировка сработала безукоризненно. Теперь любой колонист на вопросы проверяющего:

«Чё за бардак, етивошу мать?! Чё у всех рыла набок?», не моргнув глазом, отвечал: «Дык, ить, брагу пролили! Ну и пошло-поехало...» И в подтверждение опускал руку долу, то есть к полу, залитому не то бормотухой, не то табуретовкой. Аналогично и на расспросы о посторонней особе женского полу, осуждённые дружно мотали головой и глуповато таращили глаза: дескать, что за странные новости.

Полицейские, контролёры и десантники из вертолётки устроили на лесной заимке «шмон на полную катушку», который успехом не увенчался. К вечеру внеплановая инспекция убыла восвояси.

С отъездом «ментов позорных» обстановка в лесной зоне изменилась. В настроении зеков произошёл перелом: массовость облавы, дотошность «силовики» и утечка кое-какой информации при опросах круче любых доводов убедили «уркаганов» в том, кого (!) они столь опрометчиво «мацали». Охотников «удеять подлянку» самому Лонскому не находилось. «Ссучившиеся» Боцман и Миха в раскаянии рвали волосы в подмышечных пазухах и на других «дикорастущих плантациях» своих татуированных тел.

Эти двое, после отъезда проверяющих, первыми ринулись к скотному двору «на раскопки». К их восторгу YIP-персона была цела (в некотором смысле этого слова) и невредима. Незадачливая парочка бережно «почистила пёрышки» Диане, под белы ручки привела её в барак и водрузила на самое почётное место: в единственное кресло перед телевизором.

Во внутриллагерном обороте мобильные телефоны категорически запрещены. Но блатные на конспиративных началах ими обладали. И «сука» Боцман во избежание неприятностей по своей линии позвонил видному авторитету Зубу. Однако Зуб не принял на себя единоличную ответственность за Диану, выйдя на столичную верхушку «воров в законе». Прописная истина: бюрократизм заражает не только официальную власть, но любую загнивающую структуру. Так и криминалитет старой формации был поражён этим недугом, надолго задумавшись по поводу Лонской.

Тем временем «гопник» Первое чувство, отчасти в пику Боцману и Михе, связался с крупным уголовным авторитетом «гопоты» Паразитологом и изложил тому вводную. Паразитолог на «рекогносцировку пасьянса» взял всего минуту, по истечении которой повелел: «Тёлку стерегите, аки вертухаи смертника!»

Минутная стрелка не отсчитала и трёх делений циферблата, как преисполненному важности Пихтовару позвонил Паразитолог и сообщил, что «за бабой едут пацаны Змея Вована».

Вот так Диана попала в «мохнатые лапы» Палача. Тому было глупо бояться мести Лонского – он и без того был «подписан» за Лёху Авиатора. Следовательно, руки у Пакостина

были развязаны.

Вован, наслышанный о потрясающем воображение анатомо-физиологическом своеобразии девицы, в «зندان» прибыл в экстренном порядке. Как он язвил, «вскрывать лохматый сейф». В пыточной он «раскрутил» сексапильную красотку на последний писк блатной похабщины – половой акт «валетом» («Камасутра» отдыхает).

Заковыристая любовная поза и дурное любопытство Змея (про таких говорят: «На любую дырку затычка») повлекли за собой то, что нечто тайное стало явным. Прежде женские финты, трюкачество, а то и просто фарт, как сказали бы Бочман с Михой, уберегали «Сезам-2» Дианы Лонской от досмотра. Увы, её изощренные уловки и хитрости «не прокатили» с Пакостиным. Вован «влёт» уловил фальшь в поведении «столичной штучки»: уж больно та пеклась о некоторых интимных предметах дамского туалета. И главный «гопник» (кто бы сомневался!) «раскопал» ту вещицу, что лакомая стервочка стерегла от чужих глаз.

Завладев гигиенической прокладкой, в которую была упрятана диковинная мушка-дрозофила, Змей подключил к разгадке «технаря» Шранка. Тот мигом распознал в «насекомом» микропроцессор и на компьютере произвёл с ним нужные манипуляции. И удостоверился, что овчинка стоила выделки, поскольку в накопителе электронной информации хранилась видеозапись важной деловой встречи Лонского.

Палач, просмотрев видеозапись, в два счёта дознался у

Дианы о предназначении материала. К его восторгу выяснилось, что на техническом носителе был зафиксирован не бытовой «трёп» Лонского – там содержался порочащий его диалог. Компромат!

Чувства, овладевшие Вованом, затруднительно охарактеризовать однозначно. Буквально только что он был большим бандитом с большой дороги. Час спустя, он неожиданно-негаданно стал политиком. Закулисным, но политиком.

«Лафа! – извиваясь, хрипел Змей, когда Диану увели в камеру. – Лафа! Ты, Волчий оскал, хотел со мной поквитаться? Накосся, выкуси! – юродствовал он, прикидывая способы мести злейшему врагу. – Ща я с тобой вдругорядь посчитаюсь! Возьму, да и подкину кость легавым на пропитание – пущай грызутся. Или гэбистам? Не-е, запаadlo. А чё, запаadlo? Всё, что Лонскому фигово, мне – в жилу! Как там: враги нашего врага – наши друзья, хо-хо. А то Дианку толкану Мерзавчику за тридцать сребреников... Ништяк?»

Так и не выбрав что-то конкретное, Пакостин сонно засипел. И мнилось ему, что он «мацает» Лонского на парламентском подиуме, а Лёха Авиатор и депутаты валяют его в бурной овации и вызывают на бис.

Глава седьмая

1

Русский резидент Пробой два года вёл охоту на Экзекуто-

ра. Вернее, поначалу он и сам не знал, за кем идёт по следу, работая «втёмную». В исходных данных поставленного перед ним боевого задания значилось: найти и ликвидировать врага, преступившего негласные правила игры в отношении чекиста Капличного. Так начиналась акция «Возмездие».

Пробой поручили действовать автономно и узконаправленно – кара за соотечественника. Выполнение боевого задания осложнялось тем, что предстояло убрать на территории Штатов не какого-нибудь отъявленного мафиози с негласной санкции (или даже при оперативном сопровождении) американских спецслужб, но агента этих самых спецслужб. Следовательно, Пробой работал вне закона, а, значит, и сам стоял вне правового поля. Оступись он, и янки его размозжили бы каблуком об асфальт как букашку. Судьба таких букашек безымянна и безвестна – про могилу Пробоя мама и папа никогда не узнали бы.

В виду изложенных причин Пробой адаптировался в американской действительности вдумчиво и без суеты. Он был разведчик глубокого внедрения. Только на легализацию и полноценное подтверждение легенды, что он успешный торговец родниковой чистоты байкальской водой, был затрачен год. Зато характер официального рода занятий позволил ему беспрепятственно исколесить Соединённые Штаты вдоль и поперёк: экологически девственный байкальский продукт брали нарасхват. Под коммерческим прикрытием Пробой постепенно и отработал версию «Возмездие».

Начинал он не с нуля, а с той базы, что для него нарабатывали коллеги Владимир Колотов и Григорий Уколов, числившиеся сотрудниками российского генконсульства в Нью-Йорке. Исходные данные были добыты ими ещё в те дни, когда Капличный попал в «лапы скунсов».

2

Едва «бипер» Капличного передал экстренный сигнал о провале, как сотрудники генконсульства России в Нью-Йорке Владимир Колотов и Григорий Уколов аллюром «три креста» прибыли к отелю «Тихая гавань». В общей сложности им хватило четверти часа на приём и расшифровку сигнала, на определение точного места нахождения генерирующего источника, на отрыв «от хвоста» и на дорогу до отеля. Тем не менее, они опоздали. Паркуясь близ ресторана «Мандалай», они сходу определили, что к «Тихой гавани» уже согналы машины американских спецслужб, а к швейцару представлена тройка подготовленных ребят.

Колотов и Уколов, дабы «не светиться», зашли в ресторанчик «Мандалай», расположенный на противоположной отелю стороне улицы. В зале ресторана они сели в полубкабинке со столиком у окна и заказали прохладительные напитки. Владимир занялся инструментальным тюнингом, с помощью портативного индикатора предельно локализуя место задержания российского дипломата.

– Второй этаж, третье окно справа, – минут через пять

шепнул он Григорию. – Оперативная хатка скунсов. Напичкана аппаратурой «от и до». И рядом с ней номера тоже оборудованы.

– Угу, – лаконично ответил ему тот, не прерывая обзор за входом в отель.

Уколова со стороны вполне можно было принять за праздного зеваку. Он устался в окно и натуральным образом время от времени лениво моргал глазами. В действительности же Григорий отслеживал обстановку. В правом глазу у него была установлена оптическая микролинза ценою в несколько миллионов полновесных рублей. Она представляла собой последнее достижение отечественной нанотехнологии. Линза была снабжена как фото-видеоустройством, так и микропроцессором, синхронно транслировавшим материал на нужный электронный адрес. Так что, любой входящий и выходящий из гостиницы, попадал в анналы КГБ.

Минуло ещё с десятков минут, и Колотов снова выдохнул Григорию:

– Сейчас его повезут.

– А чего?

– Сигнал прекратился. Скунсы нашли бипер.

Владимир не просчитался. Вскоре Капличного под руки вывели из отеля. Видимо, американцы уже успели что-то вколоть Евгению, поскольку тот вихлялся, подобно пьяному. Сопровождающие тут же втолкнули русского резидента в автомобиль, вплотную подогнанный к входу. В остальных

легковушках разместились прочие «скупсы» и симпатичная шатенка. Кавалькада двинулась к центру города.

Колотов моментально перебазировался в свой автомобиль и, выдерживая нужную дистанцию, пристроился к этой процессии. Уколов остался «мониторить» отель.

К вечеру посол России в США Полонский в подробностях доложил об инциденте в МИД. В том числе о не слишком мотивированных отлучках секретаря посла в Нью-Йорк и несанкционированном посещении Капличным оперативного номера в отеле «Тихая гавань». Москва в тяжких раздумьях взяла длительную паузу, прежде чем выступить с демаршем о похищении дипломата.

За этот период Колотов и Уколов без труда вычислили порядковый номер апартаментов, в которых взяли Евгения, а также подобрали «ключик» к одному из портье, приметив, что тот не гнушается «за подмазку» оказывать кое-какие дополнительные услуги клиентам. К тому же этот портье не дежурил в смену провала Капличного. К нему под видом разбитного малого, выждав удобный момент и протестировав холл на отсутствие «прослушки», и «подкатил» Уколов.

– Хай! – подошёл он к стойке, когда вестибюль первого этажа опустел.

– Добрый день! – нейтрально проговорил портье.

– Слышь, шеф, – вальяжно облокотился на стойку Григорий, – у вас этот чувак не мелькал?

И он предъявил фотографию человека, заведомо не имевшего отношения к американской действительности.

– Это конфиденциальная информация, не подлежащая оглашению, – был неприступен служащий отеля.

– Да мне ж...это...конфи...ну...информация и не нужна, – урезонил его посетитель, выкладывая на полированную плоскость денежную ассигнацию. – Ты мне шепни пару слов, я и отвалю.

– Кхе-кхе, – оглядевшись, отработанным движением придвинул к себе и снимок, и ассигнацию клерк. – Этот? Хым, как будто нет, хотя...

– Да ты, шеф, напрягись. Он должен был тут позавчера свои кости бросить, не то в двести четырнадцатом, не то в двести восемнадцатом, – ненавязчиво взял «в вилку» оперативный двести шестнадцатый номер Уколов. – Ты уж глянь в учётах-то, – настаивал он, стимулируя напряжение мыслительного процесса клерка двумя купюрами номиналом покрупнее.

– Отчего ж не уточнить, – и не думал ломаться тот, левой рукой сгребая деньги, а правой раскрывая файл гостевой книги. – Отчего ж не уточнить...Как фамилия-то?

– Да выкурил я фамилию позавчерась вместе с дурью! – досадливо скривился «приблатнённый малый», «отстегнув» в качестве поощрения портье уже банкноту. – Ты покажь, может меня и просветлит.

Клерк смахнул под стойку банкноту и незаметно для прочих клиентов развернул монитор к «покупателю». За несколько секунд Григорий не только намётано ознакомился с записью о постояльце двести шестнадцатого номера, но и трижды моргнул правым глазом «с протезом».

Таким вот образом были добыты выходы на социолога из Кентукки Барбару Рэдклиф, а также на лиц, проживавших в номерах, смежных с двести шестнадцатым. При проверке подложность автобиографических сведений на этих постояльцев ожидаемо подтвердилась. Но отрицательный результат – тоже результат: ценность данных заключалась в том, что они прояснили детали провала Капличного. Как выразился Уколов, Капличного «подловила именно смазливая рыжая баба». Та самая, что была зафиксирована им в момент отъезда от гостиницы вместе с «цэрэцушниками» и Капличным. Стало быть, она являлась либо штатной сотрудницей спецслужб, или же подвизалась у «сунсов». Последнее обстоятельство надлежало конкретизировать уже Пробою. Он и начал «танцевать» от этой «печки».

3

Стратегическое искусство разведчика заключается отнюдь не в

умении вести стрельбу и погоню. Профессионал добычи чужих секретов категорически не приемлет внешней аффек-

тации. Его стиль – извлечь тайну за семью печатями так, чтобы секрет в опечатанном конверте казался нетронутым. От того значимость украденных сведений многократно возрастёт. Потому «технарь сыска» Пробой, действуя в логове врага, закладывал базис под операцию, действуя «нивелиром и пинцетом».

Благо, ему было от чего отталкиваться. Во-первых, от наработок Уколова в форме видеоряда лиц, сновавших у входа в отель «Мандалай» при пленении Капличного. Во-вторых, от спецдонесения Колотова о том, что после задержания Капличный первоначально был доставлен «скупсами» в нью-йоркскую штаб-квартиру ЦРУ, а несколько часов спустя – в особую тюрьму ФБР.

Кадры, отснятые Уколовым, зафиксировали двадцать семь человек, так или иначе причастных к инциденту в «Тихой гавани». Из имеющегося «массива» предстояло отсеять тех, кто имел к задержанию русского разведчика и к мифической Барбаре Рэдклиф лишь сиюминутное отношение.

Если кто-то предположил, что Пробой внедрился в святая святых американской разведки посредством того, что стал продавать «скупсам» байкальскую воду со скидкой, тот, мягко говоря, был неправ, а жёстко выражаясь – более чем недалёк. Резидент новой формации применял принципиально иные методы. Он приступил к возведению «нулевого цикла», начав с поисков места установки микросканеров-ретрансляторов близ особняков штаб-квартиры ЦРУ и особой феде-

ральной тюрьмы.

В КГБ дураков заносит крайне редко, но заносит – без промашек не обходится никто. КГБ середины двадцать первого века превратился в своеобразную военизированную научно-техническую «шарашку» широкого профиля, с набором умельцев из самых различных отраслей искусства, науки и техники. Сюда не обязательно призывались высоко нравственные личности, но требования быть патриотом и мастером своего дела здесь выдерживались неукоснительно. И чем выше в управленческой иерархии находилось спецподразделение «конторы», тем взыскательнее было требование к компетентности сотрудника. Пробой же получил боевое задание, числясь в штате центрального аппарата комитета. Он «шарил», как уважительно отзывались о нём сослуживцы, в сфере нанотехнологий. Сконструированные им ещё в качестве учёного автоматы функционировали в алгоритме, где за единицу отсчёта длительности брались сотые доли фемтосекунды, а масштабом для пространственных параметров служила постоянная Планка. Его изобретения строились с учётом принципа неопределённости Гейзенберга, а потому зону их базирования как микроисточников энергии нельзя было распознать.

Трудности тактического характера у Пробоя возникли «с прощупыванием» здания разведывательного ведомства, расположенного в центре Нью-Йорка и нашпигованного охранными приспособлениями и приборами слежения. На опре-

деление конфигурации охранной зоны российский резидент затратил более недели. Выручило то, что «дом шпионов», оцетинившийся подобно ежу, «простреливал» прилегающее пространство радиотехническими и иными аналогичными устройствами в архаичном волновом и временном диапазоне. Этими брешами чекист и воспользовался. Дальнейшее было делом техники.

Для выбора точки мониторинга, Пробою оказалось достаточно четвертьчасового неспешного моциона вокруг секретного особняка. На следующий день он присел на лавочку невдалеке от штаб-квартиры ЦРУ, чтобы, якобы, компактнее уложить магазинные покупки в пакете. Краткая переборка свёртков, а в результате на нижней ветке клёна появилась засохшая почка, установленная за мгновение с помощью специальной липучки. С той минуты устройство прилежно принялось фильтровать всех, кто входил и выходил из шпионской резиденции. Микросканер-ретранслятор работал на идентификацию и отслеживание в пределах ближайшего квартала маршрутов передвижения тех инкогнито, что попали в базу данных из уколовского портфолио. Причём, различного рода ухищрения в виде грима, накладных париков, плацентарных масок не в состоянии были дезориентировать прибор, ибо тот осуществлял отбор по силуэту черепной коробки и лицевому скелету. Параллельно сканер считывал и трансформировал движения губ наблюдаемых субъектов в вербальную форму, что также по крупницам (за

стенами учреждения «скупсы» были не особо расположены к болтовне), но способствовало сбору сведений.

Мониторинг за федеральной тюрьмой разрешился проще. Психология бравых тюремных служаек строилась преимущественно по принципу «системы ниппель»: всех пускать и ник-кого (желательно) не выпускать. Потому их и заботили решётки, подкопы, стены, да ближние подступы к ним. За ними пределы любознательности надзирателей резко угасали. Вследствие чего российскому разведчику не доставил проблем монтаж микросканера на чердаке жилого дома, разместившегося через дорогу.

Благодаря незаменимым электронным помощникам, а также и кое-каким собственным аналитическим усилиям, за полгода Пробой завёл двадцать пять электронных досье на интересующие его персоны, установив их имена, должности, домашние адреса, семейное положение, пристрастия и прочее. В их число попал руководитель контрразведывательной структуры нью-йоркского отделения ЦРУ Стэн Паккет, шеф гордского ФБР Брэд Остин, а также «рыцари плаща и кинжала» рангом помельче.

Таким образом, вообще неустановленными оставались личности ещё двух человек. Один из них условно значился под именем Барабары Рэдклиф (умная рысья мордочка шапки ни разу не мелькнула на фоне отслеживаемых объектов). В отношении второго неизвестного Пробой не исключал, что к захвату Капличного тот привлекался по ситуации,

в разовом порядке, из-за чего в поле зрения больше и не попадал.

Самое пристальное внимание Пробой сосредоточил на отработке личностей Стэна Паккета и Брэда Остина. Слежка за ними помимо профессионального интереса доставила российскому резиденту также и моральное удовлетворение: обычно другие находились «под колпаком» у главных городских ищеек, а тут они сами были взяты «на прицел». И неусыпное бдение вскоре принесло любопытные плоды познания.

Через полгода наблюдений Паккет впервые был замечен в обществе с необычным субъектом. Объектив сканера зафиксировал странного фигуранта на выходе из шпионского особняка. Диковинность заключалась в том, что фигурант не имел внешности! Вернее, внешность-то он наверняка имел, но вследствие непонятого эффекта силуэт его фигуры и черты физиономии на электронном носителе оказались полностью размытыми – даже «навороченный» суперсканер не помог. То бишь, янки тоже не только штаны протирали. Оставшись «с носом», Пробой был уязвлен до глубины души.

Ан нет худа без добра. Ничто так прозрачно не указывало разведчику на то, что он выследил птицу высокого полёта, как «эффект дематериализации». Стало ясно, что преодоление данного феномена позволит раскрыть тайну охраняемой персоны. И тогда Пробой применил техническую новинку.

В ходе второго визита «мистера Икс без лица» в него был произведён выстрел из ружья. Нет, отнюдь не из классической берданки колхозным сторожем. По команде сканера залп был произведён из кваркового ружья сверхмалыми физическими частицами. Так на инкогнито «поставили метку». И отныне, куда бы он ни следовал, он всегда пребывал под контролем Пробоя.

Слежка помогла. Вскоре прояснилось, что под «размытой личиной» скрывался Александер Дик. Следование по его пятам вывело российского разведчика на сверхсекретную клинику ЦРУ, дислоцирующуюся в пригородах Лос-Анжелеса. Возглавлял её доктор Герберт Вольф, а одной из его ближайших сподвижниц являлась...небезызвестная уже рыжая «социологиня», числившаяся в оперативной разработке в качестве Барбары Рэдклиф. Подлинное её имя звучало как Дороти Хэмилл.

Определить профиль деятельности данной клиники-лаборатории не составило труда, ибо КГБ интересовалась ею задолго до провала Капличного. Доктор Вольф совместно с подручными специализировался на медико-психологической проблематике клонирования человека и управления его сознанием. Иначе говоря, шеф медицинского учреждения не ограничивался продуцированием биологической матрицы социального существа. Ему мало было подражания ма-тушке-природе. Его приземлённая и отнюдь не поражающая свежестью идея выражалась в выведении породы мыслящего

скота, поведение которого жёстко детерминировалось установками их творца.

Так Пробой установил круг лиц, причастных к изуверским опытам над Евгением Капличным. После детально спланированного и подготовленного финала, он уже был готов привести в исполнение карательный вердикт над Диком, Вольфом и Хэмилл, как вдруг из центра поступила команда: операцию «Возмездие» приостановить и ждать новых указаний.

4

В конце июня 2053 года Москва дала Пробойю новую директиву. Да такую директиву, что резидент ахнул!...

Центру легко давать указания: в кратчайшие сроки операцию «Возмездие» в отношении доктора-садиста Вольфа, проходившего как Экзекутор, трансформировать в акцию «Трансфер». А каково Пробойю? Тем паче, что Вольф, словно заметив сгущавшиеся над ним тучи, стал шараться от собственной тени.

И, тем не менее, приказ есть приказ. Его не обсуждают, его выполняют. Разведчик маялся над заданием денно и ночью, осмысливая и переосмысливая известную ему информацию о Вольфе, прежде чем доложил о способе реализации плана «Трансфер» руководству. Столица покочевряжилась, покочевряжилась, но, за неимением лучшего, за-

тею, отдававшую душком прожектёрства, санкционировала. Уж слишком, поначалу, закостеневших практиков-догматиков КГБ шокировала беспрецедентная и залихватская идея молодого да раннего сотрудника.

Итак, план «Трансфер» вступил в действие, и Пробой деятельно стал готовиться к летнему отпуску заодно с доктором-садистом, который тот по традиции собирался провести во Флориде. В третьей декаде июня Вольф авиарейсом № 7221 отбыл на самую южную оконечность материковой части США. Туда же, в Майами, но рейсом самолёта 7219, то есть двумя часами ранее, прилетел его негласный соглядатай.

Прибыв на курорт, эскулап разместился в закрытом элитном санатории американских спецслужб, привольно раскинувшись на самом побережье Атлантического океана. Пробой как-то постеснялся, попросился к нему на постой, и устроился в недорогом и неприметном городском отеле. Впрочем, скучая по дядюшке Герберту, молодой разведчик ежедневно навещался к нему. Но, из скромности, Пробой не приближался к американскому дядьке излишне близко, а из вежливости не афишировал свою привязанность, наблюдая за ним через специальный оптический прибор. Наблюдение велось с укромной складки возвышенности, господствовавшей над прилегающей местностью.

В основном предположения российского резидента о характере отдыха доктора оправдывались, за исключением

двух моментов: тот не выезжал в город и отказался от традиционных занятий дайвингом, предпочитая спокойно загорать на пляже охраняемой территории. А ведь прежде Вольф слыл поклонником и подводного плавания, и не чурался посещения значных мест Майами. Чего-то испугался?

Перечисленные обстоятельства осложняли проведение акции «Трансфер», однако не делали её неисполнимой. Они только обусловили отсрочку заключительного действия на три дня.

К середине первой недели отпуска доктора его визави Пробой был готов подать команду «Отдать швартовы!» Потому в семь часов вечера установленных суток он залёг в подысканном месте в положении «начеку», зная, что дядя Герберт любит после ужина «погреть пузо». И не ошибся. В половине восьмого тот пожаловал на пляж и вальяжно развалился в шезлонге. Праздношатающихся «скунсов» вокруг него почти не было. Ближайшего из них – «в дупель пьяного» майора ЦРУ – отделяло расстояние в три десятка ярдов. Близилось время «Ч».

Пробой к этому периоду вышел из «автономного плавания». И сегодня на него работала целая команда отборных российских ребят. Нет, они не залегли вместе с ним. Они находились на океанской глубине. В разведывательной подводной лодке специального назначения. Субмарина, не имея возможности по мелководью Флоридского пролива приблизиться к «театру военных действий», легла на грунт в десяти

милях восточнее пляжа. В девятнадцать тридцать от неё отделилась десантная подлодка, которая в данный миг застыла в двухстах метрах от берега, скрытая толщей воды.

Пробой подал условный электронный сигнал экипажу десантников. Для них Пробой играл роль ориентира, относительно которого безошибочно вычислялась «точка залегания» Вольфа. В принципе, доктора за день до того поместили из кваркового ружья, но в ответственном деле продублировать координаты «объекта атаки» не мешало.

Получив сигнал от Пробоя, командир десанта мгновенно перепроверил расчётные данные по компьютеру и нажал кнопку пуска гравитационно-вакуумной установки «Вант-3». Параллельно от этого импульса сдетонировали заряды, заложенные накануне Пробоем в кустарнике в полумиле от особо охраняемой санаторной зоны. Последовательно раздавалась череда взрывов, носивших отвлекающий характер. На них среагировала охрана санатория и те отдыхающие «скунсы», что находились в состоянии вменяемости. Потому никто и не заметил, что над морем молниеносно возникла едва видимая дуга, один конец которой опирался о приёмную камеру подлодки, а второй опустился к шезлонгу, в котором возлежал сибарит дядюшка Герберт.

Краткий миг змеиного шипения, и доктор, втянутый вакуумной струёй, вознёсся над акваторией залива подобно обожравшемуся варенья Карлсону. Мгновение телепортации, и дебелую тушу Вольфа мягко всосала приёмная камера вме-

сте с плавками и мокасинами. Расчёт командира десанта оказался настолько корректным, что на пляже от садиста осталась лишь лежак с полотенцем и гадкими выделениями его тела.

– Ёпть! – удивлённо выпалил «в дупель пьяный» майор ЦРУ, однажды в порядке обмена опытом проходивший стажировку в КГБ. Он увидел, что произошло нечто фантастическое, но так до конца и не осознал сути происшествия.

Майор, кряхтя, поднялся, неверной походкой доплёлся до вольфовского шезлонга, обзрел его, заглянул под него и, после тяжкого раздумья, повторил по-русски: «Ёпть! Что за фигня, господа офицеры!» Он вознамерился, было, обследовать остальные лежаки, но уже на третьем по счёту свалился наземь, забывшись в тяжёлом хмельном сне.

5

От Флориды до России путь неблизкий, тем более, если большая часть его пролегает океанскими глубинами. Тем не менее, по прошествии двух суток разведывательная субмарина на термоядерном ходу пришвартовалась в бухте Североморска, откуда Вольфа специальным самолётом доставили в Москву.

Перед Лубянкой Вольф и не думал запираяться и изображать из себя героя. У тех, кто способен издеваться над людьми, – мелкая душонка и полное отсутствие идеалов. К тому же, дядюшка Герберт отчётливее, чем кто-либо другой,

представлял те степени устрашения, что могли быть применены к нему. Потому он не просто сдался на милость победителя, а упреждающе вывернулся перед ним наизнанку. Уже в самолёте он попросил гаджет и скрупулёзно принялся излагать всё, что могло представлять хоть какую-то ценность для чекистов и повышало шансы Вольфа-Экзекутора на продление его животного существования.

В виду изложенных обстоятельств логически объяснимо, что встреча Вольфа с Грининым и Топтыжным протекала по несколько нетрадиционному сценарию. Как обычно велась оперативная видеозапись. Как обычно, была установлена личность врага (в том числе и то, что Герберт Вольф и Генрих Волков – одно лицо). А вот далее два полковника не приступили по заведённому порядку непосредственно к допросу, а погрузились в чтение своеобразной явки с повинной, изложенной доктором на двух десятках электронных листов.

Сухой и угодливый отчёт-раскаяние Экзекутора представлял интерес от начальной до конечной строки. В нём доктор, в частности, раскрывал специфику деятельности его клиники, выдавал известный ему шпионский контингент, упоминал о применении изобретений Георгия Листратова, подчёркивал, что работал под непосредственным руководством и по заданиям Александра Дика, а в завершение выражал готовность сотрудничать с российской стороной. Не выпали из его отчёта и Евгений Капличный с Дороти

Хэмилл.

Вместе с тем, российских офицеров особо впечатлили два абзаца, содержащих не просто оперативную, а «горячую» информацию, требовавшую неотложных, экстренных мер реагирования. В первом из них раскрывалось намерение ЦРУ совместить диверсию на объекте «Ост» с физическим устранением лидера оппозиции Павлова. Во втором абзаце речь шла о том, что если по первой схеме действий случится фиаско, то Павлов устраняется по второму варианту.

Ознакомившись с этими двумя абзацами, Иван Сергеевич прервал чтение, ощутив, что по спине у него пробежал холодок.

– Что подразумевается под объектом «Ост»? – уточнил он у Вольфа, уже предвосхищая ответ.

– ...Об...объект «Ост»? – от неожиданности вздрогнул тот, ибо успел «выбыть из контекста» в процессе долгой паузы безмолвия. – Это... Это русский реактор на Новой Земле.

– Время совершения акции?

– Время?... Ближайшие дни. При этом я исхожу из того, что кукол я передал Дику в начале июня. Конкретнее просто не знаю.

– Способ совмещения диверсии с ликвидацией Павлова?

– Не сведущ. Право, не сведущ, – сожалеющее признался Экзекутор. – Дик о том не проронил ни слова.

– Что такое «куклы»?

– Куклы? Это клоны, которых мы продуцируем в клинике.

Топтыжный подал знак Гринину, что ему необходимо выйти, чтобы отдать срочные распоряжения в связи с показаниями доктора. Его коллега понимающе склонил голову.

– Каким образом намечено использовать кукол? – продолжил устный допрос Гринин, когда за Топтыжным закрылась дверь.

– Испо-о-льзовать... – протянул Вольф, собираясь с мыслями. – Клонированием я занимаюсь более тридцати лет. И, что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло: на некоторых опытных образцах по молодости я допустил просчёты по части метаболизма, то бишь процесса обмена веществ в организме. Промашка и открыла мне закономерности ускоренного биологического созревания кукол...

Информатор прервался, давая возможность присесть Ивану Сергеевичу, вернувшемуся в кабинет.

– ...Так вот, сейчас я способен вырастить клона до фазы взрослого человека за три-четыре года, – продолжил Экзектор. – Естественно, зрелым он выглядит чисто внешне. Социальное и интеллектуальное развитие его соответствует восьми-десятилетнему ребёнку. Но и такой монстр вполне может функционировать, положим, в качестве тупого солдата-штурмовика, истребителя террористов и так далее. А равным образом такие марионетки сгодятся для роли интуриста, впервые выехавшего за рубеж и владеющего тремя-четырьмя фразами из русского лексикона. На этом, собствен-

но, и построен замысел диверсии. Куклы придут под видом английских туристов с подлинными британскими паспортами. Сразу оговорюсь, что я не в курсе реквизитов документов и прочей...м-м-м...атрибутики.

– Однако у них должен быть кто-то типа командира, – предположил Гринин.

– Да, безусловно.

– И что, он тоже клон?

– Нет, человек.

– А кто конкретно?

– К сожалению, в такие детали меня не посвятили. Известно лишь, что этот человек способен управлять действиями клонов как вербально – при непосредственном контакте, так и посредством электронной связи. Клоны же с ним обратной связи не имеют и не знают в лицо. Иначе говоря, не могут назвать его по имени, инициировать контакт с ним.

– Этот резидент, что называется, и есть подлинный господин Ликвидатор.

– Да, можно и так назвать – Ликвидатор, – согласился американец.

– Зато вы не можете не знать идентифицирующих признаков

клонов, раз вы их...кгм...выращивали, – несколько возбуждённо включился в разговор Иван Сергеевич по той причине, что диверсия могла быть совершена с минуты на минуту. – Их позывные, возраст,

как выглядят... Вы не можете не знать, сколько их...

– Разумеется, разумеется, – постарался умиротворить его доктор. – Я всё скажу. Теперь это и в моих... интересах. Итак, три клона. Их имена: э-э-э... Билл Кроуфорд, Стэнли Боббик, Дуайт Уоттл. На вид – двадцати пяти – тридцати лет. Все в пределах среднего роста и обычного телосложения. Как вы сами понимаете, мы постарались, чтобы особых примет они не имели. Типичные белые американцы.

– Могут им изменить внешность? Или могут они сами изменить её, надев плацентарные маски и тому подобное?

– Кхе-кхе... Не исключено, но маловероятно.

– Почему?

– Мимика на их лицах и без того слабая, и потому маски, даже высококачественные, будут выдавать их.

– Хорошо, ну не голыми же руками они будут совершать диверсию? – не отставал от него Иван Сергеевич.

– О! Едва не упустил! Клоны начинены специальной расплавленной взрывчаткой, которую не обнаружит ни один детектор. Взрывчатка очень мощная. Она имплантирована им в голени, бедра, ягодицы. Решение на самоподрыв ситуативно они способны принять сами, команду на подрыв им может отдать также этот...

– Ликвидатор?

– Да, Ликвидатор.

– Назовите наиболее безопасный и эффективный способ их нейтрализации.

– М-м-м... Если они будут работать в связке, то уничтожить их можно, только синхронно подорвав где-нибудь в... в безлюдном месте. Даже одновременные выстрелы в их головы, не исключают детонации. За вычетом того варианта, что повреждения локально снесут им мозг, но не затронут место взрывчаткой. Оптимальный же способ – отключение мозга клонов по единой команде. Или захват Ликвидатора...

Чекисты помолчали, переваривая полученные сведения. Затем

задали ещё несколько уточняющих вопросов. Уже напоследок, глядя на доктора в упор, Топтыжный прижал его «к стенке»:

– В показаниях вы вскользь упоминаете про Капличного. Какие

методы обработки вы к нему применяли?

– На стадии привлечения Дороти Хэмилл, мы обрабатывали его аппаратами Листратова, которые ЦРУ адаптировало под свои задачи. После фиаско в гостинице «Тихая гавань» пытались использовать традиционные для спецслужб физические и психические способы воздействия... Бессмысленно – Капличный не выходил из ступора.

– Иначе говоря, вам не удалось выбить из него нужные данные?

– Да. Ваш разведчик оставил нас без эксклюзива, – не без смущения сознался Вольф. – Как профессионал я проанализировал причину фиаско. Она не в несовершенстве ме-

тодов или аппаратуры. Она в том, что любой гипноз, любой препарат, любая техника воздействуют разлагающе на психику тогда, когда в подопытном опережающим образом разбудили хотя бы минимум расположения к гипнотизёру или сочувствия к самому себе. К тому, что тебе будет больно, что вот-вот тебе вышибут единственный уцелевший глаз, что ты никогда уже не встретишься с родными...И тому подобное. На этой основе и расшатывается воля, расширяется брешь самосохранения. А наши тупые живодёры ещё в отеле убили в Капличном...м-м-м...ту питательную среду эгоизма, что взрастила в нём Дороти Хэмилл. Капличный изначально сжался в комок нервов и замкнулся, отторгая любые попытки выйти на контакт с ним. При таком настрое даже ударный медикаментозный цикл, что мы применили в итоге к нему по настоянию Дика, – бессилён. От сверхдозы Капличный просто впал в вегетативное состояние.

– И завершающий на сегодня вопрос, Волков, – положил палец на кнопку вызова конвоиров Иван Сергеевич. – По имеющимся у нас данным вы были исполнителем заказа Льва Лонского по клонированию специальной породы собак и ребёнка?

– Эхма...Так оно. Дела давно минувших дней, преданье старины глубокой...По заказу Лонского я действительно клонировал породу собак-убийц, а из генетического материала погибшей...э-э-э... Марины...Фамилию запомнил... Вывел девочку. И сразу вынужден вас огорчить: всё это сей-

час – на словах. Доказательства причастности к тому Лонского уже вряд ли существуют.

– Ваш старинный приятель Артур Артурович также к этому причастен?

– Олби? Да, мы работали с ним на пару.

6

Джон Маккой в специальном кабинете посольства США проводил заключительный инструктаж с Александером Диком перед обратным вылетом. Официальная часть визита была исчерпана, но для полной готовности к встрече в верхах по противодействию терроризму оставалось проделать некоторую техническую работу. Вот эта рутинная дипломатическая деятельность и составляла легальное прикрытие для Дика, остающегося в России.

– Напоследок, или, как говорят русские, «на посошок» проанализируем алгоритм дальнейших действий, – сказал Маккой резиденту.

– Да, – отозвался тот.

– Итак, Александер, акция «Своя игра».

– Акция «Своя игра»... У русских в сентябре стартует предвыборная кампания, но Лапотник фактически и парламентские каникулы использует для встреч с электоратом. Сегодня он прилетел из Сыв... из Сыв... из Сык-тыв-кара... Ну

и словечки у русских!... В Архангельск. Завтра с космодрома в Плесецке он намерен совершить турполёт на космическом аппарате «Буран-М» на Луну. Этим же рейсом летят и наши куклы. Далее, по сценарию: при возвращении с Луны – захват управления, таран и взрыв, которыми уничтожится термоядерный реактор «Гелий-3» и соседствующий монополярный коллайдер. Гибнет и сам Лапотник.

– Способ захвата управления?

– Основной – суперпроцессор, имплантированный в куклу, переподчиняет электронную программу бортового компьютера и направляет «Буран» на объект. Наши спутники создают локальные помехи в глобальной навигационной системе русских. Поскольку это свершится в течение двух-трёх минут, постольку крайне маловероятно, что экипаж корабля успеет среагировать, заблокировать внешнее воздействие и перевести судно в

пилотируемый режим. Запасной вариант – силовой захват куклами.

– Таран обеспечивает диверсию?

– Мы ещё раз уточнили: точный таран обеспечивает детонацию реактора.

– Идеологическое прикрытие диверсии?

– При выходе на финишную прямую куклы выдают в эфир от имени Павлова предсмертное заявление, что его захватили боевики Лонского и Зарукина. В итоге его соперники дискредитированы. Пока русские разберутся, что к чему –

выборы в России сорваны, дикарская держава погружается в пучину хаоса.

– Фальсификат записи голоса Лапотника надёжный?

– Как говорят русские, комар носа не подточит. Голос имитатора для человеческого уха неотличим от голоса самого Лапотника.

– Куклы в норме?

– Да, куклы функционируют в заданном алгоритме и к установленному сроку будут на месте.

– Если происходит непредвиденный срыв?

– Тогда куклы дистанционно ликвидируются Поводырем, взамен акции «Своя игра» проводится более узконаправленная акция «Плебисцит».

– Катастрофа реактора будет носить локальный характер?

– Да, мощность установок относительно небольшая, и катастрофа будет носить локальный характер. Взрывная волна в качестве поражающего фактора распространится в радиусе до 1000 километров. С учётом вечной мерзлоты на Новой Земле, существенных тектонических сдвигов, цунами и тому подобных явлений не ожидается. От термоядерного взрыва погибнут немногочисленные аборигены, спецконтингент русских учёных и чекисты. Взрывы радиоактивным заражением не грозят.

– Позиции Поводыря надёжны?

– Абсолютно. В России он давно и хорошо легализовался. Организовал секту «Северное сияние», формально выступая

рядовым членом её.

– Если русские его возьмут?

– Вряд ли он им живым дастся. Ведь его предки были репрессированы русскими спецслужбами как члены секты «Свидетели конца света». Потому он их люто ненавидит.

– Провидение да сохранит Америку! – суеверно прокричал Маккой.

Глава восьмая

1

Чекисты и до захвата доктора Вольфа располагали планом предвыборной кампании блоком «Павлов – Рокецкий». Впрочем, под негласный контроль попали и иные кандидаты – интересы государственной безопасности требовали. Благодаря этим упреждающим мерам Топтыжный заранее проанализировал маршрут Павлова. И, по всей видимости, Иван Сергеевич нащупал искомый пункт в поездке спикера.

Под воздействием железных логических выкладок полковника и в руководстве КГБ также возобладало мнение, что таковым является Архангельская область. Кстати, и родом Павлов был из Архангельска. Там же некогда начиналась его профессиональная карьера.

Вчера председатель парламента прилетел туда из Сыктывкара. Текущим днём он провёл рабочее совещание с руководством региона, несколько встреч с населением. Затем

Павлов планировал совершить пропагандистский туристический полёт на Луну с гражданского космодрома в Плесецке. Плесецк территориально близок к острову Новая Земля, а значит и к термоядерной станции «Гелий-3». Космический корабль вполне приемлем для применения в качестве гигантского снаряда. Если его захватят пресловутые «куклы», то гипотетический удар по целям стратегического значения вполне трансформировался в реальную опасность.

И органы госбезопасности запустили механизм экстренной проверки информации Эскутора. Данные о «куклах» подзапустили: номинальные граждане Великобритании Билли Ф. Кроуфорд, Стэнли Б. Боббик и Дуайт Н. Уоттл к тому времени уже прибыли в Россию под видом туристов. Пройдя таможенный и паспортный контроль, они поселились в гостинице «Москва», откуда бесследно растворились. Согласно ваучерам они прибыли в Россию с целью экскурсионного космического полёта. Да вот только в предписанном отеле Архангельска «куклы» до их пор не зарегистрировались.

Поиску диверсантов способствовали голограммы их лиц, полученные при прохождении пограничного контроля. Потому изображения Кроуфорда, Боббика и Уоттла немедленно разослали по компетентным инстанциям, а также выставили секретные круглосуточные посты во всех отелях Архангельска, а равно на военном и гражданском космодромах в Плесецке.

Запоздалая реакция не дала немедленной отдачи в обна-

ружении марионеток. Риск от их безнадзорности многократно возрастал и потому, что ЦРУ, наверняка, уже хватилось доктора Вольфа. Потому «сунсы» могли скорректировать алгоритм действий «кукол», и без того не ясный российской стороне.

Мало того, корифеи федеральной спецслужбы лишь в наиболее общих чертах выработали рекомендации для особой группы чекистов относительно действий, при появлении на горизонте необычных террористов. Опыт работы с ними отсутствовал, а решающее значение могли иметь те конкретные обстоятельства на месте, кои нельзя было предугадать. Исходя из этого, руководство КГБ и наделило всей полнотой прав, а, значит, возложило и всю полноту ответственности, на оперативного командующего операцией – полковника Топтыжного. Иван Сергеевич посредством спецсвязи тотчас организовал выполнение неотложных розыскных и профилактических мероприятий в Архангельске, а сам вылетел туда на самолёте Крутова.

2

В аэропорту Архангельска полковника встретил его заместитель – майор Евгений Говоров, прибывший на север тремя часами ранее. Он и «обрадовал» начальника: – Есть важные новости, Иван Сергеевич, – сказал Говоров, когда они сели в автомобиль, следующий в ведомственную гостиницу.

– Говори.

– Наши сообщили из Плесецка: два билета на дневной космический рейс перебронированы на Стэнли Боббика и Дуайта Уотгла. Они поменялись с другими туристами. Кстати, тем же рейсом летит Павлов.

– Так-так. Дневной рейс во сколько?

– В двенадцать.

– Нам места забронированы?

– Да. Одно в кабине пилотов, второе – в пассажирском салоне.

– Погоди, погоди... А где же третий клон? Этот, дай бог памяти... Кроуфорд?

– Тот пока ничем себя не проявил.

– Плохо. Ну, а Ликвидатор?

– Иван Сергеевич, он не Ликвидатор, а космическая чёрная дыра – невидим и неслышим.

– Очень плохо! Беспокоит меня то, что этот карабас барабас и Кроуфорд засели в засаде, из которой могут появиться в последний момент. Н-да... Дальше?

– Мало того, Иван Сергеевич... Дуайт час назад тоже оторвался от наружки.

– Что за бардак?! Найти!

– Ищем. Отрабатываем вариант их прибытия на взятых напрокат автомобилях.

– А Стэнли?

– Этого мы плотно мониторим. Сейчас он обретаётся в

Архангельске, в гостинице «Холмогоры».

– Обложили его?

– Да, на полную катушку. В том числе круговой электронный зондаж.

– Что наш источник из окружения Павлова?

– Кроме времени вылета пока никаких подробностей, заслуживающих внимания, не сообщал.

До вечера дня текущего комитетчики и опытные оперативники

из правоохранительных органов, подключённые к розыску в приемлемых пределах, втихую прошерстили остальные отели и прочие легальные и нелегальные пристанища Плесецка и Архангельска, где могли затаиться Кроуфорд и Уоттл. Розыскные мероприятия положительных результатов не принесли. Неутешительный итог заключался и в том, что по-прежнему отсутствовали какие-либо выходы на кукловода.

К полуночи Иван Сергеевич примирился с поговоркой о том, что утро вечера мудренее. Он оставил в состоянии боеготовности дежурные службы и специальные сторожевые посты, а остальных оставил на оперативной связи до семи ноль-ноль местного времени. На девять часов утра полковник назначил заседание оперативного штаба в аэропорту космодрома.

Часы пробили полночь, но Топтыжный не ложился спать – не до того было. В номере гостиницы он ещё раз подверг мысленной ревизии задумки дня грядущего, отыскивая уязвимые участки. Сбивая служебную горячку, он включил голограф – и очень удачно: по областному телевидению транслировали запись дневного интервью, которое местный тележурналист Леонид Заказной взял у спикера парламента.

С Павловым полковник даже заочно был слабо знаком. А уж о его политической платформе и вообще, что называется, был наслышан где-то и как-то. Человеческим и профессиональным недостатком чекиста являлось то, что он, будучи асом оперативной работы, не особо разбирался в хитросплетениях политических течений. В обиходе Иван Сергеевич довольствовался тем, что держался за незыблемые моральные принципы, которые ему заменяли компас при определении «азимута жизни». Тем уместнее сейчас показалась ему такая вот форма общения с человеком, судьба которого в значительной мере зависела от него, от Топтыжного.

Чекист откупорил банку с соком, присел на диван и добросовестно постарался вникнуть в ход экранного диалога.

– ...Вениамин Павлович, северное лето короче оленьего хвоста, – с характерным оканьем и говором, заменяющим произношение шипящих звуков более твёрдыми (отчего слово «хвост» у него звучало как «квост»), говорил Заказной. – Июнь у нас выдался колодным. А вы, перед при-

ездом к нам, встречались с аркангелогородцами налегке. Не замёрзли?

– Душевная теплота северян согревает, – улыбнулся тот. – Ведь бывает так, что на улице зной, а в душе у нас – стужа. И всё: замерзает человек, несмотря на солнечное пекло. И, наоборот, на дворе зима, а нам – хоть бы хны. Отчего так? Да оттого, что рядом любимые и добрые люди, единомышленники.

– По-о-нятно, – протяжно «окнул» тележурналист. – Выходит, Север вас встретил как родного?

– Очень точно подмечено, как родного, – благодарно взглянул на собеседника председатель Государственной Думы. – Ваш покорный слуга родом из простой трудовой семьи, и для меня, в известной степени, родина везде, где доминируют люди труда.

– Из-за этого и ваше детище называется Трудовой партией? – уточнил его собеседник.

– В известной степени, – согласился Вениамин Павлович. – Ведь, по большому счёту, всё сущее на Земле создано или природой-матушкой, или человеческим трудом. А в суровых климатических условиях, где стихия к нам не шибко благоволит, значение трудового фактора возрастает. Отсюда общесоциологическая закономерность: развитие общества, пускай и противоречиво, но движется той стезёй, на которой начертано «Кто лучше работает, тот лучше живёт». И несмотря на обоснованную критику капитализма, который

постепенно сходит с исторической арены, я признаю: буржуа работает лучше рабовладельца или феодала, а современный наёмный работник – лучше раба или крепостного. Вы не замечали? – обратился он к Заказному.

– Скоду и не скажу, – растерялся тот.

– А это так, – настаивал Павлов. – И антагонизм между эксплуататором и эксплуатируемым в значительной мере снимается в высокотехнологичном обществе, где в основном удовлетворены базовые потребности человека, а потому на первый план выходят духовные запросы. Ныне, когда мы, попростому говоря, заткнули пасть своей утробе, общественное признание и нужность людям становится главной ценностью. Людей с такими установками я, заимствуя терминологию у академика Кузовлёва, называю

космочелами. Чувствуете смену приоритетов?

– Чувствую, но не уверен, – признался сотрудник телевидения. – То есть, деньги уже не идол?

– Именно! Деньги – одно из средств выразить все лучшее в себе и быть счастливым вместе, а не вопреки остальным.

– Но как от нас – троглодитов, вдруг появятся ваши космочелы, – ёрничал ведущий. – Они что, с неба свалятся?

– Отнюдь, – улыбнулся спикер парламента. – Это не Богом избранный класс. Это наиболее сознательные представители интеллигенции, промышленных и сельскохозяйственных рабочих, среднего и малого предпринимательства. Такая психология зиждется на исконно трудовой биографии их

самих и их предков, всё заработавших своим горбом. Им ничто не перепало даром, а досталось соответственно трудовому вкладу в общее дело. Таким вот образом из поколения в поколение традиции и установки на труд, справедливость, заботу о сырых и убогих у космочелов и закрепились в виде внутреннего императива.

– И космочелов можно увидеть? – не терял иронии Заказной.

– Да! В нашей партии, – не видя темы для юмора, уже вполне серьёзно отвечал ему Павлов. – На прошлой неделе состоялся пленум партии. На нём принято решение, что в случае победы на предстоящих выборах, мы проект «Дубль-А» реализуем в форме народного предприятия. Проще говоря, деньги из бюджета на производство аэроботида трансформируются в одинаковые паи для каждого гражданина России. Причём, это будет неотчуждаемый пай.

– Что? Я тоже буду иметь свой пай? – язвительная улыбка Лёни Заказного сразу переродилась в широко разинутый просящий рот.

– И вы, – подтвердил Вениамин Павлович.

– Предположим, что вы...хе-хе...с космочелами конституционным путём завоевали власть, – сделал допущение интервьюер. – И что? Этого достаточно, чтобы вытащить Россию и весь мир, погрязший в трясине глобальных проблем современности, подобно тому, как барон Мюнкаузен сам себя выдернул за волосы из болота?

– Достаточно, – заверил его депутат. – Ибо мы обязательно

создадим союз с единомышленниками в других странах. Ведь как у космочелов единая психология вырабатывается на ниве труда и социальной справедливости, так и аналогичный блок государств уже складывается на основе действия этих же факторов. С нами солидарны те, для кого, в силу исторических и вековых народных традиций, не приемлемо процветать, наживаясь на слабых. Россия, большинство стран Средней Азии и Кавказа, Китай, Индия, Бразилия, Мексика и иные аналогичные страны – тоже носители мировоззрения нового типа. Ведь идеал международного права в том, чтобы моральные нормы общения между людьми перенести на взаимоотношения между государствами.

– И всё? – усомнился Заказной.

– Не забывайте об энергетической составляющей, – напомнил провинциалу столичный гость. – Сегодня Россия открыла поистине безграничный по мощи и неисчерпаемый по запасам источник энергии. Детали этого проекта я раскрывать не вправе. В контексте же нашего разговора важно то, что ещё пять-десять лет, и проблема энергии будет снята в принципе. Полагаю, что тогда наша партия выступит перед человечеством с инициативой о создании специального фонда для строительства каскада станций на медленных монополях. Тогда энергия в быту в пределах нормативов станет бесплатной. В первую очередь, для россиян. А для промышлен-

ных целей данный ресурс обойдётся на порядок ниже, нежели сейчас. Затраты снизятся на треть. Представляете? Но и нашим союзникам мы поможем. Именно так: не осчастливим списанием долга, не бросим подачку, а создадим условия для трудовой деятельности.

– И с вами все согласны?

– В партии – да. В России же существует мощная оппозиция,

которая уже стремится прихватизировать это достижение. Да и Гейдельбергский клуб постарается примазаться. Не забывайте, что «золотой миллиард» – не выдумка фантастов, а реальная эгоистическая сила...

Передача завершилась, а Топтыжный ещё долго не мог уснуть. Взбудоражила его концепция Павлова. В чём-то с депутатом он соглашался, что-то категорически не воспринимал. Одно было несомненным: Павлов заставлял задуматься.

«Зря он поднимает эти вопросы, – ворочался Иван Сергеевич в постели. – Не до того сейчас народу – ему бы день простоять, да ночь продержаться, а Павлов – про заоблачные дали. Не ко времени. Дорого яичко к Христову дню. Лонской хитрее. У него и агитка за нутро хватает: «Вместе победим – вместе поедим!» И он даст этот кусок. А что будет через год – самому Господу невдомёк».

И, тем не менее, теперь у полковника возникло желание уберечь политического романтика не по долгу службы, не па-

раллельно с объектом «Моно», а в силу зародившейся личной симпатии.

4

Красота, прибегая к лексикону Фаины Раневской, – страшная сила. Цейтнот же, следуя в русле избранного сравнения, – вещь ужасная. Из-за опоздания маршала Груши Наполеон проиграл Ватерлоо. Из-за дефицита времени великие шахматисты терпели поражения в заведомо выигрышных окончаниях. Из-за спешки, бывало, мужчины упускали единственный шанс, подаренный им желанными женщинами, отчего кусали локти и иные, обычно недостижимые места, до конца дней своих.

Топтыжный также убедился в этом, когда в восемь ноль-ноль готовился выйти из номера ведомственной спецгостиницы в Архангельске и убыть на космодром Плесецка. К нему постучался Евгений Говоров и почти с порога, едва-едва прикрыв за собой дверь, огорошил:

– Иван Сергеевич! Павлов летит утренним рейсом!

– Чего-о! – порвал шнурок на туфле полковник. – А дневной?

– Вот. Он переиграл...

– Кто сказал?

– Что, кто сказал? – глуповато переспросил Евгений.

– Ч-чёрт!... Кто сказал, что он переиграл? – нервничая,

зло переспросил Топтыжный.

– А-а-а... Наш источник в группе Павлова вышел на связь. Билеты уже переоформлены. Это подтвердил и начальник космодрома. Сам Павлов выехал на космодром.

– А что «куклы»?

– Места им внезапно туристы из «Британского Консульства».

– Во сколько утренний рейс?

– В десять тридцать. Дежурный вертолёт ждёт...

Майор не закончил фразу, оборванную новым стуком в дверь. В тамбур номера втиснулся начальник управления КГБ по Архангельской области Игорь Ладыгин.

– Разрешите доложить, – обратился он к столичному эмиссару. – Донесение, не терпящее отлагательства.

– Докладывайте.

– Боббик уже на подходе к космодрому, а Уоттл выезжает туда из трансгентства «Аэрокосм».

– Та-ак, спецподразделения поднять по тревоге, дежурные службы космодрома привести в состояние готовности на случай ЧП, – распорядился Топтыжный.

До космодрома оперативная группа добиралась вертолётном, весомо опережая Уоттла. По радиосвязи Топтыжный отдал распоряжение начальнику космодрома о готовности в случае особого указания придержать старт «Бурана» с туристами под каким-то благовидным предлогом. Теперь, когда

опасная развязка была отсрочена, возникла пауза для относительно спокойного анализа кризисной ситуации. В отсутствие спешки полковника и озарило небезынтересное предположение. Взглянув на Говорова, он понял, что и у того, что называется, проклюнулась аналогичная догадка.

– Никак, Женя, о чём-то хочешь спросить? – опередил он сослуживца.

– Угу, – от неожиданности, чуть приподнял брови тот.

– Давай.

– Вас не удивляет...кгм...согласованность в действиях группы Павлова и американских марионеток? Первые круто меняют планы, и вторые – шаг в шаг за ними. Удивительное совпадение.

– Для меня оно уже не удивительное.

– Вы полагаете...

– Полагаю...

– То бишь, есть танцмейстер, под дудочку которого пляшут и те, и другие?

– Абсолютно верно. А далее?

– А далее, – воодушевляясь, «по-пацански» шмыгнул носом майор, – если наш источник в команде Павлова вычислит, кто подбил спикера на утренний рейс, тот и работает на скунсов. Тот и есть крот.

– Молодец, – словесно поощрил его руководитель. – А далее?

– Пока...всё..., – смущённо признался Говоров.

– А я тебе так скажу, – вплотную наклонился к его уху Топтыжный, – что танцмейстер не кто иной, как сам Ликвидатор.

– Ликвидатор?! Да ну... На Павлова-то у него какие каналы воздействия?

– Да через того же крота, – усмехнулся Иван Сергеевич. – Вот скажи, Евгений, мы выводим из игры нашего информатора в группе Павлова?

– Н-нет.

– А почему не выводим? Ведь он же полетит в «Буране», который, предполагается, пойдёт на таран?

– Хэ! – возразил ему заместитель. – Мы же не допустим диверсии.

– Но наш-то осведомитель о том не знает.

– Н-да, – почесал затылок Евгений.

– И крот от полёта не отказался. Ведь сведений, что крысы побежали с корабля Павлова, у нас нет?

– Нет.

– Следовательно, и крот, и Павлов в равной мере про теракт не в

курсе. Крот – второстепенный фигурант, которым крутит командир кукол.

– Резонно, – согласился Говоров.

– Крот явно используется втёмную, – размеренно продолжал Топтыжный. – Скорее всего, Ликвидатор для него

– незримый начальник. Отсюда единственно верный вывод: кроту повернуть акцию со сменой билетов приказал Ликвидатор. Мотивы? Да какие угодно, но правдоподобные. К примеру, за Павловым «хвост».

– Значит..., – произнёс майор.

Диалог преваля Ладыгин, в шлемофоне выглянув из кабины пилотов.

– Разрешите доложить?

– Вальяй, – кивнул ему полковник.

– Наши спецы сообщают, что обнаружили волну, на которой держит связь агент Уоттл с Ликвидатором.

– Так.

– Сигналы зашифрованы.

– Что с дешифровкой?

– Криптографы говорят, что степень кодированности исключительно высока. Понадобится до получаса.

– Зараза! – выругался Топтыжный. – Это, несомненно, кукловод дёргает марионеток за верёвочки. Кстати, где Уоттл? – осведомился он, глядя через иллюминатор и по манёвру вертолёт определив, что машина заходит на посадку.

– Уоттл будет на космодроме минут через сорок.

5

Оперативный штаб заседал в кабинете начальника космо-

драма. Все дежурные и спецслужбы были приведены в состояние чрезвычайной готовности на случай происшествия. Вот только конкретных команд им не поступало. Не поступало потому, что руководящий орган лихорадочно искал выход из тупика. Силовики перебрали массу предложений, но все их сами же отвергли за явной негодностью.

Параллельно члены штаба заворожено взирали на голограф. На экран телеприёмника через спутниковую систему транслировалось движение с трассы «Архангельск-Плесецк-Космодром». Именно по ней мчалось такси с Дуайтом Уоттлом.

– ...если неприемлем физический захват кукол, то, давайте, поручим дорожному патрулю остановить такси, якобы, для проверки, – горячился Ладыгин. – Шофёра ведут на освидетельствование на предмет опьянения, а террориста мы подрываем к чёртовой матери! – продолжал он, бросая хищные взоры на экран. – Через полчаса будет поздно – в скоплении людей его не подорвёшь.

– Велик риск для жизни шофёра, – резонно опроверг его предложение Говоров. – И главное, после подрыва Уоттла мы опять возвращаемся на исходную: Ликвидатор и третий клон не выявлены, Боббик не обезврежен. Возможность совершения им теракта не исключена – ведь он же получит сигнал в случае ликвидации Уоттла.

– Давайте вообще отменим рейс, – проявил инициативу заместитель Ладыгина Хуртаев, сидевший поодаль от стола.

– Ну, отменим, а дальше? – возразил Говоров. – Запретить полёты навсегда? Остановить технический прогресс? А обоснование? Полумифические куклы? Представьте себе, как разорётся тот же Павлов! А какой разгорится международный скандал? Да и диверсанты по команде Ликвидатора залягут на дно.

– А если мы убьём британского подданного Уоттла, международный скандал не разгорится? – укрощая бурный темперамент, вдруг тихо-тихо проговорил Ладыгин. – Ликвидируем без единого доказательства, что он – террорист... Что он клон...

И чекисты разом замолчали, дружно повернув головы в сторону Топтыжного.

– Надо добыть доказательства, – внушительно проговорил Иван Сергеевич. – Сеанс связи между Ликвидатором и Уоттлом у нас зафиксирован. Да, пускай понадобится время на дешифровку, но результат будет. Стало быть, Уоттла можно убирать, так сказать, brutальным способом. И Боббика убирать. Синхронно с Уоттлом. Но за тем немаловажным исключением, что от Боббика следует

избавиться так, чтобы не допустить взрыва, и чтобы сохранить доказательства, что это биоробот. Значит, должны уцелеть и биопроектор в башке Боббика, и суперзаряды в теле. Сделаем это, никакая Великобритания и не пикнет.

– Легко сказать, – тише прежнего вымолвил Ладыгин, – а как исполнить?

И оперативный штаб в полном составе выжидательно уставился на своего лидера.

– Творец этих зомби говорил, что идеальный способ – остановка кукол по программе, либо отключение их мозга по единой команде, – взвешенно проговорил Иван Сергеевич, сбивая ажиотаж безмолвия. – Такая операция не в нашей власти. Посему, майор, – повернулся он к Говорову, – запасной вариант «Капитация» дополняем предложением Ладыгина о подключении к операции дорожного патруля. Действуем следующим образом...

6

Дальнейший ход событий развивался по сценарию, спланированному Топтыжным. Космических туристов, отправляющихся первым рейсом на Луну, пригласили для предполётной проверки здоровья и на мандатный контроль. И пока Стенли Боббика передоверили врачам и пограничникам, основные действия перенесли на трассу «Архангельск-Плесецк-Космодром». На ней автомобильная инспекция по команде отсекала дорожный поток, двигавшийся за такси с государственным номером «А 666/3 29 RUS», в котором восседал Дуайт Уоттл. Параллельно был приостановлен выезд встречного транспорта с территории космодрома. На контрольно-пропускной пункт, расположенный в полукилометре от аэропорта, прибыл Ладыгин, переодетый в форму ка-

питана милиции. При себе он имел миниатюрную толовую шашку, снабжённую синхронизатором.

Такси «А 666/3 29 RUS» Ладыгин встретил на подступах к КПП. Лихим взмахом легендарного полосатого жезла (словно этим всю жизнь занимался) он артистично остановил автомобиль, козырнул водителю, представился, и приступил к проверке его документов. Иностранца он будто и не заметил, тот для него будто и не существовал.

Задав таксисту несколько традиционных для ситуации вопросов, Ладыгин попросил открыть багажник. Мимолётно заглянув туда, он мастерски оставил заряд внутри. Выпрямляясь, проверяющий демонстративно втянул в себя воздух и, сморщившись, осведомился:

– Употребляли накануне?

– Кто? Я?! – искренне оскорбился шофёр, закрывая крышку багажника. – Обижаете. Миллион кэмэ безаварийного пробега!

– Воробья на мякине не проведёшь! – надменно бросил «капитан ГАИ». – Чушь чесать жене будете. Пройдёмте!

И он, непререкаемым жестом показав вперёд, с водительскими правами в руках проследовал к зданию контрольно-пропускного пункта. Недоумённо пожав плечами и вполголоса выругавшись, водитель поплёлся за ним. Уотгл бессловесным болваном остался сидеть на заднем сиденье такси.

Стенли Боббик тем временем удачно миновал докторский кабинет. Оттуда его направили на мандатный контроль. Британский подданный (если верить его документам) двигался длинным коридорным лабиринтом к указанному ему проходу один-одинёшенек: вереницу из туристов от него умело отделили. Он и вообразить не мог, что за окошечком одной из кабинок в форме пограничника его поджидает майор госбезопасности Говоров.

Евгений держал на прицеле фигуру приближающегося клона. В руках он держал ПЛГ-9б – портативный лазерный генератор (боевой). Прوماх исключался. Инфернальный взрыв унёс бы жизни и сотен туристов, и самого майора, и Топтыжного, который, страхуя подчинённого на случай оплошности, следовал в трёх десятках метрах позади террориста. Подспудные переживания Говорова за пятилетних дочерей-близняшек и жену, что могли остаться без отца и мужа, остались в прошлом.

Евгений заблаговременно унял волнение и отрешился от житейских забот. А стоило ему привычно поймать врага и мушку в прорези прицела, выстроив их в одну линию, он и вовсе забыл про всё на свете, являя собой образец бездушного снайпера. «Хорошо, Женя, – мысленно говорил он сам себе. – Аккуратная доводочка, берём точь-точь под кадык – и дурная тыква с плеч».

Офицер плавно потянул спусковой крючок – дозированный и направленный квант энергии пошёл в цель...

В первое мгновение майор ничего не понял: он решил, что случилась осечка, ибо диверсант-марионетка как вышагивал, так и продолжал вышагивать... Лишь голова его едва заметно

качнулась...

Зато тут же раздался взрыв. Нет, то не разнесло в клочья Стенли Боббика. То разнесло в клочья толовой шашкой, сработавшей синхронно с ПЛГ-9б, такси и тело Дуайта Уоттла, начиненное особой взрывчаткой. Детонация была такой силы, что в здании космодрома дрогнули стёкла.

И только затем фигура Стенли Боббика, сделавшая по инерции пару шагов, стала заваливаться на бок, а голова полетела прочь, обнажая идеально гладкий и чуть оплавленный срез на шее зомби...

Глава девятая

1

Операция по ликвидации клонов прошла без сучка и задоринки, «в штатном режиме». Из людей никто не пострадал. Космический полёт Павлова также завершился без инцидентов. Живой и невредимый, он появился в Москве, даже не предполагая, что кое-кому обязан жизнью.

По приезде в столицу спикер парламента встретился в ресторане «Миллениум» с Рокецким. По инициативе магната. Это была их первая встреча с глазу на глаз после выигры-

ша конкурса народного проекта «Дубль-А» и ухода депутатов на парламентские каникулы. Поводом для ресторанного рандеву послужила необходимость выработки тактики предстоящей предвыборной борьбы, ибо стратегические подходы у них, как будто, совпадали. Но в беседе за ресторанным столиком подтвердилась та старая истина, что чёрт кроется в деталях.

Если Павлов полагал, что успех им обеспечит конструктивная,

реалистичная и подлинно демократическая программа реформ, то толстосум добивался того, чтобы не менее сокрушительный дискредитирующий удар был нанесён по главным соперникам – по тандему Зарукин-Лонской.

– Схватка предстоит жуткая, – поглаживая ухоженные ноготки, рассуждал Вадим Юрьевич. – Исход может решить один голос. И победы нас могут лишить за счёт того, что выльют ушат помоев. А отобрать голос у них, в данном контексте, равнозначно тому, что

набрать его нам.

Мы тет-а-тет, Вениамин Павлович, – качнул он напомаженной головой, обозначая периметр ресторанной кабинки. – Говорю открытым текстом. Если вам нечего бояться, то под меня неминуемо фугас из дерьма подложат. Неясность в том, офигенно ли тот фугас рванёт? Но насколько-то он рванёт, вне всякого сомнения. И отмываться придётся. И обсыхать придётся. И чтоб мы им на любезность не ответили лю-

безностью – ну, я не знаю!

– Вадим Юрьевич, вы знаете, почему одни называют революции локомотивами истории, а другие – гробами истории? – озадачил Рокецкого Павлов. И, не дожидаясь реакции, продолжил: – Да потому, что революции задумывают романтики, совершают прагматики, а их плодами пользуются проходимцы. И наша задача – сломать сей печальный опыт! Это посильно. Но при условии, что всё делается чистыми руками...

Партнёры заспорили. И в ходе острой полемики постепенно обнаружилось, что тактика ведения борьбы – не единственное разногласие меж союзниками. Вылезло кое-что и посущественнее. Для магната категорически неприемлемыми были новые проекты Павлова о производстве аэроболотов нового поколения на базе народного предприятия, о продаже энергии населению за гроши. Что он и высказал спикеру:

– Вы зачем, Вениамин Павлович, начали всюду раздавать авансы и кидать популистские лозунги про народный бизнес? Там же, помимо казённых, и мои денежки плачены. А холявная энергетика? Да какой вульвы ради мне сдались проблемы быдла да черномазых?!

– Понимаете ли, Вадим Юрьевич, есть закономерности общественного развития..., – попытался парировать его выпавы Павлов.

– Да главные закономерности – конкуренция и глобализа-

ция! – по-дамски несдержанно прервал его Рокецкий, дрыгнув ляжкой. – Им нет альтернативы!

– Есть, – спокойно возразил ему тактический союзник. – Либерализм в экономике должен контролироваться политическим централизмом. Иначе получится война всех против всех. Иначе люди перегрызутся. Пока так и происходит: стихийной хозяйственной глобализации противостоит полнейшее отчуждение душ. Нас объединяют границы Земли, но разваливает изнутри ненависть. Мы разбегаемся по норам. Мы – атомарные индивиды, тянущие одеяло на себя. Верно говорит Кузовлёв: «Идёт вселенская толкотня локтями!»

– Да пош-щёл он на... Этот выживший из ума учёный сухарь!

– Не нравится Кузовлёв? Скажу библейскими догматами: было время разбрасывать камни, грядёт время собирать камни...

Далее магнат не слушал утописта, минута за минутой наливаясь к нему лютой ненавистью. Рокецкий вспомнил, как пару лет назад ему донесли о том, что некий Сиволапов готовит покушение на Павлова. Сиволапов – потомственный шахтёр. Он возненавидел Павлова за то, что из-за пуска термоядерной станции, вырабатывающей энергию по бросовым ценам, закрылся целый угольный бассейн. И в ту пору он, Рокецкий, имел несчастье не только предупредить о готовящемся покушении Павлова, но и помог пресечь преступный замысел. В ходе следствия Сиволапова признали невменя-

емым и поместили в закрытую психбольницу для принудительного лечения.

«Какой же я был лесбиянкой! – думал магнат, глядя на разглагольствующего спикера. – Ведь если бы Сиволапов замочил этого демагога под знаменем шахтёрского быдла, то этот выскочка сдох бы не как трибун, а как враг народа. Впрочем, ещё не поздно переиграть. Если Сиволапова выпустить... Интересная мыслишка!»

2

Топтыжный с Говоровым сидели в служебном кабинете на Лубянке и «подводили промежуточный баланс». В пассив зачислялось лишь то, что Поводырь и клон Кроуфорд пока так и оставались «вне пределов досягаемости».

Зато в актив чекисты занесли: предотвращение без каких-либо эксцессов теракта, сохранение Павлова, ликвидацию двух клонов, извлечение доказательств в виде суперпроцессора и новейших образцов взрывчатки из тела Боббика, расшифровку криптографами электронных контактов Ликвидатора с клонами. Кстати, заодно удалось декодировать и позывной Ликвидатора – Поводырь.

В позитив значилось и то, что суперпроцессор Боббика уже был пущен в работу. Потому не исключалось, что провал в Плесецке вынудит кукловода скорректировать способ связи с Билли Ф. Кроуфордом. То есть, перейти на личный

вербальный контакт. Зато принципиально видоизменить дистанционную схему управления он уже не мог. Потому, стоило Поводырю перейти на электронное руководство клоном, как их связь тотчас бы не только запеленговали, но и расшифровали.

Наконец, плюсом оказалось раскрытие крота в команде Павлова: по возвращении в Москву осведомитель, внедрённый в окружение спикера, конфиденциально донёс о том, что игру с переменной рейсов затеял начальник службы безопасности Павлова Подкользин. Экстраординарность действий Подкользин мотивировал информацией о возможном покушении на YIP-персону.

Оперативная разработка крота привела к выводу о том, что тот – «подстава» Лонского, которого олигарх «втёмную» переуступил американским спецслужбам. В переводе со сленга чекистов на обычный язык, словечко «втёмную» означало, что Лонской «отдал» Подкользина «скупсам», не ведая о целях его дальнейшего использования. Равным образом и сам Подкользин вслепую исполнял инструкции неведомого для него Поводыря. Хотя, всё вышесказанное отнюдь не исключало ответственности за сотрудничество с иностранной разведкой. Само собой, при доказанности фактов.

Подкользина органы госбезопасности немедленно не взяли по нескольким причинам. Во-первых, недавно избранному председателю Госдумы Павлову полагалась государствен-

ная охрана – силами подразделений национальной гвардии. Так что, отстранение Подкользина было делом ближайшего времени. И тогда задержание бывшего начальника охраны можно было произвести без ненужных скандалов и огласки. Во-вторых, на Подкользина собирали минимально необходимый компромат. И, в-третьих, его элементарно «пасли», выявляя связи.

Оперативная разработка Подкользина длилась всего-то три дня, но их оказалось достаточно для того, чтобы опасного фигуранта устранили те, кому он стал неугоден: в руках предателя взорвался мобильник. По собранным осколкам эксперты установили, что аппарат связи был нетипичной конструкции, неизвестного производителя и без маркировки. Такие телефоны в гражданском обороте отсутствовали.

3

Чекисты недолго горевали по поводу неудачи с Подкользиным, так как она с лихвой была компенсирована необычной корреспонденцией. Её, после серии конфиденциальных переговоров с верхушкой «традиционного криминалитета» (через начальника службы безопасности видеосалона «Сюр-Реал» Захара Громадина), Топтыжному доставил лично «вор в законе» Зуб. По гражданскому паспорту Зуб числился как Зубцов Фёдор Николаевич.

Полковник госбезопасности долго не соглашался на эту встречу по соображениям не только этического, но и сугу-

бо профессионального порядка. Ему было не по нраву, что он «засветится»: приём Зуба косвенно подтвердит сферу его служебных интересов. Было досадно, что ворьё «отмониторило» его.

Однако обстановка вынуждала. Уголовные же авторитеты, ссылаясь на исключительную важность информации, настаивали на личном контакте с «Офицером» (так перед ними Захар Громадин обозначал Топтыжного).

После ряда оперативных мероприятий, направленных на то,

чтобы сохранить в тайне сам контакт, а равно и анонимность Топтыжного, Зуба доставили на явочную квартиру. Его туда ввёл майор Говоров. «Крутой бандит» был с повязкой на глазах, в руках он держал флэш-диск. Сопровождающий снял с него повязку, пояснил Топтыжному, что накопитель электронной информации прошёл первичный контроль на безопасность, и удалился.

– Здравствуйте, Фёдор Николаевич, – сказал полковник, демонстрируя осведомлённость относительно личности доставленного. – Я – тот самый Офицер.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич, – неожиданно назвал чекиста по имени-отчеству Зубцов, дав знать, что «суки» тоже «не пальцем деланы».

– Прошу садиться, – сдержав гримасу неудовольствия, спокойно пригласил его к столу Топтыжный. – Готов вас выслушать.

– Здесь копия видеозаписи, – по плоскости стола подвинул «флэшку» в сторону собеседника Зуб. – Она вас не оставит равнодушным. Касается Лонского. Подлинник – у Пакостина, то бишь – у Змея Вована. Он хранит его в сейфе, в зиндане. Зиндан – старый ремонтный завод близ Рабочего посёлка в районе Софьино. Вован его переоборудовал под свою ставку. Если Змея повязать махом – подлинник ваш.

– Откуда он у него?

– От Дианы Лонской. Она тоже в зиндане.

– А как копией разжились вы?

– Х-хе..., – крикнул бандит. – Вас же Громадин ставил в известность, что мы, говоря по-вашему, внедрили к Вовану своего.

– Понятно, – кивнул головой полковник. – Вы что-то ещё имеете сказать?

– Вована больше раза за неделю на одном месте не застукаешь..., – приступил к пояснению Зубцов.

– Он дважды в одну воронку не попадает и непредсказуем, как пуля со смещённым центром, – улыбнулся Топтыжный.

– Да, – подтвердил авторитетный информатор. – И всё же, из правил есть исключения. Так вот, получены...как это... заслуживающие доверия сведения, что 12 июля в двадцать два часа Змей будет в зиндане и совершит...как это... ритуальное убийство заложников.

– Почему такая уверенность по времени и дате?

– Ровно двадцать лет назад Змей в тот же день и час задви-

нул первую мокруху – замочил свою бабку. У него ж сдвиг по фазе: он ритуальные убийства выдаёт каждые пять лет.

– Спасибо.

– И ещё: недавно Вован получил наличными крупную партию валюты. Через посредников. Заплатили американцы. Это аванс за то, чтобы провести серию изнасилований и грабежей в центре

Москвы в ночь с 12 на 13 июля.

– Спасибо. Ваше подтверждение кстати.

4

Вернувшись на Лубянку, Топтыжный и Говоров дополнительно обработали накопитель электронной информации на безопасность, после чего полковник вставил «флэшку» в коммутационное гнездо компьютера и приступил к манипуляциям с клавиатурой. Он «распечатал» электронный конверт, для подстраховки снял копию с электронной почты и открыл файл.

Экран компьютера засветился, зарыбил, а затем чекисты увидели Лонского, сидящего за канцелярским столом. В правом верхнем углу экрана мерцала дата – 2 июня 2053 года. Олигарх явно выжидал, чтобы некто (находящийся вне обзора объектива) покинул апартаменты. Этим инкогнито оказалась Диана, кратко мелькнувшая в видеоряде, выходя из кабинета. После её ухода Лонской распорядился по внутрен-

ней связи: «Лиза, давай Марка». Тотчас в кабинете появился двоюродный брат Лонского Марк Терлин. Судя по тому, что родственники не поздоровались, а Терлин без приглашения сел в кресло, они уже виделись в тот день и продолжили обсуждение ранее поднятой темы.

– Марк, сейчас о том, что должно остаться между нами. Я ясно излагаю? – непрерываемым тоном произнёс олигарх.

– Более чем, – послушно кивнул ему брат.

– Так вот, Марк, мне нужен этот... начальник охраны Павлова.

– Подкользин?

– Он самый.

– Лев, нужен, значит будет.

– М-м-м, причём, он нужен не мне лично, а... э-э-э... одному господину, который и станет его использовать сполна...

– А мы?

– Не перебивай, – властно приподнял ладонь Лонской.

– Да-да, Лев...

– Я же ясно сказал: использовать сполна.

– ..., – покорно склонил голову Терлин.

– Этот... Подкользин, пока он нужен, будет... м-м-м... работать там же, при Павлове, но только служить станет уже не нам, а... тому господину. Я ясно излагаю?

– Да, Лев.

– Потом, когда он выполнит свою... хым... миссию..., в его услугах не станет нуждаться ни... э-э-э... тот господин, ни

мы, – тщательно подбирал слова олигарх. – Совсем не станем нуждаться. Никогда не станем нуждаться. Я ясно излагаю?

– Более чем, Лев.

– Собственно, всё.

– Лев, один вопрос.

– Ну?

– Каким образом мы...кхе-кхе...переподчиним Подкользину тому господину?

– Э-э-это уже техника, – закрихтел Лонской, поворачиваясь в кресле и подвигая по поверхности стола аккуратно упакованный свёрточек к тому краю, возле которого расположился Терлин. – Здесь мобила со всевозможными степенями защиты и каналом связи, работающим в одну сторону. Так вот, Подкользину позвонит тот господин и скажет, что он...кхе-кхе...такой-то. Как он обзовётся, даже я не знаю. Но его воля для Подкользина – как моя. Точка. Свёрток передашь Подкользину лично. Усёк?

– Вполне.

– У тебя что-то ещё?

– Да. Когда Подкользин выполнит миссию и станет не нужен, то...

– В мобиле начинка. Что-то ещё?

– ..., – опять покорно склонил голову Терлин.

На данном кадре запись прервалась, и сослуживцы зашевелились, оценивая увиденное и услышанное.

– Твоё мнение, майор? – прервал молчание Топтыжный.

– Последнее слово за экспертизой, – раздумчиво произнёс Говоров. – Однако сдаётся мне, Иван Сергеевич, что это не фальшивка. И подлинник записи нам надобно раздобыть любой ценой.

– Инициатор записи – Диана Лонская?

– Непосредственный – да.

– Обоснуй.

– Пожалуйста. Для несанкционированной записи надобен доступ, посильный особе, приближённой к некоронованному королю. Далее, бегство Дианы от Лонского. Здесь мы имеем приблизительное совпадение этих событий с периодом, когда у скунсов возник интерес к Павлову. Запись датирована вторым июня. Ну, а то, что Лонская на днях попала к Пакостину – подтверждённый факт.

– Убедительно, – почесал кончик носа полковник. – Кстати, что у нас Листратовым?

– Есть поклёвка. Крутится разная блатата, но крючок не заглывают – боятся, что Жора подсадной. Будь моя воля, я бы форсировал операцию по захвату Пакостина. Возьмём его – возьмём и подлинник записи. При таком раскладе Лонской у нас в кармане.

– Лонского одним подлинником не охомутаешь – не тот масштаб. Процессуально важен источник, осуществивший запись, – уместным замечанием укротил наполеоновские планы подчинённого Иван Сергеевич. – Есть у суда вера Во-

вану? Да ни на грош. Диана Лонская – иной разговор. Нет, Женя, нам эта деваха нужна живой. Форсировать надо, но семь раз отмеряв. Н-да, надвигаются горячие денёчки.

5

Листратова бесила вынужденная пассивность, в ожидании малопродуктивных поисков Милены органами безопасности. Он рвался в бой. Его поминутно грызла совесть за предательство любимой и ещё не родившегося сына. И когда его устремления совпали с интересами чекистов, остро заинтересовавшихся Палачом, Георгий добился того, на чём давно настаивал – его превратили в «живца», в «подсадную утку». Так начиналась операция под кодовым названием «Браконьер».

На сей «шаг с подвохом» Топтыжный отважился далеко не без

колебаний – риска требовала «большая игра».

Глюка пристроили в одном из обустроенных и спокойных уголков Москвы, ибо там, наряду со столичной элитой, обитал и «вороватый истеблишмент». Для чужаков, ищущих контакта с Листратовым, он вполне мог представляться глубоко законспирированной личностью, опекаемой органами внутренних дел. В пользу подобного умозаключения говорило то, что Георгий проживал на оперативной квартире; он отчасти изменил внешность, отпустив длинные волосы, усы

и бородку; если и появлялся на свежем воздухе, то в малолюдное время и обязательно, несмотря на погоду, в солнцезащитных очках. И при всём при этом, за ним в ненавязчивом отдалении следовал полицейский в штатском.

Зато чужаку было невдомёк, что у Листратова сверх полицейского имелось негласное оперативное прикрытие: дом и прилегающий квартал «простреливались» со всех направлений специальной аппаратурой – передвижение Георгия бдительно отслеживали чекисты. Потому «подсадной селезень» всегда следовал согласованными с «гэбистами» маршрутами.

Несколько дней Георгий «выгуливался» подобно старичку-пенсионеру. Вскоре его условным знаком известили, что «браконьер в засаде», хотя сам Листратов даже малейших признаков посторонней слежки не обнаружил.

Зато на исходе недели, в процессе послеобеденного «променада» Глюка, произошло примечательное событие. На конечной точке прогулки Листратов по обыкновению, прежде чем повернуть назад, задержался возле развала с фруктами. С той точки он и заметил Щербатого. Да-да, того самого Щербатого, что вломился ночью в его квартиру вместе с Вованом Палачом! Бандит вышел из кафе «Одноглазый Роджер» в сопровождении молодого негра, похожего на Кинг-Конга. Они сели в такси и уехали. Эпизод произошёл столь стремительно, что Георгий даже номер машины упустил из виду.

В следующий полдень, дабы устранить колебания, Глюк повторил поход к «Одноглазому Рождеру». Там он с четверть часа покрутился на противоположной от кафе стороне улицы. Нет, Щербатый не появился, а вот Кинг-Конг не заставил себя долго ждать: вновь выйдя из «Одноглазого Рождера», негр сел на переднее сиденье подъехавшего легкового автомобиля, взявшего курс к центру города.

Тут-то и возникло видение, окончательно сбившее Георгия с толку: через стекло автомашины он увидел молодую женщину, разместившуюся на заднем сиденье. И женщина была похожа...на Милену! Или то, в самом деле, была Милена? Или ему показалось?

Остаток дня более ничем особым не ознаменовался.

Ночью Глюк спал плохо, раздраемый противоречивыми побуждениями, часть которых толкала его к отказу от правил поведения, продиктованных комитетчиками. Если бы не «фантом Милены», то он отчитался бы перед Топтыжным о новостях как полагается, а так...Уж очень Георгий опасался за жену. И эта боязнь спровоцировала Листратова на розыгрыш собственной партии.

Утром следующего дня режиссёр заказал такси, назначив стоянку близ «Одноглазого Роджера». После обеда дефилируя к кафе, Листратов воображал, как Щербатый юркнет в бандитское авто, а он, Георгий, прыгнет в такси и крикнет водителю: «Гони вон за той тачкой! Плачу по двойному та-

риффу!»

Заранее придя на место, Листратов увидел заказанное им такси, но Щербатого либо Кинг-Конга в кафе или близ кафе он не обнаружил. Нервно зевнув и отклоняясь от предписанного маршрута, Георгий перешёл в тень деревьев, чтобы не бросаться в глаза.

Метрах в пяти от него возились трое чумазных слесарей в робах, ремонтировавших что-то в теплотрассе. Один из них, высунувшись из-под земли по грудь, тянулся к разводному ключу, лежавшему на асфальте. До ключа было далековато, руки мужика не доставали до него, а вылезать ему явно не хотелось.

– Слышь, приятель, – попросил он Листратова, – будь другом, подпни, пожалуйста, ключ.

– Угу, – буркнул режиссёр, недовольный тем, что его отвлекают.

Вместе с тем, непредсказуемо вежливое обращение слесаря поневоле принудило его «не подпнуть», а подать ключ. Георгий сделал три шага, поднял ключ, и наклонился с ним к мужику. Тот вытянул руку, однако вовсе не к ключу: слесарь неожиданно крепко схватил Листратова за грудки и резко дёрнул на себя. «А-а-а!» – только и успел невразумительно завопить Георгий, полетев вниз, во вскрытый проём теплотрассы.

Приставленный к Глюку полицейский едва не подавился

пирожком (который он до того по-коровьи пережёвывал), когда увидел, что «подсадка» проваливается в технический колодец. Пока он откашливался, приходил в себя, утирая выступившие слёзы, набирал на мобильнике номер экстренного вызова, чекисты сами прибыли к месту происшествия по тревожному сигналу аппаратуры наружного слежения.

Комитетчики организовали преследование «по горячим следам», недолго, впрочем, продлившееся. Протиснувшись подземными каналами метров на тридцать, они наткнулись на брошенный труп Листратова. Похитители убили его, очевидно, придя к выводу, что «с грузом» от погони не уйти. Георгий им отчаянно сопротивлялся: его тело было покрыто многочисленными кровоподтёками и открытыми ранами, а горло было взрезано от уха до уха так, что голова едва держалась на лоскуте кожи задней поверхности шеи.

Осмотр места происшествия дал немного: оборванную шёлковую нить, с нанизанными на неё человеческими зубами. В МУРе чекистам достоверно сообщили, что это своеобразный амулет одного из «гопников» по прозвищу Щербатый.

Убийство Листратова стало прямым вызовом Вована Палача КГБ.

6

Задержание Юрия Рокотова для отработки причастности к убийству пенсионеров Асеевых продлилось три дня, по ис-

течении которых у следствия не осталось ни грана сомнений в его невиновности. Затем ещё декаду журналиста по взаимной договорённости продержали в закрытом загородном центре КГБ. За этот период следственная бригада, что можно было прогнозировать, не установила личности подлинных убийц. Фиаско закончилась и проверка информации по селигерской резиденции Рокецкого. Пока собрали минимум процессуальных оснований для проведения там обыска, Дианы Лонской уж и след простыл.

Сам Рокецкий на допросе в Следственном комитете России, проходившем в кабинете следователя по особо важным делам Берендеева в присутствии двух адвокатов, сделал большие глаза и заявил, что девушку он укрыл по ходатайству Рокотова, а также по её личной просьбе, так как она боялась за свою жизнь. «И не зря, – дополнил он. – Не будь меня, её злобный сожитель давно бы расправился с ней. И коль органы занялись выяснением инцидента, то я, пользуясь случаем, официально заявляю протест по поводу беззакония, творимого Лонским, головорезы которого совершили налёт на мои частные владения. Также вынужден официально заявить, что если что-то случится со мной, то прокуратура и комитет знают, кто меня заказал».

Рокецкий лукавил, ибо к тому моменту он уже прознал о позоре национальной гвардии во главе с Семянькиным на Селигере. Лукавил же он неспроста: олигарх номер два раздувал шумиху в средствах массовой информации с тем,

чтобы одним махом убить сразу «двух зайцев» – дискредитировать правящие круги и блок правых партий «Волюшка», а также персонально ослабить Коня Дамского и олигарха номер один.

Таковой была этюдная «расстановка на шахматной доске», когда Рокотова по программе защиты свидетелей тайно вывезли с чекистского центра на специальную дачу во Владимирскую область. Там, в относительной глухомани, он «отлёживался в берлоге».

«Впасть в спячку» не удалось. На второй день неподвижного отпуска журналист купил в посёлке пятничный выпуск «Простимолки». Развернув газету, на первой полосе он увидел сенсационный заголовок «Русская леди Ди и Первое чувство» с подзаголовком «Тридцать зэков, один Чухан и одна девушка». Анонс к статье пестрел смачными обещаниями преподнести читателям «толстушки» жареные факты из жизни сожительницы Лонского. Трясущимися руками Юрий раскрыл таблоид и на третьей полосе прочёл статью знакомого ему репортёра с «горячих точек» Игоря Глотова о «приключениях одного дня» Дианы в лесной колонии. Причём, данный материал, как явствовало из публикации, был продолжением рассказа из предыдущего номера, в котором повествовалось о житии-бытии «знойной женщины, мечты олигарха» в резиденции Рокецкого.

Ни жив ни мёртв, Рокотов свернул «Простимолку», отошёл в сторонку и, презрев предупреждения Топтыжного, по-

звонил по недавно купленному сотовому телефону Глотову. Тот прежде за приличную мзду «сливал» ему кое-какие нюансы, остававшиеся «за кадром».

– Ну! – с одышкой просипел Глотов на восьмом зуммере.

– Привет, Игорёк! Это Юра. Юра Рокотов побеспокоил тебя, – дал знать о себе журналист.

– А-а-а, Юр... Привет, – ответил тот.

– Извини, Игорёк, неотложные дела. Я же помню, что твоё служебное время дорогого стоит, – настроил репортёра на нужный лад абонент.

– А-а-а! – подобрел Глотов. – Ну, раз так, то выкладывай.

– Гарик, я о твоей статье про леди Ди.

– А чего такое?

– Ты же описание приключений и продолжить можешь?

– Ну, могу, и чего?

– Гарик, а развёрнутый приватный комментарий конкретно про Диану мне не дашь?

– Приватный? Приватный мо-ожно. Кстати, хар-роший приватный! Приватный и затратный – ведь дешёво кучеряво не бывает.

– Это я в курсе. С этим ты меня воспитал. Мы за ценой не постоим.

– Тэ-э-эк-с. Тогда с подмазкой и подруливай сегодня к... к восемнадцати ноль-ноль на старое место.

– Лады, Игорёк, лады.

Обнадёженный Рокотов отключил сотовый телефон и стал

планировать неотложную поездку в столицу, на улицу Газеты «Правда», 24, где в близлежащей забегаловке он прежде черпал эксклюзивную информацию от Глотова.

Глотов в отличие от Рокотова продолжил телефонные переговоры. Он связался с начальником службы безопасности Рокецкого Глебом Самариным.

– Здравствуйте, Глеб Егорович, – поприветствовал он его. – Это Глотов.

– Здравствуйте, Игорь, – быстро сориентировался тот. – Есть что-то интересное?

– Есть. Наш общий знакомый только что говорил со мной по тому самому вопросу.

– Так-так...

– Сегодня к восемнадцати ноль-ноль он подъедет ко мне.

– Отлично. Что ж, Игорь, действуйте в том ракурсе, что мы обговаривали. Наши обязательства мы исполним неукоснительно.

Завершив краткие переговоры с Самариным, Глотов потёр руки: за предстоящий вечер он за один присест провернёт сразу две сделки – одну выгодную, а вторую – сверхвыгодную. Прибыльную сделку ему оплатит Рокотов за сообщение предполагаемого места нахождения Дианы Лонской. Сверхприбыльную сделку оплатит империя Рокецкого за то, что он, репортёр Глотов, сдаст Рокотова, наведя того на Вована Палача.

В действительности Глотов не имел точного представления, где скрывает «гопота» Лонскую, но почему не подзаработать, коль «барыши сами так и прут»?

Начальник службы безопасности Рокецкого Глеб Самарин тоже потёр руки. Источником из правоохранительных органов он был уведомлен, где скрывается Рокотов. Но убирать журналиста непосредственно там, где прячут свидетелей, значило подставить наводчика под удар. Рокецкий и Самарин не хотели поступать столь недальновидно, ибо ценными агентами надо дорожить – они могут понадобиться. Тем паче, если речь шла о таком агенте как сотрудник следственного комитета России Геннадий Геннадьевич Затыкин.

Затыкина подловили на увлечении спортивным тотализатором. Подставили ему околоспортивного «жучка» Бадри Мингрели. И тот периодически нашёптывал «Гэ-Гэ» дельные советы, прогнозы, а то и запрограммированные результаты договорных матчей. Стоило Мингрели втереться в доверие, как он подсказал следователю, что в очередном туре будет два сенсационных результата, и если на них сыграть, то ставка отыграется в соотношении 1 к 15. Затыкин клюнул на провокацию, а так как хотелось урвать большой куш, то он занял солидную сумму у Бадри. Увы, сенсации не произошло, а Геннадий «попал» на такую сумму долга, что расплачиваться за неё ему пришлось служебной независимостью.

И нынче очень кстати «сыграл» запасной вариант с репор-

тёром Глотовым. Теперь без затруднений можно было отследить Рокотова от места выезда до пункта, куда его направит репортёр «Простимолки».

7

Рокотов «отстегнул» Глотову причитающееся, тиснул «простимольцу» длань, и на автомобиле, взятом напрокат, отправился на западную окраину столицы. Он ехал в Звенигород, где Вован Палач, согласно данным Глотова, держал Диану Лонскую. Юрий вовсе не собирался лезть в самую петлю Змея. Нет, он хотел издали «провести рекогносцировку», а уж затем довести проверенный адрес до Топтыжного.

По пятам за автомобилем Рокотова тенью следовал «Мерседес» Глеба Самарина. Убедившись в том, что отступник едет туда, куда нужно, подручный Рокецкого связался по телефону с одним из авторитетов «гопоты» – с Паразитологом.

– Ну, и чё? – без предисловий спросил Паразитолог, когда на дисплее его «мобильника» высветилась надпись, касавшаяся звонившего: «Номер зашифрован».

– Паразитолог, к вам едет ревизор, – ехидно огорошил того Самарин. – Журналаго Рокотов. Тот, из-за которого сгинул ваш отморозок Бивень. Трасса «Москва – Можайск». Автомобиль «Тойота», госномер АА 2424 АА. Встречайте гостя дорогого, а то вдругорядь он в натуре прокурора к вам в хату привезёт.

И Самарин отключил аппарат связи.

Паразитолог над полученным сигналом недолго раздумывал – благо, проверка не требовала ума палаты. Паразитолога потому и прозвали Паразитологом, что он врагов «гопоты» изничтожал, словно вшей и блох. Вот и сейчас его вердикт был лаконичен: «Мочить козла!»

На подъезде к змеиному гнездовищу Рокотовым овладело беспокойство. И он, для подстраховки, отправил на сотовый телефон Топтыжного «эсэмэску» с координатами своей вылазки. Затем Юрий «мобильник» отключил, дабы тот не затрезвонил в критический момент.

Пока журналист набирал текст электронного сообщения, двигаясь на пониженной скорости, его обогнал какой-то мужик на ржавом драндулете. В машине со страшной силой гремела музыка. Она лилась из рупора, выставленного на крышу легковушки. Какофонические звуки Юрия оглушили, поскольку динамик был направлен прямо на него.

Рокотов поморщился, и попытался обогнать «Запорожец», но не тут-то было: зловердный мужик тоже увеличил скорость и не поддавался на протяжении пары километров загородной дороги. Потом захудалая легковушка стала сдавать. Юрий на своём авто уже завершил обгон, как вдруг ему стало дурно. Резко стало дурно. Настолько дурно, что он едва успел поставить рычаг переключения передач на «нейтраль», прижать машину к обочине и затормозить.

Рокотову было невдомёк, что под видом рупора был за-

маскирован мощнейший радиоизотопный излучатель. Направленный поток частиц за несколько минут превратил Юрия в мертвеца. Когда по вызову автомобильной инспекции на место происшествия прибыла оперативно-следственная группа, облучённые мягкие ткани от лицевого скелета журналиста отслаивались широкими полосами.

Глава десятая

1

Место предполагаемого террористического акта Иван Сергеевич вычислил заранее – Васильевский спуск, располагающийся за Красной площадью. Там на июль были запланированы публичные дебаты между премьер-министром Зарукиным и спикером Павловым. Они должны были «сойтись в клинче» при огромном стечении народа. И чекист не сомневался, что Дик и Поводырь именно здесь попытаются взять реванш за «капитацию в Плесецке». И именно здесь «всплывёт» Билли Ф. Кроуфорд.

Топтыжный в экстренном режиме подал специальную аналитическую записку генералу Столповскому, а тот препроводил её со своим резюме председателю КГБ Крутову. На следующий день Столповский вызвал к себе полковника, пригласил присесть и озадачил:

– Ты же не мальчик, Иван Сергеевич, и знаешь, что в нашей стране инициатива наказуема: хуже дурака – дурак с

инициативой. Га-га-га!... Шучу. Проще говоря, шеф довёл информацию до высшего политического руководства. Она принята к сведению. «Шоу в верхах» не отменяется – поздно. Народ уже сориентирован, да и Павлов с Зарукиным на попятную не идут. Посему поручено обеспечить безопасность мероприятия. Так что, к вечеру будь добр, Иван Сергеевич, представить план мероприятий...

– Но Герман Альфредович..., – пробовал протестовать подчинённый.

– Это приказ, полковник! – повысил голос Столповский. – А приказы, как известно, не обсуждаются, а выполняются. Ясно вам?

– Так точно! – раздосадовано и не без аффектации встал «во фрунт» Топтыжный.

– Ну что ты, полковник, – скривился начальник управления. – Садись. В твоём возрасте пора бы избавиться от позёрства.

– Так вы же слова не даёте сказать.

– Сейчас я закончу, и ты скажешь. Так вот, обычные меры общественной безопасности – за полицией. Мы же обязаны обеспечить особенные и совершенно секретные мероприятия. Помимо служб конторы под наше начало будут переданы спецподразделения министерства обороны, МВД, МЧС и любые иные, какие мы сочтём нужным. В этом ограничений нет. Главное, продумать систему субординации и координации. А ты в таких делах не новичок. Теперь, давай, что

у тебя?

– У меня предложение радикальное: отменить всю эту трепотню – и дело с концом!

– Трепотню?! – щёлкнул вставными челюстями верный кремлёвский служака. – Ты, полковник, выбирай выражения! Это во-первых...

– А во-вторых? – озлился на верноподданнического чинушу оперативник.

– А во-вторых, безопасность премьер-министра уже обеспечена.

– Какими такими мерами?

– Вот это уже не твоего ума дело.

– Ну, хорошо, премьер-министр, а Павлов, а люди?

– Ты, полковник, не за людей отвечаешь, а за то, чтобы обезвредить чёртового Кроуфорда. Понял?

– Понял, – скрипнул зубами Топтыжный, подавляя неприязнь, и попытался по-доброму переубедить начальника. – Дебаты завтра вечером, и как раз на завтра на двадцать один пятьдесят уже спланирована операция по захвату Пакостина и ликвидации его банды нашим подразделением совместно с группой «Стяг». Подготовку и руководство ею, я замкнул на себя...

– А Говоров?

– Говоров? Говоров, конечно, вместе со мной готовил её...

– Вот майору и поручишь захват Пакостина и ликвидацию

банды. Тем паче, что командир группы «Стяг» Туманов, сам знаешь, собаку в таких вещах съел. Что могу обещать – никаких лимитов по кадрам и в материально-техническом сопровождении не будет. Ясно?

– Так точно, – склонил голову Топтыжный.

Выйдя из кабинета Столповского, полковник удручённо вздохнул: опять откладывалось примирение с соседом по подъезду, с которым сын Ивана Сергеевича повздорил ещё в середине июня; опять он не успевает достать импортное лекарство для больной жены...

2

Судный день настал. До начала дебатов между премьер-министром и спикером парламента Топтыжный проинструктировал Говорова с Тумановым и отправил их с группой спецназа на ликвидацию банды Пакостина. Сам же он произвёл четвёртый за последние сутки личный обход Красной площади и прилегающей к ней местности, проверяя расстановку постов.

Вечернее небо было почти безоблачным – то поработали метеослужба, силы ПВО и авиация, рассеяв тучи над центром столицы. Таким образом, условия для «пикировки на высшем уровне» были созданы. Зато за Москвой накрапывало, а на периферии области шли дожди. «Как там Женя с Тумановым?», – с тревогой подумал полковник. Он взглянул на хронометр – двадцать тридцать. До штурма зиндана

оставалось чуть более часа.

Напоследок чекист миновал Васильевский спуск. Там на эстраде начинался концерт звезды эстрады, зазывающих и «разогревающих» публику. За первым отделением следовал «баттл на высшем уровне», по окончании которого концерт должен был возобновиться. Народу собралось очень много. «Тысяч сто пятьдесят-двести, – оценил «на глазок» спуск, запруженный людьми, Иван Сергеевич. – И каждый двухсотый – наш, каждый пятидесятый – милицейский».

В толпе преобладали транспаранты в поддержку Павлова и с критикой курса «продажной клики Лонского-Зарукина». Плакаты с афоризмом «Вместе победим – вместе поедем» редели подобно жалким клочкам волос на макушке плешивеющего селадона.

От Васильевского спуска полковник проследовал на Варварку, где располагался оперативный штаб, возглавляемый Столповским. Там он и доложил руководителю обстановку. Затем они начали толковать о некоторых деталях, когда их прервал срочным сообщением начальник радиолокационного поста Зарицкий, которому также были приданы спутниковая станция, все специальные видеокамеры центра столицы, а также средства слежения из сотни дронов, зависших над историческим центром Москвы.

– Слушаю, – включил соответствующий монитор генерал-лейтенант.

– Первый, я – Заря, засекали объект Кроу! – взволнованно

и несколько не по форме доложил Зарицкий. – Только что он включил техническое устройство. Работает только на приём. Пока сеансов связи не зафиксировано.

– Место дислокации объекта установили?

– Так точно! В настоящее время он движется от Кузнецкого моста к Детскому миру.

– Можете вывести его к нам на монитор.

– Так точно. Включаю.

На одном из дежурных мониторов засветился экран, и Столповский с Топтыжным увидели обычного мужчину, посредством стереоэффекта выделенного более светлым фоном. Кроуфорд прогулочным шагом фланировал среди москвичей и гостей столицы.

– Первый, я – Заря, разрешите доложить, – продолжил начальник радиолокационного поста. – Объект вначале находился за пределами оптического диапазона. То есть, он был невидим для глаза. А при выходе на Кузнецкий мост проявился. Следовательно, его одежда, кожа и волосы обработаны специальным светопоглощающим составом. И он может варьировать своё состояние.

– Понял, – ответил Зарицкому генерал. – Ишь ты, объявился, невидимка...К Кремлю направляется, – процедил Столповский.

– Разрешите выдвинуться к Лубянке, – вскочил Топтыжный.

– Что намерены предпринять?

– Пока не знаю. Сориентируюсь на месте.

– Разрешаю. Будь бдителен, Иван Сергеевич, – сказал начальник.

А что он ещё мог сказать, если всё решали секунды, реакция, интуиция и импровизация?

Когда полковник выбежал из гостиницы с группой чекистов, на трибуне Васильевского спуска начал выступление Павлов. Зато Зарукин перед народом не появился. «Вот он, самый надёжный способ безопасности», – машинально констатировал про себя Иван Сергеевич.

3

Топтыжный выдвинулся к Лубянской площади с тремя наиболее проверенными и подготовленными оперативниками – Виктором Громовым, Игорем Долговым и Антоном Щукиным. Больше и не требовалось – в критической ситуации и в условиях массового скопления граждан конфликты разрешались не количеством бойцов, а качеством их действий; ударной мощью на решающих направлениях. Кроме того, при крайней необходимости, Иван Сергеевич командой по циркулярной связи в мгновение ока располагал возможностью мобилизовать под своё начало легион квалифицированных воинов.

Каждый из членов боевой группы, помимо компактного лазерного оружия, располагал мобильной радиосвязью, имплантированной с тыльной стороны мочки уха. Они также

были снабжены особыми трансляторами со светофильтрами, вмонтированными в линзы очков. Благодаря этим техническим устройствам Зарицкий при необходимости мог дать чекистам изображение любой части контролируемой местности. С этим прибором и потенциальная оптическая мимикрия Кроуфорда в невидимку им была не страшна.

Комитетчики двигались цепочкой, стараясь в гуще гуляющих не терять и визуального контакта. Координацию их действий осуществлял полковник, которого в свою очередь вёл Зарицкий, отслеживавший маршрут «куклы». Начальник радиолокационного поста информировал Ивана Сергеевича о местонахождении «объекта» ежеминутно, а при резком изменении обстановки – немедленно.

При подходе Топтыжного к Лубянской площади Зарицкий вышел с ним на связь в экстренном порядке.

– Шаман, я – Заря! – доложил он. – Зафиксирован циркулярный радиоконтакт объекта Кроу с объектом Поводырь и с ещё одним неизвестным объектом. Распоряжение Кроу отдал Поводырь. Неизвестный же работает только в контрольном режиме. Все трое порознь передвигаются в направлении Красной площади. Могу вас визуально сориентировать по ним.

– Давай! – энергично распорядился полковник, опуская очки на переносицу.

Если участие Поводыря было прогнозируемо, то появление третьего фигуранта, негласно контролировавшего пер-

вых двух, явилось неожиданным. Таковым могло быть только высокопоставленное лицо, планировавшее преступную акцию. То есть...Александр Дик! Такого статусного субъекта можно было брать, но исключительно с поличным – с устройством, работающим в режиме контроля в отношении Кроуфорда и Поводыря.

Без промедления Иван Сергеевич подал соответствующую скрытную команду своим бойцам, чтобы их также ввести в обстановку.

– Видеокамера номер пять даёт вам картинку объекта Кроу, – продолжал меж тем информировать чекистов начальник поста Зарицкий. – Третья – Поводыря, одиннадцатая – неопознанного объекта.

– Есть, – подтвердил получение сведений Топтыжный.

Сопоставление данных телепоиска с реальной обстановкой помогли ему сориентироваться на местности. Приподняв очки, он взглядом нашёл Поводыря – мужчину средних лет со вполне славянской внешностью. Тот уже миновал его и находится буквально в полусотне метров, следуя Никольской улицей. В инкогнито же командир группы тотчас опознал Дика. Однако опознал по графическому силуэту, ибо тот находился вне пределов оптической видимости невооружённым глазом. Американец стоял на Ильинке, близ здания Минфина России. Что до Кроуфорда, то тот двигался вдоль здания Детского мира и, судя по обстановке, имел задание также выйти на Никольскую улицу. «А Поводырь-то держит

от Билли безопасную дистанцию, – констатировал Иван Сергеевич. – Ведь если Билли рванёт, то...»

Поскольку клона от точки теракта отделял километр пешего ходу, то на всё про всё чекистам отводилось семьдесят минут. Дальше – Красная площадь, Васильевский спуск, переполненные народом, где вряд ли что-то помешает диверсантам реализовать зловещие замыслы – как минимум, в части множества человеческих жертв.

– Виктор, Антон, – реактивно оценил ситуацию полковник, в оперативной горячке игнорируя их позывные. – Сопровождаете, соответственно, Поводыря и субъекта, которого ведёт одиннадцатая телекамера – это Александер Дик. До сигнала о нейтрализации Кроу, этих двух не брать. Заря, передайте Первому: близ Лобного места выставить скрытные заслоны для сопровождения Поводыря и Дика и последующего их задержания с поличным. Проходы на Красную площадь с Лубянки, Манежной площади и с набережной надо на время демонстративно перекрыть подразделениями полиции. Слышите: де-мон-стра-тивно! Нужно перекрыть все подходы к Васильевскому спуску, кроме одного.

Приняв отзывы об уяснении поставленных задач, Топтыжный переключился на Долгова.

– Игорь! Срочно выдвигаешься на Кроу и держишь за ним дистанцию метров пятьдесят-шестьдесят, перекрывая возможные пути отхода – скомандовал он. – Как будешь на исходной, доложишь.

– Есть, – ответил Долгов.

Сам Иван Сергеевич встал на Никольской улице, неподалёку от перехода на станцию метро «Площадь Революции», ожидая дальнейшего развития событий. Как всегда в критические минуты, импровизационная сфера сознания полковника работала исключительно ясно и продуктивно. Сейчас у него сформировался окончательный ситуативный план перехвата Билли. Вот где пригодились ответственность и добросовестность оперативника, проявившаяся в том, что он многократно исследовал территорию «предстоящих боевых действий».

И ведь как в воду глядел опытный опер! Через минуту на него вышел Долгов и доложил, задыхаясь от высокого темпа движения:

– С Лубянки проход милиция перекрыла. Поэтому Кроу бегом спустился на Театральную площадь. Преследую его!

– Не спугни его. Держи дистанцию, – предупредил подчиненного Топтыжный.

– Есть, – последовал ответ.

– Объект Кроу изменил маршрут! – это полковнику рапортовал уже Зарицкий, докладывая об изменении обстановки.

– В курсе, – процедил Иван Сергеевич. – Заря, можешь создать помехи, чтобы на пару-тройку минут прервать контакт Кроу с Поводырем?

– Без проблем.

– Действуй.

Убедившись, что подчинённые усвоили поставленные задачи и приступили к их исполнению, полковник довольно пробормотал себе под нос: «Что и требовалось доказать!» Теперь он был убеждён, что зомби, лишённый электронного руководства, будет плясать «под его дудку». В программе клона не могло не быть подробнейшей схемы исторического центра столицы. А это значило, что Билли двинется единственно возможной в данный момент свободной траекторией – траекторией, искусно продиктованной ему чекистом.

Кроуфорд двинется на площадь Революции, а оттуда – на Никольскую по переходу от станции метро. Но с противоположной стороны перехода, навстречу ему выйдет он, Топтыжный. И они должны сойтись в той точке станции, где в данный момент производились вскрышные работы и располагался гигантский котлован.

Экспромт маститого опера был прост и эффективен: загнать зверя в угол, а там пристрелить таким образом, чтобы тот слетел в глубокую сорокаметровую воронку. Тогда взрыв причинит ущерб разве что подземным сооружениям метрополитена. «Всего и делов-то!» У Ивана Сергеевича, как говорят в народе, отлегло от «мягкого места». Воодушевлённый, он в стиле фартлек понёсся к котловану и навстречу замби.

Увы, на входе в переход, выполненный в виде арочного тоннеля, проложенного прямо в цокольных этажах зданий, полковника ждал неприятный сюрприз. Сегодня, с учётом

ремонтных работ и особых общественных мероприятий, переход охранялся нарядом милиции, никого не пропускавших туда. Бравый лейтенант с двумя сержантами грудью встал на пути чекиста.

Случай, когда Топтыжный ругался матерно за все сорок с небольшим лет его жизни, можно было сосчитать на пальцах одной руки. Нынче выпал как раз такой. И пока комитетчик предъявлял лейтенанту удостоверение, драгоценные мгновения времени преступно истекали. Напоследок в сердцах обругав нехорошо младшего офицера, полковник бросился вдоль по тоннелю.

Выбежав из тоннеля, чекист позволил себе мини-передышку в виде всего одного глотка кислорода и бросился к углу здания, от которого до котлована было рукой подать. Он очень спешил, на бегу извлекая лазер из оперативной кобуры, закреплённой в левой подмышечной впадине.

Вывернув из-за угла, опер в мгновение ока сообразил, что он безнадёжно опоздал... Всего-навсего на секунду, но опоздал: клон безлюдным переулком уже миновал земляную бровку, тянувшуюся вдоль котлована, и в настоящий момент шёл прямо на него. Кроуфорд включил режим светопоглощения и полагал, что он невидим. Услышав топот, сбитое дыхание Топтыжного, зомби вскинул голову и посмотрел на встречного прямым, немигающим и каким-то неживым взглядом...

Теперь счёт шёл даже не на мгновения, а на их доли. Сло-

жившийся расклад не оставлял оперативнику никакой свободы для манёвра. Сбивая клона с толку, Топтыжный выкрикнул: «Билли! Билли!» И бросился к нему, продолжая на ходу выкрикивать: «Это же я – Стэнли Боббик! Это же я – Стэнли Боббик!».

Ничтожная заминка дорого обошлась Кроуфорду. Пока он в отупении вычислял то, что незнакомец никак не может быть Стэнли Боббиком, пока колебался в принятии какого-нибудь решения, не получая команду «сверху», Иван Сергеевич подобно тигру прыгнул на него, обхватив за туловище и увлекая за собой. Полковник сбил клона, и они, точно «друзья-неразлей вода», в обнимку упали на наклонную глинисто-песчаную бровку, скатились по ней книзу и свалились в зияющий провал котлована...

Ещё гравийные камешки продолжали скатываться с бровки в провал, а снизу уже донёсся раскат взрыва, приглушённый гигантским кратером. От взрывной волны дрогнули близлежащие здания да образовались оползни на склонах котлована. И всё. Толпы гуляющих москвичей и гостей столицы даже отдалённо не поняли, что за звук достиг их ушей. Праздничные гуляния продолжались, как ни в чём не бывало.

У военных есть такая категория как диспозиция. Диспозиция означает план расстановки сил и средств воюющих сто-

рон перед боем. Стороны при этом учитывают массу факторов, но конфликтующих сторон обычно бывает две. Если же закономерности ведения военных действий нарушаются, то генеральное сражение начинает течь по стихийному руслу и исход его непредсказуем.

КГБ в лице первого главного оперативного управления и группы специального назначения «Стяг» три дня разрабатывали операцию по штурму конспиративной цитадели «гопоты». Этому предшествовала напряжённая аналитическая работа по разведке бандитских «лежбищ», а также прогноз по определению места нахождения бандитской верхушки во главе с Пакостиным в конкретном месте и в конкретное время.

Ориентирующих сигналов от различных источников стекалось множество, и из этого противоречивого массива надлежало выудить истинные данные и принять безошибочное решение. Так, от покойного Рокотова поступил один сигнал, от Тихона Заковыкина – второй, от «старых воров» – третий... А ведь имелся целый ряд иных осведомителей. В итоге Топтыжный, Говоров и командир группы «Стяг» Туманов установили дату штурма ставки гопоты – «зиндана» – 12 июля, двадцать один пятьдесят.

Осложняло решение боевой задачи то обстоятельство, что штурм цитадели, захват и уничтожение нововоровской элиты во главе с Пакостиным надлежало увязать с добычей вещественных улик и освобождением Тихона Заковыкина и

Дианы Лонской, представлявших для органов госбезопасности первостепенный интерес.

Топтыжный, Говоров и командир группы «Стяг» Туманов раздобыли проект бывшего ремонтного завода, где теперь располагался «зиндан», провели аэрофотосъёмку объекта, провели детальную рекогносцировку местности под видом грибников, поместили все дорожки и тропинки, которыми пользовались уголовники, установили дислокацию их постов, маршруты и периодичность смены бандитских караулов.

В цейтноте, к сожалению, не удалось выяснить то, каким образом «гоп-менеджер» попадает в своё волчье логово. Верным признаком появления Пакостина в цитадели служило лишь прибытие эскорта из трёх автомобилей, но фокус заключался в том, что главаря в этот момент в них никогда не было.

Разведкой было также установлено, что одновременно в «зиндане» находится от 25 до 30 бандитов, в связи с чем для взятия крепости было отряжено 90 спецназовцев, обученных, экипированных и вооружённых по последнему слову военной науки и техники.

В день штурма, за четыре часа до выезда в Софьино (чтобы предотвратить утечку информации) Говоров и Туманов отработали тактику действий с бойцами на специальном макете и по адаптированной программе на компьютерных тренажёрах. За полчаса до времени «Ч» группа скрытно заня-

ла три опорных района, прилегающих к территории бывшего завода. Разведчики совершили контрольную вылазку, после которой к объекту с трёх направлений стали выдвигаться штурмовики.

В последний момент было решено действовать по варианту номер два. От вариантов номер один пришлось отказаться, так как дождь исключил возможность локального применения газов нервно-паралитического действия и дистанционных электрошокеров. Зато сгустившиеся тучи маскировали передвижения чекистов и увеличивали эффект от внезапности нападения. По второму варианту основные удары с использованием стрелкового оружия, ручных гранат, гранатомётов с кумулятивными зарядами, двух танковых установок и подрывных фугасов в местах проникновения наносились по бывшему КПП и с тыльной стороны завода.

Столь многотрудно, по всем правилам военно-тактического искусства «конторой» был спланирован штурм «зиндана», на который отводилось от пяти до семи минут. Ведь, в соответствии с диспозицией, атакующим должен был противостоять ограниченный и окружённый контингент «блатняка новой формации». Однако, всё оказалось не столь просто. В бой внезапно вмешались факторы, кои не в состоянии были предвидеть Говоров и Туманов.

У надвигающейся закулисной истории имелся сценарист, жаждущий по классическим законам драматического жан-

ра обеспечить единство обстоятельств, времени и места действия. Сценарий «пьесы» дописывался криминалитетом старой формации, который всегда был готов при оказии и при минимуме риска «поднавалить» большую кучу дерьма и «блатным выскочкам», и властям, и вообще всему остальному миру. Ибо суть психологии уголовной среды: умри ты сегодня, а я – завтра!

Жажду мести сильнее прочего разжигало и то, что по уголовному авторитету «ссученных» больно ударила шумиха по поводу разбирательств из-за Дианы Лонской. Ажиотаж в средствах массовой информации вольно или невольно, но прославил «гопоту», представшей более предприимчивой, мобильной и более независимой от «официоза», нежели традиционный уголовный «блатняк». К тому же, «суки» давно искали «подлянку», чтобы отомстить «выскочкам». И нынче такой казус подвернулся.

Олицетворением механизма реализации «подлянки» выступил так называемый «дух», которого вору в законе Зубу удалось внедрить в банду самого Вована Палача. Благодаря этой «крысе» Вован был как вошь на ладони. Благодаря этому агенту и хорошей организационной работе (термины-то какие-то «паскудно-ментовские»!) Зубу удалось столкнуть лбами три силы, «всучив» им одну и ту же провокационную «дезу».

Криминалитет старой формации брал суперреванш у «гопоты» за ряд поражений на уголовной ниве. Реванш обещал

быть масштабным, так как сулил ликвидацию Вована Палача и его самой дерзкой банды. Да и то, что при столкновении «загнётся» немало «ментовской породы», сулило вора́м в законе дополнительные дивиденды. А при масштабном успехе они надеялись вообще перехватить стратегическую инициативу у «гопоты», уничтожив её как маргинальную силу и окончательно переманив всю «блатную братву» в свой лагерь.

Провокационную «дезу» помимо чекистов подкинули и печально знаменитому Николаю Андреевичу Коданскому. Тот домучивал последние дни в должности председателя Совбеза. Скандал, раздутый средствами массовой информации по факту применения подразделений национальной гвардии во имя Дианы Лонской, автоматически исключил Коня Дамского из политического бомонда. Задержка с его смещением обуславливалась сугубо процедурными причинами: секретарь Совбеза назначался на должность решением верхней палаты Федерального Собрания – Советом Федерации, а отрешался от должности – в том же порядке. Сейчас сенаторов срочно отзывали из отпусков и политических каникул в столицу.

Пребывая в политической агонии, 12 июля Коданский получил не вызывающие сомнения данные о том, где держит Вован Палач Лонскую. Да и как было не поверить, если на видеофайле был запечатлён Вован, оскверняющий Диану

«блатным валетом». При этом меры по освобождению любовницы надлежало предпринимать экстренные, ибо Змей мог превратить её в труп настоящий раньше, нежели Конь Дамский превратится в труп политический.

Николай Андреевич был человеком недалёким. Зато по мужской натуре своей он был настоящий гусар и женолюб. А посему бросился в новый омут испытаний, очертя голову. «Моя песенка спета. Шею себе я уже сломал, – рассудил он. – Теперь пущай мне и мозги вышибут, но сладенькую Вибромассажистку мою я не предам!»

Коданский взял трубку видеотелефона, набрал номер срочного вызова командира национальной гвардии Семинянькина и с предсмертным весельем выдохнул в микрофон преданному Вертухаю: «Андрон Гордеич, на выезд! Готовь свою гвардию. Последняя гастроль артиста!»

Почти идентичное по содержанию послание 12 июля получил и Лев Лонской. Разница заключалась в том, что вместо порнографической видеозаписи он получил муляж той самой мушки-дрозофилы, что уползла от него «задом наперёд». Мушку удачно дополняла фотография, на которой олигарх передвигал по столику упаковку с мобильным телефоном в направлении Марка Терлина.

«Убойная» корреспонденция не оставляла выбора не только Лонскому, но и Киру Отстрелову – начальнику его службы безопасности. Шеф предоставил ему последний

шанс на исправление ошибки с Дианой и на устранение Вована Палача, за которым Кир давно и безуспешно охотился. Теперь, как будто, забрезжила перспектива погнаться за двумя «зайцами», и обоих «мочкануть». За это Лев Лонской списал бы Отстрелову все просчёты.

– Хапай огнемёты, – повелел босс вассалу, – и спали гадскую клоаку дотла. И его, и её, и весь компромат. Дотла!

– Бу сделано, Лев Максимович! – благодарно всхлипнул холуй.

Вот сколь сложной оказалась расстановка сил, когда к «зиндану» с разных сторон, с разрывом в несколько минут прибыли далеко не союзнические группировки. Они, в крошечной тьме толком не распознав, что к чему, ринулись на штурм одного и того же объекта. И... как сказал поэт: «Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой»...

Боже упаси, доводить народ до войн и революций больших и малых. Трагедия больших и малых войн и революций заключается в том, что в первые же минуты за правое дело гибнут лучшие, честнейшие и достойнейшие люди нации. Подлость больших и малых войн и революций заключается в том, что главные негодяи, по вине которых войны и революции развязываются и происходят, не платят за них собственной жизнью. Чаще они откупаются своими смердящими приспешниками.

В кровавом месиве майор госбезопасности Говоров погиб в числе первых. Он оказался не в состоянии пребывать в роли хладнокровного стратега, когда вскрылась «подстава», и немало его боевых товарищей полегло под огненным шквалом неразберихи.

Скоро сгинул и Коданский. Напалм спалил дотла и превратил в шлак его тело. Если, по общему правилу, предстательная железа является «вторым сердцем мужчины», то в организме Коня Дамского она занимала первое место. До желанной любовницы он так и не добрался – от неё «всероссийского гусара» отделило три десятка шагов.

Недолго смердел и Отстрелов, раболепно отрабатывающий должок перед своим сюзереном. Снайпер «отстрелил» его на пороге рavelина, в котором на цепях висело тело Лонской.

Смерть по своим последствиям одинакова для всех, однако сколь же разные цели ведут к ней героев подлинных и мнимых...

5

Запор на дверях камеры-одиночки, в которой содержался Тихон Заковыкин, угрожающе звякнул. Дверь распахнулась, и в проёме показался Шранк, за которым виднелся Сипатый.

– Студент, на выход, – хмуро скомандовал громила.

– С вещичками? – стараясь не терять присутствия духа, в

вопросительной манере пошутил тот.

– С внутренними органами, – «по-чёрному» съюморил Гитлерович, надевая на него наручники. – Щас тебе гестапо организует опущение почек ниже колен, подъём мошонки выше поясицы и садизм печени до пятой точки. Вован – не я, он тебе сделает похоронный марш в Освенциме.

Предупреждение прозвучало реалистично, и остатки искусственно нагнетаемого веселья оставили парнишку. Стало не до смеха. Тем паче, что уралец получил завуалированное предупреждение в виде фразы про Освенцим. Тёмным коридором между Сипатым и Шранком он шагал молча. Бандиты доставили его в уже знакомую пыточную. Вован там отсутствовал, зато в одном из углов Заковыкин увидел... Милену.

Должно быть, именно из-за состояния беременности она была столь прекрасна наяву, что для Заковыкина на время перестали существовать и дьявольские орудия пыток, и сатанинский каземат, и inferнальная тень Змея... Она была настолько прекрасна, что Тихон впервые после смерти мамы готов был за прикосновение губами к стопам женщины, умереть без раздумий...

А на фоне мерзких уголовников и «серо-буро-малинового» Заковыкина она вообще представлялась богородицею, по ошибке спустившейся с небес на грешную землю.

– ...Вы – Милена Кузовлёва? – спросил её Тихон. И, не дожидаясь ответа, утвердительно продолжил: – Здравствуй-те, Милена!

– Ма-алчать! Без базара мне! – заорал Сипатый, толкая студента к противоположному углу и пристёгивая его к кронштейну, торчавшему из стены. – Ишь, расквасились!

Оказавшись в углу, Заковыкин развернулся, и прекрасная женщина, улучив момент, кивнула ему, давая знать, что она действительно Милена Кузовлёва.

– Третью веди, – распорядился Шранк.

Сипатый ответил ему жестом из разряда «Будь спок!», и вышел в коридор. Вскоре в каземат втокнули девицу. Та была голышом. И Тихон, несмотря на присутствие смерти, витавшей над головой, не мог не оценить её статную фигуру и прочие внешние достоинства. Она была бы хороша и лицом, если бы не признаки некой потасканности, подспудно проступавшие в обличье.

– Мила-а! – ахнула голая девица, увидев Кузовлёву.

– Дианочка! – ответила Милена ей тем же.

– А ну, ма-алчать! – заорал Сипатый, набрасываясь на Лонскую. – Ишь, разбакланились!

Однако подружки проигнорировали его. Они разом заплакали, молчаливо взирая одна на другую, и синхронно покачивая головами, словно сетуя тем самым: «Видишь, до чего довела нас злая доля...»

Шранк нажал кнопку аппарата внутренней связи, стоявшего на столе, и сказал в переговорное устройство:

– Вован, все в сборе.

– Молодчик, Гитлерович! – послышалось в ответ.

До появления Змея Сипатый пристегнул к стене Лонскую, а также перепроверил надёжность креплений у Заковыкина. А заслышав приближающиеся шаги, он с лакейской угодливостью

поспешил к двери, распахивая её перед главарём.

Гоп-менеджер не вошёл в каземат, а восшествовал, пыжась всем своим видом, и застыл подле порога, по-наполеоновски скрестив руки на груди. Правую ногу он выставил вперёд, постукивая ею по брусчатке пола. Сразу стало понятно, что он придавал организованному им действию некий сакральный смысл. Главный «экс» почему-то облачился в за-taskанную школьную форму пятидесятого размера и в гигантские кирзовые сапоги, приходившихся ему на пять размеров больше. Из-за голенища правого сапога торчал топорик.

– А-а-а, презервация сперматозоидов! – самодовольно бросил он пленникам. – Ждёте третьего пришествия Христа? Так вот он я – вершитель ваших судеб! Га-га-га! Ща я вам преподам урок изящной словесности.

Перебивая абсолютную тишину шарканьем сапог, он приблизился к углу, в котором стоял прикованный Заковыкин.

– Ну чё, сперматозоид учёный? – осведомился Пакостин. – Ты, никак, сомневался, что я папочка надавыша, что парится в пузе у той крали? – не оборачиваясь, оттопыренным большим пальцем левой руки указал он на Кузовлёву.

– Считаю... Считаю ниже своего достоинства отвечать на

вашу презренную эскападу! – пламенем гнева за честь Милены полыхнуло лицо Тихона.

– ...Вона чё! – преодолев показную оторопь, картинно огорчился Вован. – Скажите пожалуйста: эскапа-аду... Гнушаются нами, – притворно пожаловался он Сипатому.

И неожиданно пнул кирзовым сапогом строптивного студента

под коленную чашечку правой ноги. От пронзительной боли Заковыкин рефлекторно согнулся бы, но цепи его держали прочно. И он лишь сжался в комок и плотно зажмурился, сдерживая стон.

– Опаньки, больно нам, – иезуитски вновь пожаловался главарь Сипатому.

И нанёс прицельный удар носком сапога под левую коленную чашечку Тихона. Ноги у пленника подкосились, и он обвис на наручниках. Змей обогнул его полукругом, воображая себя олимпийцем, повергнувшим Прометея, а затем направился в сторону Кузовлёвой.

– Секи поляну, студент, хр-р-р, – на ходу нагло всхрапнул он, – какенную...х-хе...эскападу я щас забарабаню нашей кралечке.

– Под-подлец! – преодолевая боль, выкрикнул вслед Пакостину паренёк. – Не смей трогать её, тварь!

– Имей совесть, беспредельщик! – неожиданно поддержала Заковыкина и Диана. – Shit!²¹

²¹ *Shit!* (англ.) – дерьмо!

И Вован замер на полпути, точь-в-точь напротив неё. До этого момента Палач взвинчивал себя, и ни за что не мог взвинтить – не шла к нему злоба и всё тут. И вдруг сатанинский порыв дикой ярости обуял его от одной интонации вопля Лонской.

– Чья бы корова мычала! – прошипел он, вытаскивая топорик и радостно ощущая, что звериная злоба всё накатывает и накатывает на него, накрывая с верхом. – И кто это собрался меня поучать? – приблизился он к Лонской, на полголовы возвышавшуюся над ним. – Ты что ли, шлюха подзаборная?!

И не успела Лонская не то чтобы охнуть, а хотя бы глазом моргнуть, как он вонзил ей в голову топор, глубоко раскравив лоб и нос. Диана тут же рухнула на колени, не издав ни звука. Ни кровинки не показалось на её лице, и только когда убийца резким ударом извлёк топор, кровь рекой хлынула наружу, а между бровей проступило мозговое вещество.

Расправа свершилась настолько молниеносно, что в реальность происходящего не верилось. «Как в кино, – отчего-то подумалось Тихону. – Как в кино...» Меж тем оцепенение покинуло его, едва

он увидел, что Змей, бросив топорик на пол, в полупристолье, широко расставив руки, будто загонял кого-то, стал двигаться на Милену.

– Тля! Гнида!... Козёл вонючий! Чтоб ты сдох! – забился в веригах юноша, стараясь не только больнее зацепить из-

верга, но тем самым преодолеть и собственный недостойный страх. – Оставь её, жаба!... Трус несчастный!... Попадись ты мне... Я бы... Я бы... Я бы из тебя гомика сделал!

Все судорожно наскребаемые и изрыгаемые проклятия и оскорбления студента Пакостин пропускал мимо ушей. Он уже разворачивал молодую женщину к себе спиной, скаля жёлтые зубы. Милена не противилась ему. Она только прикрывала живот руками, а губы её в это время что-то молитвенно шептали.

– Паразит! Ублюдок!... Рожа протокольная! – изнемогал Тихон от ненависти к скудости своей фантазии. – Чтоб тебе век свободы не видать!... Чтоб тебе мошонку поездом отрезало!

Жалкие потуги парнишки были напрасны. Его словесные выверты ничуть не трогали Вована – тому доводилось слышать и не такое. Напротив, Змей от убийства Лонской находился на высочайшем эмоциональном взлёте. Он чувствовал, что сегодня-то у него всё получится. Скотское желание так и переполняло, так и пёрло из него. Вот он уже приспустил галифе...

– Падла!... Скотина необразованная!..., – бился в словесном припадке Заковыкин. Тут его взгляд упал на школьную форму Палача, и он автоматически продлил тираду: – Лодырь! Тупица!... Двоечник несчастный!

И только тут, совершенно непредсказуемо, Пакостина вдруг проняло. Хула школьных времён внезапно проникла

за пределы бандитского черепа в мозг, возвращая Пакостина из некоего отстранённого, сумеречного состояния в актуальное, в посюстороннее. По-видимому, случился переход из одной сферы его изменённого сознания в другую сферу изменённого же сознания.

– Чё?... Чё ты сказал, спермонадавыш? – по-прежнему стоя спиной к парнишке, Вован вдруг оставил Кузовлёву в покое. – Что ты сказал, чмо?! – прошипел он, волчком крутанувшись на сто восемьдесят градусов. – Что ты сказал, сблёвыш вульвы бородатой?

Отрешённым, словно у вурдалака, взором он нашёл на полу инфернальное рубило, валявшееся подле трупа Лонской, подобрал его и двинулся к тому, кто посмел назвать его именами истинными...

...Стремительно разворачивающиеся события опять внесли коррективы в повадки главаря. Снаружи, сквозь массивные каменные застенки, как будто с того мира, донеслась какая-то трескотня, бухающие звуки, а затем раздался разряд, похожий на взрыв, а за ним повторный, и ещё, и ещё...

– Чё?... Чё за кипеж? – Подобно сомнамбуле, не отрывая мутного взгляда от очередной жертвы, невнятно пробормотал Змей. – Чё за кипеж?... Сипатый, прочухай там.

Сипатый выскочил из каземата, а Пакостин продолжил расправу.

– Так что ты сказал, сблёвыш? – скривился он, слегка раскачиваясь перед Заковыкиным и с хрустом сжимая рукоять

топорика.

– Скотина необразованная!... Тупарь! Двоечник! – на полуавтомате повторил Тихон, и невольно прикрыл веки в ожидании последнего в его такой недолгой жизни удара...

...И удар раздался. Непонятный глухой удар. А потом нечто обрушилось в ноги студенту. Секунду-другую спустя, Заковыкин сообразил, что он не мёртв – мертвец не может ощущать тяжесть в конечностях. Вдобавок кто-то дёрнул его за руку.

Тихон открыл глаза: перед ним был Шранк, снимающий с него наручники; в изножье студента валялся бездыханный Вован.

– За мной, – по-военному скомандовал ему и Милене громила. – Живо! А то Сипатый с корешами ща нагрянут.

Пленники, не веря в возможное избавление, послушным гуськом потянулись за ним. Для них поведение Шранка было непостижимо. Они же не знали, что Шранк был тем самым «духом», которого внедрили в банду Вована Палача «ссученные». Верзила провёл их подземным лабиринтом к колодцу, прикрытому тяжёлой металлической крышкой, и троица стала спускаться ещё ниже. Заковыкин предположил, что они отступали глубоким подземным ходом, потому что выстрелы и взрывы практически сразу затихли.

Шранк шагал первым, освещая путь фонариком. Старой заброшенной канализационной шахтой, переоборудованной по приказу Пакостина в тайный подземный лаз, он двигал-

ся уверенно. Беглецы проход преодолевали довольно долго. Во-первых, было неудобно из-за тесноты и темноты, а во-вторых, Милену из-за духоты охватывала дурнота, и беглецы пару раз передыхали.

Достигнув тупика, они поочерёдно выбрались наверх, нащупывая металлические скобы в стене вертикального колодца: первым вскарабкался Шранк; за ним – Милена, которую тянули сверху и страховали снизу; последним – Тихон.

Наверху сразу стала слышна весьма недалёкая перестрелка и периодические взрывы вокруг «зиндана». Оглядевшись – на улицу из-за дождя и туч уже опустилась непроглядная ночь – Заковыкин обнаружил, что они находятся в урочище, густо поросшим кустарником и молодым лесом.

– Гребите туда, – без сантиментов подсказал товарищам по несчастью Шранк, указывая на свет далёкого столбового фонаря и в направлении, противоположном пальбе. – Там остановка, автобус ходит...

И их спаситель моментально растворился во мгле, отчего создалось впечатление, что он неосмотрительно провалился обратно в колодец.

Тут-то Милену с Тихоном и охватил ужас – ужас от того, что неожиданное спасение, дарованное им, у них также играючи могут и отобрать. Их пробрала крупная непереставая дрожь. Лесок они пересекли бы сломя голову, но Милена тормозила ход, беспокоясь за ребёнка. Она, чтобы не оступиться, осторожно нащупывала ногами дорогу, обходила ку-

сты и канавы. Тихон по мере возможности помогал ей. Потому, пока пара добиралась до фонаря, служившего им маяком, канонада близ бандитской тюрьмы практически прекратилась. Теперь оттуда лишь изредка звучали одиночные выстрелы.

Достигнув остановки, беглецы благоразумно укрылись за небольшим павильончиком-навесом, чтобы их не заметили на свету. Тихон сразу же опознал ту остановку, близ которой его схватили подручные Вована Палача, когда он выслеживал Шелупоня.

Теперь Кузовлёва и Заковыкин нервничали по поводу того, что автобуса долго не было. Остановка была конечной, почти лесной, и представляла собой частично асфальтированный, частично закрытый железобетонными плитами пятачок для разворота пригородного транспорта. Ближайшие дома посёлка располагались где-то в полукилометре от неё. Если вдруг погоня, то никто их не выручит. Пустынность и безлюдность только усиливали ощущение опасности.

Первым томления не столько неизвестностью, сколько переживаниями Милены, не выдержал юноша:

– Может, пойдём к тем домам? – предложил он, показав на посёлок.

– Нет, мне не дойти, – кусая губы, отрицательно помотала головой Милена. – Кажется, мне и двух шагов не сделать, – и на её чудные очи навернулись слёзы.

– Устали? – предположил студент – Оно и понятно: от-

выкли в этом проклятом зиндане.

– Не то, – вновь помотала головой Кузовлёва. – Кажется... , у меня начинаются роды, – сказала она, и сначала присела на корточки, а затем опустилась на колени.

– ?! – немо разинул рот Тихон.

Про роды он читал в книжках да смотрел в кино. И не более того. А тут это стихийное бедствие настигло его воочию. Заковыкин растерялся, и из-за растерянности вышел на трассу, всматриваясь вперёд. «Мамочки!» – донёсся до него сдавленный стон Милены. От беспомощности парень совсем потерял трезвость мышления, заметавшись на дороге подобно ополоумевшей собаке. Бежать в посёлок он не решился, боясь оставить женщину в одиночестве. И каждый её новый стон лишал его остатков соображения, заставляя выписывать ногами на асфальте невообразимые кренделя.

Когда Тихон практически определился с тем, что всё же придётся бежать в посёлок, из-за поворота показался пригородный транспорт. «Автобус! – известил он Кузовлёву, в три прыжка оказываясь подле неё. – Автобус!» И юноша, бережно поддерживая молодую женщину, вывел её на освещённый «пяточок».

Автобус, в котором кроме шофёра никого не было, уже начал делать разворот, как вдруг от леса раздался леденящий душу окрик: «Сто-оя-а-ать!»

Разом вздрогнув, Заковыкин и Кузовлёва оглянулись: на

рубеже света и тьмы стоял Вован Палач. В руке он держал топорик. «Сто-оя-а-ать!» – вновь рыкнул он, делая шаг навстречу. Милена инстинктивно вцепилась в Тихона, и тот с трудом оторвал её руки от себя. «В автобус! – приказал студент ей. – В автобус! У тебя же сын...», – добавил он.

Почему Заковыкин сказал про сына, он и сам объяснить не сумел бы, но его реплика вернула Кузовлёвой рассудочность в поступках. И она попятилась к транспорту, уже скрипевшему тормозами.

Тихон же в свою очередь шагнул навстречу бандиту, преграждая тому подходы к автобусу.

– Сто-оя-а-ать! – в свою очередь бесстрашно крикнул он главарю «гопоты».

– Ах ты..., сморчок! – от подобной дерзости на мгновение даже растерялся и Пакостин. – Да я тебя...

В дальнейшем смертельные враги слов на ветер не бросали, ибо все их силы выплеснулись в действия. Вован сделал скачок вперёд, и тут же махнул топориком, метя парнишке в голову, но тот среагировал, чудом уклонившись от удара и отпрыгнув вбок. Змей повторил разящий выпад, и вновь Заковыкин оказался на высоте. Да и третья попытка уголовного оказалась неудачной – студент опять избежал встречи со смертью.

Оценив неуклюжесть агрессора, Тихон вспомнил про нокаут бандита от Шранка, который не прошёл бесследно. От осознания этого факта пермяк не то чтобы расслабился, но

как-то раскрепостился. Он даже плечи расправил. Уверенности ему добавило и то, что, судя по звукам, двери автобуса раскрылись, и туда с плачем забирается Милена, истерично крича: «Помоги-ите-е-е! Товарищ водитель, помоги-ите-е-е! Там убива-ают! Убива-ают!»

Отступая от Пакостина, паренёк оглянулся, чтобы сориентироваться и с разбегу вспрыгнуть на заднюю подножку. И в решающей фазе он брючиной зацепился за прут, торчавший из железобетонной плиты. Заковыкин оступился, взмахнул руками и свалился на асфальт. Вовану того только и надо было: он подскочил к студенту и с резкими выдохами, «хеккая», начал взмахивать остро заточенным топориком.

Тихон, свернувшись в клубок, прикрывался предплечьями и ногами, однако сильные удары, следовавшие один за другим, не просто рассекали ему мышечную мякоть, но и перерубали нервные ткани. И от ран и сильного кровотечения он уже не смог удерживать руки и ноги на весу. Они бессильно упали, и тогда Змей беспрепятственно нанёс ему удар по макушке...

В заключительном видении перед Тихоном пронеслись лица мамы, Милены, деда, Дружка... И всё померкло...

До счастливого исхода Тихон не дотянул какие-то крохи... Ему так и не суждено было узнать, что всего миг спустя, подоспел шофёр. Водитель выскочил из кабины и монтировкой оглушил бандита ударом по затылку. Потом водитель занёс остывающее юное тело в салон, положил на пол,

подле плачущей навзрыд Милены, и погнал без остановок в город. Мчась на бешеной скорости, шофёр лихорадочно соображал, где ближайшее отделение полиции и ближайший роддом, и куда ему наперёд ехать.

ЭПИЛОГ

1

Главный чекист России Крутов Григорий Иванович перечитывал подготовленную им собственноручно «выжимку» из отчёта об итогах операции «Антитеррор». С минуты на минуту в его кабинет на Лубянке должны были пожаловать весьма и весьма важные персоны. До их прибытия Крутов и подводил «текущие расчёты» с ЦРУ в области контрразведывательной деятельности.

Формально результаты оказывались внушительными: срыв супердиверсии и теракта, замысленных «скунсами»; захват и изобличение вражеского резидента Поводыря, который скоро предстанет перед судом; развенчание дипломатического статуса Александра Дика и выдворение его с позором за пределы России в качестве персоны «нон грата»; уничтожение выводка клонов и трёх десятков бандитов, замысливших устроить «ночь грабежей» в столице; наконец, доказательное предание гласности террористических планов администрации США. Американской дипломатии в целом

был нанесён сокрушительный удар.

На особый счёт следовало занести разгром центральной банды Пакостина, хотя самому «гоп-менеджеру» удалось скрыться, а до ликвидации всей сети «гопоты» было ещё очень и очень далеко. Впрочем, последнее уже не входило в число «профильных» функций КГБ – для того существовали правоохранительные органы.

Но, когда перед взором Крутова предстали строки с перечнем погибших чекистов и честных граждан России, лицо его исказила гримаса боли и гнева. И пусть в такого рода вещах жертвы неизбежны, Григорий Иванович с этим никак не мог примириться. «Как там говорится? – вспоминал руководитель комитета. – Лишение жизни одного – убийство, лишение жизни многих – статистика... Гораздо важнее, чтобы за этими потерпевшими не последовали новые, более масштабные жертвы. Для того я и протрубил нынешний сбор».

Под сбором Крутов подразумевал мероприятие беспрецедентного характера. К нему в обстановке секретности должны были подъехать не кто-нибудь, а премьер-министр страны Зарукин, олигарх Лонской и магнат Рокецкий. Заманивали их практически обманным способом: под предлогом знакомства с документами государственной важности. Впрочем, нет, обман заключался не в этом, ибо документы и доказательства чрезвычайной важности им действительно будут предложены. «Фокус» заключался в том, что это был способ свести троицу воедино вопреки их воле, и держа их до поры

о том в полном неведении.

Генерал армии предполагал, что вместо троицы соберётся «большая четвёрка», но председатель Думы Павлов, относясь к органам госбезопасности с предубеждением, проигнорировал приглашение.

К установленному сроку вершителей российской политики, принятых Крутовым скрытно и порознь, пригласили в кабинет главного чекиста. Первым вошёл и разместился за столом для совещаний Зарукин. За ним последовал Лонской. На присутствие премьер-министра он отреагировал сдержанным удивлением: поднятием бровей и молчаливым рукопожатием. Рокецкий же, увидев ненавистных противников, по-женски прикрыл удивлённо раскрытый рот ладонью, фыркнул и попытался покинуть место сбора. Не получилось: проинструктированные чекисты просто-напросто не выпустили его за порог.

– Что это значит?! – оскорблённо взвизгнув, вынужденно прикрыл дверь Полуметросексуал, возвращаясь на исходную позицию.

– Это значит, – с внешним спокойствием проговорил Крутов, – что отсюда никого не выпустят и сюда никого не впустят, пока я не разрешу. Здесь у меня сосредоточены такие силы и средства, что мало никому не покажется. Кстати, настрой у моих ребят соответствующий, да и в обществе – тоже. Из-за известных событий ваш рейтинг..., – жестом ни-

же пояса он обозначил воображаемую черту, – опустил до предела.

– Что, ...и меня не выпустят? – с вызовом осведомился Лонской.

– И вас, Лев Максимович, – всё столь же невозмутимо подтвердил Григорий Иванович.

– Что, и меня?! – поражённо спросил Зарукин.

– И даже вас, Геннадий Петрович, – несокрушимой скалой стоял главный чекист.

– А вы понимаете, чем для вас чревато...дерзкое самоуправство?

– Ещё бы, Геннадий Петрович.

– Чего же вы добиваетесь?

– Первоначально того, чтобы вы прочитали совершенно секретную аналитическую записку об операции под кодовым названием «Антитеррор», составленную мной.

– А затем?

– А затем, полагаю, найдётся крайне острая тема для совместного обсуждения. Более того, я даже не полагаю, а уверен в том. И до того я вас, уж извините, не выпущу ни за что.

– Неслыханная наглость! – вскрикнул Рокецкий, нажимая на кнопки сотового телефона.

– Здесь связь есть только у меня, – утихомирил его генерал армии.

Зарукин хмыкнул, Лонской пожал плечами, и оба углубились в представленную им информацию. Рокецкий помялся,

и, от безысходности, тоже подсел к столу и погрузился в чтение.

Материал аналитической записки был специально адаптирован под приглашённых. В нём, в частности, была выпячена и роль Лонского в продаже «скупсам» доносчика Подколызина, и неблагоприятные поступки Рокецкого в гибели Дианы и сношениях с зарубежной неправительственной организацией «Британский Консультатив», причастной к теракту в отношении российских дипломатов, и «пассажи» Коданского – ставленника Зарукина. В финале следовало неумолимое резюме о том, что за клановой борьбой лица, причастные к изложенным фактам, забыли о судьбе России. Вследствие разобщённости элиты резко ослабили и позиции страны на внешней арене, а успешное противодействие террористическим акциям явилось не результатом слаженных действий всех ветвей власти, а героизма простых россиян.

Излагаемые положения подтверждались конкретными доказательствами. Если поначалу государственные горе-мужики несогласно морщились, пренебрежительно кривили губы и саркастически усмехались, то ближе к концу их руки охватил тремор, физиономии стали багрово-красными, а пиджаки под мышками пробил пот. Завершив чтение, всякий из них избегал взгляда с кем-либо.

– Вот почему я собрал вас, – прервал молчание председатель КГБ. – Скажу круче того: я не выпущу вас до тех пор, пока вы не найдёте общего языка. И не на словах, а на деле.

Не собирался и не собираюсь читать вам нотации, но по вашей милости страдает народ. Решайте.

– ...Предположим, мы не договоримся, – первым опомнился от невиданного нахальства Лонской. – Ну, не станешь... Ну, не станете же вы, Григорий Иванович, в самом деле, держать нас... кхе... взаперти?

– Стану! – жёстко возразил ему глава КГБ. – Ещё как стану. В вашем распоряжении два часа. Уже заряжены материалы для подачи в Интернет, во все три высокоскоростных информационных кольца, в крупнейшие отечественные и зарубежные теле- и радиоконпании, в редакции газет. Нажатие кнопки – и весь компромат СМИ выльют на головы граждан. Вслед за этим, как минимум, на ваших политических карьерах можно будет ставить крест. А кто-то не избежит и суда.

– Неужели... вы способны...? – поражённо проронил Зарукин.

– Ещё как! – характерно придавил ладонями кипу бумаг, лежащую перед ним на столе, комитетчик. – Однако крайне не хотелось бы... И знаете, почему?

– Почему?

– Потому, что России не нужны великие потрясения. При нынешней обстановке раскачать лодку ничего не стоит. И политическую надстройку сметёт махом. А что дальше?... Но и терпеть дальше ваши, извините, художества – только отсрочить смуту.

– Допустим, мы находим консенсус, то... что с компрома-

том? – вкрадчиво вклинился в диалог хитроумный Рокецкий.

– Мы его условно отложим в долгий-долгий ящик, а когда выправим крен – уничтожим за ненадобностью. Подумайте.

И Крутов, убрав материалы в сейф, вышел из кабинета, демонстративно закрыв дверь на ключ. И в очередной раз в кабинете зависла гнетущая наэлектризованная атмосфера раздумий.

Выдержав паузу, Рокецкий достал из нагрудного кармана пиджака миниатюрную трубочку, нажал тумблер на ней и посмотрел на индикатор прибора.

– Х-хи, – хихикнул он. – Прослушки, как будто, нет, – и многозначительно умолк.

– Крутов, конечно, хам, но... по сути прав, – проронил Зарукин, метнув взгляд на Лонского.

– Если не совершим перестроечку мы, то быдло это делает за нас, – натужно, но сделал подачу для переговоров Рокецкий.

– ...Кхэ-кхэ... Позавчера мне Геннадий Петрович предложил один проект, – принимая подачу, вступил в переговоры и Лонской, по-прежнему ни на кого не глядя. – Суть его в том, чтобы портфельно поделить меж нами весь энергетический и сырьевой бизнес. Но увязать этот передел с нашими прочими корпоративными делами... Вадим Юрьевич, – с трудом преодолевая неприязнь, впервые за много-много

лет обратился он непосредственно к своему врагу, да ещё и назвал его по имени-отчеству. – Признаться, я отверг это. Вместе с тем...Вместе с тем, принимая во внимание...кхакха...вновь открывшиеся обстоятельства, я официально делаю вам такое предложение.

– ...Упс! – вырвалось у Сладенького Мерзавчика. – Навскидку мне сложно оценить проект в деталях, – заёрзал он в кресле щекотливым сиделищем, – но предложение заманчивое...Зама-а-анчивое...

– Лев Максимович упустил один...нюансик, – забеспокоился Зарукин. – При принятии экономической стороны нашего проекта, мы хотели бы иметь гарантии того, что премьер-министром стану я. Взамен мы бы дали гарантии, что последующие пять лет премьер-министром будете вы, Вадим Юрьевич.

– Вы знаете, уважаемый Геннадий Петрович и уважаемый Лев Максимович..., – оживился Рокецкий. – В общем, я тут экспромтом прикинул...И, пожалуй, согласился бы...

– Стало быть, начнём выруливать?

– Придётся выруливать...

И Лонской с Рокецким наперебой загалдели, профессионально оценивая открывающиеся перспективы. А в конце даже принялись «подводить черту»:

– И, представляется, нелегальные сношеньица с...господами из-за бугра надо завязывать...Утомили...

– Да если у нас будет суперэнергия...Сами приползут! И

уже мы их поучать будем...

– Господа! – остановил единомышленников Зарукин, воспользовавшись заминкой. – Всё так. И с Крутовым мы разберёмся в своё время... Через Совет Федерации протащим вопрос. Но остаётся мелочь, что способна спутать все карты – Павлов!

– ...М-да..., – будто споткнувшись, промычал Лонской. – Мелочь, но малоуправляемая...

И они с премьер-министром ненавязчиво и исподлобья метнули выжидательные взгляды на Рокецкого.

– А что Па-а-авлов? – заговорщицки протянул Метросексуал, вспомнив о спятившем шахтёре. – Найдётся и на него управа. Есть подходец. Посему, коли мы договариваемся на берегу о будущем мироустройстве... Люди-то все свои... По-меха оч-чень скоро исчезнет. Будьте покойны.

– Исчезнет?

– Будьте покойны!

И троица экспромтом и разом, по-купчески потёрла ладони перед предстоящей сделкой.

– Короче, – всё более осваиваясь, уже почти по-хозяйски подытожил Лонской, – революции задумывают романтики, совершают прагматики, а их плодами пользуются проходимцы. Так наша задача – не попасть в первые две категории!

И хозяева жизни дружно расхохотались.

В середине сентября выдался погожий денёк, и Милена Кузовлёва с удовольствием прогуливалась возле здания клиники Института нейрофизиологии мозга. Перед собой она катила детскую коляску, в которой тихонечко сопел носиком во сне её сынишка – радость, гордость, надежда и смысл жизни.

Роды Милены протекали чрезвычайно тяжело, но силы добра одолели силы зла, и она, пусть и многотрудно, но разрешилась. Зато мальчик, вопреки всем предыдущим переживаниям, треволнениям и испытаниям, родился здоровым.

Молодая мама второй месяц навещалась в сквер клиники. И из раза в раз Милена сталкивалась с женщиной, которая столь же упорно приходила сюда. Нынче она была с мальчуганом лет восьми. Сидя на лавочке, женщина плакала, а мальчуган её утешал и просил: «Не надо, мамочка! Не надо...»

Милена не выдержала и, приблизившись к ним, спросила: – Простите, пожалуйста, что-то случилось? Может, я чем-то смогу вам помочь?

– Что? – спросила незнакомка, подняв голову. – А-а-а... Нет-нет, спасибо, девушка, всё хорошо...

– А то я вижу, вы плачете...

– Это я от счастья, милая, – поделилась с Кузовлёвой чувствами незнакомка, промокая платочком глаза. – Муж у меня три года был в ступоре, а сегодня признал меня. Посмот-

рел и сказал: «Оля!»... Ольга Николаевна Капличная, – назвалась она.

– Меня зовут Милена, – в свою очередь представилась Кузовлёва. – Очень рада за вас!

– Спасибо! – поблагодарила её Капличная. – Сейчас прямо отсюда поеду с Егоркой в церковь и закажу молебен за здоровье мужа и за здоровье этого... Листратова...

– Листратова?!

– Да. Этот самый Листратов изобрёл какой-то аппарат. Благодаря ему Женя и... вернулся.

Услышав фамилию покойного мужа, Кузовлёва вздрогнула, а на глаза у неё тоже навернулись слёзы: каков бы ни был Георгий, но

слишком многое с ним было связано...

– Ну вот, – огорчилась Капличная. – Теперь вы заплакали. Я давно вас заметила. А у вас здесь что? Или кто?

– Я очень... Я очень рада за... за вас..., – роняла на землю слезинку за слезинкой Милена. – А у меня... А у меня... здесь... горе...

– А вы поделитесь, поделитесь..., – проговорила Ольга Николаевна, усаживая её на лавочку подле себя. – Что у вас такое?

– Здесь... В больнице... лежит... очень дорогой... мне... человек..., – с трудом унимая рыдания и проглатывая ком в горле, ответила Милена. – Он... Он мне как младший брат... Он спас меня... Меня и моего Тишеньку... Если бы... Если

бы не он, то...то и Тишки бы не было...А он лежит...лежит в коме уже третий месяц...Его бандит по голове топором...И надежды...И надежды ма-а-ало...

И Милена снова горько и безутешно зарыдала.

Капличная принялась её успокаивать и говорить, что всегда надо верить в лучшее, что она верила в лучшее каждую минуту из тягостных лет.

Так они и проговорили, пока не проснулся маленький Тихон.

При расставании Капличная и Кузовлёва обменялись телефонами и договорились встречаться. Когда Ольга Николаевна и Егорка ушли, Милена сменила двухмесячному Тишке памперс, дала ему грудь, а сама стала покрывать его личико поцелуями.

Постепенно она успокоилась, и ей поверилось, что всё образуется. Только бы поправился Тихон-старший. И вместе они выдюжат. А разделяться ни в коем случае нельзя. Честным людям обязательно надобно объединяться и держаться вместе! Тогда и жизнь пойдёт на лад.

А ещё, конечно же, её сын – Тихон-младший – станет хорошим человеком. Честным, сильным, умным и добрым. И он непременно добьётся того, чтобы все люди на Земле тянулись друг к другу и жили, душа в душу. Ибо несбыточно счастье в отдельно взятом углу судёнышке, если вокруг бушует суровый, безжалостный, стихийный океан бурь.